ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

ЯШИН Андрей Владимирович

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

12.00.08 — уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук, профессор
Варыгин Александр Николаевич

Саратов — 2018

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ..... 4
РАЗДЕЛ I. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ..... 32
Глава 1. Криминологическая сущность участников уголовного судопроизводства и совершаемых против них преступлений..... 32
§ 1. Участники уголовного судопроизводства как потенциальные жертвы преступных посягательств..... 32
§ 2. Понятие и признаки преступлений против участников уголовного судопроизводства..... 56
Глава 2. Криминологический анализ преступлений против участников уголовного судопроизводства и лиц, их совершающих..... 80
§ 1. Состояние, структура, динамика преступлений против участников уголовного судопроизводства..... 80
§ 2. Криминологическая характеристика личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства..... 98
Глава 3. Особенности детерминации преступлений против участников уголовного судопроизводства..... 135
§ 1. Механизм преступного поведения личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства 135
§ 2. Детерминационный комплекс преступлений против участников уголовного судопроизводства..... 174
РАЗДЕЛ II. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ..... 199
Глава 1. Исторический и зарубежный опыт предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства..... 199
§ 1. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства в досоветской России..... 199

§ 2. Развитие мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства в советское и постсоветское время 217
§ 3. Зарубежный опыт предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства 234
Глава 2. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства как криминологическая проблема 250
§ 1. Понятие и содержание предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства 250
§ 2. Теоретическая модель и критерии оценки эффективности предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства 267
§ 3. Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства и возможные пути их преодоления 298
Глава 3. Организационно-правовые меры предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства 320
§ 1. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства 320
§ 2. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами 340
§ 3. Вопросы совершенствования иных правовых и организационных мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства 360
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 384
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ 398
ПРИЛОЖЕНИЯ 459

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. В правовом государстве права и свободы человека и гражданина, его честь и достоинство являются высшей ценностью. Принятая всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Конституция Российской Федерации в ст. 2 закрепила принцип верховенства прав и свобод человека и гражданина и обязала государство признавать, соблюдать и защищать их.

Одним из видов государственной деятельности, направленной на защиту прав и законных интересов личности, является уголовное судопроизводство. Однако материалы судебно-следственной практики и проведенных нами исследований свидетельствуют о том, что в последние десятилетия вовлечение лиц в сферу уголовного процесса становится небезопасным для них. Это связано с тем, что в силу определенной законом роли и обладания специфическими уголовно-процессуальными правами и обязанностями лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, подвергаются повышенному риску совершения в отношении них преступлений и не всегда самостоятельно могут оказать надлежащее противодействие таким посягательствам. Вследствие этого участвующие в уголовном судопроизводстве лица опасаются давать показания по уголовным делам, представлять по ним доказательства, что не может не влиять на качество их расследования и рассмотрения в судах, на состояние преступности в сфере отправления правосудия и состояние преступности в стране в целом.

Данные социологических опросов, отражающие несовершенство предупредительной деятельности в этой сфере, подтверждают, что сам статус участника уголовного судопроизводства порой ассоциируется у граждан со своей бесправностью и незащищенностью. Почти половина опрошенных нами участников уголовного судопроизводства (44,1%) ответили, что не обращались в правоохранительные органы с заявлениями о совершенных в отношении них преступлениях. Причем 30,0% из них не сообщали об этом по причине неверия

в возможность реальной защиты от преступных посягательств, а 21,7% — из-за опасения перед дальнейшими действиями правонарушителей.

Помимо этого у населения России обоснованную тревогу вызывает тот факт, что в отношении участников уголовного судопроизводства нередко совершают преступления представители самих правоохранительных органов. Подобные деяния влекут причинение существенного вреда не только правам, свободам и законным интересам лиц, участвующим в уголовном процессе, но и создают непосредственную угрозу надлежащему осуществлению правосудия, а также вызывают иные негативные социальные последствия — снижение авторитета государственной власти, формирование отчужденности населения от судебной и правоохранительной систем и т.д. Вследствие этого отдельные граждане предпочитают не обращаться в правоохранительные органы, а добиваются удовлетворения своих потребностей и интересов незаконными методами, что приводит к продуцированию новых преступлений.

Следует также отметить, что преступные посягательства против личности и государственной власти, к которым относится большинство преступлений против участников уголовного судопроизводства, в соответствии со Стратегией национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента России от 31 декабря 2015 г. № 683, относятся к основным угрозам государственной и общественной безопасности[1].

Анализ официальных статистических данных о состоянии преступности в Российской Федерации за период 1997–2017 гг. позволил выявить устойчивую корреляционную взаимосвязь между динамикой всех преступлений, зарегистрированных на территории России, и преступлений рассматриваемого вида, что свидетельствует о достаточно стабильном уровне совокупности исследуемых деяний. Несмотря на некоторое снижение темпа прироста рассматриваемых преступлений, отраженных в официальной статистике, в 2017 г. по отно-

[1] См.: СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.

шению к 1997 г. (-8,7%), темп прироста лиц, выявленных за их совершение, напротив, повысился (1,0%)[1]. Это указывает на то, что в последние годы в отношении участников уголовного судопроизводства стало больше совершаться групповых преступлений.

Проведенный обзор научной литературы и правоприменительной практики выявил ряд проблем в деятельности, направленной на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства. Пробелом в исследовании данных общественно опасных деяний и разработке мер их предупреждения является то, что учеными и практиками основной акцент делается на изучении преступлений, входящих лишь в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия». Однако в отношении таких лиц совершаются преступления, посягающие не только на интересы правосудия. В связи с данным обстоятельством практически не исследованы преступления против жизни и здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, собственности и другие, которые совершаются в отношении участников уголовного судопроизводства из мести за их деятельность.

По данной причине криминологическая характеристика совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства является далеко неполной. Этому способствует и то, что в статистических карточках традиционно отражаются лишь преступления, связанные с отправлением правосудия и предварительным расследованием.

Даже в указанных документах отсутствует графа «Положение, связанное с участием в уголовном судопроизводстве», в силу чего невозможно выяснить, сколько за тот или иной период времени совершается преступлений в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе. Хотя, как подчеркнул Президент Российской Федерации В.В. Путин на заседании коллегии Генеральной прокуратуры РФ 14 марта 2017 г., при организации борьбы с криминалом, профилак-

---

[1] См.: Данные ГИАЦ МВД России за 1997, 2017 гг.

тике его проявлений важно оперировать реальными сведениями о преступности[1].

Серьезный недостаток предупреждения преступлений рассматриваемого вида состоит и в том, что предупредительная деятельность не предусматривает комплексного межотраслевого применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса. В предупреждении преступлений против участников уголовного судопроизводства зачастую применяется однобокий подход без комплексного осмысления проблемы. Изменяя правовые нормы одного нормативного правового акта, законодатель «забывает» или в силу каких-либо иных причин не желает пересматривать нормы в других законах, несмотря на то, что такой пробел влияет на качество правоприменения и предупреждения преступности.

Злободневность существующей проблемы подтверждается и активным вниманием к ней со стороны законодателя и научного сообщества. В Российской Федерации проводится определенная нормотворческая работа, направленная на противодействие преступлениям, совершаемым в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе. Совершенствуется уголовное законодательство, нормы которого направлены на осуществление охраны прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства. Вносятся изменения и дополнения в уголовно-процессуальное, оперативно-розыскное и иные отрасли законодательства, повышающие уровень безопасности участников уголовного процесса.

Отечественная криминологическая наука, безусловно, достигла определенных позитивных результатов в части решения проблем предупреждения рассматриваемых преступлений. Однако все они носят, как правило, фрагментарный характер, направлены на решение отдельных научных проблем и не могут в полной мере являться отражением современной действительности. К

---

[1] См.: Сайт Президента Российской Федерации. URL: http:// www. kremlin.ru /events/ president/news/54035 (дата обращения: 21.08.2017).

настоящему времени российской правовой доктриной не предложена целостная научно обоснованная концепция предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Вследствие этого стратегические вопросы предупредительной деятельности остаются недостаточно изученными, а резервы формирования эффективной модели предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства – довольно значительными.

Таким образом, дальнейшее исследование комплекса проблем, обусловленных преступным воздействием на участников уголовного судопроизводства, несомненно, является необходимым в теоретико-прикладном аспекте и стратегически значимым в вопросах выработки мер предупреждения рассматриваемых преступлений, что свидетельствует об актуальности избранной темы исследования.

Степень научной разработанности проблемы. Изучением проблем противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства в разное время занимались многие ученые. Значительный вклад в исследование вопросов предупреждения преступлений рассматриваемого вида внесли С.Н. Абельцев, Г.Д. Агамов, Ю.А. Аксенов, Н.С. Александрова, Ю.М. Антонян, М.М. Бабаев, И.А. Бобраков, С.В. Бородин, А.В. Бриллиантов, А.Н. Варыгин, С.В. Векленко, Б.С. Волков, О.П. Волошина, Е.Д. Гаврилюк, С.И. Герасимов, Я.И. Гилинский, А.С. Горелик, Г.В. Дашков, И.В. Дворянсков, С.А. Денисов, А.И. Долгова, О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинский, В.И. Задорожный, Л.В. Иногамова-Хегай, М.С. Кармановский, В.Е. Квашис, К.А. Краснова, Л.Л. Кругликов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, Ю.И. Кулешов, Я.М. Кульберг, М.М. Курбанов, С.Я. Лебедев, Л.В. Лобанова, Г.П. Лозовицкая, В.В. Лунеев, В.А. Майборода, Н.Э. Мартыненко, Г.М. Миньковский, В.В. Намнясева, О.В. Нарожняя, А.В. Наумов, В.А. Номоконов, Т.Н. Нуркаева, В.И. Полубинский, А.Р. Ратинов, Ш.С. Рашковская, Д.В. Ривман, А.Б. Сахаров, А.Л. Ситковский, Е.А. Смирнов, А.Л. Спектор, Н.А. Стручков, Н.В. Тарасов,

А.В. Тисен, В.С. Устинов, П.В. Фадеев, Л.Ф. Франк, Е.Ю. Хлопцева, Г.Ф. Хохряков, А.И. Чучаев и др.

Указанные авторы исследовали криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Их труды, несомненно, внесли огромный вклад в решение соответствующей проблемы, однако сформулированные в них положения носят дискуссионный характер и требуют дальнейшей разработки.

Вопросы безопасности участников уголовного процесса довольно активно исследуются представителями других наук. Так, уголовно-процессуальным, криминалистическим и оперативно-розыскным аспектам исследования указанных проблем посвятили свои работы такие ученые, как П.А. Абрамов, Б.Т. Акрамходжаев, О.И. Андреева, В.А. Бодренков, Э.И. Бордиловский, Л.В. Брусницын, Т.С. Волчецкая, В.В. Габзалилов, А.А. Джуманбетова, Е.В. Евстратенко, А.Ю. Епихин, О.А. Зайцев, Е.И. Замылин, С.В. Зуев, В.А. Казакова, Н.Я. Калашникова, В.И. Козлов, Е.И. Комарова, О.А. Корнеева, В.И. Крайнов, И.Н. Крапчатова, В.Н. Мартышкин, С.Л. Марченко, М.Ш. Махтаев, Н.А. Моругина, И.А. Насонова, А.В. Никитин, М.В. Новикова, А.Н. Петрова, О.Н. Пономаренко, В.М. Титов, И.Л. Фадеева, Б.А. Филимонов, В.Я. Шапакидзе, А.Б. Ширитов, Б.Б. Шойжилцыренов, С.П. Щерба, А.А. Юнусов, Р.М. Яппаров и др.

В научных трудах по рассматриваемой проблеме исследуются актуальные вопросы, связанные с противодействием преступлениям против участников уголовного судопроизводства с точки зрения отдельных отраслей права, но при этом не затрагиваются системные основы предупреждения преступлений данного вида. В предупреждении таких преступлений основной акцент авторы делают на принятии специальных законов, на уголовно-правовой охране прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства либо на

обеспечении их безопасности, базирующемся на уголовно-процессуальном и ином законодательстве[1].

Многие проблемы, связанные с преступлениями против участников уголовного судопроизводства и деятельностью, направленной на их предупреждение, до сих пор не нашли отражения в научной литературе. Среди них следует назвать: отсутствие четких и содержательных дефиниций участников уголовного судопроизводства как потенциальных жертв противоправных посягательств и совершаемых против них преступлений; недостаточную криминологическую характеристику преступлений против участников уголовного судопроизводства и личности преступников, их совершающих; неопределенность в содержании предупредительной деятельности и критериях оценки ее эффективности; законотворческие дефекты. Таким образом, существующие в науке подходы не позволяют создать целостную, непротиворечивую и криминологически обоснованную концепцию предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Настоящее исследование, содержащее новые решения проблем, значимых не только для криминологии, но и уголовного, уголовно-

---

[1] См., например: *Бобраков И.А.* Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005; *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002; *Дворянсков И.В.* Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013; *Дзидзария Б.Ю.* Уголовно-правовая защита прав подозреваемого и обвиняемого. М., 2010; *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002; *Кармановский М.С.* Уголовно-правовая защита свидетелей от преступных посягательств: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2011; *Крайнов В.И.* Особенности государственной зашиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000; *Лозовицкая Г.П.* Преступления против участников уголовного судопроизводства. М., 2008; *Мартыненко Н.Э.* Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015; *Намнясева В.В., Замылин Е.И.* Безопасность участников уголовного судопроизводства: проблемы обеспечения и реализации: учебное пособие. Волгоград, 2017; *Фадеев П.В.* Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства. М., 2014; *Ширитов А.Б.* Государственная защита участников уголовного судопроизводства: проблемы уголовно-процессуального регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011 и др.

процессуального права, теории оперативно-розыскной деятельности, криминалистики и иных отраслей юридической науки, направлено на формирование концептуальных основ предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, базирующихся на комплексном применении отраслевого законодательства и положений различных отраслей научного знания.

Объектом исследования выступает комплекс общественных отношений, возникающих в связи с совершением преступлений против участников уголовного судопроизводства и складывающихся в сфере деятельности по их предупреждению.

Предмет исследования составляют связанные с объектом исследования нормы действующего российского и зарубежного законодательства; материалы следственно-судебной практики; данные официальной статистики; результаты социологических исследований; памятники отечественного права; криминологические особенности рассматриваемых преступлений, лиц, их совершающих, и жертв преступных посягательств; причины и условия общественно опасных деяний, посягающих на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства; особенности организации предупредительной деятельности в данной сфере в современной России.

Цель и задачи диссертационной работы. *Целью* исследования является разработка концептуальных основ предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, заключающаяся в формулировании и объяснении дефиниции данных общественно опасных деяний, выявлении и раскрытии их криминологических особенностей, предложении эффективной модели предупредительной деятельности и подготовке научно обоснованных рекомендаций, направленных на совершенствование правовых и организационных мер противодействия преступлениям, совершаемым в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе.

Достижение поставленной цели обеспечивается решением следующих *задач:*

уточнить круг участников уголовного судопроизводства, в отношении которых совершаются преступные посягательства;

дать определение преступлениям рассматриваемого вида и раскрыть их признаки;

осуществить криминологическое исследование тенденций развития преступлений против участников уголовного судопроизводства, изучить их современное состояние и динамику, выявить криминологические особенности;

представить криминологическую характеристику личности преступника, посягающего на участников уголовного судопроизводства;

определить причины и условия его преступного поведения;

выявить исторический и зарубежный опыт предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

оценить современные отечественные теории предупреждения преступлений рассматриваемого вида и выявить сложности в практике их использования;

разработать теоретическую модель предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

обосновать концептуальные положения о наиболее оптимальных направлениях и средствах предупреждения рассматриваемых преступлениий;

разработать конкретные научно обоснованные рекомендации по повышению эффективности деятельности отечественных государственных институтов в сфере предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Теоретической основой исследования послужили научные труды отечественных и зарубежных ученых по криминологии, уголовному праву, общей теории права, уголовному процессу, криминалистике, оперативно-розыскной деятельности, философии, психологии, социологии и другим отраслям науки.

Нормативно-правовая база исследования включает Конституцию Российской Федерации, международные нормативно-правовые акты,

федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормы уголовного, уголовно-процессуального и иного законодательства России и зарубежных государств, другие нормативные правовые акты, регламентирующие вопросы противодействия преступности в целом и преступлениям против участников уголовного судопроизводства в частности.

Методологической основой диссертационной работы является всеобщий диалектический метод познания, который позволил рассматривать изучаемые явления и процессы в их развитии, взаимосвязи и взаимозависимости. В ходе исследования применялись также общенаучные методы — анализ и синтез, дедукция и индукция, исторический, логический, системный; частнонаучные методы — формально-юридический, сравнительного правоведения, правового моделирования, статистический и другие, специально-криминологические методы (опрос, интервьюирование, анкетирование, наблюдение, изучение судебно-следственной практики и др.).

Эмпирическую базу исследования составили результаты криминологических и социологических исследований, проведенных автором:

анализа официальных статистических данных о преступности за период действия Уголовного кодекса Российской Федерации;

изучения опубликованных разъяснений и материалов судебной практики Верховного Суда Российской Федерации и судебных органов ее субъектов за 1997–2017 гг.;

анкетирования 875 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Пензенской (ФКУ ИК-1; ФКУ ИК-5; ФКУ ИК-8), Саратовской (ФКУ ИК-2; ФКУ ИК-33) и Тамбовской (ФКУ ИК-1; ФКУ ИК-4) областей, а также осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях тех же субъектов Российской Федерации;

анкетирования 1376 участников уголовного судопроизводства, проживающих в Камчатском крае, Московской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах;

экспертного опроса 172 сотрудников оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов Республики Дагестан, Московской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей;

изучения 150 уголовных дел о преступлениях против участников уголовного судопроизводства.

Кроме того, в исследовании нашел отражение более чем десятилетний опыт работы автора в следственных подразделениях органов внутренних дел.

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые на монографическом уровне проведено комплексное теоретико-прикладное исследование проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, в рамках которого сформирован концептуальный подход к определению круга исследуемых общественно опасных деяний с учетом особенностей уголовно-процессуального статуса жертв преступных посягательств и механизма преступного поведения виновных лиц. На его основе установлены признаки преступлений против участников уголовного судопроизводства и разработано их понятие, определены тенденции рассматриваемых общественно опасных деяний, раскрыты криминологические особенности личности преступников, посягающих на участников уголовного судопроизводства, выявлены основные детерминанты, продуцирующие совокупность данных преступлений, рассмотрен механизм преступного поведения личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства. В отличие от работ других авторов в настоящем исследовании рассмотрены криминологические особенности всех общественно опасных деяний, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства в связи с их ролью в уголовном процессе, а не только тех, ответственность за которые предусмотрена статьями, содержащимися в гл. 31 Уголовного кодекса Российской Федерации «Преступления против правосудия».

Также в настоящем исследовании представлена авторская концепция предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизвод-

ства, включающая в себя совокупность научно обоснованных положений и выводов о теоретических основах предупредительной деятельности, проблемах ее организационно-правового обеспечения, а равно комплекс предложений, направленных на повышение ее эффективности. В рамках данной концепции разработано понятие криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, предложена теоретическая модель предупредительной деятельности, определены критерии оценки ее эффективности, обоснованы правовые и организационные меры, направленные на противодействие преступлениям, совершаемым в отношении участников уголовного процесса, подготовлен проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Концептуальные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства включают в себя две составляющие, относящиеся: 1) к определению преступлений против участников уголовного судопроизводства, изучению их характеристик и процессов детерминации; 2) к исследованию особенностей предупредительной деятельности в данной сфере, обоснованию и разработке предупредительных мер. Их содержание отражено в следующих **основных положениях, выносимых на защиту:**

1. С позиции криминологии, участники уголовного судопроизводства — это физические лица, принимающие либо принимавшие участие в уголовном процессе, предрасположенные стать жертвой преступных посягательств в связи с определенной уголовно-процессуальным законом ролью и возникновением процессуальных прав и (или) обязанностей.

2. К признакам, идентифицирующим совокупность преступлений против участников уголовного судопроизводства в качестве единого криминологического феномена, относятся процессуальный статус жертвы преступного посягательства и особенности механизма преступного поведения личности виновного. Такой подход позволяет всесторонне и комплексно исследовать криминологические особенности данных общественно опасных

деяний, лиц, их совершающих, и жертв преступных посягательств, принимая во внимание, что в отношении участников уголовного судопроизводства в связи с их законной деятельностью совершаются преступления, посягающие не только на интересы правосудия, но и на другие охраняемые уголовным законом объекты.

3. Под преступлениями против участников уголовного судопроизводства понимаются умышленные противоправные общественно опасные деяния, причиняющие или создающие угрозу причинения вреда правам, свободам и законным интересам лиц, реализовавшим либо имевшим возможность реализовать свои уголовно-процессуальные права и (или) обязанности в уголовном судопроизводстве.

Общие признаки данных деяний сводятся к следующему: 1) совершение преступлений обусловлено сферой уголовного процесса; 2) жертвами преступных посягательств являются участники уголовного судопроизводства; 3) виновные сознают, что противоправно воздействуют на потерпевших именно в связи с участием последних в уголовном процессе.

4. Существует достаточно сильная статистическая взаимосвязь между динамикой всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений и преступлений против участников уголовного судопроизводства. Соответственно, динамика преступлений рассматриваемого вида носит устойчивый характер и обусловлена динамикой зарегистрированной в России преступности.

5. Против участников уголовного судопроизводства в связи с их процессуальной деятельностью совершаются различные преступления, посягающие как на интересы правосудия, так и на иные охраняемые уголовным законом объекты. Так, в отношении участников суда (судей и присяжных заседателей) прежде всего совершаются такие деяния, как воспрепятствование осуществлению правосудия (38,5%), неуважение к суду (23,1%), умышленные уничтожение или повреждение имущества (11,5%); в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения — угроза убийством или

причинением тяжкого вреда здоровью (16,1%), клевета (14,9%), кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (14,9%), умышленные уничтожение или повреждение имущества (13,8%), побои, причинение вреда здоровью (12,7%), воспрепятствование производству предварительного расследования (7,5%); в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты — побои, причинение вреда здоровью (22,2%), мошенничество, вымогательство (19,5%), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (17,2%), принуждение к даче показаний (13,3%); в отношении иных участников уголовного судопроизводства — побои, причинение вреда здоровью (36,6%), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (10,4%), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (10,4%).

6. Обобщенные социально-криминологические особенности субъектов, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства, заключаются в следующем: в основной массе — это лица мужского пола (81,3%) в возрасте 30–49 лет (55,3%), имеющие среднее (полное) образование (28,5%), официально на момент совершения преступлений нигде не работающие (46,4%); 68,9% таких лиц ранее совершали преступления. К целям и мотивам их преступного поведения относятся: желание отомстить кому-либо — 36,2%; воспрепятствование осуществлению предварительного расследования и (или) правосудия — 20,4%; корыстные побуждения — 16,2%; оказание помощи соучастникам в целях избежания уголовной ответственности — 7,2%; стремление скрыть другое преступление, избежать уголовной ответственности за его совершение или смягчить ее — 6,0%; попытка завоевать авторитет среди друзей и знакомых — 4,7%; стремление улучшить служебные показатели — 3,0%; хулиганские намерения — 1,7%; карьеризм — 1,3%; пресечение правонарушений и преступлений — 0,8%; сексуальные побуждения — 0,4%; иные (личная неприязнь, мотив национальной ненависти и др.) — 2,1%.

7. Лица, совершающие преступления против различных категорий участников уголовного судопроизводства, отличаются друг от друга, порой существенно, по своим криминологическим характеристикам, вследствие чего среди них выделено три типа личности таких преступников:

с направленностью на нарушение установленного порядка осуществления уголовного судопроизводства (38,7%). Субъекты, относящиеся к данному типу, совершают преступления, посягающие на интересы правосудия. В этом типе выделяется два подтипа: препятствующий осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (33,6%); стремящийся к улучшению служебных показателей (5,1%);

с направленностью на месть за деятельность, связанную с участием в уголовном судопроизводстве (36,2%). Лица, отнесенные к данному типу, преследуют цель осуществить месть участникам уголовного судопроизводства за реализацию ими своих процессуальных прав и (или) обязанностей: дачу показаний, производство экспертиз, следственных и иных процессуальных действий и т.п.;

ситуативно-направленный тип (25,1%). Субъекты, относящиеся к этому типу, осуществляют иные, не связанные с непосредственным отправлением правосудия, преступные посягательства. В данном случае лицо использует повышенную, вследствие участия в уголовном судопроизводстве, виктимность жертвы, совершая в отношении нее различные преступления (мошенничество, вымогательство и т.п.).

8. Детерминационный комплекс преступлений против участников уголовного судопроизводства складывается из двух групп причин и условий:

причинный комплекс общего характера, в целом совпадающий с характером детерминант, продуцирующих преступность в целом. К этой группе относятся недостатки и противоречия в экономической, социальной, духовно-нравственной, правовой сферах, которые, тем не менее, следует рассматривать сквозь призму причин и условий, присущих именно преступлениям против участников уголовного судопроизводства;

специфические причины и условия, характерные для рассматриваемой группы преступлений: низкий уровень правовой культуры личности, совершающей преступление; правовой нигилизм; наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства; слабая защищенность участников уголовного судопроизводства; малоэффективное применение к участникам уголовного судопроизводства мер безопасности; несовершенство законодательной базы, регламентирующей их защиту; неверие в справедливость правоохранительных органов; низкий уровень кадрового обеспечения и слабый профессионализм сотрудников правоохранительных органов; недостаточная разработанность критериев оценки деятельности правоохранительных органов; крайне высокая их загруженность; малоэффективный контроль и надзор за работой сотрудников правоохранительных органов; профессиональная деформация; ложно понятые ими интересы службы.

9. Специфика процессов детерминации рассматриваемых преступлений выражается в том, что особенности внешней среды (сферы уголовного судопроизводства) оказывают решающее влияние на формирование определенных и сравнительно устойчивых характеристик личности, преступное поведение которой направлено на нарушение прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Отличительной чертой детерминационного комплекса рассматриваемых преступлений является наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства. Лица, совершая такие преступления, неизбежно находятся в конфронтации со своими оппонентами в уголовном процессе. Данное обстоятельство непосредственно влияет на мотивацию совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Конфликтная ситуация, развивающаяся в связи с отправлением правосудия, в большинстве случаев стимулирует совершение преступления, поскольку перед личностью в данном случае открываются большие возможности для противоправного удовлетворения своих потребностей и интересов.

10. Концепция предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства представляет собой совокупность научно обоснованных положений и выводов о теоретических основах предупредительной деятельности в исследуемой сфере, проблемах ее организационно-правового обеспечения и возможных путях их преодоления, комплекса практических рекомендаций, направленных на повышение эффективности реализации мер по предупреждению преступлений рассматриваемого вида. В рамках данной концепции под криминологическим предупреждением преступлений против участников уголовного судопроизводства понимается деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по осуществлению ими системы взаимосвязанных и взаимообусловленных экономических, социальных, политических, правовых, организационных и иных мер общесоциального и специально-криминологического характера, направленных на:

выявление, устранение, ослабление и нейтрализацию конкретных причин и условий, детерминирующих преступное поведение личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства;

оказание сдерживающего воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемого вида;

сокращение количества преступлений против участников уголовного судопроизводства в общей структуре преступности;

предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых общественно опасных деяний, направленных на участников уголовного процесса;

обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства;

формирование у личности, вовлеченной в уголовный процесс, уверенности в реальной защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств.

11. Теоретическая модель специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного

судопроизводства включает в себя определение и описание системы элементов, связей и отношений между ними, в достаточной степени воспроизводящей существенные особенности основных направлений и конкретных мер профилактики, предотвращения и пресечения указанных общественно опасных деяний. В качестве элементов такой модели выступают:

получение субъектами предупредительной деятельности необходимой информации;

анализ полученной информации, оценка оперативной обстановки в стране, регионе или на местном уровне, определение объектов предупредительной деятельности;

научное обеспечение предупредительной деятельности;

прогнозирование состояния преступлений против участников уголовного судопроизводства и программирование предупредительной деятельности;

определение мер и направлений предупредительной деятельности, в том числе виктимологической профилактики;

криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение предупредительной деятельности, включая государственную защиту участников уголовного судопроизводства;

совершенствование правовых мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

оценка эффективности предупредительной деятельности.

Все элементы теоретической модели неразрывно взаимосвязаны, причем научное обеспечение должно осуществляться на каждом этапе, начиная от получения необходимой информации соответствующими субъектами и заканчивая оценкой эффективности предупредительной деятельности. При этом государственная защита участников уголовного судопроизводства реализуется в качестве составного компонента всего комплекса средств и методов предупреждения преступлений рассматриваемого вида.

12. Критериями оценки эффективности деятельности по предупреждению исследуемых преступлений должны служить: снижение удельного веса

зарегистрированных преступлений против участников уголовного судопроизводства в массиве всех зарегистрированных преступлений; повышение уровня предотвращенных и пресеченных общественно опасных деяний; уменьшение количества участников уголовного судопроизводства, обращающихся в правоохранительные органы с ходатайством о применении к ним мер безопасности; осознание личностью, вовлеченной в уголовный процесс, защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств и уверенности в ней.

13. На общесоциальном уровне предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства выделены следующие меры:

дальнейшее совершенствование международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства;

разработка новых и совершенствование уже действующих программ предупредительной деятельности;

укрепление профессионального ядра правоохранительных органов;

подъем материального благосостояния человека, принятие мер к последовательному утверждению принципов социальной справедливости, уменьшению степени разделения населения по материальному уровню, сокращению уровню безработицы;

повышение уровня правовой культуры граждан.

На специально-криминологическом уровне предупреждения преступлений рассматриваемого вида предлагаются следующие меры:

программно-целевое планирование деятельности по предупреждению рассматриваемых преступлений с учетом разработанной теоретической модели системы предупреждения;

выявление и устранение причин и условий совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

оптимизация критериев оценки работы правоохранительных органов;

совершенствование учетно-регистрационной дисциплины в правоохранительных органах;

реализация эффективного ведомственного контроля и прокурорского надзора за работой сотрудников правоохранительных органов;

осуществление своевременного раскрытия рассматриваемых преступлений;

производство качественного расследования преступлений, совершаемых против участников уголовного судопроизводства;

оптимизация взаимодействия как между службами и подразделениями конкретного правоохранительного органа, так и между отдельными правоохранительными органами;

совершенствование уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных и иных организационно-правовых мер, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства.

14. В целях повышения эффективности предупредительной деятельности предлагается дополнить статистические карточки форм № 1 и 5, утвержденные Приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений», пунктами 35.1 и 13.1 соответственно, в которых следует указать процессуальный статус потерпевших; в статистический справочник № 10 внести всех участников уголовного судопроизводства согласно их должностному положению.

15. По характеру виктимности, обусловленному механизмом вступления личности в уголовный процесс, определены следующие типы жертв - участников уголовного судопроизводства:

профессионально-виктимный тип (31,8%) — к нему относятся лица, становящиеся жертвами преступных посягательств в результате выбранной ими

профессии (судьи, секретари судебного заседания, следователи, дознаватели, прокуроры, сотрудники органа дознания, эксперты и т.п.);

ситуативно-виктимный тип (68,2%) — включает в себя лиц, становящихся жертвами преступлений в результате ситуативных факторов, опасность которых предопределена вовлечением их в сферу уголовного судопроизводства (потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, понятые, педагоги, психологи и т.п.).

Чаще всего жертвами преступлений против участников уголовного судопроизводства становятся: свидетель (в отношении него совершается 18,0% деяний), потерпевший (9,9%), подозреваемый (13,4%), обвиняемый (8,3%), защитник (8,1%), понятой (8,1%).

16. Виктимологическая профилактика рассматриваемых общественно опасных деяний включает в себя следующие меры:

пропаганду виктимологических знаний среди населения, заключающуюся в информировании граждан через средства массовой информации о совершаемых преступлениях в отношении участников уголовного судопроизводства, разъяснении потенциальным жертвам при появлении угрозы посягательства в отношении них, как нужно действовать в этих условиях;

проведение разъяснительной работы с целью доведения до участников уголовного судопроизводства необходимости обращения в правоохранительные органы с заявлением о применении мер безопасности при возникновении угрозы причинения им вреда.

разработку государственных программ по социальной реабилитации жертв преступлений - участников уголовного судопроизводства, в том числе создание центров правовой, социальной и психологической помощи жертвам преступлений;

распространение среди участников уголовного судопроизводства через сотрудников органов предварительного расследования специальных памяток-предостережений о том, как не стать жертвой преступления;

проведение сотрудниками органов предварительного расследования профилактических бесед с участниками уголовного судопроизводства;

контроль за поведением и безопасностью наиболее уязвимых потенциальных жертв - участников уголовного судопроизводства (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого) со стороны сотрудников правоохранительных органов с использованием, в том числе, технических средств контроля;

применение соответствующих мер безопасности в каждом случае угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства;

обеспечение усиленной охраны мест, где наиболее часто совершаются преступления против участников уголовного судопроизводства — помещений суда и правоохранительных органов (34,6% рассматриваемых преступлений), улиц, парков, скверов и других открытых мест массового скопления людей (33,1% преступлений).

17. Представлен проект федерального закона «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»:

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) пункт «ж» части 1 статьи 63 после слов «или выполнением общественного долга» дополнить словами «либо в отношении участника уголовного судопроизводства в связи с его процессуальной деятельностью».

2) часть 2 статьи 294 после слов «в деятельность прокурора,» дополнить словами «руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

3) статью 295 после слова «прокурора,» дополнить словами «частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

4) часть 2 статьи 296 после слов «совершенное в отношении прокурора,» дополнить словами «частного обвинителя или его представителя, руководителя

следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

5) часть 2 статьи 298.1 после слов «совершенное в отношении прокурора,» дополнить словами «руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

6) часть 1 статьи 302 после слов «свидетеля к даче показаний либо» дополнить словами «понятого к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия,»;

7) часть 2 статьи 303 изложить в следующей редакции: «Фальсификация, сокрытие, уничтожение или повреждение доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, следователем, руководителем следственного органа, судьей, прокурором, защитником, экспертом, специалистом или иным участником уголовного судопроизводства, имеющим право в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством представлять доказательства; отказ или уклонение соответствующего должностного лица от процессуального закрепления или приобщения доказательства к делу, – наказывается…»;

8) часть 1 статьи 309 после слов «а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода» дополнить словами «или понятого в целях удостоверения не имевшего в действительности факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия»;

9) часть 2 статьи 309 после слов «переводчика к осуществлению неправильного перевода,» дополнить словами «понятого к удостоверению не имевшего в действительности факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия,».

Статья 2

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения и дополнения:

1) часть 1 статьи 6 дополнить пунктом 3 следующего содержания: «предупреждение преступлений»;

2) из части 3 статьи 11 исключить слова «потерпевшему, свидетелю или иным»;

3) пункт 4 части 2 статьи 38 дополнить абзацем следующего содержания: «Орган дознания обязан выполнить поручение в срок не свыше 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих более длительного срока исполнения, он должен быть определен следователем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела»;

4) пункт 1.1 части 3 статьи 41 дополнить абзацем следующего содержания: «Орган дознания обязан выполнить поручение в срок не свыше 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих более длительного срока исполнения, он должен быть определен дознавателем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела»;

5) часть 9 статьи 166 после слов «при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля,» дополнить словом «понятого,»; после слов «в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель» дополнить словами «либо понятой»;

6) часть 9 ст. 166 дополнить абзацем следующего содержания: «В случае если заявитель в процессе предварительного расследования будет признан потерпевшим, его представителем или окажется их близким родственником, родственником либо близким лицом, следователь, дознаватель вправе не предъявлять заявление и иные процессуальные документы, содержащие данные о личности заявителя, для ознакомления обвиняемому и его защитнику в порядке статей 217 и 225 настоящего Кодекса»;

7) часть 2 статьи 186 после слов «в отношении потерпевшего, свидетеля» дополнить словами «либо подозреваемого, обвиняемого»;

8) часть 8 статьи 193 после слов «исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым» дополнить словами «либо по фотографии или видеоизображению»;

9) часть 5 статьи 278 изложить в следующей редакции: «При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, либо не вызывать его в судебное заседание и ограничиться показаниями, данными на предварительном расследовании, о чем суд выносит определение или постановление».

Статья 3

Внести в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» следующие изменения и дополнения:

1) часть 4 статьи 18 после слов «активно способствовавшее раскрытию преступлений» дополнить словами «либо их предупреждению,»;

2) часть 5 статьи 18 после слов «в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших,», дополнить словами «а также в предупреждении преступлений,».

Статья 4

Внести в Федеральный закон «О полиции» следующие изменения и дополнения:

1) пункт 34 статьи 13 после слов «объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии» дополнить словами «и предупреждении»;

2) пункт 35 статьи 13 после слов «и лиц, пропавших без вести» дополнить словами «либо для пропаганды среди населения уголовно-правовых норм и примечаний к ним, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания за определенные преступления в целях предупреждения преступных деяний».

Теоретическая и практическая значимость исследования обусловлена комплексным изучением важной социально-правовой и порожденной ею значимой научной проблемы, сформулированными теоретическими выводами и

практическими предложениями, позволяющими создать систему эффективных мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Теоретическое значение диссертации состоит в разработке и научном обосновании концепции предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, которая позволяет всесторонне и глубоко осмыслить достоинства и недостатки предупредительной деятельности в данной сфере, оценить качество и эффективность проводимых предупредительных мер. Существенное значение для расширения научных знаний имеет совершенствование понятийного аппарата криминологической науки, определение основных криминологически значимых характеристик преступлений против участников уголовного судопроизводства, личности преступников, их совершающих, жертв преступных посягательств, выявление причинного комплекса преступлений данного вида, разработка мер их предупреждения. Сформулированные концептуальные положения представляют собой теоретическую базу для дальнейшей научных исследований криминологических категорий, отражающих сущность и закономерности общественных отношений, связанных с детерминацией и совершением преступлений против участников уголовного судопроизводства, и деятельностью по их предупреждению. В диссертационном исследовании систематизированы знания, обогащающие криминологическую науку, которые могут быть использованы в подготовке научной и учебной литературы.

Прикладная направленность работы заключается в том, что отдельные выводы и предложения могут служить отправными идеями для совершенствования норм уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и иного законодательства. Положения диссертационного исследования могут также выступать в качестве информационной базы данных для органов государственной власти и применяться в работе по совершенствованию предупредительной деятельности, использоваться в учебном процессе и в практической деятельности правоохранительных органов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация выполнена на кафедре прокурорского надзора и криминологии ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проводилось ее рецензирование и обсуждение с участием представителей кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Академии.

Основные выводы и положения работы представлялись диссертантом для их обсуждения научными и практическими работниками на двадцати девяти международных и всероссийских конференциях, семинарах, круглых столах, состоявшихся в городах: Москва, Мурманск, Нижний Новгород, Пенза, Санкт-Петербург, Саратов, Тамбов, Челябинск.

Полученные результаты исследования используются в учебном процессе в ходе чтения курса лекций и проведения практических занятий по дисциплине «Криминология», а также связанным с ней дисциплинам специализации и курсам по выбору в ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия» и ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет». Отдельные положения диссертационного исследования внедрены в практическую деятельность Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Пензенской области, Следственного управления УМВД России по Пензенской области, Адвокатской палаты Пензенской области, что подтверждается соответствующими актами внедрения.

По теме диссертации опубликовано семьдесят восемь работ общим объемом 77,7 а.л., в том числе пять монографий, одно учебное пособие и двадцать девять статей в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России для опубликования основных научных результатов диссертационных исследований.

Степень достоверности результатов исследования обеспечена комплексным подходом, применением общих и специальных методов научного познания, выбор которых обусловлен целью и задачами исследования, сравнением имеющихся теоретических положений и сведений, полученных в ходе эмпирических исследований, обобщением правоприменительной

практики, сопоставлением результатов настоящего исследования с положениями других научных исследований, научно-теоретическим аргументированием, надежностью исходных данных, правильностью выбранных методик и точностью расчетов.

Структура диссертационной работы обусловлена целями, задачами и логикой исследования. Она состоит из введения, двух разделов, объединяющих шесть глав и пятнадцать параграфов, заключения, библиографического списка используемых источников и десяти приложений.

РАЗДЕЛ I. ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: ПОНЯТИЕ, ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕРМИНАЦИИ

Глава 1. Криминологическая сущность участников уголовного судопроизводства и совершаемых против них преступлений

§ 1. Участники уголовного судопроизводства как потенциальные жертвы преступных посягательств

В последние годы участники уголовного судопроизводства все чаще становятся жертвами преступлений. Это связано с тем, что в силу определенной законом роли в уголовном процессе и обладания специфическими уголовно-процессуальными правами и обязанностями они подвергаются риску совершения в отношении них преступлений и не всегда самостоятельно могут оказать надлежащее противодействие таким посягательствам. Решение проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства требует учета характеристик этих лиц как жертв преступлений. Для этого в первую очередь необходимо определить, кого же следует понимать под участниками уголовного судопроизводства в качестве лиц, чьи права, свободы и законные интересы подвергаются преступным воздействиям.

Категорию «участники уголовного судопроизводства» изучает уголовно-процессуальная наука, требующая понимания не только процессуальных статусов данных лиц, но и принципов уголовного судопроизводства, уголовного преследования и других положений уголовно-процессуального законодательства, регулирующего деятельность субъектов, участвующих в уголовном судопроизводстве.

Для криминологической же науки исследование участников уголовного судопроизводства как потенциальных жертв преступлений важно, прежде всего, для понимания их роли в механизме преступного поведения, выявления причин совершаемых в отношении них противоправных посягательств и условий, им способствовавших, в целях разработки эффективных мер предупреждения преступлений. В связи с этим участники уголовного судопроизводства в

настоящем исследовании рассматриваются как лица, обладающие повышенной уязвимостью в отношении определенных видов общественно опасных деяний.

Поскольку понятие участников уголовного судопроизводства регламентировано уголовно-процессуальным законодательством, полагаем, что прежде, чем определить криминологический аспект дефиниции «участники уголовного судопроизводства», следует обратиться к некоторым положениям уголовно-процессуальной науки. Изучение литературных источников по рассматриваемой проблеме свидетельствует, что у представителей данной отрасли знаний не существует единого мнения о том, кого следует понимать под участниками уголовного судопроизводства. По поводу данного вопроса дискуссии возникали еще задолго до принятия УПК РФ 2001 г., и в них отсутствовал единообразный подход к терминологии определения лиц, участвующих в уголовном процессе. В данном случае, исследуя сущность и природу участников уголовного судопроизводства, ученые оперируют различными понятиями и терминами: «субъект уголовного процесса», «участник уголовного процесса», «участник уголовного судопроизводства», «участник уголовно-процессуальной деятельности», «лица, участвующие в уголовном судопроизводстве» и т.п.[1]

В частности, М.С. Строгович отождествлял субъектов процессуальной деятельности с участниками уголовного процесса[2]. В то же время авторы учебника «Советский уголовный процесс» под редакцией Д.С. Карева, изданного в 1961 г., напротив, трактовали понятие «участник уголовного процесса» слишком узко, считая таковыми лишь подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, гражданского истца, гражданского ответчика, представителей, защитника[3]. Другие специалисты в области уголовного процесса считают, что в законе

---

[1] См.: *Зеленина О.А.* Участники уголовного судопроизводства: вопросы терминологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. Вып. 25. С. 37.

[2] См.: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т.1: Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968. С. 203.

[3] См.: *Якимович Ю.К.* Участники уголовного процесса и субъекты уголовно-процессуальной деятельности // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 1. С. 112.

наряду с понятием «участники процесса» используется широкое понятие «участвующие в деле лица». Им охватываются все субъекты уголовного процесса, за исключением государственных органов и должностных лиц[1]. Например, по мнению Ю.Н. Белозерова и П.Г. Марфицина, «к числу участников уголовного процесса надлежит относить не только субъектов уголовно-процессуального права, но и лиц, фактически вовлеченных в эту деятельность»[2].

После принятия УПК РФ 2001 г. острота дискуссий по рассматриваемой проблеме усилилась в силу того, что в уголовно-процессуальном законодательстве появились противоречивые нормы. Так, в соответствии с п. 58 ст. 5 участники уголовного судопроизводства — это лица, принимающие участие в уголовном процессе. В то же время участники уголовного судопроизводства нормативно регламентированы в разд. II УПК РФ, который так и называется — «Участники уголовного судопроизводства», хотя в нем указаны далеко не все субъекты, принимающие участие в уголовном процессе. В данном случае не совсем понятно, кем же являются лица, участвующие в уголовном судопроизводстве, деятельность которых регулируется иными, не входящими в разд. II УПК РФ, нормами, в частности, залогодатель (ст. 106), секретарь судебного заседания (ст. 245), помощник судьи (ст. 326–328), педагог (ст. 191, 280, 425) и др.

Так, А.С. Бахта пишет, что «термин „участники уголовного судопроизводства” шире понятия „субъекты уголовно-процессуального права” и охватывает всех лиц, вовлеченных в эту деятельность»[3]. ОА. Зеленина, взяв за основу своих суждений п. 58 ст. 5 УПК РФ, предлагает отождествлять термины

---

[1] См.: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А. Лупинской. М., 1997. С. 49.

[2] *Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие. М., 1994. С. 14.

[3] *Бахта А.С.* О соотношении понятия «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 46.

«участвующие в деле лица» и «участники уголовного судопроизводства»[1]. В противовес ей Е.Н. Арестова считает, что в разд. II УПК РФ содержится исчерпывающий перечень участников уголовного судопроизводства и рекомендует исключить п. 58 из ст. 5 УПК РФ как неточный, вызывающий трудности в интерпретации и к тому же не востребованный в практике уголовного судопроизводства[2].

По мнению А.А. Бессонова, участники уголовного судопроизводства — это лица, наделенные в установленном УПК РФ порядке правами и обязанностями и выполняющие соответствующие их процессуальному статусу функции с целью реализации назначения уголовного судопроизводства[3].

Таким образом, в уголовно-процессуальной доктрине сложились неоднозначные представления о дефиниции «участники уголовного судопроизводства». По мнению одних авторов, перечень участников уголовного судопроизводства закреплен в разд. II уголовно-процессуального закона и является исчерпывающим[4].

Другие ученые полагают, что, внеся определенные изменения в представления о понятии и классификации участвующих в деле граждан и должностных лиц, УПК РФ снял вопрос о терминологическом обозначении участвующих в уголовно-процессуальной деятельности субъектов, указав, что все лица, принимающие участие в уголовном процессе, называются его участниками (п. 58 ст. 5)[5].

---

[1] См.: *Зеленина О.А.* Участники уголовного судопроизводства: вопросы терминологии // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. Вып. 25. С. 40.

[2] См.: *Арестова Е.Н.* О некоторых проблемах понятийного аппарата УПК РФ // Российский следователь. 2015. № 19. С. 16.

[3] См.: *Бессонов А.А.* Правовое регулирование положения участников уголовного судопроизводства // Уголовный процесс. 2008. № 8. С. 60–61.

[4] См.: Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клещиной. М., 2014. С. 62.

[5] См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова. М., 2016. С. 56.

В юридической литературе последняя точка зрения обосновывается тем, что «в уголовном процессе есть ряд субъектов, чей статус не получил автономного регулирования. Отсутствие в законе норм, специально посвященных статусу таких участников, не принижает их роли. Таков избранный законодателем метод правового регулирования, который не во всех случаях оправдан. Точное количество участников уголовного процесса не определено»[1].

Представляется, что не следует углубляться в полемику по поводу определения дефиниций участников уголовного судопроизводства с точки зрения уголовно-процессуальной науки, поскольку это относится к совершенно иному предмету исследования. На наш взгляд, в целях разработки мер, направленных на предупреждение совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства преступлений, необходимо определить, кого же следует понимать под ними в криминологическом значении в качестве потенциальных жертв преступлений.

Следует отметить, что в современных исследованиях разрабатываются, в основном, меры, связанные с обеспечением безопасности участников, перечисленных в гл. 5–8 разд. II УПК РФ, к которым относятся: суд, участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, иные участники уголовного судопроизводства. Данные лица, кроме того, указаны в качестве участников уголовного судопроизводства, подлежащих государственной защите, в отдельных нормативно-правовых актах, в частности, в Федеральном законе от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (в ред. от 1 июля 2017 г.)[2], Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 7 февраля 2017 г.)[3].

---

[1] Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. М., 2016. С. 311.
[2] См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 2017. № 27. Ст. 3945.
[3] См.: СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; 2017. № 7. Ст. 1026.

В криминологической литературе также встречается мнение об отнесении к участникам уголовного судопроизводства лиц, перечисленных лишь в разд. II УПК РФ[1]. В частности, по мнению Г.П. Лозовицкой, УПК РФ включает в число участников уголовного судопроизводства субъектов, указанных в разд. II, и на защиту интересов названных лиц направлены нормы уголовно-правового законодательства, предусмотренные гл. 31 УК РФ[2].

Бесспорно, каждый из вышеперечисленных участников в той или иной мере подвергается либо может подвергаться преступным воздействиям со стороны заинтересованных лиц. Это связано с тем, что они, как считает Я.Г. Ищук, обладают повышенной степенью виктимности, обусловленной многовекторными факторами, в том числе определенной ролью гражданина в уголовном судопроизводстве[3]. Все же представляется, что повышенная степень виктимности участников уголовного судопроизводства обусловлена главным образом совокупностью процессуальных прав и обязанностей, которые придают им соответствующий статус. Причем, как справедливо полагает О.А. Зеленина, уголовно-процессуальный статус предусматривает не только общие для всех участников права и обязанности, но и права и (или) обязанности конкретного участника уголовного судопроизводства[4].

В свою очередь, обладание участниками уголовного судопроизводства процессуальными правами и (или) обязанностями неизбежно становится виктимогенным фактором, способствующим совершению в отношении них преступлений. Вследствие этого участники уголовного судопроизводства относятся к виктимогенной группе населения, то есть к лицам, которые в силу своего

---

[1] См.: *Лозовицкая Г.П., Фортуныч М.В.* Проблемы виктимологической профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2007. № 23. С. 19–20.

[2] См.: *Лозовицкая Г.П.* Преступления против участников уголовного судопроизводства. М., 2008. С. 6–7.

[3] См.: *Ищук Я.Г.* Уровень виктимности участников уголовного судопроизводства // Виктимология. 2014. № 1. С. 30.

[4] См.: *Зеленина О.А.* Виды правового статуса участника уголовного судопроизводства // Российский юридический журнал. 2011. № 4. С. 138

социального положения и процессуального статуса могут стать жертвами преступлений. При этом в качестве объектов преступных посягательств выступают разнообразные права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства: их жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, личная свобода, честь и достоинство и др.

Рассматривая субъектов, перечисленных в разд. II УПК РФ, отметим, что в первые три группы входят участники, призванные осуществлять главные процессуальные функции.

В состав суда входят судьи и присяжные заседатели.

Участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения — это прокурор, следователь, руководитель следственного органа, должностное лицо органа дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, дознаватель, потерпевший, частный обвинитель, гражданский истец, представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя.

В роли участников уголовного судопроизводства со стороны защиты выступают подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого, защитник, гражданский ответчик, представители гражданского ответчика. Они являются, как правило, носителями служебного или личного интереса в исходе конкретного дела и в силу этого могут активно влиять на его возникновение и продвижение к предусмотренному законом финалу.

К четвертой группе законом отнесены участники, которых обычно привлекают для содействия реализации упомянутых главных процессуальных функций. Среди них в основном лица, помогающие устанавливать необходимые для правильного разрешения дел обстоятельства, то есть способствующие доказыванию, без которого не расследуется ни одно уголовное дело. Это — свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой.

В УПК РСФСР отсутствовали отдельная глава или раздел, которые регламентировали бы процессуальный статус, а также права и обязанности участников уголовного судопроизводства. Нормы о таких участниках были «разбро-

саны» по всему Кодексу и находились в разных главах (например, в гл. 1, 3, 18, 40). Кроме того, в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР отсутствовали нормы о некоторых современных участниках уголовного процесса, к примеру, дознавателя. Не в полном объеме в нем были отражены процессуальный статус, права и обязанности частного обвинителя.

Полагаем, что следует более подробно рассмотреть тех участников уголовного судопроизводства, которые либо не были регламентированы утратившим силу уголовно-процессуальным законом, либо тех, чья регламентация реализовывалась не в полном объеме. Вследствие указанных обстоятельств их защита от преступных посягательств не осуществлялась или осуществлялась ненадлежащим образом. Так, УПК РФ 2001 г. включил в перечень участников уголовного судопроизводства дознавателя. Как считает О.А. Малышева, дознаватель, в отличие от следователя, не является традиционной процессуальной фигурой для отечественного уголовного судопроизводства. Она появилась сравнительно недавно, что позволяет констатировать отставание отечественного уголовно-процессуального законодательства в течение длительного времени от потребностей правоприменительной практики в сфере расследования уголовных дел о преступлениях[1]. В настоящее время дознаватель выступает полноправным участником уголовного судопроизводства и, как отражается в юридической литературе, он представляет собой должностное лицо, которое одновременно является стороной обвинения и субъектом, осуществляющим уголовно-процессуальное правоприменение[2].

Федеральный закон РФ от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»[3] дополнил перечень участников уголовного судопроизводства начальником подразделения дознания (ст. 40.1), законодательно определив его процессуальные полномочия.

---

[1] См.: *Малышева О.А.* О необходимости совершенствования правовой регламентации процессуального статуса дознавателя // Российская юстиция. 2014. № 9. С. 20.

[2] См.: *Рыжаков А.П.* Субъекты (участники) уголовного процесса. М., 2013. С. 61.

[3] См.: СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2833.

В юридической литературе указывается, что непосредственным руководителем подразделения дознания является начальник подразделения дознания — процессуальная фигура, появившаяся на формальном законодательном уровне в УПК РФ лишь спустя несколько лет после его вступления в законную силу (введение п. 17.1 ст. 5 УПК РФ Федеральным законом от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ)[1]. Объем полномочий начальника подразделения дознания достаточно обширен[2].

Федеральным законом от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя»[3] в перечень участников уголовного судопроизводства введен начальник органа дознания (ст. 40.2). В связи с принятием Федерального закона РФ от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации”»[4] такой участник уголовного судопроизводства, как начальник следственного отдела, был переименован в руководителя следственного органа. При этом ему перешла часть полномочий прокурора.

В данном случае следует согласиться с А.М. Багметом, считающим, что после внесения в УПК РФ изменений и дополнений роль руководителя следственного органа в организации предварительного следствия существенно возросла[5]. Такого же мнения придерживается В.А. Шабунин, отмечающий, что руководителю следственного органа перешли многие властные полномочия, по-

---

[1] См.: *Чукаева О.А.* К вопросу о расширении процессуальных полномочий начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве // Законодательство и экономика. 2015. № 4. С. 59.

[2] См.: *Мусеибов У.А.* Правовое регулирование процессуальных полномочий начальника подразделения дознания: проблемы и пути совершенствования // Российский следователь. 2013. № 13. С. 16.

[3] См.: СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 60.

[4] См.: СЗ РФ. 2007. № 24. Ст. 2830.

[5] См.: *Багмет А.М.* Об устранении двоевластия в уголовном преследовании // Российская юстиция. 2013. № 12. С. 57.

скольку принятие большинства важных решений о проведении процессуальных действий осуществляется по его разрешению или указанию[1].

Отдельно следует рассмотреть полномочия частного обвинителя, сравнив их с полномочиями государственного обвинителя (прокурора). Согласно ст. 37 УПК РФ прокурор уполномочен осуществлять несколько функций, в том числе поддерживать государственное обвинение. Полномочия обвинителя в судебном разбирательстве, в свою очередь, регламентированы ст. 246 УПК РФ, в ч. 1 которой указано, что его участие в судебном разбирательстве обязательно. Части 2 и 3 ст. 246 УПК РФ разделяют полномочия государственного и частного обвинителей, причем, ч. 2 ст. 43 УПК РФ установлено, что частный обвинитель наделяется правами, предусмотренными ч. 4–6 ст. 246 УПК РФ. Указанные уголовно-процессуальные нормы регламентируют деятельность прокурора по поддержанию государственного обвинения в судебном разбирательстве.

Следовательно, уголовно-процессуальным законодательством полномочия частного обвинителя приравнены к полномочиям прокурора как государственного обвинителя. С одной стороны, в соответствии с ч. 7 ст. 318 УПК РФ частный обвинитель наделен правами потерпевшего. Кроме того, согласно п. 59 ч. 1 ст. 5 УПК РФ «частный обвинитель — это потерпевший или его законный представитель и представитель по уголовным делам частного обвинения». Но, с другой стороны, он поддерживает обвинение в суде. И отказ от обвинения ведет к примирению сторон и прекращению уголовного дела, то есть освобождению лица, привлекаемого к уголовной ответственности. Однако уголовным законом права, свободы и законные интересы частного обвинителя в отличие от прокурора и потерпевшего не охраняются. На наш взгляд, это связано с тем, что УПК РСФСР не предусматривал его в качестве самостоятельного участника процесса. Как отмечает В.П. Божьев, в российском уголовно-процессуальном законодательстве после октябрьского периода (УПК РСФСР 1923 и 1960 гг.)

---

[1] См.: *Шабунин В.А.* О развитии полномочий руководителя следственного органа // Российский следователь. 2013. № 14. С. 8.

формально отсутствовал субъект уголовно-процессуального права, именуемый частным обвинителем. Уставу уголовного судопроизводства 1864 г. такой участник уголовного процесса был известен (см., например ст. 5, 6, 526, 630). От его действий (подачи жалобы) зависело начало производства по уголовному делу, возбуждаемому по жалобе потерпевшего и подлежащему прекращению ввиду его примирения с обидчиком. Исключительно частным обвинителям было предоставлено право обличать обвиняемого по этим делам перед судом[1]. Частный обвинитель был включен в перечень участников уголовного судопроизводства только после принятия и введения в действие УПК РФ, то есть с 1 июля 2002 г.[2] В этой связи представляется верным мнение Т.В. Орловой, которая пишет, что «согласно ст. 42, 43 УПК потерпевший и частный обвинитель являются самостоятельными участниками судопроизводства»[3].

Применительно к данному случаю А.С. Генералова выделяет следующие основные признаки частного обвинителя:

добровольность осуществления обвинительной деятельности означает, что пострадавшее лицо, исходя из личных соображений, решает вопрос о необходимости уголовного преследования своего обидчика;

самостоятельная деятельность частных лиц, то есть лицо, пострадавшее от преступления, лично либо через своего представителя (законного представителя) ведет обвинительную деятельность, заключающуюся в выдвижении обвинения, его доказывании и поддержании в судебном разбирательстве[4].

Понятой как участник уголовного судопроизводства регламентирован и УПК РСФСР, и УПК РФ. Тем не менее, в уголовно-процессуальной науке по-

---

[1] См.: *Божьев В.П.* Частный обвинитель // Законность. 2008. № 7. С. 8.

[2] См.: *Яшин А.В.* Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления против правосудия // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений. Саратов, 29–30 сентября 2016 г.). Саратов, 2016. С. 264–265.

[3] *Орлова Т.В.* Производство по уголовным делам частного обвинения // Мировой судья. 2014. № 10. С. 38.

[4] См.: *Генералова А.С.* Особенности процессуального статуса потерпевшего по уголовным делам частного обвинения // Законодательство и экономика. 2014. № 7. С. 54.

стоянно велись споры о целесообразности данного субъекта уголовного процесса.

В частности, Б. Кичеев полагает, что участие понятых не может гарантировать законности действий следователя[1]. А.Г. Калугин отмечает, что понятых привлекают лица, производящие расследование, по своему собственному усмотрению, когда имеются основания полагать, что может иметь место противодействие производству какого-либо следственного действия[2]. В.М. Быков считает, что наличие института понятых в российском уголовном процессе является положительным фактом[3]. Ю.В. Францифоров, также приветствуя институт понятых, высказал мнение, согласно которому необходимость их привлечения в уголовный процесс обусловлена требованием уголовно-процессуального закона по удостоверению факта, содержания, хода и результатов следственного действия с целью обеспечения законности, беспристрастности и объективности его производства[4]. Поддерживая данную точку зрения, отметим, что институт понятых необходим, поскольку у данных участников процесса можно выяснить, были ли нарушения со стороны органов предварительного расследования при производстве того или иного следственного действия. Несмотря на то, что нормы УПК РФ, регулирующие права и обязанности понятых в уголовном судопроизводстве, были реформированы, их участие в отдельных процессуальных действиях осталось обязательным[5].

Тем не менее, надлежит отметить, что в сферу уголовного судопроизводства все же вовлечен более широкий круг лиц, нежели указанный в разд. II УПК РФ. Участие таких лиц в уголовном процессе также регламентировано отдель-

---

[1] См.: *Кичеев Б.* Все ли понятно понятым? // Социалистическая законность. 1990. № 6. С. 34.

[2] См.: *Калугин А.Г.* Понятой в уголовном процессе // Следователь. 1999. № 7. С. 2.

[3] См.: *Быков В.М.* Участие народа в правосудии начинается с понятого // Мировой судья. 2014. № 6. С. 24.

[4] См.: *Францифоров Ю.В.* Ретроспективный анализ участия понятых в уголовном судопроизводстве // Вестник Волгоградского университета. Серия 5: Юриспруденция. 2015. № 1. С. 49.

[5] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. М., 2016. С. 8–20.

ными его нормами. К таким лицам относятся, в частности, главный редактор СМИ (ч. 2 ст. 144), поручитель (ст. 103), залогодатель (ст. 106), заслуживающее доверие лицо (ч. 1 ст. 105), руководитель коммерческой организации (ст. 23), педагог или психолог (ч. 3–5 ст. 425) и многие др. Однако эти лица участвуют в процессе лишь эпизодически по отдельным уголовным делам и не обладают в полной мере правами и не несут всех обязанностей участников уголовного судопроизводства, перечисленных в разд. II УПК РФ. Так, о педагоге либо психологе упоминается в отдельных уголовно-процессуальных нормах, указывается необходимость их участия в некоторых случаях в следственных действиях, проводимых с участием несовершеннолетних. По этому поводу С.В. Тетюев пишет, что участие педагога (психолога) в следственных и судебных действиях традиционно рассматривается в качестве дополнительной гарантии прав несовершеннолетних, участвующих в уголовном процессе, что обусловлено необходимостью учета их возрастных особенностей[1]. С его точки зрения, педагогу в уголовном судопроизводстве с участием несовершеннолетних необходимо выполнить конкретные задачи, связанные с установлением психологического контакта с подростком[2].

Таким образом, педагог либо психолог содействуют лицу, производящему расследование, в производстве следственных действий с участием несовершеннолетнего. В отношении них вполне может быть применено противоправное воздействие, в частности, с целью выяснения информации о результатах следственных действий, проведенных с их участием[3].

Несмотря на то, что в уголовно-процессуальном законодательстве не отражены в полном объеме права, обязанности и полномочия секретаря судебно-

---

[1] См.: *Тетюев С.В.* Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве // Судья. 2010. № 10. С. 29.

[2] См.: *Тетюев С.В.* Зачем уголовному процессу педагог? // Российская юстиция. 2010. № 6. С. 39.

[3] Возможность такого воздействия предусмотрел и законодатель, включив педагога и психолога в перечень лиц, подлежащих государственной защите, на основании Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства».

го заседания и помощника судьи, им отведены существенные роли в уголовном процессе. В ст. 246 УПК РФ, расположенной в гл. 35 «Общие условия судебного разбирательства», регламентируется лишь обязанность секретаря судебного заседания, но в ней не определен правовой статус данного субъекта уголовного процесса и не установлены его процессуальные функции. Секретарь судебного заседания, с одной стороны, является государственным гражданским служащим и наиболее полно его права, обязанности и полномочия закреплены не в уголовно-процессуальном законе, а в Инструкции по судебному делопроизводству[1].

Однако наряду с обеспечивающими секретарь судебного заседания выполняет и процессуальные функции. К примеру, такая его обязанность, как ведение протокола судебного заседания, является очень важной для уголовного судопроизводства. Об этом говорится и в юридической литературе: «Законодатель специально оговаривает, что именно секретарь обязан полно и правильно излагать в протоколе действия и решения суда, а равно заявления, ходатайства и действия участников судебного разбирательства, имевшие место в ходе судебного заседания»[2].

Обеспечивающие функции в уголовном судопроизводстве выполняет и помощник судьи, правовой статус которого также уголовно-процессуальным законодательством не определен, его права, обязанности, полномочия как государственного гражданского служащего в полном объеме регламентированы Приказом Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федера-

---

[1] См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 161 «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» (в ред. от 1 марта 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] *Михальчук Ю.П., Соболь А.В.* Законодательное регулирование процессуального положения секретаря судебного заседания как участника уголовного судопроизводства // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2015. С. 145.

ции от 6 декабря 2010 г. № 272[1] и иными нормативными актами Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации.

Однако и секретарь судебного заседания, и помощник судьи наделены полномочиями, правами и обязанностями, регламентированными указанными подзаконными актами, для выполнения определенных ролей в уголовном судопроизводстве. Поэтому можно только согласиться с суждением Е.А. Волобуевой, что секретарь судебного заседания и помощник судьи в российском уголовном процессе являются процессуальными фигурами, это — самостоятельные субъекты уголовно-процессуальной деятельности, оказывающие содействие осуществлению правосудия[2].

В отношении секретаря судебного заседания либо помощника судьи также могут совершаться противоправные деяния, связанные с отправлением правосудия (например, чтобы они уничтожили или укрыли доказательства по уголовному делу), поэтому секретарь судебного заседания и помощник судьи, как и другие участники уголовного судопроизводства, подвергаются риску стать жертвами преступлений.

На наш взгляд, М.Т. Аширбекова совершенно справедливо ставит вопрос о том, почему уголовно-процессуальным законодательством не отнесен к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства председатель суда. Она пишет, что «председатель суда как минимум может входить в состав суда, т.е. представлять собственно суд как властный субъект, ведущий производство по конкретному уголовному делу, а также исполнять иные процессуальные пол-

---

[1] См.: Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2010 г. № 272 «Об утверждении типовых должностных регламентов помощников председателя суда (судьи) Верховного Суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] См.: *Волобуева Е.А.* К вопросу о процессуальном статусе секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводстве // Вестник Самарского государственного университета. 2010. № 3. С. 235.

номочия, которые связаны с иным делом, находящимся в производстве другого состава суда»[1].

Тем не менее, гл. 5 УПК РФ определяет в составе суда лишь судей и присяжных заседателей. Нормы, которые регулировали бы статус председателя суда, в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствует. В данном случае председатель суда, участвуя в составе суда в качестве судьи, в полном объеме обладает полномочиями суда, определенными указанной главой. Однако его должностные полномочия как руководителя суда, безусловно, имеющие важное значение для разрешения уголовных дел, действующей редакцией УПК РФ не предусмотрены.

Подобные пробелы существовали в УПК РФ с момента его принятия. Так, на основании ст. 40 в качестве участника уголовного судопроизводства выступает орган дознания. Однако ст. 40.1, регламентирующей процессуальный статус начальника подразделения дознания, УПК РФ был дополнен 6 июня 2007 г., а ст. 40.2, определяющей полномочия начальника органа дознания, лишь 30 декабря 2015 г.

Учитывая тенденции к расширению перечня участников уголовного судопроизводства, надеемся, что законодатель ликвидирует данный пробел, включив в УПК РФ уголовно-процессуальную норму, определяющую статус председателя суда, который, безусловно, также может оказаться в роли жертвы преступного посягательства

Считаем, что необходимо определиться с временными границами статуса участника уголовного судопроизводства как потенциальной жертвы преступлений. Так, противоправные деяния могут совершаться в отношении лица, являвшегося участником уголовного судопроизводства, и после того, как правосудие свершилось, причем, временные рамки при этом не ограничены. Заинтересованные лица в течение многих лет из мести могут совершать преступления,

---

[1] *Аширбекова М.Т.* Председатель суда как новый участник уголовного судопроизводства // Мировой судья. 2015. № 11. С. 12.

направленные на потерпевших и свидетелей, которые когда-то давали против них показания, на судей за вынесенные ими приговоры, на лиц, производящих предварительное расследование, и т.п. Поэтому высоким уровнем виктимности обладают не только действующие участники уголовного судопроизводства, но и лица, когда-то имевшие такой статус, что следует учитывать при разработке предупредительных мер[1].

Необходимо заметить, что деятельность участников уголовного судопроизводства может осуществляться и при проведении доследственной проверки. Так, отдельные следственные действия в соответствии с УПК РФ могут быть проведены и до возбуждения уголовного дела, в частности: осмотр места происшествия, документов и предметов; осмотр трупа; освидетельствование; назначение и производство судебной экспертизы; получение образцов для сравнительного исследования. В их производстве участвуют следователи либо дознаватели, могут принимать участие должностные лица органа дознания, специалисты, эксперты, понятые и др. Кроме того, должностные лица органа дознания, дознаватели, следователи уполномочены принимать решения о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении. В связи с данными действиями в отношении участников уголовного судопроизводства могут совершаться преступления и до возбуждения уголовных дел.

Согласно пп. 9 и 56 ст. 5 УПК РФ деятельность с момента получения сообщения о преступления (то есть еще до возбуждения уголовного дела) также относится к судопроизводству, поэтому участие в доследственной проверке вышеуказанных участников уголовного судопроизводства представляется логичной. Однако следует заметить, что в досудебном судопроизводстве до момента возбуждения уголовного дела принимают участие и лица, не только не

---

[1] Данное обстоятельство предусмотрено и ч. 5 ст. 2 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», в соответствии с которой меры государственной защиты в отношении защищаемых лиц могут быть применены после постановления приговора.

указанные в разд. II УПК РФ, но и вообще не регламентированные уголовно-процессуальным законодательством.

Анализ уголовно-процессуального законодательства свидетельствует, что в отдельных его нормах упоминается заявитель, участвующий в доследственной проверке (ст. 141, 144–146 УПК РФ и другие), имеются указания на лицо, в отношении которого проводится проверка (п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ) и очевидцев (п. 2 ч. 1 ст. 91 УПК РФ), однако ничего не сказано о лице, пострадавшем от преступления (жертве).

Все-таки следует отметить, что заявитель, очевидец, жертва и лицо, в отношении которого проводится проверка — это, как правило, будущие участники уголовного судопроизводства (потерпевший, представитель потерпевшего, свидетель, подозреваемый). В отношении них заинтересованные лица также совершают преступные деяния в целях воспрепятствования возбуждению уголовного дела и дальнейшему производству предварительного расследования. Тем не менее, уголовно-процессуальное законодательство не относит заявителя, очевидца, жертву и лицо, в отношении которого проводится проверка, к самостоятельным участникам уголовного судопроизводства, в УПК РФ не определен их процессуальный статус. Указанные лица при определенных обстоятельствах приобретают статус участников уголовного судопроизводства лишь после возбуждения уголовного дела.

Тем не менее, заявитель, очевидец, жертва и лицо, в отношении которого проводится проверка, относятся к указанным в ч. 1.1 ст. 144 УПК РФ лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении. Им разъясняются их права и обязанности, предусмотренные УПК, а также обеспечивается возможность осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы.

При этом А.М. Наумов вполне обоснованно считает, что возникает определенная сложность с выполнением требования уголовно-процессуального закона о разъяснении прав и обязанностей лицам, участвующим в доследствен-

ной проверке, поскольку их процессуальный статус в законе не определен. После возбуждения уголовного дела и выполнения ряда процессуальных действий эти лица приобретут процессуальный статус потерпевшего, подозреваемого либо обвиняемого, а также свидетеля. А кем они являются до возбуждения уголовного дела, каковы их процессуальные права и обязанности — об этом уголовно-процессуальный закон умалчивает[1].

Все же полагаем, что любой субъект, вовлеченный в сферу уголовного судопроизводства, оказывается в зоне повышенного риска совершения в отношении него противоправных посягательств. Причем, это не зависит от того, регламентирован ли его процессуальный статус в полном объеме либо уголовно-процессуальным законодательством установлены какие-то его отдельные права и (или) обязанности. Преступному воздействию в той или иной степени может быть подвергнуты как судья, так и секретарь судебного заседания; как потерпевший в процессуальном смысле, так и жертва преступления; как обвиняемый, так и лицо, в отношении которого проводится проверка; как законные представители подозреваемого и обвиняемого, так и педагог либо психолог, и т.п.

Как отмечается во многих социально-криминологических исследованиях, на современном этапе развития общества, к сожалению, очень высок уровень потенциальных жертв, которых преступники, как правило, могут «вычислить», и довольно просто[2]. К таким потенциальным жертвам и относятся лица, вовлеченные в уголовный процесс, поскольку в связи с исполняемой ими ролью в уголовном судопроизводстве они предрасположены к совершению в отношении них преступлений. Поэтому для виктимизации данных субъектов наиболее характерным фактором является ролевая виктимность.

На наш взгляд, при разработке дефиниции участника уголовного судопроизводства как потенциальной жертвы преступлений, слово «участник» сле-

---

[1] См.: *Наумов А.М.* Процессуальный статус участников доследственной проверки // Российский следователь. 2016. № 8. С. 11–12.

[2] См.: *Максименков А.А., Майоров А.В.* Психологические аспекты виктимности // Виктимология. 2015. № 4. С. 26.

дует употреблять в буквальном смысле. Так, в специализированных справочных изданиях понятие «участник» определяется как: человек, принимавший или принимающий участие в чем-нибудь[1]; тот, кто участвует, участвовал в чем-нибудь[2].

Таким образом, в криминологическом аспекте, под участниками уголовного судопроизводства как жертвами, так и потенциальными жертвами преступлений, предлагается понимать всех лиц, которые принимают либо когда-то принимали участие в уголовном процессе.

Однако в УПК РФ под участниками уголовного судопроизводства подразумеваются как физические лица, так и коллективные субъекты, в том числе юридические лица (суд, орган дознания и др.). В частности, Г.П. Лозовицкая и М.В. Фортуныч указывают, что жертвой преступления может быть не только отдельное физическое лицо, но и групповой, интегративный субъект (например, государство, предприятие, организация, партия и иное социальное сообщество)[3]. Тем не менее, полагаем, что в целях разработки мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства важно исследовать индивидуальную виктимность таких жертв, то есть рассматривать их как физических лиц. Это связано с тем, что преступные посягательства осуществляются в отношении конкретных лиц в связи с выполнением ими определенных функций по поводу участия в уголовном процессе.

Совместно с ролевой виктимностью в литературе рассматривают и профессиональную виктимность[4], которая также присуща участникам уголовного судопроизводства, вовлеченным в уголовный процесс в связи с выбранной ими

---

[1] См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940. С. 1035.

[2] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 876.

[3] См.: *Лозовицкая Г.П., Фортуныч М.В.* Указ. раб. С. 20.

[4] См.: *Репецкая А.Л.* Виновное поведение потерпевших и принцип справедливости в уголовной политике. Иркутск, 1994. С. 14–15; *Варчук Т.В.* Теория виктимологического моделирования и ее развитие в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. С. 12.

профессией (судья, прокурор, следователь и т.п.). Однако эти профессии не всегда связаны с участием именно в уголовном судопроизводстве. Так, судьи участвуют не только в уголовном, но и в гражданском, арбитражном и иных видах судопроизводства, рассматривают жалобы, изучают и обобщают судебную практику, участвуют в работе по повышению правовых знаний работников аппарата судов и т.п. Прокуроры разрешают заявления, жалобы и иные обращения, содержащие сведения о нарушении законов, осуществляют координацию деятельности по борьбе с преступностью и т.п. Другие участники уголовного судопроизводства также выполняют функции, не всегда связанные с отправлением правосудия. Поэтому ролевая виктимность участников уголовного судопроизводства превалирует над иными видами виктимности (профессиональной, социально-демографической, культурно-образовательной, нравственной и т.п.).

Учитывая вышеизложенное, полагаем, что под участниками уголовного судопроизводства с криминологической точки зрения следует понимать любых физических лиц, принимающих либо принимавших участие в уголовном процессе, предрасположенных стать жертвой преступных посягательств в связи с определенной уголовно-процессуальным законом ролью и возникновением процессуальных прав и (или) обязанностей[1].

В уголовно-процессуальной доктрине существует множество классификаций участников уголовного судопроизводства, которые проводятся по различным основаниям. В частности, классификация участников процесса, определяющая их процессуальный статус, осуществляется по ряду критериев: обладание властными полномочиями; заинтересованность в исходе дела, зависимость от выполняемой процессуальной функции; отношение к процедуре доказывания[2].

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Участники уголовного судопроизводства как потенциальные жертвы преступлений // Современное право. 2017. № 12. С. 113–117.

[2] См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова. С. 57.

В зависимости от роли в доказывании могут быть выделены следующие группы участников: лица, на которых лежит обязанность доказывания; лица, которые обязаны принимать участие в доказывании; лица, имеющие право участвовать в доказывании; лица, содействующие процессу доказывания.

Существуют классификации и в зависимости от стадий, на которых принимает участие в уголовном деле то или иное лицо; в зависимости от порядка вступления в уголовный процесс и т.п.[1]

Однако, несмотря на наличие в специальной литературе всевозможных классификаций, безусловно, представляющих огромный интерес для уголовно-процессуальной науки, большинство авторов в своих работах обращают особое внимание на легальную, хотя и не совсем, с их точки зрения, безупречную, классификацию участников уголовного судопроизводства, приведенную в разд. II УПК РФ. Это связано с тем, что легальная (законодательная) классификация участников уголовного судопроизводства обусловлена необходимостью подчеркнуть действие в уголовном судопроизводстве принципа состязательности, а также желанием законодателя показать зависимость участников процесса от их заинтересованности в деле той роли в осуществлении уголовно-процессуальной деятельности, которая обусловлена функциональным назначением, объемом процессуальных прав и обязанностей данных участников процесса[2].

Поскольку, как было сказано выше, точное количество участников уголовного судопроизводства не определено, считаем, что для целей криминологии определенный интерес представляет точка зрения процессуалистов, предлагающих разделить всех участников уголовного судопроизводства на две большие группы. Причем, в первую группу они отнесли лиц, о которых говорится в разд. II УПК РФ, их можно было бы назвать основными участниками. Во вторую группу вошли все остальные лица, участвующие в уголовном процессе[3].

---

[1] См.: *Григорьев В.Н., Победкин А.В. Яшин В.Н.* Уголовный процесс: учебник. М., 2005. С. 105.

[2] См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова. С. 57.

[3] См.: Уголовный процесс: учебник / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С. 72–74.

В данном случае лица, указанные в гл. 5–8 разд. II УПК РФ в полном объеме обладают процессуальным статусом участника уголовного судопроизводства, регламентированным законом. Все остальные субъекты, участвующие в уголовном процессе, также привлекаются к решению многих вопросов и выполнению действий, связанных с уголовным судопроизводством, и призваны играть отведенную им уголовно-процессуальным законом роль, наделяются соответствующими процессуальными правами и (или) обязанностями и вступают в правоотношения с другими участниками процесса. Полагаем, что данных лиц следует отнести к иным участникам уголовного судопроизводства, поскольку они так же, как и свидетель, эксперт, специалист, переводчик, понятой, не являются носителями функций обвинения, защиты или разрешения уголовных дел.

Таким образом, с учетом легальной (законодательной) классификации всех участников уголовного судопроизводства как потенциальных жертв преступлений, предлагается разделить на четыре группы:

а) лица, входящие в состав суда (гл. 5 УПК РФ);

б) участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ);

в) участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7 УПК РФ);

г) иные участники уголовного судопроизводства, регламентированные гл. 8 УПК РФ, а также любые другие лица, не указанные в гл. 5–8 разд. II УПК РФ, но у которых возникает хотя бы одно уголовно-процессуальное право и (или) хотя бы одна уголовно-процессуальная обязанность в связи с определенной им законом ролью в уголовном судопроизводстве (например, заявитель, лицо, в отношении которого проводится проверка, секретарь судебного заседания, помощник судьи, педагог, психолог, поручитель, залогодатель и др.).

Изучение и осмысление статусов и социальных ролей участников уголовного судопроизводства предполагает формулирование следующих обобщающих выводов:

1) легальная (законодательная) дефиниция «участники уголовного судопроизводства» регламентирована уголовно-процессуальным законодательством. Однако представителями уголовно-процессуальной науки данное понятие интерпретируется неоднозначно. Одни авторы полагают, что участники уголовного судопроизводства — это ограниченный круг субъектов, чей уголовно-процессуальный статус в полном объеме урегулирован нормами УПК РФ. С точки зрения других, под ними следует понимать всех лиц, участвующих в уголовном процессе, и отсутствие в законе норм, специально посвященных уголовно-процессуальному статусу отдельных участников, не принижает роли, отведенной им в связи с отправлением правосудия;

2) при рассмотрении участников уголовного судопроизводства в криминологическом аспекте как потенциальных жертв преступлений более предпочтительными представляются суждения второй группы процессуалистов. Это связано с тем, что любой субъект, вовлеченный в сферу уголовного процесса, оказывается в зоне повышенного риска совершения в отношении него противоправных посягательств;

3) повышенная степень виктимности участников уголовного судопроизводства обусловлена совокупностью процессуальных прав и обязанностей, которые придают им соответствующий статус. Обладание участниками уголовного судопроизводства процессуальными правами и (или) обязанностями неизбежно становится виктимогенным фактором, способствующим совершению в отношении них преступлений. При этом в качестве объектов преступных посягательств выступают разнообразные права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства: их жизнь, здоровье, телесная неприкосновенность, личная свобода, честь и достоинство и др.;

4) высоким уровнем виктимности обладают не только субъекты, принимающие участие в уголовном процессе, но и лица, ранее участвовавшие в нем. В УПК РФ в качестве участников уголовного судопроизводства регламентированы не только индивидуальные, но и коллективные субъекты (суд, орган дознания и т.п.). Однако в качестве потенциальных жертв преступлений надлежит

рассматривать физических лиц, поскольку именно в отношении них направлены противоправные посягательства, обусловленные выполнением конкретных функций, связанных с участием в уголовном процессе;

5) под участниками уголовного судопроизводства с криминологической точки зрения предлагается понимать любых физических лиц, принимающих либо принимавших участие в уголовном процессе, предрасположенных стать жертвой преступных посягательств в связи с определенной уголовно-процессуальным законом ролью и возникновением процессуальных прав и (или) обязанностей;

6) всех участников уголовного судопроизводства можно классифицировать на следующие группы:

лица, входящие в состав суда, указанные в гл. 5 УПК РФ;

участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, чей процессуальный статус регламентирован гл. 6 УПК РФ;

участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, определенные гл. 7 уголовно-процессуального закона;

иные участники уголовного судопроизводства, не являющиеся носителями функций обвинения, защиты или разрешения уголовных дел.

§ 2. Понятие и признаки преступлений против участников уголовного судопроизводства

Прежде чем дать определение преступлений против участников уголовного судопроизводства и рассмотреть их признаки, следует, на наш взгляд, выяснить, является ли группа данных общественно опасных деяний самостоятельной уголовно-правовой системой. Для этого в первую очередь необходимо уяснить, что же в науке, в том числе и юридической, относится к понятию «система». Чтобы выделить существенные признаки, присущие систематизации определенной группы преступлений, необходимо привести несколько дефиниций данной категории. Так, в различных источниках понятие «система» определяется следующим образом:

нечто целое, представляющее собой единство закономерно расположенных и находящихся в определенной связи частей[1];

совокупность связанных между собой и в то же время различных и независимых частей[2];

сложное единство, сформированное многими, как правило, различными факторами и имеющее общий план или служащее для достижения общей цели[3];

размещение, множество или собрание вещей, связанных или соотносящихся между собой таким образом, что вместе они образуют некоторое единство, целостность[4].

Между элементами множества, образующего систему, устанавливаются определенные отношения и связи. Благодаря им набор элементов превращается в связное целое, где каждый элемент оказывается, в конечном счете, связанным со всеми другими элементами и его свойства не могут быть поняты без учета этой связи[5].

Таким образом, под системой того или иного вида преступлений следует понимать логически обоснованную совокупность уголовно-правовых норм, связанных между собой единым объектом преступного посягательства, и объединенных в определенные группы, которыми являются главы УК РФ.

Поскольку преступления какой-либо однородной группы связаны между собой единым общим объектом, она (группа) становится единым целым. Но в то же время каждое из преступлений является единичным по отношению к категории «целое», поскольку составы указанных преступлений могут различаться между собой по дополнительным или факультативным объектам, объективной стороне, субъектам преступления, субъективной стороне.

---

[1] См.: Большой словарь иностранных слов / сост. Т.Л. Федорова. М., 2008. С. 459.

[2] См.: *Колесников А.А.* Основы теории системного подхода. Киев, 1988. С. 118.

[3] *Klir G.J.* An Approach to General Systems Theory. New-York, 1969. P. 283.

[4] *Distefano J.J., Stubberud I.J.* Feedback and Control Systems. New-York, 1967. P. 1.

[5] См.: *Садовский В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М., 1974. С. 83.

Всякая система имеет иерархическое строение. Элементы любой системы могут рассматриваться как особые системы меньшего объема и наоборот, сама исследуемая система может выступать как элемент (подсистема) другой, более широкой системы[1].

Так, в систему преступлений, предусмотренных УК РФ, входит подсистема уголовно-правовых норм, размещенных в Особенной части Кодекса, в свою очередь также являющаяся системой, в которой расположены другие подсистемы — разделы, состоящие из глав. Внутри главы выделяются подсистемы, объединяющие группы преступлений по тем или иным критериям.

Следует заметить, что указание на ряд участников уголовного судопроизводства в качестве потерпевших (судья, прокурор, следователь, свидетель и т.п.) наличествует в нормах гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия». В уголовно-правовой науке существует несколько критериев систематизации преступлений против правосудия.

Так, Е.А. Смирнов выделял в качестве такого критерия субъекта преступления и по этому основанию разделил преступления против правосудия на три взаимосвязанные группы:

1) со стороны должностных лиц, осуществляющих правосудие;

2) со стороны других участников уголовного и гражданского процесса и частных лиц;

3) со стороны арестованных, осужденных и пособников[2].

Ш.С. Рашковская классифицировала преступления против правосудия на две группы:

1) совершаемые должностными лицами правоохранительных органов;

2) совершаемые иными лицами[3].

Я.М. Кульберг придерживался аналогичного подхода и выделял также две группы преступлений:

---

[1] См.: *Садовский В.Н.* Указ. раб. С. 84.
[2] См.: *Смирнов Е.А.* Преступления против социалистического правосудия. М., 1959. С. 11.
[3] См.: *Рашковская Ш.С.* Преступления против правосудия. М., 1978. С. 16.

1) совершаемые должностными лицами;

2) совершаемые отдельными гражданами[1].

А.И. Чучаев и Л.В. Иногамова-Хегай предлагают разделять преступления против правосудия на пять групп по признаку непосредственного объекта[2]. По этому же свойству предлагают классифицировать преступления против правосудия С.А. Денисов[3] и Л.В. Лобанова[4].

Несколько иначе систематизирует преступления против правосудия Ю.И. Кулешов, который выделяет следующие группы норм:

1) предусматривающие ответственность за посягательство на судопроизводство;

2) охраняющие отношения, связанные с исполнением судебного акта;

3) консолидирующие нормы, направленные на защиту неприкосновенности участников процессуальных и постпроцессуальных отношений[5].

В уголовно-правовой литературе встречается классификация преступлений против правосудия и по сходству признаков объективной стороны данных общественно опасных деяний[6].

Н.В. Тарасов классифицирует систему преступлений против правосудия в зависимости от стадий уголовного процесса: противодействие преступной сре-

---

[1] См.: *Кульберг Я.М.* Преступления против правосудия. М., 1962. С. 22.

[2] См.: *Чучаев А.И.* Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий. Ульяновск, 1997. С. 6–7; Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. М., 2008. С. 360.

[3] См.: *Денисов С.А.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 11, 129–131.

[4] См.: *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 73–78.

[5] См.: *Кулешов Ю.И.* Система норм об ответственности за преступления против правосудия: история развития, пути и способы совершенствования // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая–1 июня 2007 г. М., 2007. С. 233.

[6] См.: Уголовное право России: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.Н. Игнатова, Ю.А. Красикова. М., 1998. С. 679.

ды на стадии расследования уголовных дел; противодействие криминальной среды на стадии судебного разбирательства уголовных дел[1].

При исследовании системы преступлений против правосудия установлено, что в ней наличествует ряд общественно опасных деяний, в которых в качестве потерпевших выступают участники уголовного судопроизводства. На наш взгляд, для определения круга данных преступлений необходимо выяснить, какими именно деяниями причиняется вред или создается угроза причинения вреда правам, свободам и законным интересам участников уголовного судопроизводства в связи с реализацией ими уголовно-процессуальных прав и (или) обязанностей. Очевидно, что поиск таких преступлений следует осуществлять, установив их объект. Это вытекает из введенного в научный оборот Б.Т. Разгильдиевым тезиса о том, что объект, подлежащий охране, должен быть исчерпывающе определен. Только в этом случае можно говорить об его охране. То, что не определено в качестве объекта, уголовным правом не охраняется, а потому причинение ему ущерба, его уничтожение находятся вне действия уголовного права[2]. По мнению Г.В. Вериной, «в российской уголовно-правовой науке отсутствует единая концепция объекта преступления, но вместе с тем разработана целая система воззрений по данной проблеме»[3].

Это суждение справедливо и для определения видового объекта преступлений против правосудия, поскольку в уголовно-правовой науке существует несколько точек зрения на данную проблему. В частности, в уголовно-правовой доктрине под видовым объектом преступлений против правосудия понимается: совокупность общественных отношений, обеспечивающих специфический вид государственной деятельности суда по реализации целей и задач правосудия и

---

[1] См.: *Тарасов Н.В.* Криминологическая теория и практика предупреждения преступлений против правосудия. М., 2005. С. 16–17.

[2] См.: *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация. Саратов, 1993. С. 56–57.

[3] *Верина Г.В.* Системные связи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления: анализ и синтез научной мысли // Ленинградский юридический журнал. 2014. № 2. С. 168.

органов, содействующих ему[1]; совокупность общественных отношений в сфере процессуальной деятельности, направленной на реализацию требований законности и социальной справедливости в каждом конкретном случае[2]; система общественных отношений, призванных обеспечить предпосылки, нормальное осуществление, а также претворение в жизнь результатов охранительной, познавательно-применительной, процессуально упорядоченной деятельности суда и содействующих ему органов и лиц[3] и др.

Не имея целью исследование и определение видового объекта преступлений против правосудия, поскольку нами исследуются только преступления против участников уголовного судопроизводства, следует остановиться на выделении объектов рассматриваемых общественно опасных деяний по горизонтали.

В научной литературе встречаются критические точки зрения относительно деления объектов преступления на основные, дополнительные и факультативные. Так, по мнению В.К. Глистина, концепция дополнительных и факультативных объектов не имеет никакой практической ценности и возникла вследствие того, что сторонники существования таких объектов отказались от анализа объекта как определенной целостности[4]. Н.Ф. Кузнецова полагала, что расщепление непосредственного объекта на основной, дополнительный и факультативный, не проясняя их значение для квалификации преступления, означает множить правоприменительные ошибки[5].

---

[1] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. М., 2008. С. 643.

[2] См.: Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. М., 2010. С. 301.

[3] См.: *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации. Волгоград, 1999. С. 27.

[4] См.: *Глистин В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений. Л., 1979. С. 114.

[5] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». М., 2007. С. 298.

Тем не менее, большинство авторов выступают за необходимость разграничения объектов преступления по горизонтали, различая три объекта: основной, дополнительный и факультативный[1].

В частности, в юридической литературе указывается, что необходимость выделения дополнительного объекта чаще всего обусловлена спецификой способа преступного посягательства на основной объект, когда вред основному объекту причиняется посредством посягательства на дополнительный[2]. Практическая значимость факультативного объекта состоит в верном определении степени общественной опасности совершенного деяния. Более опасным будет преступление, которое, поимо реального причинения вреда непосредственному основному объекту, угрожает причинением еще большего вреда другим объектам, попадающим в поле умышленной противоправной деятельности преступника[3].

Думается, что для определения преступлений против участников уголовного судопроизводства (гл. 31 УК РФ) важное значение имеет рассмотрение их дополнительных и факультативных объектов.

Так, факультативным объектом ст. 294 УК РФ (воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования) выступают права и законные интересы судей, присяжных заседателей, прокуроров, следователей, лиц, производящих дознание, поскольку данным преступлением нарушается независимость указанных лиц, связанная с подчинением их только закону при рассмотрении уголовных дел. Кроме того, указанным лицам косвенно причиняется и моральный вред, так как в силу противоправного воздействия они идут вопреки своему внутреннему убеждению и теряют авторитет среди граждан.

---

[1] См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VI. Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2016. С. 106.

[2] См.: Уголовное право Российской Федерации: учебник. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2001. С. 105.

[3] См.: *Семернева Н.К.* Квалификация преступлений. Части Общая и Особенная: научно-практическое пособие. Екатеринбург, 2008. С. 41.

Дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 295 УК РФ (посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование), является право на жизнь лиц, участвующих в отправлении правосудия. Потерпевшими от данного преступления будут лица, перечисленные в диспозиции ст. 295 УК РФ (судья, присяжный заседатель, прокурор, следователь, лицо, производящее дознание, защитник, эксперт, специалист), так как им прямо причиняется физический вред.

Дополнительный объект преступления, предусмотренного ст. 296 УК РФ (угроза или насильственные действия в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования) — безопасность, а также жизнь лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. То есть в данном случае лицам, определенным в диспозиции данной статьи, прямо причиняется физический или имущественный вред.

Дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 297 УК РФ (неуважение к суду), выступают общественные отношения, обеспечивающие честь и достоинство лиц, в отношении которых было совершено преступное посягательство. Потерпевшими здесь являются лица, перечисленные в диспозиции данной статьи, им прямо причиняется моральный вред.

Кроме указанных, вред прямо или косвенно причиняется участникам уголовного судопроизводства совершением преступлений, предусмотренных следующими уголовно-правовыми нормами:

ст. 298.1 УК РФ (клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, судебного пристава, судебного исполнителя), в данном случае прямо причиняется моральный вред лицам, указанным в диспозициях ч. 1 и 2;

ст. 299 УК РФ (привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности или незаконное возбуждение уголовного дела) — прямо причиняется моральный, физический или имущественный вред лицу, в отношении кото-

рого проводится проверка сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ;

ст. 300 УК РФ (незаконное освобождение от уголовной ответственности) — косвенно причиняется моральный вред потерпевшим от тех преступлений, в которых обвиняли лиц, незаконно освобожденных от уголовной ответственности;

ст. 301 УК РФ (незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей) — прямо причиняется физический, имущественный и моральный вред подозреваемым и обвиняемым;

ст. 302 УК РФ (принуждение к даче показаний) — лицам, перечисленным в диспозиции указанной статьи, прямо причиняется физический и моральный вред;

ч. 2–4 ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств по уголовному делу и результатов оперативно-разыскной деятельности) — косвенно вред причиняется подозреваемым и обвиняемым (при фальсификации обвинительных доказательств), так как их положение значительно ухудшается либо потерпевшим (когда фальсифицируются оправдательные доказательства), так как перестает осуществляться уголовно-процессуальная защита их прав;

ст. 305 УК РФ (вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта) — косвенно причиняется вред обвиняемым, если неправосудным приговором, решением или актом ухудшается их положение, или потерпевшим, если неправосудный приговор или решение направлены на ухудшение их положения или оправдание подсудимого;

ст. 307 УК РФ (заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод) — косвенно причиняется вред обвиняемым и подозреваемым (если заведомо ложные показания, заключение или перевод направлены на обвинение данных лиц в совершении преступления) либо потерпевшим (если показания свидетеля, заключение эксперта, специалиста, а также перевод были направлены на оправдание подозреваемых или обвиняемых);

ст. 308 УК РФ (отказ свидетеля или потерпевшего от дачи показаний) — косвенно причиняется вред подозреваемым или обвиняемым (если отказ от показаний ухудшает их положение) либо потерпевшим (если отказ от дачи показаний направлен на оправдание виновных в совершении преступления лиц);

ст. 309 УК РФ (подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу) — перечисленным в диспозиции ч. 1 и 2 лицам прямо причиняется физический, имущественный и моральный вред.

ст. 310 УК РФ (разглашение данных предварительного расследования) — косвенно вред причиняется участникам уголовного судопроизводства на стадии предварительного расследования в том случае, если разглашение данных ухудшает их положение, например, возникает возможность оказания давления на лицо, производящее расследование, нарушаются права и законные интересы свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых и т.п.

ст. 311 УК РФ (разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении судьи и участников уголовного процесса) — прямо причиняется физический, имущественный или моральный вред лицам, перечисленных в диспозиции данной уголовно-правовой нормы;

ст. 312 УК РФ (незаконные действия в отношении имущества, подвергнутого описи или аресту либо подлежащего конфискации) — косвенно причиняется имущественный вред потерпевшим от преступлений;

ст. 316 УК РФ (укрывательство преступлений) — косвенно причиняется вред участникам, осуществляющим предварительное расследование, так как данное деяние значительно затрудняет их деятельность, а также потерпевшим, поскольку перестает осуществляться уголовно-процессуальная защита их прав. Как справедливо считает А.В. Бриллиантов, роль укрывательства состоит в том, что оно препятствует своевременному раскрытию преступлений и привлечению

виновных к уголовной ответственности, создает условия для безнаказанности лиц, совершающих особо тяжкие преступления[1].

Таким образом, из гл. 31 УК РФ можно выделить 18 составов преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, где дополнительными или факультативными объектами выступают их права, свободы и законные интересы. Причем, как видно из анализа объектов данных уголовно-правовых норм, одним потерпевшим вред причиняется непосредственно (ст. 295–299, 301, 302, 309, 311), другим — косвенно, в зависимости от ситуации совершения преступления (ст. 294, 300, 303, 305, 307, 308, 310, 312, 316). Следовательно, в указанной главе представляется возможным обозначить две группы преступлений против участников уголовного судопроизводства:

1) преступления с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства;

2) преступления с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства.

Разделение преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в гл. 31 УК РФ, на указанные группы не является их классификацией, поскольку в данном случае рассматривается лишь часть общественно опасных деяний (относящихся к преступлениям против правосудия). Однако такое деление будет полезным при дальнейшем исследовании криминологической характеристики преступных деяний.

Следует отметить, что в соответствии с описанием диспозиций отдельные преступления (например, предусмотренные ч. 1 ст. 294, ст. 295 УК РФ и др.) посягают также на участников конституционного, гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Однако изучение судебно-следственной практики свидетельствует о том, что в подавляющем большин-

---

[1] См.: *Бриллиантов А.В.* Укрывательство преступлений: вопросы квалификации // Уголовное право. 2017. № 1. С. 26.

стве случаев вышеуказанные преступления посягают на права, свободы и законные интересы именно участников уголовного судопроизводства.

Одним из признаков объекта преступлений против правосудия (как непосредственного, так и дополнительного либо факультативного) является потерпевший. Причем, для гл. 31 УК РФ характеристики потерпевшего от преступления имеют, как правило, значение криминообразующих признаков, поэтому ряд авторов отождествляют преступления против участников уголовного судопроизводства с преступлениями против правосудия. В частности, Г.П. Лозовицкая указывает, что на защиту интересов участников уголовного судопроизводства направлены нормы уголовно-правового законодательства, предусмотренные гл. 31 УК РФ[1].

Однако следует заметить, что в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе, могут совершаться не только преступления против правосудия, но и многие другие, например, против жизни, здоровья, собственности, половой неприкосновенности, половой свободы личности и т.д.

Так, в целях мести за ранее данные показания в отношении свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного процесса могут быть совершены преступления, предусмотренные ст. 105, 111, 158, 131, 132, 167 УК РФ и др.

К примеру, Новокузнецким районным судом Кемеровской области за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 167 УК РФ, к 2 годам 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 3 года был осужден 36-летний житель села Баевка. В ходе судебного заседания установлено, что виновный в сентябре 2016 г. совершил поджог принадлежащих фермеру того же села двух тюков сена и хозяйственного блока, в котором находились животные (коровы и козы), а также хранились пиломатериалы. Подсудимый дал признательные показания и пояснил, что поджог совершил из мести, поскольку несколькими месяцами ранее он украл у фермера козу, из-за чего стал фигурантом уголовного дела. Попытки примириться с потерпевшим оказались

---

[1] См.: *Лозовицкая Г.П.* Указ. раб. С. 6–7.

безуспешными, тогда он решил отомстить ему за несговорчивость и поджег хозяйственный блок[1].

1 сентября 2012 г. С. совершил в отношении П. грабеж, в связи с чем 3 сентября 2012 г. последняя обратилась в районный отдел полиции с заявлением о преступлении и привлечении С. к уголовной ответственности. 20 сентября 2012 г. в отношении С. было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 161 УК РФ, П. была признана по данному делу потерпевшей и дала изобличающие С. показания, после чего дело по указанному обвинению направили в суд для рассмотрения по существу. В связи с этим в период с 3 сентября 2012 г. по 14 марта 2013 г. у С. из мести за выполнение потерпевшей П. указанного общественного долга возник умысел на ее убийство, чем он неоднократно угрожал ей, требуя изменить ранее данные показания. В период с 23 часов 14 марта 2013 г. по 4 часа 15 марта 2013 г. С. привез П. на участок местности, расположенный в двух километрах от трассы в Коченевском районе Новосибирской области, где, реализуя умысел, направленный на убийство П., взял неустановленный предмет, имеющий свойства тупого и острого, а также обладающий рубящими свойствами, и, действуя из мести за выполнение П. общественного долга, с целью лишения жизни, умышленно нанес ей данным предметом не менее 26 ударов в область головы, шеи и конечностей, причинив множественные телесные повреждения, в том числе рубленое слепое ранение шеи с повреждением правой доли щитовидной железы, правой яремной вены и тела третьего шейного позвонка, оценивающееся как тяжкий вред здоровью, от которого П. скончалась на месте[2].

В данном случае С. из мести за ранее данные изобличающие его показания совершил убийство потерпевшей П.

---

[1] См.: Житель Новокузнецкого района осужден за поджог хозяйственного блока с находившимися в нем животными // Официальный сайт ГУ МВД России по Кемеровской области. URL: https://42.мвд.рф/news/item/9220485 (дата обращения: 31.08.2017).

[2] См.: Уголовное дело № 2-50/2014 // Архив Новосибирского областного суда.

По другому уголовному делу М. и К. осуждены за умышленное причинение группой лиц по предварительному сговору средней тяжести вреда здоровью Ф. в связи с выполнением ею общественного долга с издевательствами и мучениями для нее. Судом установлено, что Ф., выполняя свой общественный долг, при допросе в качестве свидетеля по уголовному делу сообщила о причинении в ее присутствии тяжкого вреда здоровью Б., после чего тот был задержан и заключен под стражу. Узнав об этом, М. и К. пришли в квартиру, где находилась Ф., которая подтвердила, что показания против Б. дала именно она. Тогда М. и К., причиняя душевные и физические мучения и страдания, избили ее, М. состриг волосы, а К. обрил ей голову. Потерпевшую периодически обливали холодной водой, заставили встать на колени и подробно рассказать о данных ею показаниях. Своими действиями осужденные причинили множественные ссадины, кровоподтеки, переломы ребер, которые расцениваются как повлекшие вред здоровью средней тяжести[1].

По этому поводу в научной литературе приводятся сведения, что сотрудниками УОГЗ оперативным путем ежегодно выявляются и документируются преступления, связанные с угрозой защищаемым лицам, предусмотренные нормами, содержащимися в гл. 16 УК РФ («Преступления против жизни и здоровья»), 21 УК РФ («Преступления против собственности») и др.[2]

Бесспорно, такие преступления не являются преступлениями против правосудия, поскольку при их совершении нарушается не сама процедура правильного осуществления правосудия, а ущемляются права, свободы и законные интересы конкретных участников уголовного судопроизводства по поводу их участия в уголовном процессе. Об этом вполне обоснованно пишет И.А. Бобраков: «Деяния, создающие угрозу безопасности гражданам, вовлеченным в сфе-

---

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июля 2007 г. № 35-О07-28. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Мазова Е.И.* Ролевая функция оперативно-розыскной деятельности в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите // Российский следователь. 2013. № 6. С. 29.

ру уголовного судопроизводства, далеко не во всех случаях охватываются рамками гл. 31 УК РФ. В ряде случаев уголовно-правовая оценка таких посягательств может определяться п. «б» ч. 2 ст. 105, п. «а» ч. 1 ст. 111, п. «б» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 117 УК РФ и другими нормами уголовного законодательства»[1].

В связи с указанным обстоятельством не представляется возможным выделить преступления против участников уголовного судопроизводства в качестве самостоятельной уголовно-правовой системы. Это связано с тем, что законодатель основанием систематизации преступлений в целом и отдельных их видов избрал объект уголовно-правовой охраны, а в отношении участников уголовного судопроизводства в связи с их законной деятельностью совершаются преступления, посягающие не только на интересы правосудия, но и на другие охраняемые уголовным законом объекты. В данном случае лица, участвующие в уголовном процессе, обладают повышенной степенью виктимности, их внимание и осмотрительность ниже, чем у обычных граждан, поэтому они чаще становятся жертвами различных преступлений. Так, участники уголовного судопроизводства, особенно подозреваемые и обвиняемые, нередко становятся жертвами мошенничества. Их легко ввести в заблуждение, например злоумышленник может представиться сотрудником правоохранительных органов и сообщить, что имеет возможность повлиять на лицо, производящее расследование, с целью прекращения уголовного дела и завладеть деньгами указанных участников процесса.

Полагаем, что при исследовании преступлений обозначенной категории необходимо рассмотреть и субъективную сторону данных противоправных деяний. Как указывает В.А. Якушин, уголовное право нашей страны всегда основывалось на принципе субъективного вменения, который в действующем УК

---

[1] *Бобраков И.А.* Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 95–96.

РФ приобрел статус законодательного[1]. А.И. Рарог отмечает, что «вина в соответствии с психологическим ее пониманием, господствующим в отечественной правовой науке, — это психическое отношение лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям»[2]. Он же дает развернутое определение вины, под которой понимает психическое отношение лица в форме умысла или неосторожности к совершаемому им общественно опасному деянию, в котором проявляется антисоциальная, асоциальная либо недостаточно выраженная социальная установка этого лица относительно важнейших социальных ценностей[3]. Определяя понятие умысла, ученый приводит суждение, согласно которому в его содержание включено осознание общественно опасного характера деяния. Из этого следует, что предметом сознания при умысле являются: во-первых, фактическое содержание совершаемого деяния; во-вторых, его социальное значение[4].

При совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства виновный сознает, что посягает на права, свободы и законные интересы указанных лиц, предвидит, что его деяния содержат в себе реальную возможность (при прямом и косвенном умыслах) или неизбежность (при прямом умысле) наступления тех или иных общественно опасных последствий и в целях противоправного удовлетворения своих собственных потребностей и интересов желает их наступления (при прямом умысле) или сознательно допускает эти последствия либо относится к ним безразлично (при косвенном умысле).

Поэтому преступления, в которых в качестве потерпевших выступают лица, участвующие в уголовном процессе, не всегда являются преступлениями

---

[1] См.: *Якушин В.А.* Субъективное вменение и его значение в уголовном праве. Тольятти, 1998. С. 6–28.

[2] *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 14.

[3] См.: Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VII. Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II. Субъективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. С. 95.

[4] См.: *Рарог А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам. СПб., 2002. С. 79.

против участников уголовного судопроизводства. В данном случае необходимо учитывать, что в каждом преступлении против участника уголовного судопроизводства последний выступает в качестве потерпевшего, но не всякое преступление, где потерпевшим является участник уголовного судопроизводства, является преступлением против него. К преступлениям против участников уголовного судопроизводства следует отнести лишь те общественно опасные деяния, при совершении которых виновный сознает, что противоправно воздействует на участника уголовного судопроизводства, играющего определенную роль в уголовном процессе в целях удовлетворения своих собственных потребностей и интересов. Следует заметить, что указание на данную цель не свидетельствует о том, что против участников уголовного судопроизводства совершаются общественно опасные деяния лишь с прямым умыслом. Причинение вреда правам, свободам и законным интересам участников уголовного судопроизводства является средством достижения такой цели. В данном случае у виновного может и не быть прямого умысла на причинение конкретного вреда потерпевшему, хотя он может сознательно допускать, что в результате его деяния наступят любые последствия, которых он даже не желает.

К примеру, виновный стремится выяснить содержание показаний, данных свидетелем при допросе. Непосредственно воздействовать на свидетеля он не может, так как тот находится под государственной защитой. Узнав, что допрос проводился с участием переводчика, виновный, применяя к нему насилие, опасное для жизни или здоровья, принуждает переводчика рассказать, о чем давал показания свидетель. Виновный здесь может сознательно допускать, что его действия приведут к различным последствиям, в том числе и смерти потерпевшего. Однако он этого не желает, смерть переводчика ему не выгодна, поскольку, лишив его жизни, он не достигнет своей цели. Причиняя в результате применения насилия смерть переводчику, виновный действует с косвенным умыслом.

В юридической литературе преступление обоснованно рассматривается в двух аспектах: с позиций уголовного права и криминологии. При уголовно-

правовом подходе внимание сосредотачивается на юридическом анализе состава преступления. С точки зрения криминологии преступление рассматривается в контексте взаимодействия личности преступника и внешней среды, в которой совершается преступление[1]. Поэтому представляется верным суждение В.Ф. Козлова, считающего, что, с точки зрения криминологии, система сведений о преступлении в отличие от его уголовно-правовой характеристики содержит в себе информацию о детерминантах совершения преступления и призвана, прежде всего, обеспечить теоретико-методологическую функцию для процесса разработки мер по их предупреждению[2].

Поэтому полагаем, что при исследовании всего массива преступлений против участников уголовного судопроизводства (а не только содержащихся в гл. 31 УК РФ) как криминологической категории главенствующую роль все же играют не признаки состава преступления, а процессуальный статус жертвы (как элемент внешней среды — сферы уголовного судопроизводства) и особенности механизма преступного поведения личности виновного. Это связано с тем, что совокупность преступлений против участников уголовного судопроизводства рассматривается как составная часть российской преступности, и определение криминологических свойств данных общественно опасных деяний важно для разработки эффективных мер их предупреждения. В свою очередь, уголовно-правовой анализ элементов состава исследуемых деяний позволяет выявить признаки, необходимые для формулирования дефиниции преступлений против участников уголовного судопроизводства.

В соответствии с изложенным можно определить, что преступления против участников уголовного судопроизводства — это собирательное криминологическое понятие, включающее в себя умышленные противоправные общественно опасные деяния, причиняющие или создающие угрозу причинения

---

[1] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 58.

[2] См.: *Козлов В.Ф.* К вопросу о соотношении уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления // Эксперт-криминалист. 2012. № 2. С. 36-37.

вреда правам, свободам и законным интересам лиц, реализовавшим либо имевшим возможность реализовать свои уголовно-процессуальные права и (или) обязанности в уголовном судопроизводстве.

Итак, одним из криминологических признаков рассматриваемых преступлений является процессуальный статус жертвы, реализовавшей либо имевшей возможность реализовать свои уголовно-процессуальные права и (или) обязанности. Другой признак – осознание виновным того, что он противоправно воздействует на потерпевшего именно в связи с участием его в уголовном процессе, что является заранее определенной целенаправленностью преступного поведения личности. Таким образом, совокупность преступлений против участников уголовного судопроизводства предлагается рассматривать в качестве самостоятельной криминологической категории.

В криминологии совокупность преступлений, обладающих теми или иными сходными признаками, принято называть преступностью, хотя ее определение гораздо шире по смысловому содержанию.

С точки зрения А.И. Долговой, преступность представляет собой сложное системно-структурное явление[1]. Причем, как полагает ученый, «признавая структурный характер преступности, практически все криминологи выделяют отдельные ее составляющие. Уже сама по себе структура преступности — соотношение разных ее видов — позволяет судить о качественной характеристике данного явления в определенных пространственно-временных границах»[2]. И хотя А.И. Долгова во многих своих работах дает рекомендации по выделению и изучению отдельных структурных элементов всей преступности, а именно ее видов, она же предупреждает, что вычленение видов преступности — занятие непростое. Трудности возрастают, когда делается попытка выделить преступ-

---

[1] См.: *Долгова А.И.* Криминологические проблемы изучения видов преступности и взаимосвязей между ними // Преступность, ее виды и проблемы борьбы. М., 2011. С. 5.

[2] *Долгова А.И.* Преступность, ее виды и организованная преступность // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. М., 2001. С. 3.

ность, характеризуемую одновременно рядом признаков: и мотивацией, и сферой преступной деятельности, и субъектом преступления, и т.п.[1]

Указанное суждение подтверждается исследованием признаков преступлений против участников уголовного судопроизводства. Общими свойствами данных общественно опасных деяний являются лишь характеристики жертв преступных посягательств, обладающих, в свою очередь, довольно различными процессуальными статусами и социальными ролями. Думается, что остальные признаки рассматриваемых преступлений не позволяют выделить совокупность преступлений против участников уголовного судопроизводства в самостоятельный вид преступности, поскольку в массиве данных преступлений наличествуют различные объективные и субъективные признаки.

Так, участники уголовного судопроизводства в равной степени могут оказаться жертвами как насильственных преступлений, так и преступлений против собственности, правосудия и др. Субъектами преступлений могут быть как любые вменяемые достигшие возраста уголовной ответственности лица, так и специальные субъекты (например, сотрудники правоохранительных органов). Мотивы совершения данных общественно опасных деяний также могут быть разнообразны — воспрепятствование осуществлению правосудия, месть за совершенные действия, улучшение служебных показателей и т.п. Сами преступления против участников уголовного судопроизводства также могут структурно входить в тот или иной вид преступности (насильственную преступность, коррупционную преступность, преступность сотрудников органов внутренних дел и т.п.).

В связи с указанным обстоятельством полагаем, что совокупность преступлений против участников уголовного судопроизводства как составная часть всей преступности является самостоятельным криминологическим феноменом. Хотя данные преступления и обладают некоторыми общими признака-

---

[1] См.: *Долгова А.И.* Криминологические проблемы выделения и изучения отдельных видов преступности // Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 482.

ми (потерпевшие от них выступают участниками уголовного судопроизводства, их совершение обусловлено сферой уголовного процесса, умышленная форма вины), тем не менее, они существенно отличаются друг от друга, что не позволяет выделить их в отдельный вид преступности.

Следует заметить, что в криминологической науке встречаются попытки рассмотрения преступлений против участников уголовного судопроизводства как самостоятельного вида преступности. В частности, И.А. Бобраков, исследуя в качестве таких преступлений насильственные противоправные акты, регламентированные нормами, содержащимися в основном в гл. 31 УК РФ, оперирует понятием «преступность».

Между тем в рамках одного и того же исследования ученый употребляет различные дефиниции:

преступность, проявляющаяся в насильственных посягательствах на личность, вовлеченную в уголовное судопроизводство[1];

преступность, посягающая на граждан в связи с проводимым уголовным судопроизводством[2];

преступность, направленная на граждан, участвующих в уголовном судопроизводстве[3];

преступность, посягающая на интересы участников уголовного судопроизводства[4];

преступность, связанная с посягательствами в отношении участников уголовного судопроизводства[5];

преступность, связанная с посягательством на лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство[6].

---

[1] См.: *Бобраков И.А.* Указ. раб. С. 10.
[2] См.: Там же. С. 14.
[3] См.: Там же. С. 18.
[4] См.: Там же. С. 90.
[5] См.: Там же.
[6] См.: Там же. С. 95.

Осмысливая проведенное И.А. Бобраковым исследование, безусловно, имеющее огромное теоретическое и прикладное значение для криминологической науки, можно убедиться в том, что им все же не дается определения какого-либо вида преступности, и в заключении он делает вывод о криминологическом исследовании не преступности, а противоправных насильственных актов, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства[1].

Совокупность рассматриваемых общественно опасных деяний, с одной стороны, исследуют не как преступность, а как группу преступлений, совершаемых против участников уголовного судопроизводства, и иные авторы[2].

С другой стороны, общим для совокупности исследуемых преступлений является то, что их совершение обусловлено сферой уголовного судопроизводства, их жертвами являются лица, обладающие повышенной степенью виктимности в связи с участием в уголовном процессе, виновные сознают, что противоправно воздействуют на потерпевших именно в связи с участием последних в уголовном судопроизводстве. Все это позволяет говорить о преступлениях против участников уголовного судопроизводства как о самостоятельной криминологической категории[3].

Отметим, что в криминологической доктрине встречаются обоснования выделения из всей преступности не только конкретных ее видов, но и отдельных групп преступлений. Так, в юридической литературе говорится, что «структура преступности определяется соотношением в ней видов (групп) преступлений, классифицируемых по уголовно-правовым либо криминологическим основаниям»[4]. Н.Ф. Кузнецова писала, что «структура преступности ха-

---

[1] См.: *Бобраков И.А.* Указ. раб. С. 297.

[2] См.: *Лозовицкая Г.П.* Указ. раб.; *Краснова К.А.* Правовые и организационные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел // Российский следователь. 2015. № 22. С. 38–41; *Ервандян А.А*. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых против участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2014. № 21. С. 40–42.

[3] См.: *Яшин А.В.* Преступления против участников уголовного судопроизводства как собирательное криминологическое понятие // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2018. № 2. С. 315–318.

[4] Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 97.

рактеризуется соотношением и удельным весом групп преступлений»[1]. По мнению А.И. Долговой, криминологическое значение имеет выделение как видов преступлений, так и видов преступности, которое позволяет более глубоко изучать их особенности, специфику детерминации, причинности, а также разрабатывать дифференцированные меры борьбы[2].

Поскольку определены четыре группы участников уголовного судопроизводства, представляется логичным, что все преступления рассматриваемого вида следует классифицировать в соответствии с процессуальным статусом потерпевших от данных общественно опасных деяний:

а) преступления против лиц, входящие в состав суда;

б) преступления против участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения;

в) преступления против участников уголовного судопроизводства со стороны защиты;

г) преступления против иных участников уголовного судопроизводства[3].

Приведенная классификация будет принята за основу дальнейшего исследования.

Итак, изложенное позволяет охарактеризовать особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства, что находит отражение в следующих выводах:

1) права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства охраняются в соответствии с нормами, включенными в гл. 31 УК РФ, в которой содержится значительная часть преступлений рассматриваемого вида. Причем, процессуальные статусы потерпевших от данных преступлений имеют, как правило, значение криминообразующих признаков;

---

[1] *Кузнецова Н.Ф.* Избранные труды. Преступление и преступность. СПб., 2003. С. 658.

[2] См.: *Долгова А.И.* Преступность, ее виды и организованная преступность // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. С. 3.

[3] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. С. 21–33.

2) из гл. 31 УК РФ можно выделить ряд преступлений, потерпевшими от которых тем или иным образом выступают участники уголовного судопроизводства. К ним относятся общественно опасные деяния, предусмотренные ст. 294–302, ч. 2–4 ст. 303, ст. 305, 307–312, 316;

3) в отношении участников уголовного судопроизводства совершаются не только преступления против правосудия, но и многие другие, например, против жизни, здоровья, собственности, половой неприкосновенности и половой свободы личности и т.д. (в частности, умышленное уничтожение имущества или сексуальное насилие в целях мести за ранее данные показания). Особенность совершения таких преступлений состоит в том, что виновный, действуя умышленно и противоправно, посягает на права, свободы и законные интересы конкретных участников уголовного судопроизводства именно по поводу их участия в уголовном процессе;

4) преступления против участников уголовного судопроизводства — это собирательное криминологическое понятие, включающее в себя умышленные противоправные общественно опасные деяния, причиняющие или создающие угрозу причинения вреда правам, свободам и законным интересам лиц, реализовавшим либо имевшим возможность реализовать свои уголовно-процессуальные права и (или) обязанности в уголовном судопроизводстве;

5) общими признаками для группы исследуемых преступлений является то, что их совершение обусловлено сферой уголовного процесса; их жертвами являются участники уголовного судопроизводства, обладающие повышенной степенью виктимности; виновные осознают, что противоправно воздействуют на потерпевших именно в связи с участием последних в уголовном процессе, что позволяет рассматривать совокупность данных общественно опасных деяний в качестве самостоятельного криминологического феномена.

Глава 2. Криминологический анализ преступлений против участников уголовного судопроизводства и лиц, их совершающих

§ 1. Состояние, структура, динамика преступлений против участников уголовного судопроизводства

Прежде чем обобщить характеристики преступлений против участников уголовного судопроизводства, необходимо, на наш взгляд, провести анализ официальных статистических данных, после чего перейти к рассмотрению результатов эмпирического исследования. Это связано с тем, что сведения о зарегистрированных преступлениях данной категории не могут являться единственным показателем, способным создать представление об уровне, динамике и иных характеристиках совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства. В статистических документах учитываются преступления против правосудия, из группы которых можно вычленить необходимые для анализа общественно опасные деяния. Однако почерпнуть сведения о преступлениях, посягающих на иные охраняемые уголовным законом объекты, затруднительно вследствие несовершенства учетно-регистрационной дисциплины, о чем будет сказано в разд. II настоящего исследования. Вследствие этого результаты анализа статистических данных будут дополнены итогами социологических опросов участников уголовного судопроизводства.

Нижний предел периода времени, в который совершались исследуемые преступления, следует ограничить 1 января 1997 г., то есть моментом вступления в силу ныне действующего УК РФ. Полагаем, что верхний предел ограничивать точными временными рамками не стоит, поскольку определенный научный интерес заслуживает не только изучение уже совершенных преступлений, но и прогноз будущей преступности. При анализе совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства будут даны ее характеристики по России и федеральным округам.

Итак, в официальной статистике фигурируют сведения о преступлениях против правосудия, в числе которых наличествуют и преступления против участников уголовного судопроизводства. Нами было выделено 18 составов

преступлений из гл. 31 УК РФ, потерпевшими от которых являются участники уголовного судопроизводства.

В целях упрощения расчета криминологических показателей исследуемых общественно опасных деяний отдельно следует рассмотреть преступления с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства и преступления с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства.

Рассмотрим сначала первую группу преступлений. В табл. 1 приведены ее основные показатели в период с 1997 по 2017 г.

Таблица 1

Основные показатели совокупности преступлений с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства в России за 1997–2017 гг.

Годы	Статья УК РФ								
	295	296	297	298.1	299	301	302	309	311
1997	7	91	67	67	7	41	40	329	1
1998	12	94	70	81	4	73	28	362	0
1999	5	83	62	75	3	53	33	343	0
2000	7	89	68	65	6	55	12	282	0
2001	8	80	60	66	10	62	19	298	0
2002	3	79	73	72	3	41	18	300	0
2003	5	83	101	67	6	30	2	349	0
2004	4	77	153	72	4	25	4	442	0
2005	5	86	292	78	4	21	7	462	0
2006	6	102	490	69	9	14	4	492	1
2007	3	66	532	46	3	5	5	370	0
2008	12	57	413	19	5	6	3	260	0
2009	16	56	516	30	7	0	9	283	0
2010	18	48	408	24	4	2	1	279	0
2011	13	58	301	9	6	3	6	240	0

окончание табл. 1.

2012	17	67	227	4	2	1	1	241	0
2013	11	77	283	15	3	1	3	254	0
2014	5	67	300	14	5	2	5	190	0
2015	2	78	291	17	5	2	4	172	1
2016	4	82	232	17	4	3	0	159	0
2017	3	80	229	10	1	1	0	148	0
Среднее количество преступлений	7	76	246	43	4	21	9	297	0

В табл. 2 представлены показатели второй группы совокупности преступлений.

Таблица 2

Основные показатели совокупности преступлений с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства в России за 1997–2017 гг.

Годы	Статья УК РФ								
	294	300	303	305	307	308	310	312	316
1997	33	7	46	2	1214	88	3	273	1387
1998	34	12	118	1	1409	111	2	293	1197
1999	47	18	210	34	1448	104	7	431	1165
2000	45	11	251	6	974	67	3	489	1059
2001	30	12	292	9	962	83	3	489	1156
2002	34	9	349	164	1004	72	1	447	1044
2003	53	13	336	2	1068	108	4	670	933
2004	35	10	473	20	1665	127	1	811	922
2005	49	10	445	22	2468	174	3	909	895
2006	74	14	494	142	2800	216	4	1126	747
2007	35	3	306	12	2304	136	2	1356	581
2008	41	5	285	33	2539	120	3	1485	549
2009	31	13	302	51	2187	98	3	1817	551
2010	34	10	254	11	1755	100	2	1859	456
2011	20	7	396	42	1666	83	2	1623	409
2012	31	1	496	43	1157	74	1	1259	367

окончание табл. 2.

2013	54	2	441	2	1086	57	2	1191	369
2014	49	3	406	7	1056	65	3	977	378
2015	71	3	463	54	1038	67	1	805	336
2016	92	0	515	6	1010	89	1	843	323
2017	94	7	681	0	1079	78	1	716	252
Среднее количество преступлений	46	8	359	31	1518	100	2	946	717

На основании приведенных статистических данных можно рассчитать, сколько было зарегистрировано преступлений против участников уголовного судопроизводства, входящих в гл. 31 УК РФ, в период 1997–2017 гг. по каждой группе и в целом, а также темп прироста совокупности преступлений рассматриваемого вида к предыдущему году (табл. 3).

Таблица 3

Количество зарегистрированных преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, в России за 1997–2017 гг.

Годы	Основание		Всего	Темп прироста
	С непосредственным причинением вреда	С косвенным причинением вреда		
1997	650	3053	3703	-
1998	724	3177	3901	5,3%
1999	657	3464	4121	5,6%
2000	584	2905	3489	-15,3%
2001	603	3036	3639	4,3%
2002	589	3124	3713	2,0%
2003	643	3187	3830	3,2%
2004	781	4064	4845	26,5%
2005	955	4975	5930	22,4%
2006	1187	5617	6804	14,7%
2007	1030	4735	5765	-15,3%
2008	775	5060	5835	1,2%

окончание табл. 3.

2009	917	5053	5970	2,3%
2010	784	4481	5265	-11,8%
2011	636	4248	4884	-7,2%
2012	560	3429	3989	-18,3%
2013	647	3204	3851	-3,5%
2014	588	2944	3532	-8,3%
2015	572	2838	3410	-3,5%
2016	501	2879	3380	-0,9%
2017	472	2908	3380	0,0%

Таким образом, в Российской Федерации в последнее время наблюдается снижение уровня преступлений против участников уголовного судопроизводства, содержащихся в гл. 31 УК РФ. Темп их прироста в 2017 г. по отношению к 1997 г. также снизился и составил — -8,7%. Наглядно динамика совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства как отдельно по группам, так и в целом, отражена на рис. 1–3.

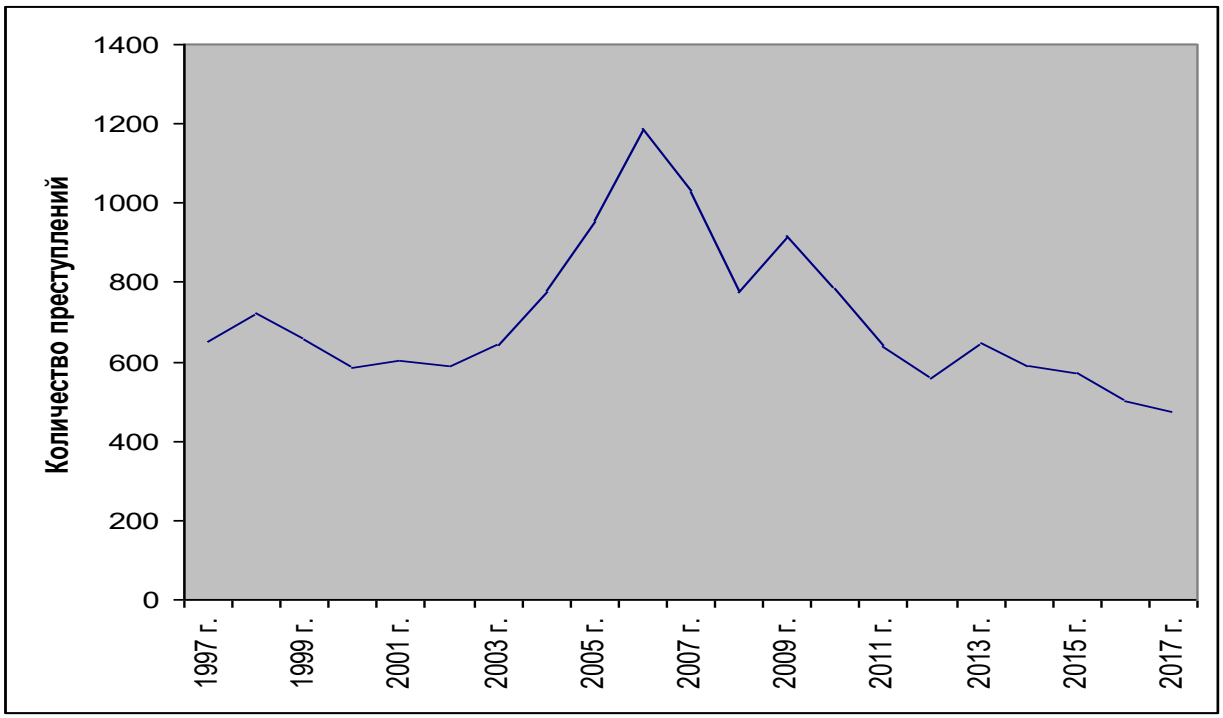

Рис. 1. Динамика преступлений, содержащихся в гл. 31 УК РФ, с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства, совершенных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

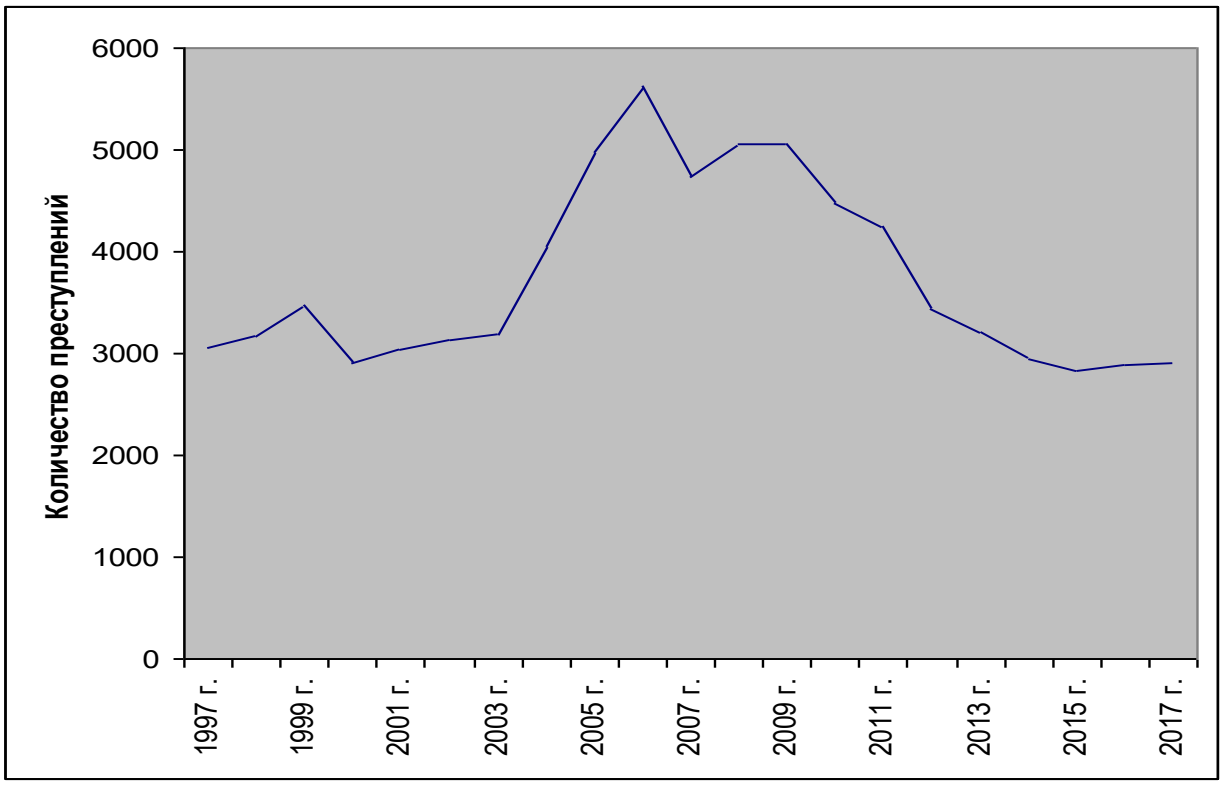

Рис. 2. Количество преступлений, содержащихся в главе 31 УК РФ, с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства, совершенных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

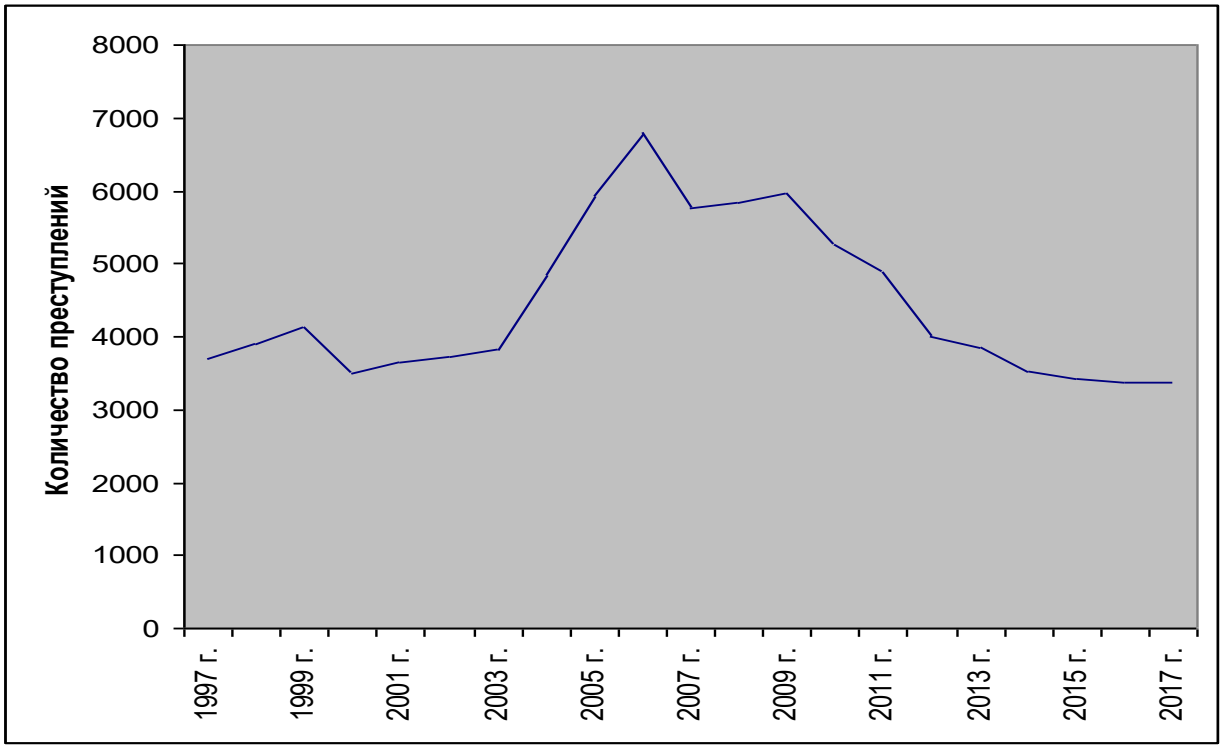

Рис. 3. Общее количество преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, совершенных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

Если сравнить динамику уровня всей преступности на территории Российской Федерации в период с 1997 г. по 2017 г. с динамикой уровня рассматриваемых преступлений, расположенных в гл. 31 УК РФ, зарегистрированных в России в тот же период, можно заметить, что динамика меняется практически одинаково (рис. 4).

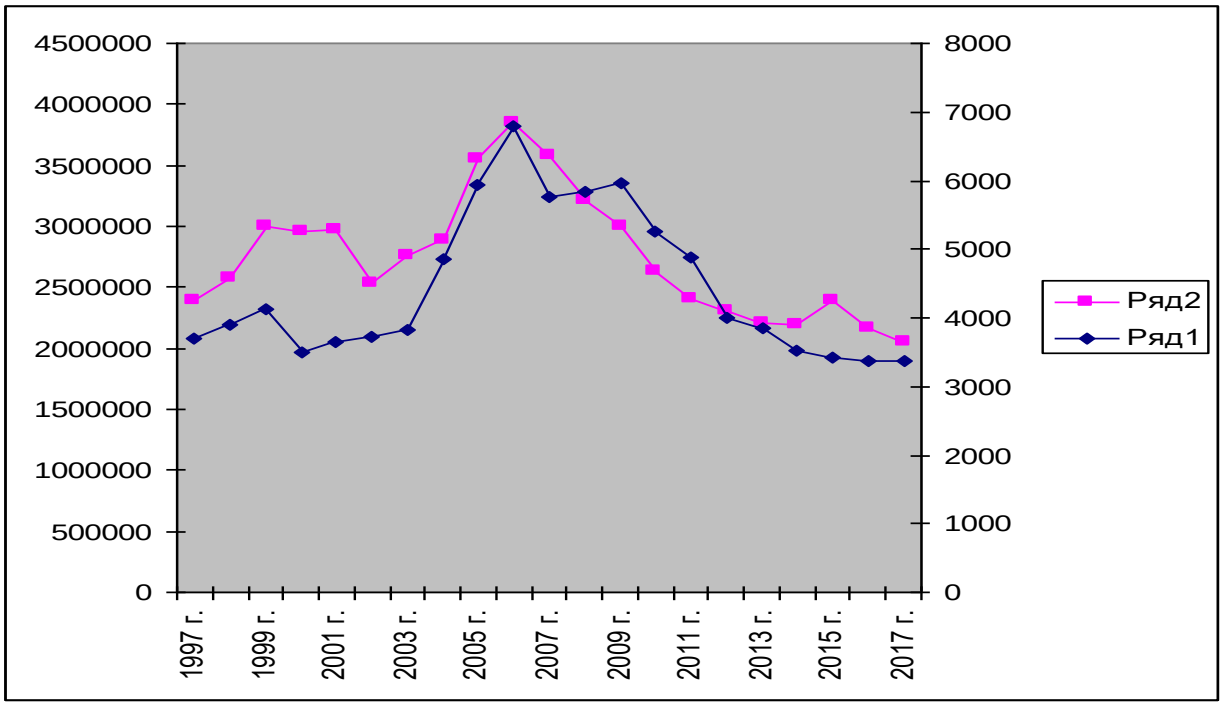

Рис. 4. Сравнительная характеристика уровня всей преступности и уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства, содержащихся в главе 31 УК РФ, зарегистрированных в Российской Федерации в 1997–2017 гг.: ряд 1 — уровень совокупности рассматриваемой группы преступлений; ряд 2 — уровень преступности в Российской Федерации.

Как видно из двухосевого графика, динамика уровня рассматриваемых преступлений с незначительными отклонениями повторяет динамику уровня всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений. Незначительные отклонения в период 1999–2003 гг. связаны с изменениями, вносимыми в то время в уголовное законодательство и политики в области регистрационной дисциплины. В эти годы указанная политика оставляла желать лучшего. Очень много преступлений укрывалось от регистрации, в том числе и преступления рассматриваемого вида, особенно если лица, их совершившие, не были установлены.

С 2002 г. в связи с Приказом Генпрокуратуры России и МВД России от 28 ноября 2001 г. № 72/1058 «О мерах по укреплению законности в деятельности органов внутренних дел при регистрации и учете преступлений» (утратившим силу в связи с изданием Приказа Генпрокуратуры России и МВД России от 1 сентября 2011 г. № 270/992) стали регистрироваться все преступления. Поэтому в последние годы динамика уровня совокупности исследуемых преступлений повторяет динамику уровня всей преступности. Это связано с тем, что рассматриваемые преступления являются следствием уже совершенных ранее каких-либо преступных деяний, в результате чего лица и приобретают статус участников уголовного судопроизводства. Полагаем, что дальнейшее распределение преступлений против участников уголовного судопроизводства будет коррелировать с состоянием всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений.

Представляется, что на динамику совокупности рассматриваемых общественно опасных деяний и в будущем повлияет динамика всей зарегистрированной преступности. Следовательно, территориальные, сезонные, временные и иные характеристики преступлений рассматриваемого вида, как и прежде, будут зависеть от аналогичных характеристик всей преступности. Это связано с тем, что в период с 1997 г. по 2017 г. коэффициент корреляции между статистическими величинами всех зарегистрированных преступлений и преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в гл. 31 УК РФ, составил 0,79[1]. В период с 2002 г. (со времени приведения в порядок учетно-регистрационной дисциплины) по 2017 г. коэффициент корреляции между указанными величинами составил 0,89, что свидетельствует о достаточно тесной взаимосвязи рассматриваемых статистических показателей.

Следует заметить, что исследуемые преступления совершаются не после каждого преступления, и данное правило не может действовать в единичных

---

[1] Коэффициент корреляции Пирсона рассчитан на основании данных официальной статистики на калькуляторе-онлайн, расположенном на сайте: http://planetcalc.ru/527 (дата обращения: 15.04.2018).

случаях. Однако при рассмотрении совокупности исследуемых преступлений в виде их множества действует закон больших чисел, согласно которому эмпирическое среднее конечной выборки из фиксированного распределения близко к теоретическому среднему этого распределения[1].

Теперь необходимо выяснить, каков удельный вес совокупности изучаемых преступлений в структуре всей преступности. Для наглядности исследуемые статистические показатели сведены в табл. 4.

Таблица 4

Удельный вес преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, совершенных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

Годы	Всего зарегистрировано преступлений в России	Удельный вес преступлений против участников уголовного судопроизводства, содержащихся в главе 31 УК РФ		
		С непосредственным причинением вреда, %	С косвенным причинением вреда, %	Всех рассматриваемых преступлений, %
1997	2397311	0,02	0,13	0,15
1998	2581940	0,03	0,12	0,15
1999	3001748	0,02	0,12	0,14
2000	2952367	0,02	0,1	0,12
2001	2968255	0,02	0,1	0,12
2002	2526305	0,03	0,12	0,15
2003	2756398	0,02	0,12	0,14
2004	2893810	0,03	0,14	0,17
2005	3554738	0,03	0,14	0,17
2006	3855373	0,03	0,15	0,18
2007	3582541	0,03	0,13	0,16
2008	3209862	0,02	0,16	0,18
2009	2994820	0,03	0,17	0,2
2010	2628799	0,03	0,17	0,2
2011	2404807	0,02	0,18	0,2

[1] См.: *Орлов А.И.* Теоретические инструменты статистических методов // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 101 (07). С. 256.

окончание табл. 4

2012	2302168	0,02	0,15	0,17
2013	2206249	0,02	0,15	0,17
2014	2190578	0,03	0,13	0,16
2015	2388476	0,02	0,12	0,14
2016	2160063	0,02	0,13	0,15
2017	2058476	0,02	0,14	0,16

Из табл. 4 следует, что удельный вес преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, содержащихся в гл. 31 УК РФ, составляет, в среднем, 0,16% от общего количества зарегистрированных преступлений. Отсюда следует, что удельный вес остальных преступлений составляет 99,84% (рис. 5).

Такая небольшая величина удельного веса связана с тем, что нами исследованы статистические сведения лишь о преступлениях против участников уголовного судопроизводства, входящих в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», поскольку именно об этих общественно опасных деяниях наличествует информация в официальных статистических источниках.

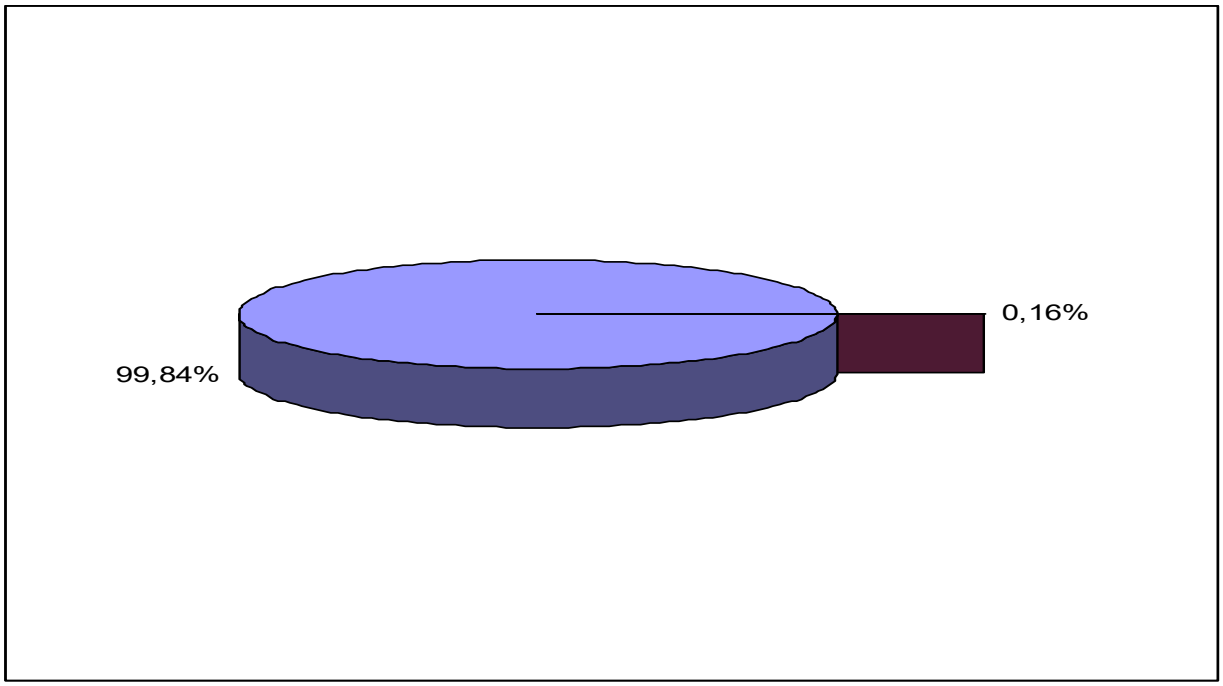

Рис. 5. Преступления против участников уголовного судопроизводства, содержащиеся в гл. 31 УК РФ (в % от общего числа)

Кроме того, при анализе характеристик исследуемой совокупности преступлений следовало бы рассмотреть среднее количество каждых составов преступлений.

На рис. 6 показано распределение среднего числа зарегистрированных преступлений по отдельно взятой статье УК РФ на территории Российской Федерации за период с 1997 г. по 2017 г. по данным табл. 1.1 и 1.2.

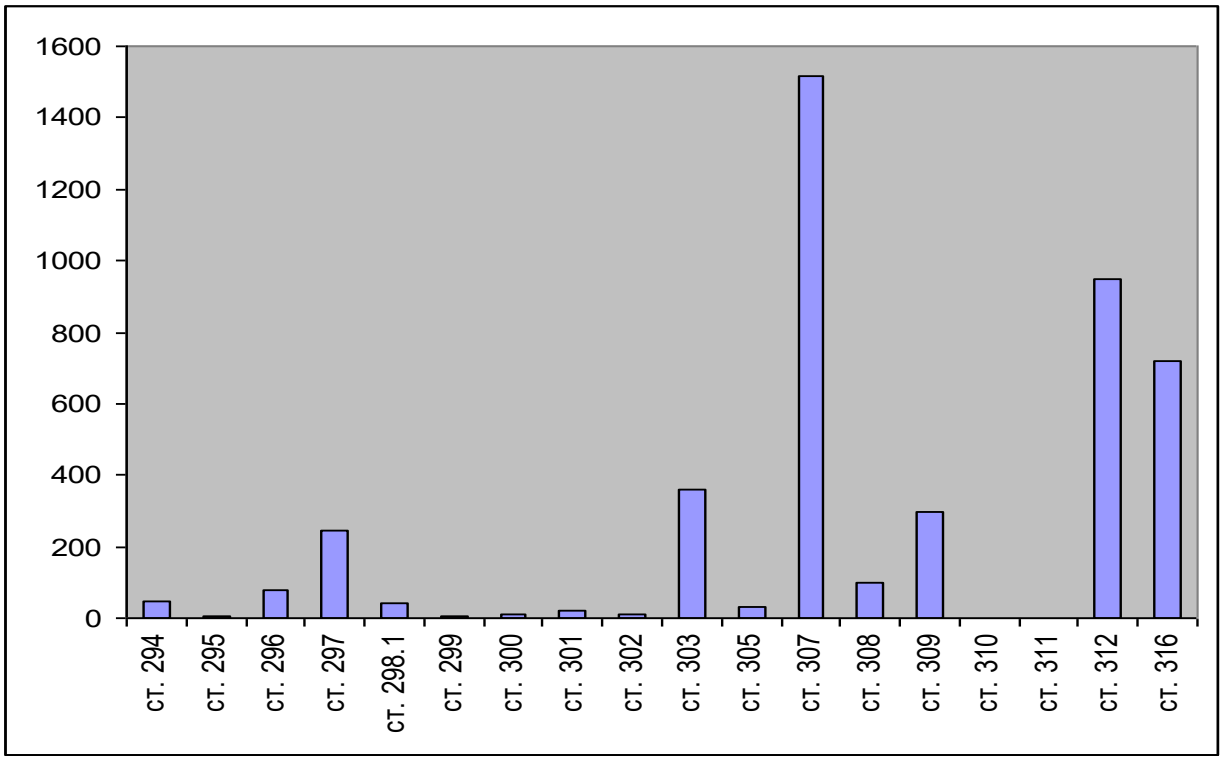

Рис. 6. Распределение среднего числа преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в гл. 31 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

Из рис. 6 видно, что в Российской Федерации из числа зарегистрированных преступлений исследуемой группы преобладают преступления, предусмотренные ст. 307 УК РФ, удельный вес которых в числе рассматриваемых общественно опасных деяний составляет 34,2%, а также ст. 312 (21,3%) и 316 (16,2%) УК РФ.

Меньше всего регистрируется преступлений, предусмотренных ст. 295 (0,16%), 299 (0,09%) и 310 (0,04%) УК РФ. Кроме того, анализ данных официальной статистики свидетельствует о том, что в период с 1997 г. по 2017 г. лишь в 1997, 2006 и 2015 гг. было зарегистрировано по одному преступлению, преду-

смотренному ст. 311 УК РФ, в остальные годы указанные преступления не выявлялись.

Далее, на наш взгляд, следует рассмотреть структуру исследуемой группы преступлений по федеральным округам. В табл. 5 сведено количество зарегистрированных преступлений в федеральных округах в период с 1997 г. по 2017 г.

Принимая во внимание тот факт, что до 2008 г. вместо Северо-Кавказского и Южного федеральных округов наличествовал только Южный федеральный округ, следует учитывать статистические данные с 2008 г. по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам в совокупности. После присоединения Крыма к Российской Федерации статистические сведения о преступлениях, совершенных в Крымском федеральном округе, отражаются в совокупности с преступлениями, совершенными в Южном федеральном округе.

Таблица 5

Количество зарегистрированных преступлений против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, в федеральных округах Российской Федерации за 1997–2016 гг.

Годы	Федеральные округа						
	Центральный	Северо-Западный	Северо-Кавказский и Южный	Приволжский	Уральский	Сибирский	Дальневосточный
1997	696	432	430	772	410	612	290
1998	826	459	443	798	431	663	260
1999	836	507	491	856	417	671	335
2000	707	416	393	683	386	562	301
2001	673	399	471	738	405	562	311
2002	823	340	456	773	375	562	250
2003	740	295	575	749	356	679	273
2004	812	407	678	1039	534	769	281
2005	1165	637	745	1329	687	872	264
2006	1310	607	917	1349	841	1044	451
2007	1044	591	837	1113	630	965	378

окончание табл. 5

2008	1054	607	1021	1107	555	911	366
2009	1076	539	1071	1222	478	953	447
2010	963	489	996	1065	397	898	318
2011	852	417	1130	907	385	714	302
2012	797	399	849	760	302	501	271
2013	761	378	674	825	305	556	233
2014	759	303	637	746	273	490	230
2015	575	282	748	756	324	440	163
2016	562	263	671	791	303	480	189
2017	554	310	671	797	252	494	182
Среднее количество преступлений	837	432	709	913	430	685	290

На рис. 7 показано распределение среднего количества преступлений в период с 1997 по 2017 гг. по каждому федеральному округу.

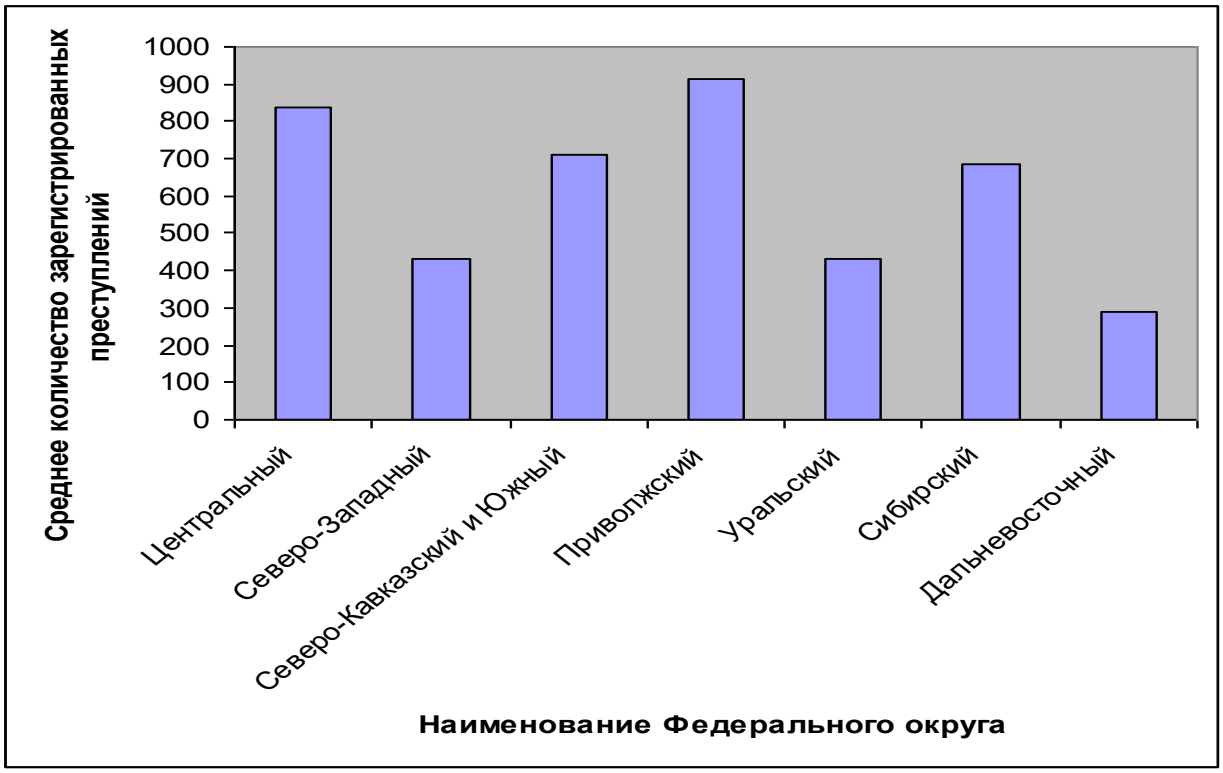

Рис. 7. Распределение среднего количества преступлений против участников уголовного судопроизводства, содержащихся в главе 31 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

На рис. 7 видно, что наибольшее количество исследуемых преступлений регистрируется в Приволжском федеральном округе, наименьшее — в Дальневосточном.

На рис. 8 представлена динамика зарегистрированных преступлений в каждом федеральном округе. Как видно из графиков, в округах она мало чем отличается. Это свидетельствует о том, что исследования, проводимые по среднему количеству преступлений, вполне репрезентативны.

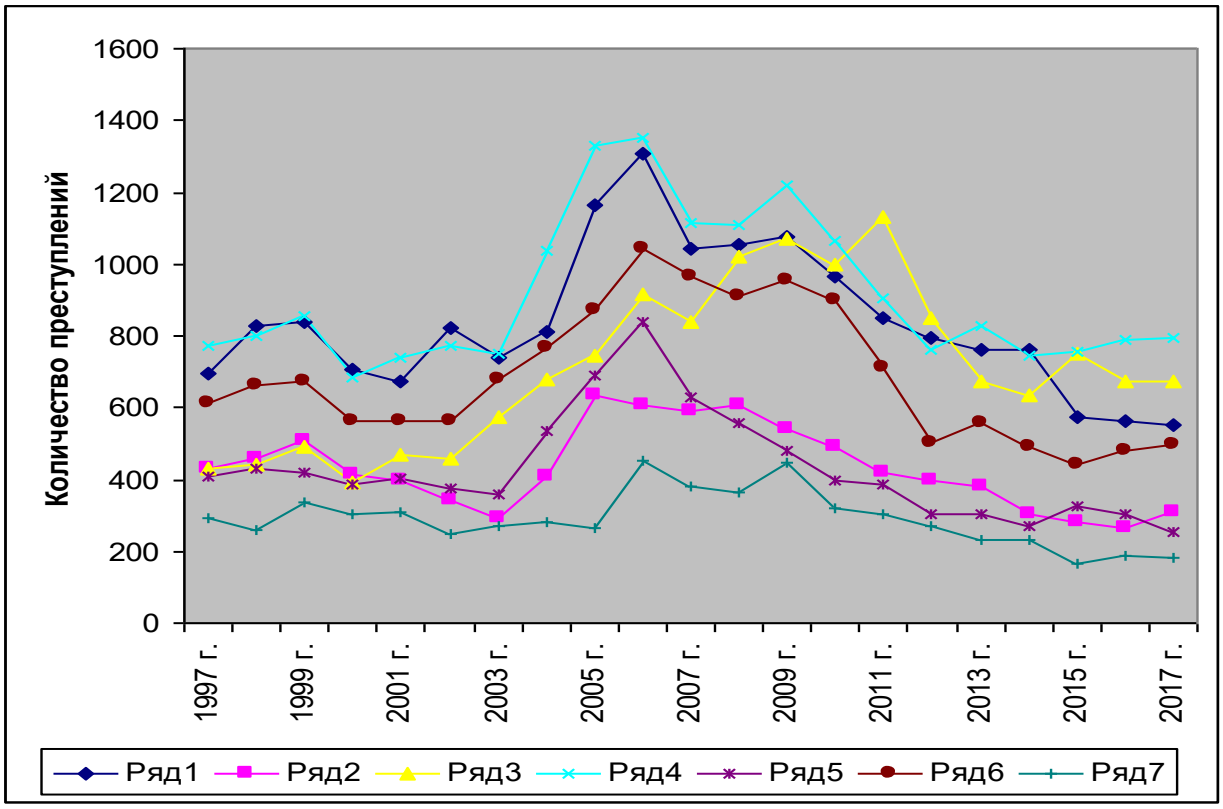

Рис. 8. Динамика преступлений против участников уголовного судопроизводства, содержащихся в главе 31 УК РФ, зарегистрированных на территории федеральных округов Российской Федерации в 1997–2017 гг.: ряд 1 — Центральный федеральный округ; ряд 2 — Северо-Западный федеральный округ; ряд 3 — Северо-Кавказский, Южный и Крымский федеральные округа; ряд 4 — Приволжский федеральный округ; ряд 5 — Уральский федеральный округ; ряд 6 — Сибирский федеральный округ; ряд 7 — Дальневосточный федеральный округ.

Из представленного графика следует, что к 1999 г. наблюдался небольшой рост уровня исследуемых преступлений, затем — небольшой спад и до 2003 г. динамика была более или менее ровной. С 2004 г. регистрируется резкое возрастание уровня преступлений, с 2007 г. — умеренное снижение.

Таким образом, аналитически исследованы лишь преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенные в гл. 31 УК РФ, поскольку они отражены в документах официальной статистики.

Бесспорно, для разработки системы мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства явно недостаточно проведенного анализа официальных статистических показателей, поскольку он констатирует лишь некоторые объективные закономерности. Надлежит уточнить, что рассмотренные выше общественно опасные деяния посягают только на интересы правосудия, и прежде чем подводить итоги изучения характеристик преступлений против участников уголовного судопроизводства, все же следует исследовать и иные, не входящие в гл. 31 УК РФ общественно опасные деяния. Поэтому дальнейшее изучение особенностей преступлений, посягающих на права, свободы и законные интересы участников уголовного процесса, проводится на основании результатов собственных эмпирических исследований.

Итоги социологического опроса участников уголовного процесса свидетельствует о том, что в отношении них совершаются различные виды противоправных посягательств (приложения 3–8)[1]. Данное обстоятельство подтверждает гипотезу о том, что против участников уголовного судопроизводства совершаются разнообразные преступления, посягающие как на интересы правосудия, так и на иные охраняемые уголовным законом объекты. Кроме того, итоги анкетирования позволяют сделать вывод о том, что в отношении отдельных участников уголовного процесса (понятых и частных обвинителей) совершаются деяния, не предусмотренные действующей редакцией УК РФ (подкуп и при-

---

[1] Ответы опрошенных участников уголовного судопроизводства позволяют заключить, что в числе преступлений, совершаемых в отношении них, наиболее распространенными являются следующие: побои и причинение различной степени тяжести вреда здоровью (22,4%); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (13,8%); кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (7,4%); клевета (6,8%); умышленные уничтожение или повреждение имущества (8,6%); посягательство на жизнь (5,1%); принуждение к даче показаний (4,4%); воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (4,2%); подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (3,9%).

нуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия; подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании), что является, на наш взгляд, существенным пробелом уголовного законодательства.

В табл. 6 представлен удельный вес противоправных посягательств, направленных на разные группы участников уголовного процесса: состав суда, участников со стороны обвинения, со стороны защиты, иных участников уголовного судопроизводства согласно приложениям 3–6.

Таблица 6

Удельный вес противоправных посягательств, совершаемых в отношении разных групп участников уголовного судопроизводства

Характеристика посягательства	Удельный вес посягательств согласно данным опроса респондентов			
	в отношении участников суда	в отношении участников со стороны обвинения	в отношении участников со стороны защиты	в отношении иных участников
Посягательство на жизнь	0,4%	2,2%	0,7%	1,8%
Побои, причинение вреда здоровью	–	4,0%	7,4%	11,0%
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	–	5,1%	5,7%	3,1%
Похищение человека	–	0,2%	–	–
Клевета	–	4,8%	0,7%	1,3%
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы	–	0,6%	–	0,4%
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	0,9%	4,8%	0,4%	1,3%
Мошенничество, вымогательство	–	–	6,4%	–
Умышленные уничтожение или повреждение имущества	0,6%	4,4%	3,5%	–

окончание табл. 6.

Хулиганство	–	0,6%	0,6%	0,9%
Вымогательство взятки	–	–	1,8%	–
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	1,8%	2,4%	–	–
Неуважение к суду	1,1%	–	–	–
Принуждение к даче показаний	–	–	4,4%	–
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	–	–	–	3,1%
Подкуп и принуждение к ложному заключению	–	–	–	2,6%
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	–	–	–	3,7%
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	–	2,0%	–	–
Иные	–	0,9%	1,5%	0,9%
Всего	4,8%	32,0%	33,1%	30,1%

Таким образом, в числе посягательств, направленных на участников суда, преобладают преступления против правосудия, в отношении остальных — против личности и собственности.

Из результатов изучения опубликованных материалов судебной практики Верховного Суда РФ и судебных органов ее субъектов за 1997–2017 гг., а также материалов уголовных дел следует, что в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе, чаще всего (71,2%) преступления совершаются на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности, на стадии предварительного расследования.

Рассмотрение результатов анкетирования участников уголовного судопроизводства позволяет сделать заключение о том, какие конкретные посягательства совершаются в отношении определенных групп лиц, участвующих в

уголовном процессе (приложения 3–6). Так, из общего числа преступных посягательств на участников суда, в отношении судей и присяжных заседателей преимущественно совершаются такие деяния, как воспрепятствование осуществлению правосудия (38,5%), неуважение к суду (23,1%), умышленные уничтожение или повреждение имущества (11,5%); в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения — угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (16,1%), клевета (14,9%), кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (14,9%), умышленные уничтожение или повреждение имущества (13,8%), побои, причинение вреда здоровью (12,7%), воспрепятствование производству предварительного расследования (7,5%); в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты — побои, причинение вреда здоровью (22,2%), мошенничество, вымогательство (19,5%), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (17,2%), принуждение к даче показаний (13,3%); в отношении иных участников уголовного судопроизводства — побои, причинение вреда здоровью (36,6%), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (10,4%), подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (10,4%).

Ознакомление с официальными статистическими показателями и результатами проведенных исследований позволило сформулировать следующие основные выводы:

1) динамика уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства повторяет динамику уровня всей преступности. Это связано с тем, что рассматриваемые преступления являются следствием уже совершенных ранее каких-либо преступных деяний, в результате чего лица и приобретают статус участников уголовного судопроизводства;

2) выявлена достаточно сильная статистическая взаимосвязь между динамикой всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений и совокупностью преступлений против участников уголовного судо-

производства, в связи с чем основные характеристики последних (уровень, динамика, территориальные, сезонные, временные и иные изменения) с большой долей вероятности зависят от аналогичных характеристик всей преступности. Соответственно, динамика преступлений против участников уголовного судопроизводства носит устойчивый характер и обусловлена динамикой зарегистрированной в России преступности;

3) итоги анкетирования участников уголовного судопроизводства подтверждают гипотезу о том, что в отношении них совершаются преступления не только против правосудия, а также иные (против жизни, здоровья, половой неприкосновенности и половой свободы личности, собственности и т.д.);

4) в числе посягательств, направленных на участников суда преобладают преступления против правосудия, на участников со стороны обвинения, защиты, иных участников уголовного судопроизводства — против личности и собственности;

5) против лиц, участвующих в уголовном процессе, преступления совершаются в основном на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности на стадии предварительного расследования.

§ 2. Криминологическая характеристика личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства

Поскольку причины индивидуального преступного поведения обусловлены личностными особенностями преступника, нельзя не затронуть вопрос о такой личности. С точки зрения Ю.М. Антоняна, личность преступника является одной из ключевых проблем криминологической науки[1]. В юридической литературе отмечается также, что личность преступника — основное и важнейшее звено механизма преступного поведения[2]. Это связано с тем, что личностные

---

[1] См.: *Антонян Ю.М.* Изучение личности преступника: учебное пособие. М., 1982. С. 3.

[2] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2000. С. 125.

особенности человека являются производными двух взаимосвязанных обстоятельств: его сознания и социального образа жизни.

Лексическое значение слова «личность» раскрывается в специальных справочных изданиях и словарях, им широко оперируют представители разнообразных отраслей знаний: философии, психологии, социологии, политологии, практически всех юридических наук и др. В различных источниках понятие «личность» определяется следующим образом: человек как активный субъект общественных отношений[1]; совокупность свойств, присущих данному человеку, составляющих его индивидуальность[2]; отдельный человек как индивидуальность, как субъект отношений и сознательной деятельности, в процессе которой он создает, воспроизводит и изменяет социальную реальность[3]; этический феномен, который представляет собой содержание, центр и единство актов, интенционально направленных на другие субъекты[4]. По поводу понятия личности в науке высказываются различные мнения в зависимости от того направления, которого придерживаются ученые.

Так, В.М. Бехтерев утверждает, что «личность с объективной точки зрения, есть не что иное, как самодеятельная особь со своим психическим укладом и с индивидуальным отношением к окружающему миру»[5]. В.Н. Мясищев отмечает, что «личность — высшее интегральное понятие, она характеризуется, прежде всего, как система отношений человека к окружающей действительности»[6]. А.Н. Леонтьев считает, что личность есть специальное человеческое образование, которое также не может быть выведено из его приспособительной

---

[1] См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. М., 2003. С. 310.

[2] См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1998. Т. 2. С. 192.

[3] См.: Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 161.

[4] См.: *Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А.*Философский энциклопедический словарь. М., 2001. С. 244.

[5] *Бехтерев В.М.* Психологическое определение личности // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 16.

[6] *Мясищев В.Н.* Понятие личности в аспектах нормы и патологии // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. СПб., 2001. С. 34.

деятельности, как не могут быть выведены из нее его сознание или человеческие потребности. Личность человека создается общественными отношениями, в которые индивид вступает в своей деятельности[1].

Из приведенных суждений следует, что личность всегда взаимодействует с внешней средой, содержит в себе активное отношение к окружающему миру, основанное на индивидуальной переработке внешних воздействий[2]. То же самое в полной мере относится и к личности преступника.

Однако в криминологической литературе иногда встречаются утверждения, из которых следует, что преступление не всегда связано с личностью преступника, иногда никакой существенной связи между ними не имеется. Это относится к преступлениям, совершенным по неосторожности[3]. Представляется, что данные положения являются не совсем точными. На наш взгляд, каждое преступное поведение связано с личностью преступника, так как личность человека является источником его поведения, в том числе и преступного[4]. По мнению А.И. Долговой, личность является активным элементом в сфере взаимодействия с окружающей средой, поэтому за ней можно увидеть криминогенные факторы среды, на которые следует воздействовать для предупреждения преступности[5].

Изучение личности преступника всегда связано с исследованием преступления, всех его обстоятельств и имеющих значение последствий его действий. Поэтому справедливым можно назвать утверждение авторов, считающих, что недостаток исследований личности преступника состоит в том, что ее познание мало увязано с изучением, прежде всего, преступного поведения[6]. Как

---

[1] См.: *Леонтьев А.Н.* Индивид и личность // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. С. 40–41.

[2] См.: *Бехтерев В.М.* Указ. раб. С. 15.

[3] См.: *Ратинов А.Р.* Личность преступника как криминально-психологическая проблема // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1988. Вып. 47. С. 119.

[4] См.: *Варыгин А.Н., Яшин А.В.* Правовая культура и формирование личности преступника, посягающего на интересы правосудия // Правовая культура. 2008. № 2. С. 116.

[5] См.: *Долгова А.И.* Криминологическое изучение личности преступника // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 92.

[6] См.: *Антонян Ю.М.* Изучение личности преступника: учебное пособие. С. 6.

отмечают Э. Бухгольц, Дж. Лекшас и Р. Хартман, путь к суждению о личности преступника идет от внешней стороны совершенного им деяния к отысканию связанной с преступлением его социальной установки или соответствующих качеств и проверки их в более обширной цепи существенных форм его социального поведения или поступков в определенных областях общественной жизни[1]. По мнению большинства ученых-криминологов, основные факторы противоправного поведения всегда связаны с личностью, совершившей общественно опасное деяние. В противном случае отсутствуют основания вменения в вину, и соответственно совершенное деяние не может рассматриваться как преступление[2]. Согласно мнению Н.А. Стручкова, главные причины преступных деяний следует находить в сфере сознания личности[3]. В связи с этим необходимо согласиться и с утверждением А.Б. Сахарова, по мнению которого «антисоциальные свойства, составляющие характерную особенность личности преступника, присущи ей до преступления, обусловливая его совершение, а признание конкретного лица преступником возможно только после и в связи с совершением им преступления»[4]. Отсюда вытекает правомерность использования термина «личность преступника» в психолого-криминологических исследованиях[5]. Таким образом, чтобы понять причины преступного поведения личности, выяснить процесс формирования этого поведения, нужно обнаружить внешние по

---

[1] См.: *Бухгольц Э., Лекшас Дж., Хартман Р.* Социалистическая криминология. М., 1975. С. 261.

[2] См., например: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М., 1984; Криминальная мотивация / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1986; *Лунеев В.В.* Мотивация преступного поведения. М., 1991; *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961.

[3] См.: *Стручков Н.А.* Преступность как социальное явление. Лекции по криминологии. Л., 1979. С. 29.

[4] *Сахаров А.Б.* Актуальные вопросы учения о личности преступника // Теоретические проблемы учения о личности преступника. М., 1979. С. 22.

[5] См.: *Лысков Б.Д., Курбатова Т.Н.* Понятие о личности преступника // Юридическая психология / под ред. Т.Н. Курбатовой. СПб., 2001. С. 77.

отношению к ней социальные явления и процессы, которые сформировали ее криминогенные черты[1].

Изучение личности преступника, его преступного поведения необходимо, прежде всего, для понимания причин такого поведения, поскольку это весьма важно для профилактической деятельности. Углубленное познание источников преступного поведения необходимо в первую очередь для разработки мер предупреждения преступлений и воздействия на преступность. В этой связи при изучении личности преступника, как считают многие ученые-криминологи, возникает задача выяснения того, какие именно свойства этой личности были опосредованы, каков механизм этого опосредования, а главное — что является ведущим в этом механизме[2].

Причем исследователи личности преступника считают, что различные виды преступлений зависят от определенных психических особенностей личности, а вне изучения личностных черт преступников невозможно понять причины и механизм преступного поведения[3].

Понимание механизма преступного поведения требует углубленного изучения особенностей лиц, совершивших преступные деяния. Как верно отмечают В.Н. Бурлаков и Н.Д. Гомонов, «личность является одновременно и продуктом социализации человека, и активно действующим субъектом, наделенным свободой воли и возможностью выбора»[4]. По мнению В.Н. Кудрявцева, любая ситуация влечет за собой тот или иной поступок, лишь преломляясь через психику субъекта. Ни одна ситуация не может вызвать поведение, отклоняющееся

---

[1] См.: *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 7.

[2] См.: *Антонян Ю.М., Блувштейн Ю.Д.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения. М., 1974; *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации; *Ратинов А.Р.* Личность преступника. Психологические аспекты // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. Тбилиси, 1979. С. 164.

[3] См.: *Меликишвили Л.А.* Использование методики многостороннего исследования личности для изучения личности преступника и преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: сборник научных трудов. М., 1991. С. 18–26.

[4] *Бурлаков В.Н., Гомонов Н.Д.* Патопсихологические особенности личности и механизм преступного поведения // Правоведение. 2001. № 3. С. 157.

от нормы, без взаимодействия с определенными свойствами личности[1]. Личность преступника на протяжении многих лет изучалась по различным направлениям. Анализировались возможные характеристики преступников: социально-демографические, особенности семейного и досугового окружения, образа жизни, ценностные ориентации, правосознание, самооценка, механизмы психологической защиты, самооправдания и многое др. Однако криминологи констатировали, что ни одна из особенностей личности, взятой изолированно, не способна четко отделить преступника от непреступника[2]. Это подтверждается рядом криминологических исследований[3].

Общепризнано, что нет такого единственного и неповторимого свойства личности, которое вызвало бы девиантное поведение и отличало бы лиц, предрасположенных к нему, от лиц, соблюдающих социальные и правовые нормы[4].

В целях изучения личности преступника, совершающего посягательства против участников уголовного судопроизводства, следует рассмотреть все ее характеристики во взаимосвязи. Для разработки мер предупреждения рассматриваемых преступлений необходимо, на наш взгляд, не только провести классификацию преступников по социально-демографическим признакам (пол, возраст, образование и т.п.), отраженным в данных официальной статистики, но и выявить их типы[5].

Итак, нами были изучены четыре группы преступлений, классификация которых проводилась по процессуальному статусу жертвы. Поэтому считаем, что сначала следует провести классификацию лиц, совершающих рассматриваемые преступления, по тому же основанию:

---

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение. Норма и патология. М., 1982. С. 87.

[2] См.: *Бурлаков В.Н., Гомонов Н.Д.* Указ. раб. С. 157.

[3] См.: *Яшин А.В.* Постпреступное поведение: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005. С. 12–18.

[4] См.: *Кудрявцев В.Н., Ратинова Н.А.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психиатрическая оценка). М., 2000. С. 67.

[5] См. *Яшин А.В.* Криминологическая характеристика и типология личности преступника, посягающего на права и законные интересы участников уголовного судопроизводства // Право и практика. 2017. № 4. С. 39.

а) лица, совершающие преступления против участников суда;

б) лица, совершающие преступления против участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения;

в) лица, совершающие преступления против участников уголовного судопроизводства со стороны защиты;

г) лица, совершающие преступления против иных участников уголовного судопроизводства.

Прежде чем определить криминологическую характеристику личности преступников, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства, следует отметить, что в официальной статистике фигурируют лишь данные о лицах, совершивших преступления против правосудия, в числе которых наличествуют и преступления против участников уголовного судопроизводства. Вследствие этого необходимо в первую очередь исследовать характеристики личности преступников, посягающих на интересы правосудия. Свойства личности преступников, совершающих преступные деяния против участников уголовного судопроизводства, не входящие в гл. 31 УК РФ, будут рассмотрены в соответствии с результатами проведенного собственного исследования. В целях упрощения расчета криминологических показателей преступлений данной категории следует отдельно рассмотреть характеристику лиц, совершивших указанные общественно опасные деяния с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства и отдельно — с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства.

Итак, сначала проведем анализ статистических данных о выявленных лицах в период с 1997 г. по 2017 г., совершивших преступления, входящие в гл. 31 УК РФ, с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства (табл. 7).

Таблица 7

Статистика выявленных лиц, совершивших преступления, содержащиеся в главе 31 УК РФ, с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства в России за 1997–2017 гг.

Год	Статья УК РФ								
	295	296	297	298.1	299	301	302	309	311
1997	2	52	41	42	4	10	11	136	1
1998	4	55	53	50	1	22	4	139	1
1999	5	58	53	48	2	13	4	117	0
2000	3	89	44	48	4	19	6	88	0
2001	5	49	44	47	5	28	3	103	1
2002	8	47	54	25	1	17	4	105	0
2003	3	42	73	41	0	7	0	109	0
2004	5	61	99	40	1	6	0	133	0
2005	1	52	183	35	0	5	2	153	0
2006	3	68	366	43	2	8	6	269	0
2007	2	48	399	28	1	3	2	241	1
2008	0	36	318	16	4	3	1	166	0
2009	6	33	388	19	3	0	3	168	0
2010	6	31	349	18	2	0	0	187	0
2011	9	37	260	14	5	1	4	159	0
2012	6	34	181	0	2	1	0	178	0
2013	5	71	295	7	5	0	2	180	0
2014	19	46	244	12	8	0	2	133	0
2015	9	66	277	9	1	0	4	119	0
2016	0	69	218	15	7	0	0	128	0
2017	8	63	183	8	1	1	1	112	0
Среднее количество лиц	5	52	196	26	2	6	2	148	0

В табл. 8 представлены показатели второй группы совокупности преступлений.

Таблица 8

Статистика выявленных лиц, совершивших преступления, содержащиеся в главе 31 УК РФ, с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства в России за 1997–2017 гг.

Год	Статья УК РФ								
	294	300	303	305	307	308	310	312	316
1997	13	5	14	2	1249	78	1	187	1066
1998	18	4	48	1	1321	99	1	199	983
1999	14	13	91	2	1462	78	4	326	965
2000	16	4	112	4	1082	64	2	388	878
2001	7	7	108	8	843	70	0	358	927
2002	16	5	123	4	945	59	1	354	870
2003	19	7	101	3	898	85	4	510	776
2004	22	4	162	2	1488	120	1	618	809
2005	17	1	144	3	2230	132	1	690	751
2006	38	15	236	11	2588	191	2	964	800
2007	13	12	185	6	2181	120	1	1247	584
2008	11	15	151	8	2305	108	0	1206	555
2009	13	13	165	13	2189	85	0	1624	602
2010	23	17	199	7	1703	102	3	1722	516
2011	12	20	255	2	1625	64	1	1443	454
2012	10	1	295	5	1162	63	0	1165	434
2013	22	7	240	4	1090	51	0	1095	400
2014	36	6	293	4	1051	53	2	968	412
2015	45	3	349	1	1041	66	2	783	406
2016	53	0	352	4	964	73	1	849	367
2017	52	5	379	2	1071	83	0	696	279
Среднее количество лиц	22	7	190	4	1451	87	1	828	658

На основании рассмотренных статистических данных можно рассчитать, сколько было выявлено лиц, совершивших исследуемые преступления, располо-

женных в гл. 31 УК РФ, за 1997–2017 гг. по каждой группе и в целом, а также темп прироста лиц рассматриваемого вида к предыдущему году (табл. 9).

Таблица 9

Количество выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, в России за 1997–2017 гг.

Год	Основание			Темп прироста, %
	С непосредственным причинением вреда	С косвенным причинением вреда	Всего	
1997	299	2615	2914	-
1998	329	2674	3003	3,1
1999	300	2955	3255	8,4
2000	301	2550	2851	-12,4
2001	285	2328	2613	-8,3
2002	261	2377	2638	1,0
2003	275	2403	2678	1,5
2004	345	3226	3571	33,3
2005	431	3969	4400	23,2
2006	765	4845	5610	27,5
2007	725	4349	5074	-9,6
2008	544	4359	4903	-3,4
2009	620	4704	5324	8,6
2010	593	4292	4885	-8,2
2011	489	3876	4365	-10,6
2012	402	3135	3537	-19,0
2013	565	2909	3474	-1,8
2014	464	2825	3289	-5,3
2015	485	2696	3181	-3,3
2016	437	2663	3100	-2,5
2017	377	2567	2944	-5,0

Таким образом, в Российской Федерации в последние годы наблюдалось снижение числа выявленных лиц, совершивших преступления против участни-

ков уголовного судопроизводства, входящих в гл. 31 УК РФ. Тем не менее, темп прироста выявленных лиц рассматриваемого вида в 2017 г. по отношению к 1997 г. составил 1,0%, то есть, по сравнению с 1997 г., количество лиц, совершивших исследуемые преступления, повысилось, что свидетельствует о групповом характере совершения рассматриваемых общественно опасных деяний.

Наглядно динамика уровня выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства как отдельно по группам, так и в целом, отражена на рис. 9–11.

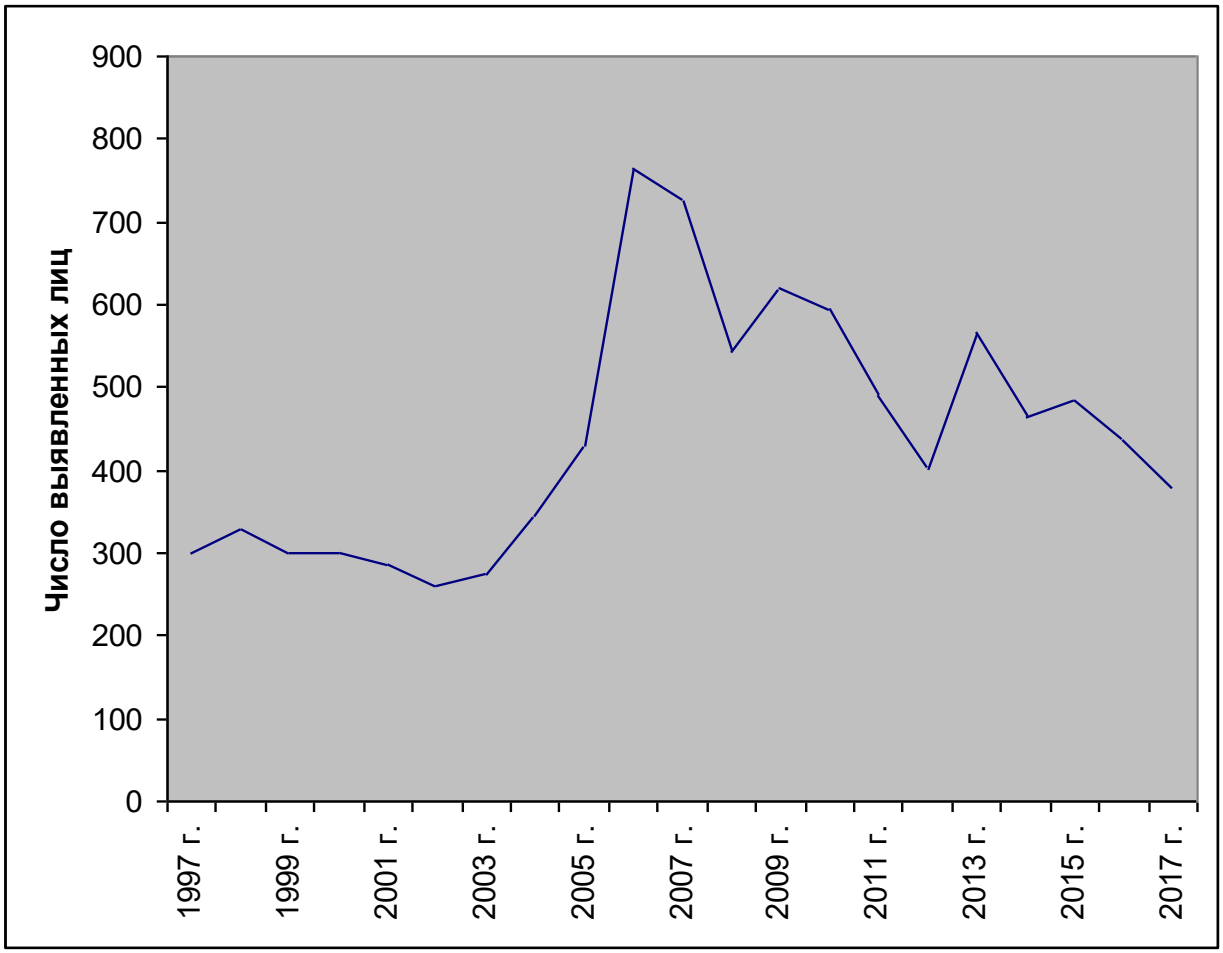

Рис. 9. Количество выявленных лиц, совершивших преступления, содержащиеся в главе 31 УК РФ, с непосредственным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

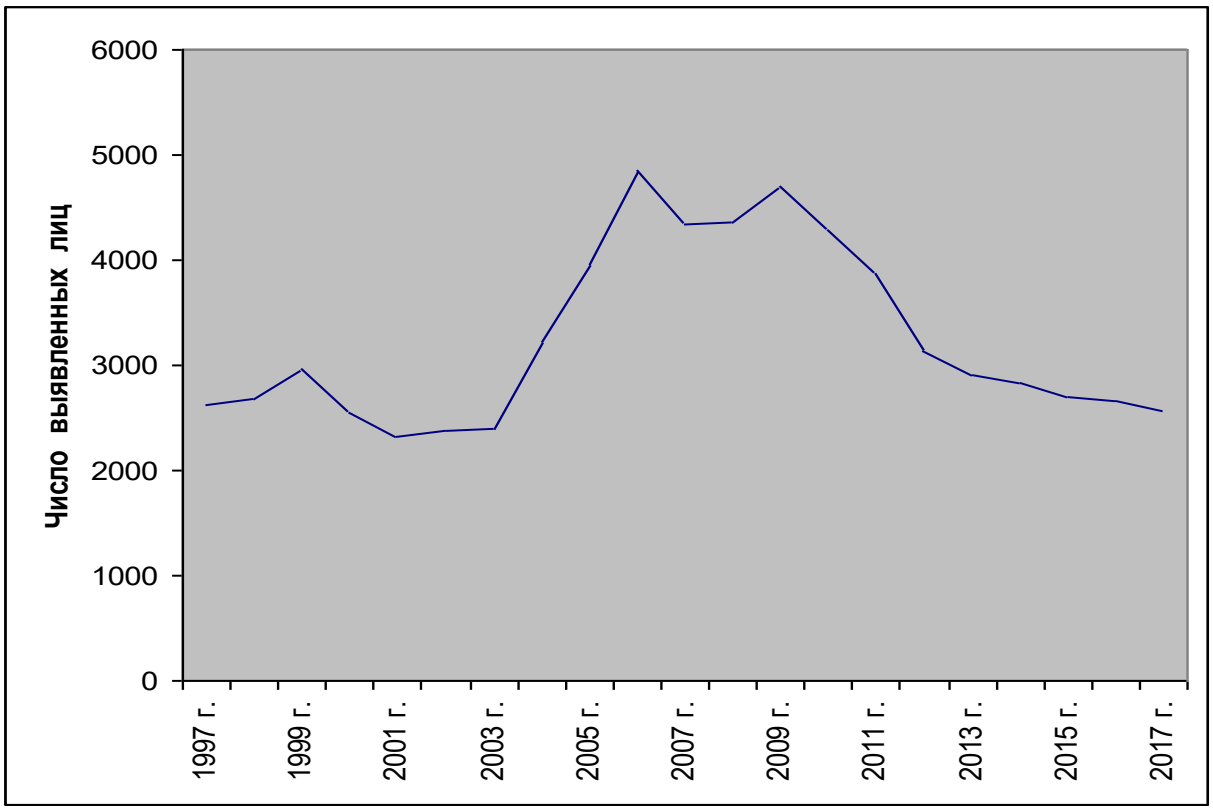

Рис. 10. Количество выявленных лиц, совершивших преступления, расположенные в главе 31 УК РФ, с косвенным причинением вреда потерпевшим — участникам уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

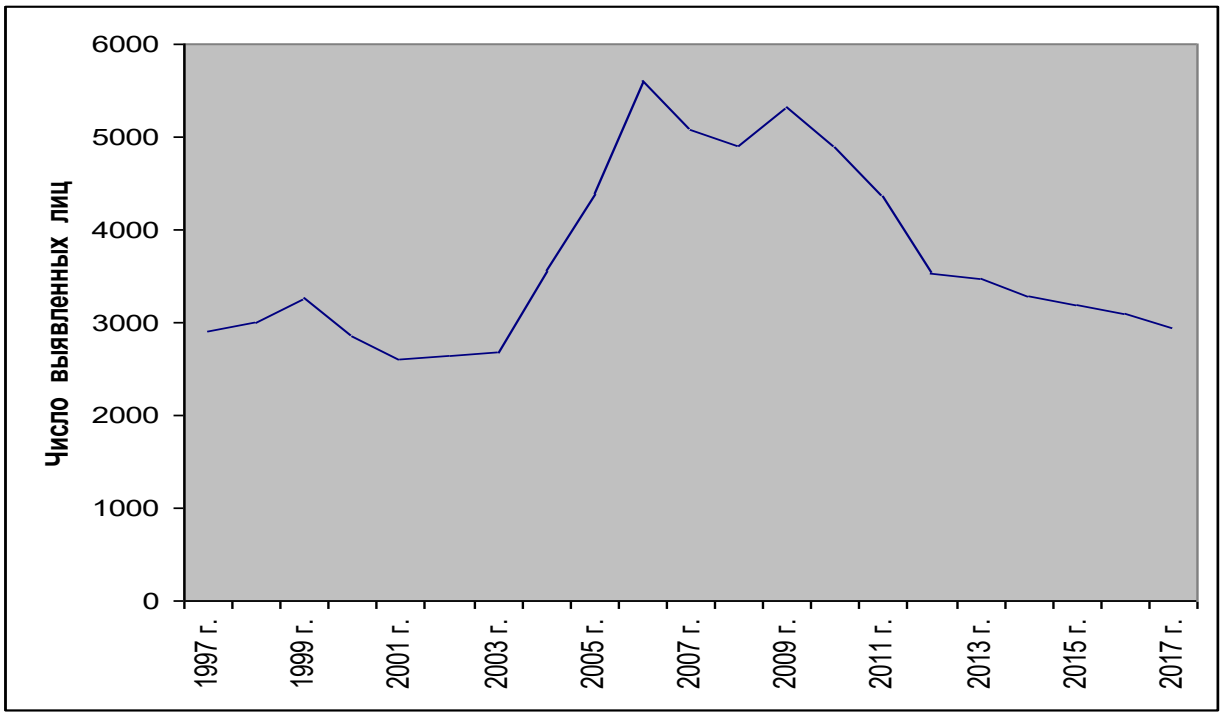

Рис. 11. Общее количество выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

При сравнении динамики уровня всех выявленных лиц, совершивших преступления на территории Российской Федерации в период с 1997 г. по 2017 г., с динамикой уровня выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенные в гл. 31 УК РФ, зарегистрированных в России в тот же период времени, можно заметить, что они во многом не совпадают. Это говорит о том, что уровень выявленных лиц, совершивших преступления рассматриваемого вида не зависит от уровня всех выявленных на территории страны лиц (рис. 12).

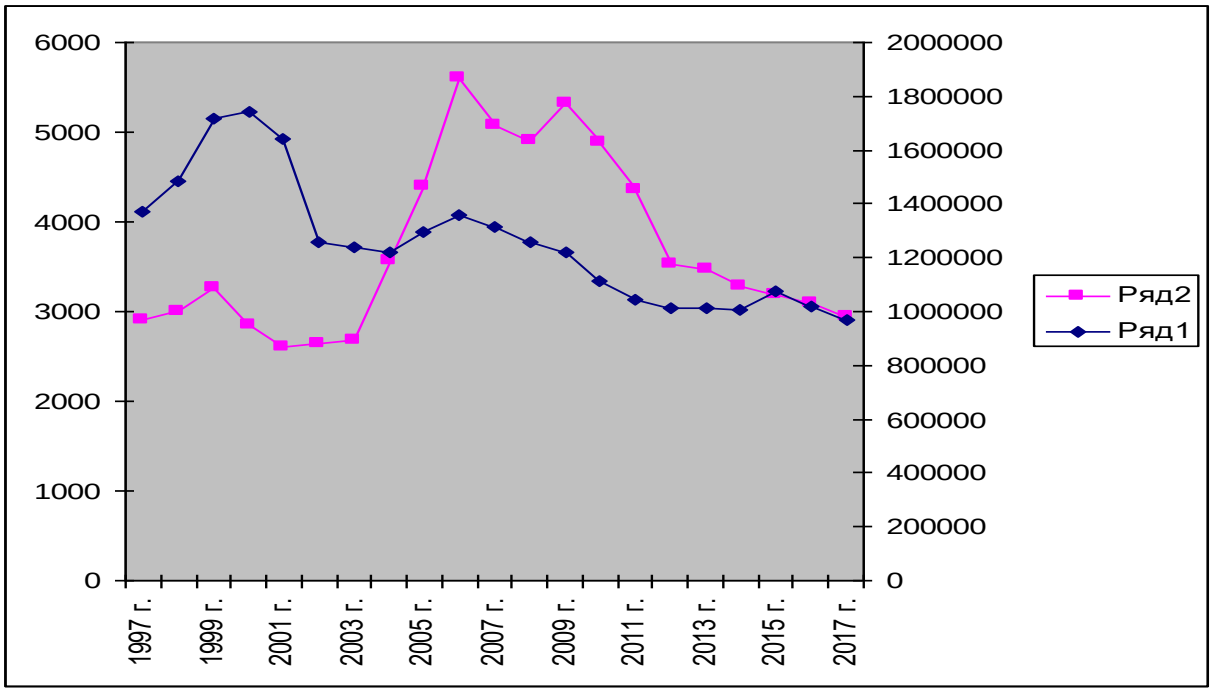

Рис. 12. Сравнительная характеристика уровня выявленных за совершение всех преступлений лиц и уровня лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенных в главе 31 УК РФ, выявленных в Российской Федерации в 1997–2017 гг.: ряд 1 — уровень выявленных лиц за совершение преступлений рассматриваемого вида; ряд 2 — уровень всех выявленных лиц в Российской Федерации.

Как видно из двухосевого графика, динамика уровня выявленных лиц, совершивших рассматриваемые преступления, далеко не всегда повторяет динамику уровня всех выявленных лиц на территории Российской Федерации. В частности, в период с 2003 г. по 2006 г. наблюдался всплеск выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, затем динамика более или менее сгладилась. Соответственно, и коэффициенты

корреляции в период с 1997 г. по 2017 г. принимали разные, порой и отрицательные значения. Это связано с тем, что динамика выявленных лиц за совершение какой-либо группы преступлений (в том числе против участников уголовного судопроизводства) не может жестко коррелировать с динамикой всех лиц, выявленных на территории Российской Федерации, поскольку по ряду одних зарегистрированных преступлений лица могут быть не установлены, по ряду других — наоборот, могут быть выявлены целые группы лиц. Поэтому количество выявленных лиц напрямую зависит от профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, которую довольно сложно, а порой невозможно прогнозировать.

Теперь необходимо выяснить, каков же удельный вес зарегистрированных лиц, совершивших преступления рассматриваемого вида, в структуре субъектов, выявленных за совершение преступлений в Российской Федерации (табл. 10).

Таблица 10

Удельный вес лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенные в главе 31 УК РФ, совершенные на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

Год	Всего выявлено лиц	Удельный вес выявленных лиц		
		С непосредственным причинением вреда	С косвенным причинением вреда	Всех рассматриваемых лиц
1997	1372161	0,02%	0,19%	0,21%
1998	1481503	0,02%	0,18%	0,2%
1999	1716679	0,02%	0,17%	0,19%
2000	1741439	0,02%	0,15%	0,17%
2001	1644242	0,02%	0,14%	0,16%
2002	1257700	0,02%	0,19%	0,21%
2003	1236733	0,02%	0,19 %	0,21%
2004	1222504	0,03%	0,26 %	0,29%
2005	1297123	0,03%	0,3 %	0,33%
2006	1360860	0,06%	0,36 %	0,42%

окончание табл. 10

2007	1317582	0,05%	0,33 %	0,38%
2008	1256199	0,04%	0,35 %	0,39%
2009	1219789	0,05%	0,39 %	0,44%
2010	1111145	0,05%	0,39 %	0,44%
2011	1041340	0,05%	0,37 %	0,42%
2012	1010938	0,04%	0,31%	0,35%
2013	1012563	0,06%	0,29%	0,35%
2014	1006003	0,05%	0,28%	0,33%
2015	1075333	0,05%	0,25%	0,3%
2016	1015875	0,04%	0,26%	0,3%
2017	967103	0,04%	0,26%	0,3%

Данные табл. 10 свидетельствуют о том, что в последние годы удельный вес лиц, выявленных за рассматриваемый вид преступлений, остается практически неизменным. Средний удельный вес данных лиц составил 0,3% в общей структуре выявленных лиц. Таким образом, удельный вес остальных лиц — 99,7% (рис. 13).

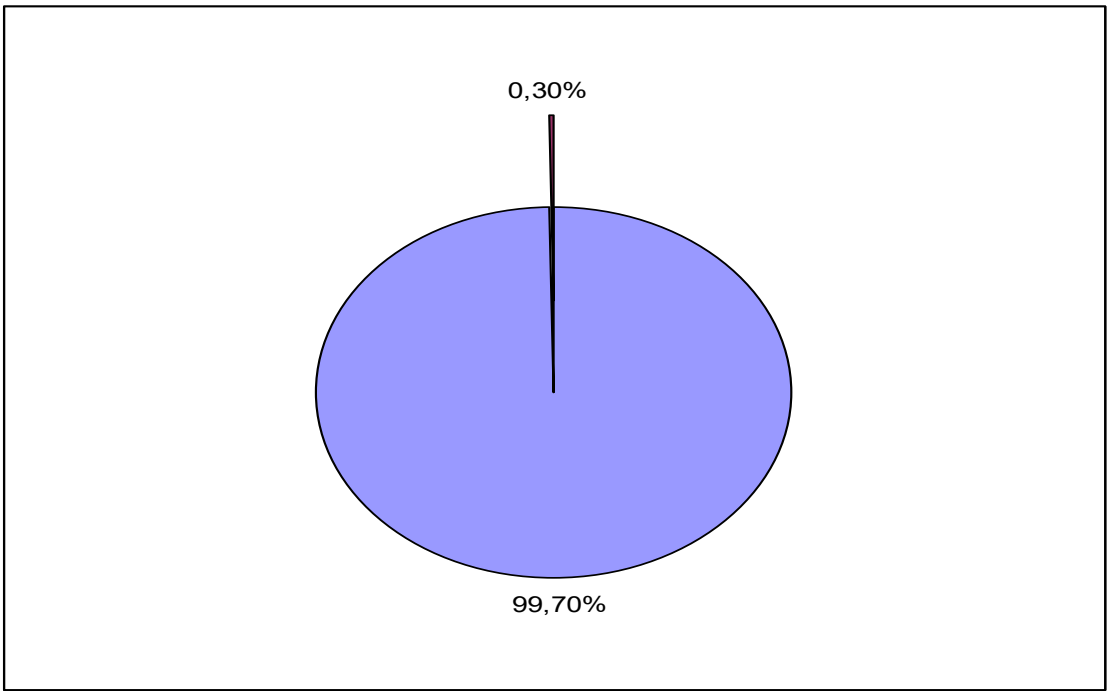

Рис. 13. Структура лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, содержащиеся в главе 31 УК РФ (в процентах от общего числа)

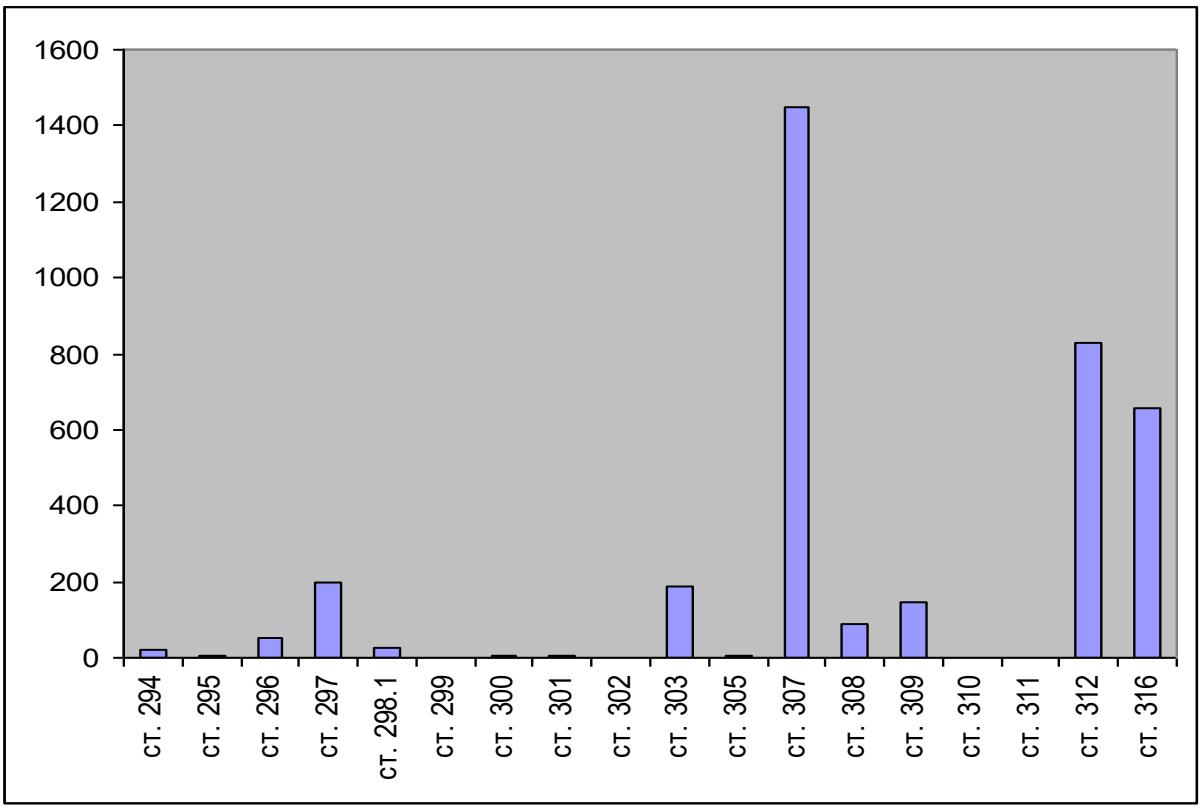

Рис. 14. Распределение выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенные в главе 31 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

На рис. 14 показано распределение среднего показателя выявленных лиц на территории Российской Федерации по отдельно взятой статье УК РФ в период с 1997 г. по 2017 г. (см. табл. 6 и 7).

Таким образом, в Российской Федерации из числа выявленных лиц исследуемой группы преобладают лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 307, 312, 316 УК РФ.

Далее по аналогии с исследованием совокупности преступлений, необходимо рассмотреть структуру выявленных лиц по федеральным округам. Для этого следует свести в табл. 11 количество выявленных лиц в федеральных округах в период с 1997 г. по 2017 г.

Таблица 11

Количество выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, расположенные в главе 31 УК РФ, в федеральных округах Российской Федерации за 1997–2017 гг.

Год	Федеральные округа						
	Цент-ральный	Северо-Западный	Северо-Кавказ-ский и Южный	При-волжский	Ураль-ский	Сибир-ский	Дальне-восточ-ный
1997	595	297	299	634	341	481	226
1998	642	351	337	641	322	493	191
1999	582	424	385	694	357	511	241
2000	561	332	320	614	309	452	223
2001	467	301	300	590	277	405	230
2002	497	227	304	613	278	435	186
2003	487	208	373	577	238	483	187
2004	577	296	474	859	372	579	212
2005	832	470	544	1032	537	604	192
2006	1140	513	721	1179	694	894	323
2007	932	511	689	1047	533	879	290
2008	899	501	819	962	450	789	322
2009	955	502	998	1048	420	873	367
2010	885	435	904	972	376	875	320
2011	760	402	907	867	350	650	277
2012	698	342	730	686	274	473	236
2013	680	312	617	740	278	516	223
2014	705	283	599	708	245	448	207
2015	549	262	586	749	291	416	163
2016	498	252	630	696	282	456	174
2017	466	284	581	669	232	425	164
Сред. кол.	686	357	577	789	355	577	235

На рис. 15 показано распределение среднего количества выявленных лиц за период 1997-2017 гг. по каждому федеральному округу.

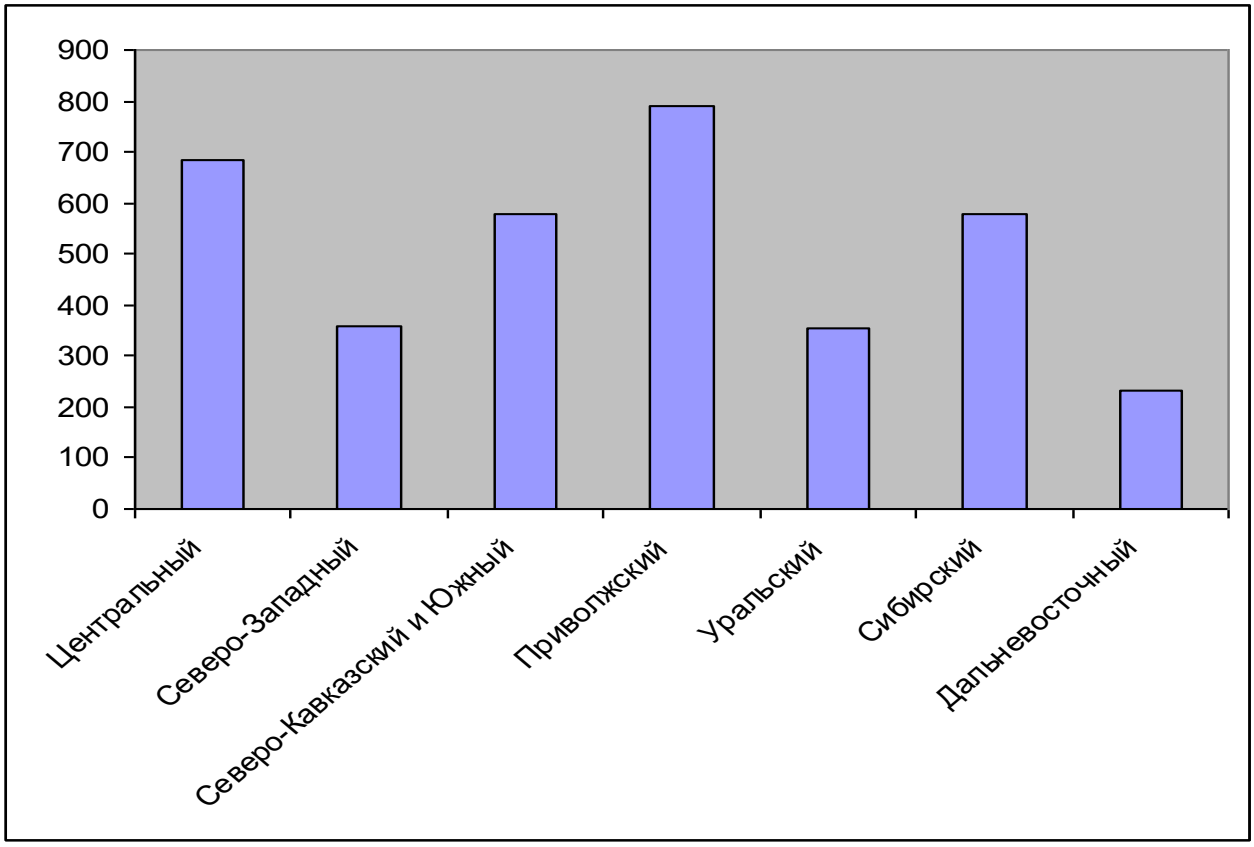

Рис. 15. Распределение среднего количества выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, содержащиеся в главе 31 УК РФ, зарегистрированные на территории Российской Федерации в 1997–2017 гг.

Как видно из рис. 15, наибольшее количество исследуемых лиц выявлено в Приволжском федеральном округе, наименьшее — в Дальневосточном. Такие же результаты были получены и при исследовании совокупности преступлений рассматриваемого вида.

На рис. 16 представлена динамика выявленных лиц в каждом федеральном округе, которая мало чем отличается. Это свидетельствует о том, что исследования среднего значения количества лиц вполне репрезентативны.

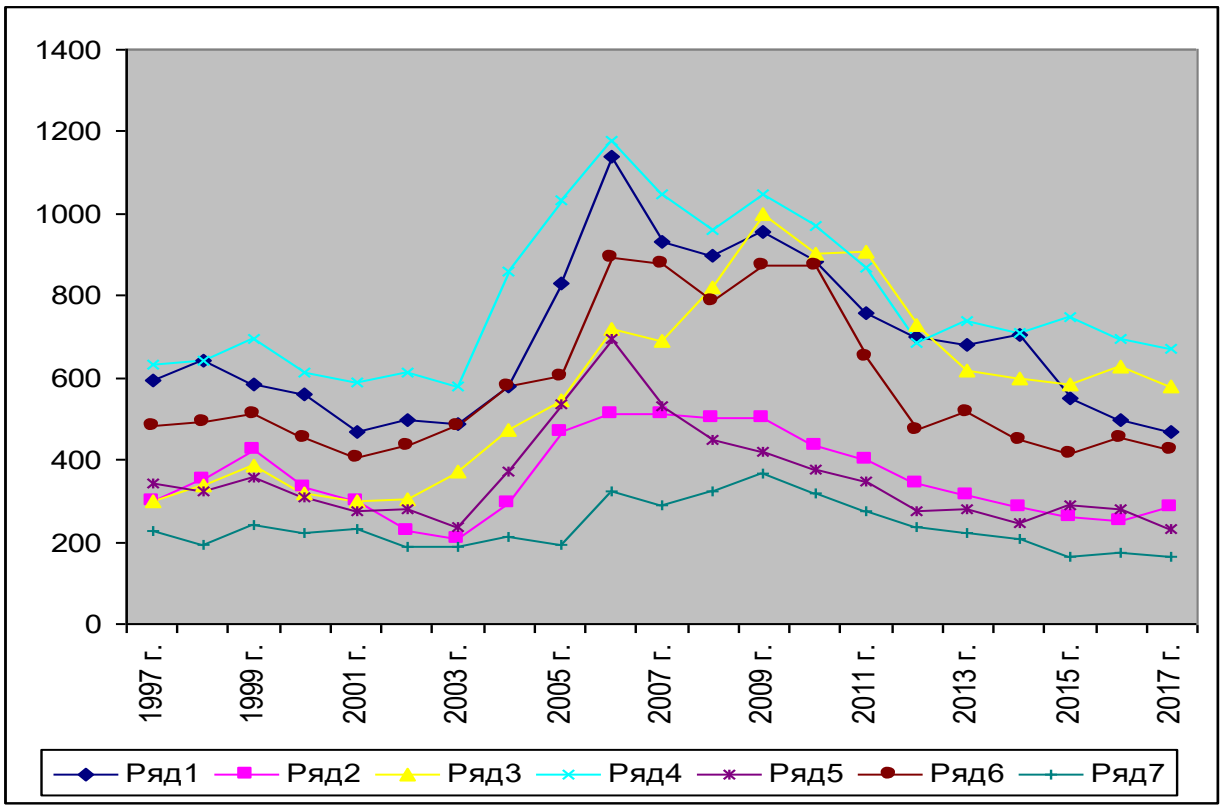

Рис. 16. Динамика выявленных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, содержащиеся в главе 31 УК РФ, зарегистрированные на территории федеральных округов Российской Федерации в 1997–2017 гг.: ряд 1 — Центральный федеральный округ; ряд 2 — Северо-Западный федеральный округ; ряд 3 — Северо-Кавказский, Южный и Крымский федеральные округа; ряд 4 — Приволжский федеральный округ; ряд 5 — Уральский федеральный округ; ряд 6 — Сибирский федеральный округ; ряд 7 — Дальневосточный федеральный округ.

Как видно из рис. 16, к 1998 г. зафиксирован небольшой рост уровня выявленных лиц, совершивших исследуемые преступления, затем наблюдается небольшой спад и до 2003 г. динамика более или менее ровная. С 2004 г. отмечается резкое увеличение уровня выявленных лиц, а с 2007 г. — умеренное его снижение.

Однако состояние и динамику совокупности лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, не расположенных в гл. 31 УК РФ, рассмотреть не представляется возможным по тем же причинам, которые были указаны при изучении характеристик преступлений рассматриваемого вида.

Вследствие этого обобщенная криминологическая характеристика личности преступников, посягающих на участников уголовного судопроизводства, представлена в совокупности с итогами собственных эмпирических исследований.

Думается, что, прежде чем определить социально-криминологическую характеристику лиц, посягающих на участников уголовного судопроизводства, следует выяснить, какие же конкретные посягательства совершают лица в отношении участников уголовного судопроизводства (табл. 12). Указанные данные получены в результате обработки анкет с итогами социологического опроса осужденных (см. приложение 1).

Таблица 12

Количество лиц, совершивших конкретные посягательства в отношении участников уголовного судопроизводства

Вид посягательства	Число лиц	
	Абсолютное значение	Удельный вес, %
Посягательство на жизнь	11	4,7
Побои, причинение вреда здоровью	54	23,0
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	33	14,0
Похищение человека	0	0,0
Клевета	14	6,0
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы	1	0,4
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	19	8,1
Мошенничество, вымогательство	18	7,7
Умышленные уничтожение или повреждение имущества	12	5,2
Хулиганство	4	1,7

окончание табл. 12

Вымогательство взятки	3	1,3
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	11	4,7
Принуждение к даче показаний	6	2,6
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	9	3,9
Подкуп и принуждение к даче ложного заключения	7	3,0
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	9	3,9
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	8	3,4

Таким образом, в соответствии с ответами опрошенных осужденных следует заключить, что большинство лиц совершают преступления, не входящие в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия»[1].

В табл. 13 приведены данные о количестве лиц, совершающих посягательства в отношении конкретных участников уголовного судопроизводства.

[1] Итоги опроса осужденных свидетельствует о том, что они совершают следующие посягательства в отношении участников уголовного судопроизводства: побои и причинение различной степени тяжести вреда здоровью (23,0% лиц из числа опрошенных осужденных, совершивших посягательства рассматриваемого вида); угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (14,0%); кража, грабеж, разбой, завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (8,1%); клевета (6,0%); умышленные уничтожение или повреждение имущества (5,2%); посягательство на жизнь (4,7%); воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (4,7%); подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (3,9%).

Таблица 13

Количество лиц, совершивших посягательства в отношении конкретных участников уголовного судопроизводства

Процессуальный статус потерпевшего — участника уголовного судопроизводства	Число лиц	
	Абсолютное значение	Удельный вес, %
Судья	9	3,8
Присяжный заседатель	3	1,3
Прокурор	6	2,6
Следователь	13	5,5
Руководитель следственного органа	3	1,3
Начальник подразделения дознания	2	0,9%
Дознаватель	10	4,3
Должностное лицо органа дознания (в том числе начальник органа дознания)	7	3,0
Потерпевший	28	11,9
Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя	0	0,0
Частный обвинитель	7	3,0
Гражданский истец	2	0,9
Гражданский ответчик	0	0,0
Представитель гражданского ответчика	0	0,0
Подозреваемый	29	12,3
Обвиняемый	14	6,0
Законные представители несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых	7	3,0
Защитник	19	8,1
Свидетель	50	21,3
Эксперт	7	3,0
Специалист	5	2,1
Переводчик	4	1,7
Понятой	10	4,3

Из ответов опрошенных осужденных следует, что большинство лиц совершают посягательства в отношении следующих участников уголовного судопроизводства: в отношении свидетелей — 21,3%; в отношении подозреваемых — 12,3%; в отношении потерпевших — 11,9%; в отношении защитников — 8,1%; в отношении обвиняемых — 6,0; в отношении следователей — 5,5%; в отношении дознавателей — 4,3%; в отношении понятых — 4,3%.

Обобщая данные эмпирического исследования, можно сделать вывод об интенсивности преступной деятельности каждой группы лиц, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства, классифицированных по процессуальному статусу потерпевших от общественно опасных деяний.

В отношении членов суда (судей и присяжных заседателей) преступления совершают 5,1% лиц рассматриваемой категории; в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения — 33,2%; в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты — 29,4%; в отношении иных участников уголовного судопроизводства — 32,3%.

Для более полной характеристики личности преступника, совершающего преступления против участников уголовного судопроизводства, необходимо рассмотреть социально-демографические и иные данные лиц, совершивших такие преступления, взятые из результатов социологических опросов.

По результатам социологического опроса осужденных (см. приложение 1) определена общая характеристика личности преступников, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства.

В табл. 14 приведены данные, полученные в результате обработки анкет опрошенных осужденных.

Таблица 14

Социально-криминологическая характеристика личности опрошенных преступников, совершающих посягательства в отношении участников уголовного судопроизводства

Социально-криминологическая характеристика личности преступника	Количество лиц	
	Абсолютное значение	Удельный вес, %
Мужчины	191	81,3
Женщины	44	18,7
Возраст 14–15 лет	0	0,0
Возраст 16–17 лет	5	2,1
Возраст 18–24 года	53	22,6
Возраст 25–29 лет	41	17,4
Возраст 30–49 лет	130	55,3
Возраст 50 лет и старше	6	2,6
Имеющие начальное и основное общее образование	51	21,7
Имеющие среднее (полное) общее образование	104	44,3
Имеющие среднее профессиональное образование	67	28,5
Имеющие высшее профессиональное образование	13	5,5
Рабочие	41	17,4
Служащие	19	8,1
Работники сельского хозяйства	5	2,1
Индивидуальные предприниматели	8	3,4
Учащиеся	10	4,3
Студенты	11	4,5
Без постоянного источника доходов	109	46,4
В состоянии опьянения	21	8,9
Ранее совершавшие преступления	162	68,9
Совершившие преступления в составе группы лиц	14	6,0

Таким образом, социально-криминологическая характеристика личности преступника, посягающего на участников уголовного судопроизводства, выглядит следующим образом.

Большинство таких посягательств совершается лицами мужского пола (81,3%). Возраст данных лиц: 16–17 лет —2,1%; 18–24 года — 22,6%; 25–29 лет — 17,4%; 30–49 лет — 55,3%; 50 лет и старше — 2,6%. Доля лиц, имеющих начальное и основное общее образование, составляет 21,7%, среднее (полное) общее образование — 44,3%; среднее профессиональное образование — 28,5%, высшее профессиональное образование — 5,5%. Удельный вес рабочих составляет 17,4%; служащих — 8,1%; работников сельского хозяйства — 2,1%; индивидуальных предпринимателей — 3,4%; учащихся — 4,3%; студентов — 4,5%; без постоянного источника доходов — 46,4%. В состоянии опьянения совершают такие преступления 8,9% лиц; в составе группы — 6,0%; доля ранее совершавших преступления — 68,9%[1].

Анализ статистических сведений о лицах, выявленных за совершение всех преступлений в Российской Федерации и преступлений против правосудия, позволяет констатировать, что отдельные элементы социально-криминологической характеристики личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, отличаются от аналогичных компонентов характеристики личности преступника, совершающего иные преступления, в том числе, против правосудия. Основные отличительные особенности таких характеристик для наглядности сведены в табл. 15.

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. М., 2016. С. 33-63.

Таблица 15

Сравнение отдельных элементов социально-криминологической характеристики личности преступника

Элементы социально-криминологической характеристики личности преступника	Удельный вес выявленных лиц, %		
	Совершившие преступления против участников уголовного судопроизводства	Совершившие все преступления в Российской Федерации	Совершившие преступления против правосудия
Мужчины	81,3	85,4	79,6
Женщины	18,7	14,6	20,4
Несовершеннолетние	2,1	5,3	0,7
Совершившие преступления в состоянии опьянения	8,9	41,5	18,2
Ранее совершавшие преступления	68,9	54,0	69,7
Совершившие преступления в составе группы лиц	6,0	13,9	1,2

Итак, удельный вес женщин, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства, несколько выше удельного веса лиц женского пола, выявленных за совершение всех преступлений в Российской Федерации. Это связано с тем, что женщины, являющиеся близкими лиц, совершившими различные преступления, чаще воздействуют на участников уголовного судопроизводства, пытаясь избавить от уголовного преследования своих мужей, братьев, сестер, отцов, детей и т.п. Тем не менее, этот показатель ниже удельного веса женщин, выявленных за совершение преступлений против правосудия, поскольку против участников уголовного судопроизводства совершаются различные преступные посягательства, в том числе более характерные для лиц мужского пола (убийства, причинение тяжкого вреда здоровью и т.п.).

Невысок удельный вес несовершеннолетних, совершающих исследуемые общественно опасные деяния. И хотя он выше аналогичного показателя выявленных несовершеннолетних, посягающих на интересы правосудия, следует отметить, что отдельные преступления против правосудия, не относящиеся к преступлениям против участников уголовного судопроизводства (в частности, предусмотренные ст. 313, 314, 314.1 УК РФ), не свойственны несовершеннолетним.

Достаточно низкий показатель лиц, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства в состоянии опьянения, свидетельствует о том, что данные преступления совершаются с заранее обдуманным умыслом, а не спонтанно, только лишь после приема алкоголя или наркотических средств, что говорит о повышенной общественной опасности анализируемой совокупности преступлений.

Из табл. 2.15 следует, что примерно 6,0% лиц совершают преступления против участников уголовного судопроизводства в составе группы. Этот показатель несколько ниже, чем показатель по всем выявленным лицам, поскольку значительное количество исследуемых преступлений совершается сотрудниками правоохранительных органов, которые, как правило, действуют в одиночку. Тем не менее, удельный вес групповых преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, значительно выше (почти в 3 раза) уровня преступлений против правосудия, совершаемых лицами в составе группы.

Удельный вес лиц, посягающих на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, ранее совершавших преступления, выше аналогичного показателя всех выявленных лиц и почти схож с удельным весом лиц, выявленных за совершение преступлений против правосудия. Данное обстоятельство свидетельствует о том, что рассматриваемые преступления являются следствием уже совершенных ранее каких-либо преступных деяний.

Приведенные данные позволяют в общих чертах создать представление о личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Кроме рассмотренных характеристик, в криминологической науке определенный интерес представляет также типология лиц, совершивших преступления, поскольку, как отмечает К.Е. Игошев, «одним из методологических принципов анализа личности преступника является типологический подход»[1]. Криминологическая типология личности преступника, по мнению Ю.М. Антоняна, М.И. Еникеева и В.Е. Эминова, «помогает выявить причины преступного поведения, а значит, с большей эффективностью предупреждать преступления»[2]. Считаем, что абсолютно права Е.В. Побрызгаева в том, что в основе любой типологии лежат объективные свойства изучаемых явлений. Одновременно типология выступает одним из необходимых научных методов познания, посредством которого достигается объяснение изучаемых явлений. Данный метод часто используется в криминологических исследованиях, в частности, он совершенно необходим при изучении личности преступника, так как позволяет достаточно эффективно выделять конкретные типы личности преступника по их психологическим, социальным и нравственным признакам[3].

С точки зрения И.М. Мацкевича, особенность типологии состоит в том, что предметом познания она имеет не преступность как явление и не отдельную личность или отдельное преступление, а единство сущности образующих личность свойств и признаков, обусловленных объективными условиями. Типология проникает в сущность самой личности преступника, но при этом ее интересует именно повторяющееся, типичное[4].

---

[1] *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 4.

[2] *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Указ. раб. С. 19.

[3] См.: *Побрызгаева Е.В.* Типология лиц, совершающих разбойные нападения // Криминологические проблемы преступного поведения: сборник научных трудов. М., 1991. С. 26.

[4] См.: *Мацкевич И.М.* Криминологический портрет преступника (теоретические проблемы составления) // Lex Russica. 2008. № 6. С. 1429.

В современной криминологической литературе имеет место многообразие типологий личности преступника. В частности, В.Н. Бурлаков предлагает интегративную типологию криминогенной личности, состоящей из пяти типов: случайный, небрежный, неустойчивый, привычный, профессиональный[1]. В.М. Розин выделяет следующие типы: профессиональные правонарушители, расчетливые любители, невольные правонарушители, преступники с психическими отклонениями, бессознательные преступники[2]. С.Н. Абельцев рассматривает типологию личности преступника в двух вариантах: типология по признакам антиобщественной направленности личности и ее поведения, типология по степени общественной опасности личности и совершаемых ею преступлений. В каждом варианте им анализируется по четыре типа личности преступника[3]. По мнению А.И. Долговой, лица, совершающие преступления, делятся на два вида: криминогенный тип и случайный преступник. В свою очередь криминогенный тип подразделяется ею на три подтипа: последовательно-криминальный, ситуативно-криминальный, ситуативный[4].

Существуют различные критерии определения типологии личности преступника. Ю.М. Антонян предлагает создавать типологию преступников по мотивам совершенных преступлений. Он утверждает, что «мотив — внутреннее побуждение к поведению, это то, ради чего оно осуществляется, в нем заключается его субъективный смысл»[5].

На наш взгляд, достаточно подробно по разным основаниям рассмотрели типологию личности преступника Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев и В.Е. Эминов. Так, по мотивационным критериям они вычленяют корыстный, престижный, игровой, насильственный и сексуальный типы; по характеру пре-

---

[1] См.: *Бурлаков В.Н.* Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 1998. С. 7–8.

[2] См.: *Розин В.М.* Психологический анализ преступной личности // Уголовное право. 1999. № 2. С. 95–96.

[3] См.: *Абельцев С.Н.* Особенности преступного поведения и типы преступников // Закон и право. 1999. № 12. С. 20–21.

[4] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 361.

[5] *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 92.

ступной направленности — корыстный, насильственный, корыстно-насильственный и универсальный. И, наконец, по степени общественной опасности ими выделены абсолютно опасный, особо опасный, опасный и представляющий незначительную опасность типы личности преступников[1].

Полагаем, что в целях разработки мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства также необходимо определить типы личности преступников, совершающих рассматриваемые общественно опасные деяния.

Следует заметить, что определение типологии личности преступников, посягающих на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, в криминологии не предпринималось, за исключением исследований, проводимых И.А. Бобраковым, который рассматривает типологию такой личности как два относительно самостоятельных портрета — должностное лицо, осуществляющее уголовное судопроизводство либо обеспечивающее его проведение, а также лицо, таковым не являющееся. Ученый отмечает, что «в каждом криминологическом портрете имеются основания для выделения достаточно многочисленных относительно-индивидуальных групп (подтипов), но не раскрывает их характеристик»[2].

В данном контексте И.А. Бобраков лишь констатирует, что «в литературе определяются несколько типов личности преступника, совершившего служебное преступление: преступник-службист, карьерист, азартный силовик, взяточник и пишет, что указанные типы вполне относимы и к криминогенной личности должностного лица уголовного судопроизводства»[3]. Действительно, перечисленные типы применительно к должностным лицам сотрудников органов

---

[1] См.: *Антонян Ю.М., Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е.* Личность преступника. СПб., 2004. С. 148–149.

[2] *Бобраков И.А.* Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук. С. 158.

[3] Там же. С. 143.

внутренних дел были определены в свое время С.А. Алтуховым[1]. Полагаем, что представленные И.А. Бобраковым криминологические портреты являются не типологией, а одним из вариантов классификации личности преступников, посягающих на участников уголовного судопроизводства.

При этом нельзя не согласиться, во-первых, с А.Н. Варыгиным, считающим, что типологию следует рассматривать в качестве разновидности классификации[2]; во-вторых, с К.Е. Игошевым, который отмечал, что «типологию фиксирует то главное, без чего нет и не может быть личности преступника, вскрывает внутренние, устойчивые связи между существенными признаками и тем самым способствует обнаружению закономерностей, свойственных преступнику как типу»[3]. Думается, что принадлежность субъекта к должностному лицу в сфере уголовного судопроизводства не может являться закономерностью совершения им преступлений, хотя, действительно, отдельные такие лица совершают преступления в отношении участников уголовного судопроизводства и их следует подразделять на типы.

Выше было установлено, что против участников уголовного судопроизводства совершаются различные преступления, поэтому типология личности преступника, посягающего на участников уголовного судопроизводства, является многоуровневой. Тем не менее, поскольку преступные посягательства направлены в отношении конкретных лиц, можно выделить три основных типа личности:

1. Тип с направленностью на нарушение установленного порядка осуществления уголовного судопроизводства. Субъекты, относящиеся к данному типу, совершают преступления, посягающие на интересы правосудия. Причем, в этом типе можно выделить следующие подтипы: препятствующий осуществлению правосудия и производству предварительного расследования; стремя-

---

[1] См.: *Алтухов С.А.* Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики). СПб., 2001. С. 20.

[2] См.: *Варыгин А.Н.* Преступность в органах внутренних дел. Саратов, 2002. С.181.

[3] *Игошев К.Е.* Указ. раб. С. 55

щийся к улучшению служебных показателей. Характерной чертой первого подтипа является желание любой ценой достичь того, чтобы правосудие не совершилось. Второй подтип пытается добиться любыми противоправными способами совершенствования результатов служебной деятельности, чтобы, с его точки зрения, напротив, содействовать осуществлению правосудия. Для второго подтипа характерны свои подтипы, уже перечисленные выше — службист, карьерист, азартный силовик и т.п.

Примеры из судебной практики позволяют проиллюстрировать поведение личностей указанного типа.

Так, 1 февраля 2011 г. Заводским районным судом г. Саратова за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ к 2 годам лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год осужден гр-н К.М.В. В ходе судебного заседания установлено, что в период времени с 17 сентября 2009 г. по 10 сентября 2010 г. К.М.В. стало известно о том, что в отношении его знакомого К. возбуждено уголовное дело и потерпевшим А. даны изобличающие последнего показания. В августе 2010 г. у К.М.В. возник преступный умысел на принуждение потерпевшего А. к даче ложных показаний с угрозой убийством и причинением вреда здоровью в пользу обвиняемого К. по расследуемому в отношении последнего уголовному делу. 9 сентября 2010 г. К.М.В., реализуя свои преступные намерения, назначил А. встречу напротив памятника «Зенитное орудие», расположенного на улице Чернышевского г. Саратова у дома № 6. А 10 сентября 2010 г. около 12 часов 00 минут К.М.В., продолжая реализовывать свой преступный умысел, находясь возле памятника «Зенитное орудие», осознавая преступный характер своих действий и действуя в интересах обвиняемого К., стал незаконно принуждать потерпевшего А. к даче ложных показаний, при этом высказывал угрозы убийством и причинением вреда здоровью, которые были восприняты А. как реальная опасность для его жизни и здоровья[1].

[1] См.: Уголовное дело № 1-58/2011 // Архив Заводского районного суда г. Саратова.

По другому уголовному делу 13 декабря 2011 г. Верховным судом Республики Марий Эл за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 302 УК РФ к 2 годам ограничения свободы осужден гр-н К. В ходе судебного заседания установлено, что К. являлся первым заместителем начальника отдела — начальником криминальной милиции ОВД г. Йошкар-Ола. 22 ноября 2010 г. следователем М.А.И. было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного п. «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ по факту открытого хищения имущества у З.В.И. 29 ноября 2010 г. данное уголовное дело принято к своему производству следователем М.В.М., который в этот же день вынес постановление о признании З.В.И. потерпевшим, допросил З.В.И. по обстоятельствам хищения принадлежащего ему имущества. В результате проведенного предварительного расследования лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого по уголовному делу установлено не было, и преступление осталось не раскрытым. К. решил принудить потерпевшего З.В.И. к даче показаний, на основании которых уголовное дело могло бы быть прекращено по реабилитирующему основанию, предусмотренному п. 1 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, что не повлекло бы снижение раскрываемости грабежей на территории района. 1 декабря 2010 г. около 9.00 потерпевший З.В.И. явился в ОВД, по предложению К. прошел в его служебный кабинет, куда через некоторое время пришел следователь М.В.М. Находясь в указанном выше кабинете, потерпевший З.В.И. отказался давать показания о том, что преступление в отношении него не совершалось. После этого К., действуя в продолжение своего преступного умысла, с ведома и молчаливого согласия следователя М.В.М., принудил потерпевшего З.В.И. к отказу от своих первоначальных показаний и к даче показаний о том, что открытое хищение его имущества не совершалось. При этом К. оказывал на потерпевшего З.В.И. психологическое воздействие: угрожал применением насилия, привлечением его к уголовной ответственности, лишением свободы. В результате оказанного К. с ведома и молчаливого согласия следователя М.В.М.

принуждения потерпевший З.В.И. согласился дать показания о том, что преступление в отношении него не совершалось[1].

2. Тип с направленностью на месть за деятельность, связанную с участием в уголовном судопроизводстве. Лица, отнесенные к данному типу, стремятся отомстить участникам уголовного судопроизводства за реализацию ими своих процессуальных прав и (или) обязанностей: дачу показаний, производство экспертиз, проведение следственных и иных процессуальных действий и т.п. В числе субъектов данного типа можно выделить такие подтипы, как насильственный, сексуальный, корыстный и др. Это связано с тем, что месть может осуществляться многообразными действиями, например, причинением или угрозой причинения смерти либо вреда здоровью, сексуальным насилием, уничтожением (повреждением) имущества и т.п.

Для данного типа характерны следующие варианты преступного поведения, отраженные в примерах из судебной практики.

22 июня 2005 г. Камчатским областным судом за совершение преступления, предусмотренного пп. «а», «б», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ к пожизненному лишению свободы осужден гр-н К. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. 17 июня 2005 г. К., испытывая неприязнь к Х. и А. в связи с тем, что они дали свидетельские показания по уголовному делу, уличавшие его в совершении вооруженного нападения и положенные в основу приговора суда от 5 августа 1999 г., которым он был осужден к лишению свободы, из мести за указанные действия, лишил жизни А., нанеся ей несколько ударов ножом в область груди и молотком по голове, и Х., нанеся ему несколько ударов молотком по голове[2].

26 февраля 2006 г. Верховным судом Чувашской Республики за совершение нескольких убийств к 16 и 17 годам лишения свободы соответственно

---

[1] См.: Уголовное дело № 2-22/2011 // Архив Верховного суда Республики Марий Эл.

[2] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2006 года № 60-о05-8сп. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

осуждены Ф. и С. Потерпевший И., будучи допрошенным по уголовному делу по факту совершения противоправных действий в отношении Д., дал органам следствия правдивые показания в отношении Ф. и С., которые, желая отомстить ему, 15 сентября 2001 г. вывезли И. на дачу Ф., расположенную в районе г. Новочебоксарск Чувашской Республики. На даче, высказывая претензии к И., Ф. и С. стали избивать И., душить его, а через некоторое время убили[1].

3. Ситуативно-направленный тип. Субъекты, относящиеся к этому типу, осуществляют иные, не связанные с непосредственным отправлением правосудия, преступные посягательства. В данном случае лицо использует повышенную вследствие участия в уголовном судопроизводстве виктимность жертвы, совершая в отношении нее различные преступления (мошенничество, вымогательство и т.п.). Для данного типа также характерны разнообразные подтипы, например, последовательно-криминальный, ситуативно-криминальный и т.п.

К примеру, 1 марта 2006 г. Верховным Судом Республики Татарстан за совершение нескольких преступлений, в том числе предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «в» ч. 4 ст. 290 УК РФ, осужден гр-н Б. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Б., работавший следователем СО при Казанском ЛУВД на транспорте, 10 октября 2004 г. у себя в кабинете в ходе допроса Н. в качестве свидетеля потребовал взятку в размере 20000 руб., обещая не привлекать его к ответственности. Не получив в отведенное время денег, Б. в октябре–декабре неоднократно приезжал к знакомой Н., где тот жил, требуя деньги. В конце декабря Б. приехал туда же с неустановленным лицом, вывез Н. в лесопосадку, избил, требуя деньги, увеличив сумму до 50000 руб.[2]

На основе анализа мотивов и целей совершения рассматриваемых общественно опасных деяний, можно определить удельный вес преступников каж-

---

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2002 года № 31-о02-19. Доступ из справ.-правовой системы» Консультант Плюс».

[2] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июля 2006 года № 11-о06-47. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

дого типа из общего числа опрошенных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства (см. приложение 1). Проведенным исследованием установлено, что удельный вес лиц, относящихся к типу с направленностью на нарушение установленного порядка осуществления уголовного судопроизводства, составил 38,7% (к первому подтипу — 33,6%, ко второму подтипу — 5,1%); к типу с направленностью на месть за деятельность, связанную с участием в уголовном судопроизводстве, — 36,2%; к ситуативно-направленному типу — 25,1%[1].

Итак, изложенные сведения позволяют в общих чертах охарактеризовать особенности личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, что отражается в следующих выводах:

1) в отличие от статистических данных о преступлениях против участников уголовного судопроизводства в динамике лиц, выявленных за совершение рассматриваемых деяний, отсутствует устойчивая корреляционная связь с динамикой всех выявленных за совершение преступлений лиц. Это связано с тем, что по ряду одних зарегистрированных преступлений лица могут быть не установлены, а по ряду других — наоборот, могут быть выявлены целые группы лиц;

2) большинство лиц совершают в отношении участников уголовного судопроизводства такие преступные деяния, как: побои и причинение различной степени тяжести вреда здоровью; угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью; кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения; клевета; умышленные уничтожение или повреждение имущества; посягательство на жизнь; воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Криминологическая характеристика и типология личности преступника, посягающего на права и законные интересы участников уголовного судопроизводства // Право и практика. 2017. № 4. С. 39–42.

расследования; принуждение к даче показаний; подкуп или принуждение к даче показаний либо к неправильному переводу;

3) выявлены обобщенные социально-демографические особенности лиц, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства. В основной массе — это лица мужского пола в возрасте 30–49 лет, имеющие среднее (полное) образование, официально на момент совершения преступлений нигде не работающие; более половины таких лиц ранее совершали преступления;

4) субъекты, посягающие на участников уголовного судопроизводства, классифицированы на четыре группы в зависимости от процессуальных статусов жертв, это — лица, совершающие преступления против: а) участников суда; б) участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения; в) участников уголовного судопроизводства со стороны защиты; г) иных участников уголовного судопроизводства;

5) по характеру преступной направленности выделены три типа личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства: тип с направленностью на нарушение установленного порядка осуществления уголовного судопроизводства (38,7%); тип с направленностью на месть за деятельность, связанную с участием в уголовном судопроизводстве (36,2%); ситуативно-направленный тип (25,1%).

Глава 3. Особенности детерминации преступлений против участников уголовного судопроизводства

§ 1. Механизм преступного поведения личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства

Принцип детерминизма в научной литературе рассматривается как выражение объективной обусловленности, закономерности всего происходящего: любое явление зависит от других, детерминировано ими; подчинено какой-либо закономерности; существует универсальная закономерная связь вещей и явлений мира[1].

Детерминация же — понятие, производное от слова «детерминант», «детерминировать». Латинское слово «determinante» означает «определять». Детерминант соответственно означает «определитель», детерминировать — «определять, обусловливать», а детерминация — «процесс обусловливания, определения»[2]. Криминологи отмечают, что детерминация — объективно существующая обусловленность вещей и процессов. Любое явление не возникает само по себе, вне окружающей действительности, а напротив, связано с ней, порождено конкретными факторами и обстоятельствами[3]. Н.Ф. Кузнецова, рассматривая детерминацию как связь причинения, опосредования и обусловливания, к основным ее видам относила причинность, состоящую в генетической, продуцирующей связи одного явления (причины) с другим (следствием), и обусловливание, состоящее в создании возможности (вероятности) наступления следствия двумя путями: способствованием формированию причины и способствованием ее реализации[4]. В криминологической литературе отмечается так-

---

[1] См.: *Лойфман И.Я.* Причинность и детерминизм // Категория причинности в диалектической концепции связи / под ред. И.Я. Лойфмана. Свердловск, 1974. С. 4.

[2] Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 231.

[3] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2000. С. 594.

[4] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 16.

же, что, начиная с 60-х гг. XX в. причины и условия преступности объединяются родовым понятием «криминологические детерминанты»[1].

Таким образом, когда затрагиваются вопросы детерминации преступности, необходимо учитывать не только ее причины, но и условия. Это связано с тем, что в философии причинность выделяется в качестве лишь одной из форм связей в природе, существующей наряду со связью состояний, корреляцией, функциональной связью, и т.п.[2] В свою очередь, причинный фактор становится действующей причиной лишь в единстве с соответствующими условиями, а не просто в силу своей внутренней природы. Условия либо способствуют превращению причинного фактора в действующую причину, либо препятствуют такому превращению, нейтрализуют проявление качественных особенностей причинного фактора, могут сделать невозможным его действие[3]. Следовательно, проблема познания детерминант преступлений сводится к выделению определенных причин и условий, влияние которых на формирование преступного поведения личности является наиболее существенным. Поэтому в данном случае необходимо выяснять весь комплекс причин преступлений, а также обусловливающих их факторов, отражающих различные формы связей, существующих в объективной реальности.

Исходя из указанных суждений, следует констатировать, что преступное поведение, посягающее на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, порождаемое конкретной личностью, возникает не само по себе. Оно не изолировано от внешней среды, а связано с ней и обусловлено конкретными криминологическими детерминантами.

Бесспорно, что выявление причин и условий преступлений против участников уголовного судопроизводства служит основой разработки мер их преду-

---

[1] См.: *Остапенко Н.И.* Отдельные аспекты причинного комплекса преступности несовершеннолетних // Российский следователь. 2009. № 21. С. 25.

[2] См.: *Бунге М.* Причинность / пер. с англ. И.С. Шерн-Борисовой и С.Ф. Шушурина М., 1962. С. 33.

[3] См.: *Сыромятникова А.А.* Единство причины и условий в возникновении явлений // Категория причинности в диалектической концепции связи / под ред. И.Я. Лойфмана. Свердловск, 1974. С. 21.

преждения. Но, поскольку массив данных преступлений является совокупностью отдельных общественно опасных деяний, полагаем, что, прежде всего, необходимо проанализировать причины и условия единичного преступления, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Как было указано выше, непосредственные причины и истоки виновного поведения всегда лежат в конкретной личности. Причем личность всегда выступает источником поведения человека, в том числе и преступного. Криминологи признают, что более продуктивным в изучении детерминации преступного поведения является детальный анализ механизма совершения преступления, так как он предполагает выявление не только всего комплекса событий, явлений, процессов и свойств личности, но их взаимодействия, а также роли каждого из факторов в преступлении[1]. Для этого в первую очередь следует разграничить понятия «преступное поведение» и «механизм преступного поведения». На наш взгляд, взаимодействие внешней среды и личностных особенностей человека очевидно и само преступное деяние обусловлено этими факторами. В процессе совершения преступления происходит изменение психологических характеристик, а среда служит условием совершения преступления.

Кроме того, преступление не может быть одномоментным, оно всегда протяженно в пространстве и во времени. Любое деяние человека состоит из ряда действий, его телодвижений; от момента начала деяния до момента его окончания всегда проходит определенное время, то есть оно носит характер процесса. Пусть это будут секунды или доли секунд, минуты, часы, дни, годы, все равно преступный процесс будет иметь определенный временной интервал.

Преступление совершается в одной точке пространства, а заканчивается в другой, нельзя в одной и той же точке пространства начать и окончить преступление, так же, как нельзя дважды войти в одну и ту же реку, нельзя совер-

---

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Причинность и детерминизм в криминологии // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве: межвузовский тематический сборник. Владивосток, 1983. С. 6.

шить преступление в одной пространственной точке. Пусть эти точки будут разделены миллиметрами, сантиметрами, метрами или километрами, но разрыв в пространстве обязательно будет. Основываясь на этом постулате, считаем, что в преступное поведение не входят предшествовавшие деянию психологические явления и процессы, которые детерминируют совершение преступления.

Предшествующие преступному деянию явления не преступны, так как не регламентируются нормами уголовного законодательства. В данном случае следует говорить об отклоняющемся, антиобщественном или криминогенном поведении. Все эти явления — катализатор, ускоряющий превращение девиантного поведения в преступное. Поведение сначала является антиобщественным, затем, когда попадает под действие уголовно-правовых запретов, становится преступным. В связи с этим вызывает возражение точка зрения Е.А. Мироновой, которая считает, что поведение преступника является органическим единством его внутреннего и внешнего аспектов, включающих действия преступного и непреступного характера, совершенные в границах допреступного, рассматриваемого как генезис преступления, и послепреступного периодов[1].

Поскольку преступник — это лицо, виновно совершившее общественно опасное деяние, запрещенное Уголовным кодексом под угрозой наказания, его поведение должно быть преступным, то есть нарушающим нормы уголовного закона. И здесь усматривается явное противоречие с тем, что в структуру поведения преступника входят действия непреступного характера. О каком же преступном поведении может идти речь, если оно состоит из непреступных элементов? На наш взгляд, допреступное поведение должно относиться не к понятию преступного поведения, а к его механизму.

Для рассмотрения термина «механизм преступного поведения» исследуем сначала само понятие «механизм», под которым в литературе понимается:

---

[1] См.: *Миронова Е.А.* Поведение преступника: криминалистический и процессуальный аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 22.

система движений или событий, а также устройство или приспособление, в котором и посредством которого совершаются эти движения, определяемые законами природы[1];

система, устройство, определяющие порядок какого-нибудь вида деятельности[2];

совокупность состояний и процессов, из которых складываются какие-либо физические, химические, физиологические и иные явления[3].

Таким образом, семантика термина «механизм» сводится к тому, что под ним понимаются система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности; последовательность состояний, процессов, определяющих собой какое-либо действие или явление.

Именно механизм преступного поведения иллюстрирует, как зарождается преступное поведение, как из обычного поведения субъекта оно превращается в уголовно наказуемое и как это преступное поведение угасает. Ведь отклонение поведения от нормы, его мотивация и планирование преступного действия есть не что иное, как зарождение преступного поведения, то есть первые элементы его механизма. Заключительным же этапом рассматриваемого механизма является постпреступное поведение. Это поведение субъекта после того, как преступление завершилось, оно характеризуется напряженной эмоциональной окраской, переживаниями лица, совершившего преступление[4].

В связи с этим можно согласиться с давним и общепризнанным определением: механизм преступного поведения — это «связь и взаимодействие внешних факторов объективной действительности и внутренних, психических

---

[1] См.: *Губский Е.Ф., Кораблева Г.В., Лутченко В.А.*Философский энциклопедический словарь. М., 2001. С. 266.

[2] См.: Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 181.

[3] См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1998. Т. 2. С. 263.

[4] См.: *Яшин А.В.* Постпреступное поведение: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2005, С. 38–40.

процессов и состояний, детерминирующих решение совершить какое-либо преступление, направляющих и контролирующих исполнение данного решения»[1].

Интересным представляется утверждение, что «психологический механизм преступного поведения связан с эгоистическим стремлением лица удовлетворить свою потребность вопреки общественным интересам»[2]. Считаем, что данное высказывание особенно актуально в настоящее время.

Весьма своеобразной выглядит позиция В.А. Номоконова, который приходит к выводу о том, что механизм преступного поведения в криминологии излишне «психологизируется». И на индивидуальном уровне детерминация преступного поведения не сводится лишь к психологическим «дефектам».

Поэтому, с его точки зрения, необходимо разграничивать социальный механизм формирования личности преступника и психологический механизм преступного поведения[3]. Важным звеном механизма социальной детерминации поведения опять же, по мнению В.А. Номоконова, выступает свобода выбора как способность субъекта активно влиять на окружающую социальную действительность, изменять ход событий. Ее сущность — господство человека над собой и окружающей средой. Ответственность представляет собой обратную сторону свободы. Ее сущность заключена в связанности субъекта свободы социальной необходимостью, выраженной в общественных потребностях, интересах, социальных нормах. В этом плане в рамках системы координат «свобода — ответственность» источниками антиобщественного и противоправного поведения служит безответственность как отсутствие должной связи между поведени-

---

[1] Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. М., 1985. С. 359; *Хохряков Г.Ф.* Криминология: учебник / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 2000. С. 179; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. С. 159; *Кудрявцев В.Н.* Механизм преступного поведения // Юридическая психология / под ред. Т.Н. Курбатовой. СПб., 2001. С. 112.

[2] Криминология / под ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1979. С. 92.

[3] См.: *Номоконов В.А.* Преступное поведение: (Механизм детерминации, причины, ответственность): дис. … д-ра юрид. наук. Владивосток, 1991. С. 62.

ем и социальными нормами, отсутствие реальной связанности поведения социальной необходимостью[1].

Действительно, в числе основных источников преступного поведения наличествуют нравственная деформация и безответственность личности, и психологически «дефективная» личность нередко в настоящее время в нравственном смысле значительно благороднее личности «недефективной».

Если рассматривать субъективные причины механизма формирования преступного поведения, то криминологические исследования свидетельствуют о том, что значительная часть лиц, совершающих преступления, находится на определенной социально-психологической дистанции от общества и его ценностей. Они в силу различных причин как бы отстранены, отчуждены и от общества, и от материальных социальных групп (семьи, трудовых коллективов, друзей и т. д.) или существенно ослабили связи с ними. Это определяет своеобразную мотивацию преступного поведения, специфику реагирования на жизненные ситуации, особенности воспитательного воздействия на таких людей. В криминологической науке данные проблемы исследованы весьма широко[2].

Кроме того, на формирование личности огромное влияние оказывает семья[3], а также относительно устойчивое и устойчивое общение ее с другими членами общества. Причем ближайшее бытовое окружение влияет на поведение личности в той мере, в какой сама личность сориентирована на систему ценностей этой среды. По верному замечанию А.М. Яковлева, переживание объединенности, общности, совместности с другими лицами часто оказывает

---

[1] *Номоконов В.А.* Преступное поведение: (Механизм детерминации, причины, ответственность): дис. … д-ра юрид. наук. С. 292.

[2] См., например: *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступника и расследования преступлений. М., 1996. С. 61; *Кингс Х.* К проблеме генезиса преступного поведения // О причинах преступного поведения. Ученые записки. Тартуского гос. ун-та. Тарту, 1983. Вып. 629. С. 11.

[3] См., например: *Титаренко В.Я.* Семья и формирование личности. М., 1987. С. 55–58; *Антонян Ю.М.* Об истоках формирования личности преступника // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных: сборник научных трудов. М., 1990. С. 4; *Антонян Ю.М.* Социальная среда и формирование личности преступника. (Неблагоприятные влияния на личность в микросреде). М., 1975. С. 29.

решающее воздействие на поведение лица[1]. По этому поводу В.А. Номоконов указывает, что важными факторами, детерминирующими преступное поведение, являются групповая корпоративная мораль в рамках ближайшего социального окружения и солидарность индивида с этой моралью, осознание им своей идентичности с группой[2].

Немаловажное значение в формировании личности и ее преступного поведения имеют ценностные ориентации. В криминологической литературе отмечается, что ценностные ориентации — это ориентир личности, направленность выбора варианта поведения в социальной среде. Это реагирование на среду (ситуацию) избирательно и, по убеждению личности, в свойственном ей и полезном для нее направлении[3].

В результате резкого социально-экономического расслоения населения, увеличивающегося разрыва между доходами людей и их жизненными потребностями, невозможности удовлетворения последних законными способами ценностные ориентации населения России, к сожалению, значительно исказились. Особенно опасно изменение ценностных ориентаций, связанных с восприятием действий криминальных структур, преуспевающие деятели которых стали превращаться в объект для подражания. Причем смещению ценностных ориентаций способствуют порой и средства массовой информации, и развлекательные программы, и теле-, и кинофильмы. Все это также ведет к формированию криминогенной личности и ее преступного поведения.

Г.Ш. Глонти предлагает схему генезиса преступной деятельности, состоящую из двух этапов:

I этап — а) формирование и актуализация потребности; б) возникновение и становление конкретного мотива; в) определение цели; г) принятие решения о совершении преступления;

---

[1] См.: *Яковлев А.М.* Теория криминологии и социальная практика. М., 1985. С. 166.

[2] См.: *Номоконов В.А.* Преступное поведение: (Механизм детерминации, причины, ответственность): дис. … д-ра юрид. наук. С. 60.

[3] См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 354.

II этап — д) выбор путей, средств и способов достижения цели; е) прогнозирование возможных последствий, в том числе уголовного наказания; ж) осуществление контроля и коррекции действий; з) выработка защитного мотива; и) анализ наступивших последствий, сравнение достигнутого с желаемым.

Как видно, здесь дана развернутая структура механизма преступного поведения с учетом допреступных и постпреступных элементов. В юридической литературе нередко встречается утверждение, что в криминологическом смысле постпреступное поведение — это этап преступного поведения, и понятие «преступное поведение» рассматривается как более широкое понятие, чем понятие «преступление» в уголовно-правовом смысле[1].

Однако постпреступное поведение в криминологическом смысле — это непреступное поведение, поэтому его нельзя включать в понятие «преступное поведение», но можно и нужно включить в понятие «механизм преступного поведения». Г.Н. Мухин, определив преступное поведение как совокупность допреступного, преступного и послепреступного этапов, верно заметил, что с определенной долей условности механизм преступления как информационную модель можно рассмотреть и представить в виде совокупности состояний (психических в момент совершения преступления) и процессов (деятельностных, поведенческих), из которых складывается такое явление, как преступление и его отражение в окружающей среде. Механизм преступного поведения, выступая как феномен объективной действительности и как информационная модель, может рассматриваться также с различных точек зрения: и как механизм поведения преступника в момент совершения преступления, совпадая при таком подходе с понятием «механизм преступления»; и как механизм преступного поведения вообще, то есть докриминального, криминального и посткриминального[2].

---

[1] См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 67.

[2] См.: *Мухин Г.Н.* Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Минск, 2002. С. 20.

Здесь абсолютно точно описано, что именно в механизме преступного поведения из состояний и процессов складывается явление — преступление; и именно в механизм преступного поведения входят и допреступное, и преступное, и постпреступное поведение.

В.А. Щербаков указывает, что механизм конкретного преступления является открытой системой, как и все системы, существующие в реальном мире. Под механизмом конкретного преступления в самом общем виде следует понимать идеальную модель взаимодействия личности и внешней среды, результатом которого стало совершение преступления[1]. Это и есть правильное, на наш взгляд, понимание механизма преступного поведения. То есть преступление (преступное поведение) в этом механизме является самостоятельным элементом, служащим итогом всех предшествующих элементов.

Общая схема механизма преступного поведения была разработана в свое время В.Н. Кудрявцевым, который включал в содержание механизма три основных звена: мотивацию преступного поведения; планирование преступных действий и принятие решения о совершении преступления; исполнение решения. Во всех этих звеньях личность взаимодействует с социальной средой[2]. Позже данная схема была дополнена постпреступным поведением[3]. Представленная структура механизма преступного поведения, раскрывающая особенности генезиса умышленного преступления, довольно прочно утвердилась в криминологической доктрине (рис. 17).

---

[1] См.: *Щербаков В.А.* Некоторые аспекты системного подхода к изучению механизма индивидуального преступного поведения // Российский следователь. 2003. № 3. С. 26.

[2] См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 360; *Кудрявцев В.Н.* Механизм преступного поведения // Юридическая психология / под ред. Т.Н. Курбатовой. С. 114–115.

[3] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. С. 60; *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. М., 2007. С. 8.

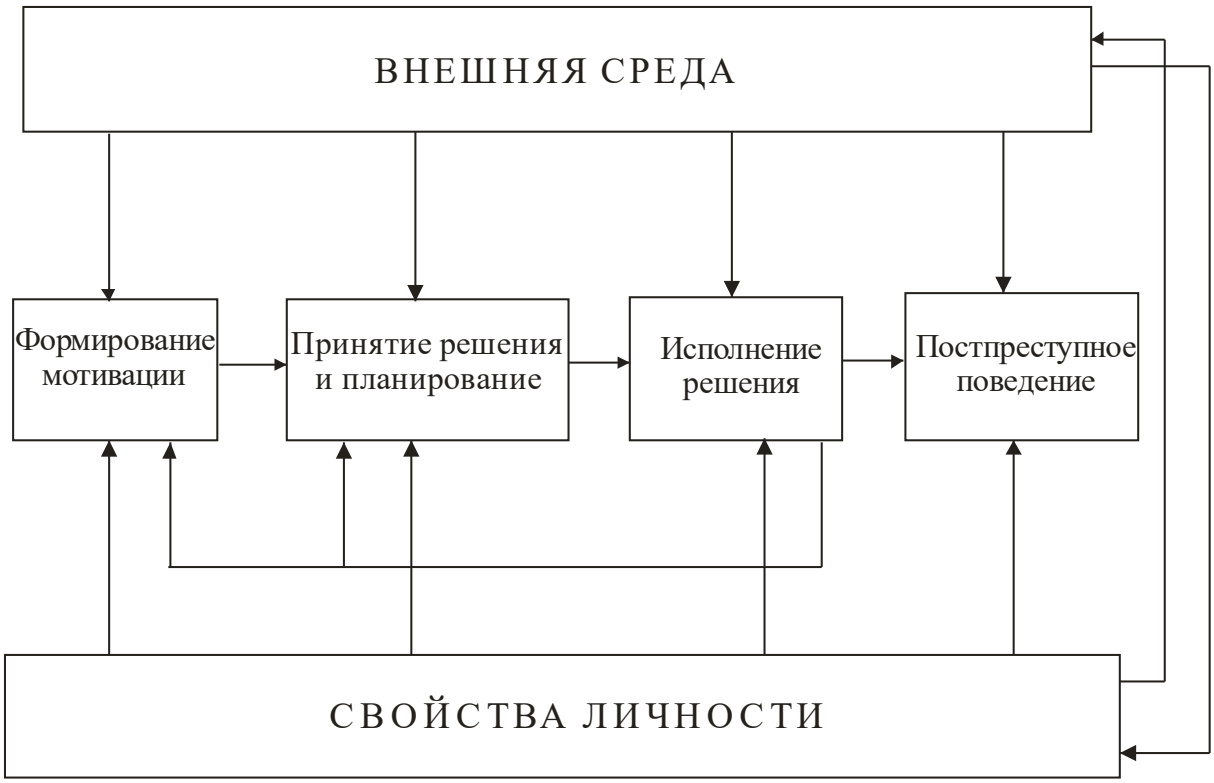

Рис. 17. Схема механизма преступного поведения

При рассмотрении механизма преступного поведения внешнюю для человека среду и его личные качества определяют во взаимодействии, принимая во внимание все четыре элемента преступного поведения. Важно подчеркнуть, что соответствующее поведение на каждом этапе — это результат взаимодействия среды и человека, совершающего преступление. В момент совершения преступления, а также до и после него среда определяет поведение человека, а он, в свою очередь, влияет на среду.

А.Н. Пастушеня вполне обоснованно утверждает, что «исходя из общих положений принципа детерминизма, можно полагать, что генезис преступного поведения будет обусловливаться, с одной стороны, особенностями криминогенности личности, с другой — характером внешних условий»[1].

Для изучения генезиса преступлений против участников уголовного судопроизводства следует обратить особое внимание на взаимодействие личности

---

[1] *Пастушеня А.Н.* Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект): дис. … д-ра психол. наук. М., 2000. С. 175.

преступника с особенностями внешней среды, поскольку всякое социальное поведение представляет собой форму взаимодействия человека как с другими людьми, так и с внешней средой[1]. Преступное поведение формируется и осуществляется при тесном взаимодействии внешних и внутренних факторов. Механизм преступного поведения по существу связывает воедино личность и внешнюю среду и поэтому не может быть глубоко понят и проанализирован, если не будет рассмотрен в связи и на стыке этих явлений[2].

Следует согласиться с утверждением, что при криминологическом изучении важно оценить взаимодействие личностных характеристик с социальной средой, поскольку ее влияние на преступное поведение носит сложный характер. Социально-экономические, политические и культурные аспекты жизни общества оказывают внешнее воздействие на формирование моделируемого механизма преступления, тогда как психологические и психические особенности моделируемого преступника формируют его изнутри, составляя его внутреннее содержание. Такая градация факторов, конечно, весьма условна, и, тем не менее, это говорит о необходимости их комплексного использования[3].

Под конкретной жизненной ситуацией в юридической литературе понимается также синтез определенных объективных ситуаций в жизни человека, непосредственно воздействующих на его поведение[4]. Ю.М. Антонян предлагает рассматривать конкретную жизненную ситуацию в виде «совокупности обстоятельств жизни лица перед совершением преступления, которые при решающей роли его антиобщественных взглядов, стремлений и привычек влияют на его уголовно наказуемые действия»[5].

См.: *Яшин А.В.* К вопросу о генезисе преступлений против участников уголовного судопроизводства // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2010. № 2. С. 124–126.

[2] См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 360.

[3] См.: *Чуфаровский Ю.В.* Психологический анализ личности преступника // Следователь. 1998. № 1. С. 39.

[4] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. С. 165.

[5] *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления: учебное пособие. М., 1973. С. 6.

Думается, что при рассмотрении взаимодействия личности преступника и конкретной жизненной ситуации в механизме преступного поведения личности, посягающей на участников уголовного судопроизводства, особая роль принадлежит виктимологической составляющей, поскольку сфера уголовного судопроизводства, в которую вовлечено лицо, является одним из компонентов жизненной ситуации.

Однако в механизме совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства жизненная ситуация, связанная с вовлечением в сферу уголовного процесса, далеко не всегда играет определяющую роль. В данном случае она служит условием совершения общественно опасных деяний, причина же заключена в личности преступника. В связи с этим можно солидаризироваться с позицией В.Е. Эминова и М.И. Еникеева, которые утверждают, что преступления совершаются, как правило, не благодаря ситуативным обстоятельствам, а благодаря определенным устойчивым личностным качествам человека.

С их точки зрения, для честного человека, обладающего высоким уровнем саморегуляции и правосознания, нет и не может быть «преступных» ситуаций. Ситуация может быть лишь подходящей для реализации соответствующих позиций и установок данной личности. Любая ситуация актуализирует характерный для личности способ поведения. У каждого человека существует концептуальная схема поведения в типовых ситуациях. Но чем ниже уровень психической регуляции поведения человека, тем большее значение приобретают ситуативные обстоятельства в его поведении, тем меньше учитываются обстоятельства, находящиеся за пределами данной ситуации[1].

Как справедливо указывает Е.Д. Гаврилюк, поскольку источником поведения, в том числе и преступного, является личность, всякий поведенческий акт

---

[1] См.: *Эминов В.Е., Еникеев М.И.* Криминологические проблемы юридической психологии // Уголовное право. 2001. № 2. С. 113.

обычно направлен на лучшее приспособление к среде, и преступление не составляет исключения[1].

Как уже отмечалось, свойства личности и внешняя среда взаимосвязаны с каждым элементом механизма преступного поведения, тем не менее, первым звеном механизма любого преступления, в том числе и против участников уголовного судопроизводства, является формирование мотивации, поэтому следует рассмотреть данный элемент более подробно.

При совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства в механизме преступного поведения виновного, как правило, наличествует так называемая полимотивация, то есть множественность мотивов.

В.Н. Кудрявцев выделял два вида полимотивация: 1) совокупность нескольких мотивов, побуждающих субъекта к одному или ряду однородных действий; 2) смена мотивов в процессе достижения цели[2]. Такая полимотивация возникает и при совершении исследуемых преступлений. Мотивация в данном случае обусловлена спецификой цели. Например, виновный стремится к тому, чтобы правосудие на самом деле не свершилось либо свершилось в искаженном виде. Подобная цель может появиться у виновного сразу либо по истечении определенного времени с момента начала мотивации преступного поведения.

Так, 23 июля 2002 г. Верховным Судом РФ за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 305 УК РФ, к 3 годам лишения свободы осужден М. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. В 1984 г. М. был избран народным судьей, а 30 апреля 1996 г. назначен заместителем председателя Магаданского городского суда. 29 декабря 1997 г. М., находясь в очередном отпуске, получил от адвоката Есина С.В. ходатайство об изменении меры пресечения А. с заключения под стражу на подписку о невыезде (уголовное дело по обвинению А. находилось в производстве М.). Не назначив судебного за-

---

[1] См.: *Гаврилюк Е.Д.* Детерминация преступного поведения: к теории вопроса // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник научных трудов. Киров, 2007. С. 181.

[2] См.: *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. С. 54–55.

седания, не известив прокурора, адвоката и подсудимого А. о дате его проведения, М. из ложно понятых интересов службы удовлетворил ходатайство адвоката Есина, вынес заведомо неправосудное определение об изменении А. меры пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде. Постановлением Президиума Магаданского областного суда 4 февраля 1998 г. указанное определение отменено как незаконное[1].

В данном случае, как видно из текста приговора, действиями М. руководил мотив — ложно понятые интересы службы. Тем не менее, вместе с указанным мотивом сформировался и мотив препятствия нормальной деятельности органов правосудия.

29 ноября 2005 г. Кемеровским областным судом за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 297 УК РФ осужден к штрафу в размере 10000 руб. гр-н Л. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. 2 сентября 2005 г. мировым судьей участка № 1 К. в помещении Центрального районного суда г. Новокузнецка Кемеровской области в зале судебного заседания в отношении Л. был провозглашен обвинительный приговор. После провозглашения приговора Л. публично, в присутствии лиц, находившихся в зале судебного заседания, оскорбил судью К. в грубой нецензурной форме, выразив тем самым неуважение к суду[2].

Очевидно, что мотивом, побуждающим совершить данное преступление, явилась месть судье за провозглашенный приговор. Но Л. мог отомстить К. вне судебного заседания. Учитывая, что Л. осознавал, что оскорбляет судью во время отправления правосудия, причем оскорбление непосредственно связано с рассмотрением дела в суде, у него возник мотив именно проявить неуважение к суду, нарушив тем самым нормальную деятельность органов правосудия. В данном случае указанный мотив либо заменил мотив мести, либо оба эти моти-

---

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 марта 2006 г. № 81-О06-9. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ва наличествовали для достижения одной цели — выразить неуважение к суду в связи с постановлением в отношении него приговора.

14 мая 2008 г. Московским городским судом за совершение нескольких преступлений, в том числе предусмотренного ст. 300 УК РФ, осужден гр-н З. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. Гр-н З., работая старшим дознавателем отдела дознания ОВД Тимирязевского района г. Москвы, в сентябре 2007 г. незаконно освободил от уголовной ответственности С., задержанного с наркотическим средством «марихуана» и подозреваемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, вместо него незаконно привлек к уголовной ответственности заведомо невиновного Г. по предварительной договоренности с неустановленными лицами и С., которые ранее склонили Г. к даче заведомо ложных показаний о совершении им преступления, совершенного в действительности С., в результате чего Г. был осужден вместо С. 9 октября 2007 г. по приговору Коптевского районного суда г. Москвы на 1 год лишения свободы с испытательным сроком на 6 месяцев[1].

Незаконно освобождая С. от уголовной ответственности, гр-н З. руководствовался личной заинтересованностью, возможно, корыстными мотивами. Тем не менее, действиями З. руководил также мотив воспрепятствования нормальной деятельности органов правосудия, поскольку он стремился удовлетворить свои потребности, нарушая установленный законом порядок производства дознания.

Следует, на наш взгляд, согласиться с мнением А.Р. Ратинова и А.Ш. Речеулешвили, считающими, что человеческое поведение полимотивировано и движимо не одним каким-либо мотивом, а целым рядом разнородных мотивов, одни из которых могут быть основными, ведущими, другие — подчиненными, сопутствующими, побочными. В мотивационном комплексе может

---

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 сентября 2008 г. № 5-о08-167. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

происходить взаимопогашение и взаимоподкрепление мотивов друг другом[1]. Поэтому при совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства вместе с иными мотивами зарождаются мотивы воспрепятствования нормальной деятельности органов правосудия, мести за участие в уголовном судопроизводстве и др. Все эти мотивы, взаимоподкрепляясь, усиливают амплитуду своих действий и приводят к определенной преступной цели[2]. Сфера уголовного судопроизводства здесь как бы несколько ускоряет процесс мотивации, приводящей к формированию механизма преступного поведения. Вместе с внешней средой — сферой уголовного судопроизводства — на механизм формирования преступного поведения оказывают влияние и сами субъекты этой сферы, то есть участники уголовного процесса.

Тем не менее, при исследовании множественности и конкуренции мотивов в преступном поведении следует обратить внимание и на уголовно-правовую сторону данной проблемы. Высказанная Верховным Судом РФ позиция по вопросам квалификации преступлений склоняет практических работников выбирать из совокупности мотивов лишь один, являющийся доминирующим.

Так, в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41) отражено, что «квалификация преступлений против жизни и здоровья, совершенных по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы исключает возможность одновременной квалификации содеянного по другим

---

[1] См.: *Ратинов А.Р., Речеулешвили А.Ш.* О психологической природе хулиганского мотива // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1987. Вып. 45. С. 39.

[2] См.: *Яшин А.В.* Формирование мотивов совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Бизнес в законе. 2010. № 3. С. 172–174.

пунктам указанных частей этих статей, предусматривающим иной мотив или цель преступления»[1].

Аналогичные взгляды нашли отражение и в научной литературе. Например, Б.С. Волков полагает, что при оценке и квалификации преступлений, вызванных смешанными мотивами, решающее значение имеет правильное соотношение мотивов преступления. Роль разных по содержанию и значению мотивов в одном и том же действии никогда не бывает одинаковой. Среди них следует, прежде всего, различать мотивы главные, основные, решающим образом воздействующие на волю виновного и определяющие психологическую природу и субъективный смысл его поведения, и мотивы второстепенные, неглавные, как бы подталкивающие к выполнению уже готового намерения. В каждом конкретном случае задача будет сводиться к тому, чтобы установить, какой мотив имел доминирующее значение, являлся главным, основным мотивом преступной деятельности, и в соответствии с этим определить квалификацию действий виновного[2].

С.В. Бородин считает, что не могут сочетаться в совокупности те признаки убийства при отягчающих обстоятельствах, которые характеризуют различные мотивы и цели убийства. Дело в том, что каждое убийство совершается обычно по какому-то одному мотиву или с одной целью, которые определяют в конкретном случае действия виновного[3]. Такого же мнения придерживается А.В. Корнеева: «Если мотивы или цели альтернативно указаны в качестве обязательных признаков основного состава, для квалификации содеянного по соответствующей статье необходимо наличие одного из этих признаков»[4].

Применительно к преступлениям против участников уголовного судопроизводства указанные суждения имеют значение, в частности, в тех случаях, когда деянием виновного движет одновременно месть свидетелю за ранее данные им показания и национальная ненависть. Однако здесь речь идет о квали-

---

[1] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: *Волков Б.С.* Мотив и квалификация преступлений. Казань, 1968. С. 21

[3] См.: *Бородин С.В.* Преступления против жизни. СПб., 2003. С. 117-118.

[4] *Корнеева А.В.* Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие. М., 2006. С. 78.

фикации уже совершенных преступлений, и уголовно-правовая квалификация содеянного осуществляется в соответствии со сложившейся юридической практикой и доктринальными разработками в данной сфере.

Тем не менее, согласимся с А.А. Толкаченко, который обосновывает, что параллельное существование нескольких мотивов, их совокупность должны получить, по возможности, наиболее полную уголовно-правовую оценку. С его точки зрения, законодательство предоставляет такую возможность правоприменительным органам. Мотивы, детерминирующие волевой процесс и напрямую влияющие на характер общественной опасности (доминирующие), выступают как признаки субъективной стороны. Они учитываются как конструктивные либо квалифицирующие элементы состава при квалификации содеянного. Мотивы, не включенные в субъективную сторону преступления (второстепенные), влияют на степень опасности содеянного, смягчают либо отягчают ответственность виновного лица и поэтому должны учитываться в рамках общих начал назначения наказания[1].

Полагаем, что в целях предупреждения преступлений следует выяснять все мотивы преступного поведения личности, поскольку они могут совпадать в целеполагании и неизвестно, какой мотив окажется доминирующим в момент принятия решения о совершении преступления. Это необходимо, прежде всего, для индивидуальной профилактики, которая в данном случае направлена на устранение мотивации преступного поведения личности, то есть первого элемента его механизма. При отсутствии преступной мотивации происходит блокировка остальных элементов механизма преступного поведения, в результате чего преступление не совершается. Вследствие этого исследование всей совокупности мотивов, являющихся источником поведения личности в механизме его противоправного поведения, имеет немаловажное значение для предупредительной деятельности.

---

[1] См.: *Толкаченко А.А.* Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук. М., 1990. С. 88.

В ходе проведенного социологического опроса осужденных 20,4% из числа опрошенных ответили, что целью совершения преступления явилось воспрепятствование осуществлению предварительного расследования и (или) правосудия (см. приложение 1). Таким образом, почти пятая часть преступлений против участников уголовного судопроизводства совершается только по мотивам воспрепятствования нормальной деятельности органов правосудия, остальные преступления совершаются по иным мотивам.

В.Н. Кудрявцев выделял следующие виды мотивов: корысть; хулиганство; сокрытие другого преступления; национальная, расовая, религиозная рознь; вражда, месть, в том числе кровная; иная личная заинтересованность; устрашение должностных или частных лиц; воспрепятствование общественной или политической деятельности; изменение конституционного строя; подрыв безопасности или обороны страны; воспрепятствование правосудию; уклонение от военной службы; неповиновение командиру; осложнение международных отношений[1]. Представляется, что данный перечень не является исчерпывающим, так как в зависимости от характера преступления, личности виновного и других факторов мотивы могут быть весьма разнообразными. Тем не менее, академиком приведен список основных мотивов, встречающихся в судебно-следственной практике.

Совершению большинства преступлений предшествует формирование отклоняющегося поведения, то есть сложного процесса как с точки зрения его проявления вовне, так и механизма социальной детерминации и психологического развития. Объективно оно выражается в комплексе различных подготовительных и исполнительных действий. Как обоснованно указывает Н.А. Барановский, важная особенность их состоит в том, что эти реальные действия опосредованы психикой человека — их совершению предшествует сложная психологическая деятельность, возникновение детерминированных взаимодействием личности с природной и социальной средой социально-психологических явле-

[1] См.: *Кудрявцев В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении. С. 67–68.

ний: потребностей, стремлений, мотивов и др. Основу этой психической деятельности составляет мотивация поведения[1].

Из приведенного определения следует, что формирование отклоняющегося поведения ничем не отличается от формирования преступного поведения. Девиантное поведение служит лишь предпосылкой генезиса преступления. Так, если человек склонен к совершению поступков, противоречащих нормам морали, сложившимся в обществе правилам поведения, то в конечном итоге его поведение может трансформироваться в преступное, хотя и не во всех случаях. Тем не менее, механизм любого поведения — правомерного, отклоняющегося либо преступного — начинается с процесса формирования мотива. Выявление мотива ведет к раскрытию смыслового содержания преступных действий, помогает установлению характера события преступления. Одновременно мотив является одним из признаков, характеризующих личность обвиняемого[2].

Мотив преступного поведения формируется из различных составляющих, характеризующих личность преступника. Основными такими элементами выступают потребности, интересы, ценностные ориентации. Все это — внутренние компоненты личности, под действием которых формируется мотив преступления.

Психологи определяют потребность как источник человеческой активности, возникающий в результате рассогласования реального состояния индивида и оптимального для него состояния как биологического существа, представителя человеческого рода и индивидуальности[3]. В криминологической науке понятие «потребности личности» интерпретируется в виде социально-психологической категории, формирующейся в процессе социализации личности, то есть в ходе ее жизнедеятельности, через общение с другими людьми, че-

---

[1] См.: *Барановский Н.А.* Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения. Минск, 1993. С. 86–87.

[2] См.: Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1981. С. 47.

[3] См.: *Еникеев М.И.* Юридическая психология: учебник для вузов. М., 2001. С. 429.

рез иные каналы — под воздействием объективных факторов социальной среды и во взаимодействии с природной организацией индивида[1].

Интерес, с психологической точки зрения, – это эмоционально насыщенная направленность личности на объекты, связанные с удовлетворением его потребностей[2]. С точки зрения криминологов, интерес можно определить как специфическое отношение личности к объекту в силу его жизненной значимости и эмоциональной привлекательности[3].

И, наконец, ценностные ориентации, с психологической точки зрения, это социально обусловленная система отношений личности к явлениям и событиям окружающей ее социальной среды[4]. В криминологии ценностные ориентации определяются как составной элемент общей социальной направленности личности, которая представляет собой формирующийся в процессе жизнедеятельности социально-детерминированный, относительно устойчивый тип отношения личности к социальным ценностям общества[5].

В свою очередь, В.В. Лунеев характеризует мотив преступного поведения как «побуждение внутреннее, субъективное, идеальное; в конечном итоге мотив детерминирован внешней средой, то есть социально обусловлен; функцию мотива в виде актуального желания выполняют потребности, интересы, чувства и другие детерминанты; в мотиве отражено единство интеллектуальных, эмоциональных и волевых свойств личности, взаимодействующих с социальной средой»[6].

Об обстоятельствах, способствовавших возникновению у лица антиобщественных мотивов, побудивших к совершению преступления, пишет и У.С. Джекебаев, считающий, что большое влияние на позицию человека, на его место в определенной конкретной социальной структуре оказывают обще-

---

[1] См.: Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. С. 47.
[2] См.: *Еникеев М.И.* Указ. раб. С. 420.
[3] См.: Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. С. 54.
[4] См.: *Парыгин Б.Д.* Основы социально-психологической теории. М., 1971. С. 124.
[5] См.: Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. С. 56.
[6] *Лунеев В.В.* Преступное поведение: мотивация, прогнозирование, профилактика. М., 1980. С. 15–16.

ственно-культурные условия в самом широком понимании, которые способствуют формированию его личностных качеств. В формировании мотивирующего комплекса поведения человека большую роль играет микросреда. В процессе усвоения культуры и определенной системы социальных ролей у личности формируется как нечто устойчивое ядро мотивированной структуры поведения, определяющее его доминанту — общую линию поведения[1]. Таким образом, если личность сформирована в микросреде с антиобщественными установками, то в дальнейшем велика вероятность возникновения мотивов преступного поведения.

В силу того, что у участников уголовного процесса повышен уровень виктимности, в отношении них совершается значительное количество преступлений с корыстной мотивацией.

В частности, 27 февраля 1997 г. Пермским областным судом за совершение ряда преступлений, в том числе предусмотренного ч. 3 ст. 147 УК РСФСР осужден гр-н О. Работая оперуполномоченным уголовного розыска Свердловского района г. Перми О. с другими лицами, проходившими по делу, создал организованную группу. О., злоупотребляя своим служебным положением, 4 июля 1996 г. вызвал потерпевшего по другому уголовному делу С.Б.А. в свой кабинет, где находились соучастники О. — П.А.В. и П.Г.В., представленные О. как сотрудники милиции, которые будут проводить следственные действия по раскрытию ранее совершенной у С.Б.А. кражи. Вся группа прибыла к С.Б.А. на квартиру, где С.Б.А. был убит, после чего организованная группа преступников, включая О., мошенническим путем завладела квартирой убитого[2].

В данном случае преступление совершено с корыстной мотивацией.

На самом деле корыстный мотив поведения человека не всегда приводит к совершению преступления. Корысть — это: страсть к приобретению, к нажи-

---

[1] См.: *Джекебаев У.С.* Криминологическое изучение личности преступника и преступного поведения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1974. С. 20–21.

[2] См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17 января 2007 г. № 748-П06 (Извлечение). Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

ве, добыче, жадность к деньгам, к богатству, любостяжание[1]; выгода, материальная польза[2]; стремление получить материальную выгоду любым путем[3]; один из возможных мотивов преступления, характеризующийся стремлением извлечь из совершенного преступления материальную или иную выгоду имущественного характера либо избавиться от материальных затрат[4].

Однако, стремясь к наживе, далеко не все люди совершают преступления, хотя не всегда их поведение является правомерным. Они могут нарушать нормы гражданского, налогового, финансового, административного и иных отраслей законодательства, не всегда — уголовного.

На наш взгляд, С.А. Елисеев верно утверждает, что корыстный мотив приобретает уголовно-правовое значение только тогда, когда личность ставит перед собой цель, с достижением которой причиняется вред общественным отношениям и для ее достижения использует общественно опасные способы действий[5].

Корыстный мотив в юридической литературе определяется по-разному, под ним понимается:

заинтересованность в самом широком смысле[6];

материальная заинтересованность не вообще, не в любой форме, а в форме получения наживы, добычи, то есть той ценности, которой преступник не располагает, но которую желает иметь[7];

обусловленность поведения человека стремлением к выгоде[8].

---

[1] См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1955. С. 437.

[2] См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. М., 1987. С. 242.

[3] См.: Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. М., 2000. С. 563.

[4] См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2008. С. 349.

[5] См.: *Елисеев С.А.* О корыстном мотиве преступлений // Проблемы борьбы с преступностью. Томск, 1979. С. 81.

[6] См.: *Харазишвили Б.В.* Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 76–78.

[7] См.: *Филановский И.Г.* Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению. Л., 1970. С. 66.

[8] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. С. 339.

В указанных суждениях говорится о корыстном мотиве любого поведения. Представляется, что признаки корыстного мотива преступного поведения подробно представлены в определении А.Ф. Зелинского: «Корыстный мотив умышленного преступления заключается в стремлении удовлетворить индивидуальную жизненную потребность посредством заведомо противоправного, предусмотренного уголовным законом завладения чужим имуществом или не принадлежащими виновному имущественными правами либо путем освобождения от имущественных обязанностей и сокращения расходов»[1].

Под влиянием корыстного мотива формируется корыстное преступное поведение. В.Н. Косарев и И.А. Бычков, например, считают, что корыстное поведение личности реально существует, прежде всего, в форме особого мотива. Мотив означает и глубокую личную причину корыстного поведения, помогает ответить на вопрос о том, почему личность ведет себя антиобщественно и совершает корыстные преступления[2].

И.А. Бычков уточняет, что мотивация корыстных преступлений разнообразна. Их анализ позволяет говорить о таких группах мотивов, как «корысть — нажива», «корысть — нужда», «корысть — найм», «корысть — продвижение по службе», «корысть — пьянство», «корысть — наркотизм» и т.д., каждая из которых обладает определенной спецификой. Однако все они имеют единую детерминистическую основу — удовлетворение естественных и социальных потребностей преступным путем. Корыстная мотивация генетически связана с конкретной структурой личности, с ее негативной социальной ориентацией, с определенными условиями ее жизни, воспитания, деятельностью, с производственными и распределительными отношениями, с трудовой занятостью населения, с социально-экономическим неравенством и социальной несправедливо-

---

[1] *Зелинский А.Ф.* Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности. Киев, 1990. С. 53.

[2] См.: *Косарев В.Н., Бычков И.А.* К вопросу о причинном механизме формирования корыстного поведения // Проблемы правоприменения в судопроизводстве: сборник научных трудов. Волгоград, 2005. С. 73.

стью, с уровнем экономического развития страны[1]. С.Н. Абельцев утверждает, что корыстный мотив имеет двойную подоплеку: когда он является неотъемлемой чертой личности, идет изнутри, представляет собой свойство личности; когда он является агрессивной реакцией на материальные блага, на жизнь и здоровье человека, его права и свободы, честь и достоинство. Мотивация преступления в таком случае направлена на то, каким образом и с помощью каких средств завладеть материальным благом[2]. Мотивация корыстного поведения присуща и личности, совершающей преступления против участников уголовного судопроизводства, на ее формирование влияет особый статус потерпевших — участников уголовного процесса.

Против участников уголовного судопроизводства могут совершаться преступления и с хулиганской мотивацией. По мнению О.И. Душиной, «хулиганский мотив — юридическая конструкция, которая, на первый взгляд, кажется очень простой, урегулированной и определенной в современном законодательстве, но даже на сегодняшний момент в юридической практике нет единого мнения в определении. Существует несколько аспектов в понимании термина «хулиганский мотив», в настоящее время больше внимания уделяется юридическим и психологическим аспектам данного термина»[3]. Как полагает А.Ф. Матюнин, «корни этого социального явления следует искать не только в самом хулигане, а в его отношениях с людьми, условиях его жизнедеятельности. Но при любых условиях недопустимо игнорировать роль и значение самой личности хулигана»[4]. По мнению А.В. Глуздакова, у лиц, совершающих хулиганство, все мотивы аккумулируются в одном доминирующем направлении: стремление грубо нарушить общественный порядок, проявление явного неуважения к об-

---

[1] См.: *Бычков И.А.* О мотивации корыстной преступности // Проблемы правоприменения в судопроизводстве: сборник научных трудов. Волгоград, 2005. С. 86.

[2] См.: *Абельцев С.Н.* Корысть и насилие тяжких преступлений против личности: дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 107.

[3] *Душина О.И.* Хулиганский мотив: юридико-психологические и уголовно-правовые аспекты // Новые проблемы науки и практики. Курск, 2003. С. 47.

[4] *Матюнин А.Ф.* Криминологический анализ и предупреждение хулиганства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2000. С. 80.

ществу и при этом удовлетворение потребности в насилии, выражающееся в применении оружия или предметов, используемых в качестве оружия. Мотивы регулируют направленность действий хулигана, а в процессе реализации этих мотивированных действий — стремление к выражению протеста обществу и гражданам[1].

Так, в юридической литературе встречается точка зрения, согласно которым хулиганские мотивы заключаются не только и не столько в стремлении удовлетворить потребность в озорстве, сколько в стремлении открыто противопоставить свое поведение общественному порядку, общественным интересам, показать свое пренебрежение окружающим, проявить цинизм, жестокость, отомстить кому-либо за незначительную обиду, за справедливо сделанное замечание и т.п.[2] В.И. Ткаченко указывает, что хулиганский мотив состоит в стремлении в неуважительной форме бросить вызов обществу путем показного пренебрежения к общественному порядку, людям, нарочитой грубости и наглости, жестокости, «удали», «ухарства», озорства, буйства, бесчинства, бесстыдства и т.д.[3] И.Н. Даньшин утверждает, что хулиганские побуждения — это «различные низменные мотивы, вызывающие у лица решимость грубо нарушить общественный порядок и выразить явное неуважение к обществу»[4]. Он же полагает, что «хулиганские мотивы отчетливо выражены внешне, они кричат»[5].

В.Б. Волженкин, С.К. Питерцев и В.В. Шимановский считают, что в основе хулиганского мотива лежит грубо пренебрежительное отношение к обществу в целом, общественному порядку, желание противопоставить себя обще-

---

[1] См.: *Глуздаков А.В.* Криминологическое исследование хулиганства и преступлений, совершенных из хулиганских побуждений: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 8–9.

[2] См.: *Душина О.И.* Указ. раб. С. 50.

[3] См.: Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. М., 1999. С. 264.

[4] *Даньшин И.Н.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву. Харьков, 1971. С. 90.

[5] *Даньшин И.Н.* О мотивах хулиганства // Правоведение. 1965. № 4. С. 174.

ственному мнению, проявить свое превосходство над окружающими и пренебрежение к ним, стремление покуражиться, проявить свою силу[1].

По мнению Н.А. Платошкина, хулиганский мотив отличается от личного мотива (ревность, месть, трусость, зависть) причинения вреда отсутствием повода для неприязни к потерпевшему, когда неприязнь является неперсонифицированной (при провокации ссоры с целью выместить раздражение на потерпевшем, а также при неожиданных для потерпевшего преступных действиях) либо персонифицированной, когда раздражение, вызванное поведением одного лица, выражается в действиях против совершенно постороннего субъекта. Незначительный повод для неприязни также характерен для хулиганского мотива, когда какое-либо деяние потерпевшего вызывает явно несоразмерную реакцию со стороны виновного[2]. С точки зрения И.И. Косарева, под хулиганским мотивом следует понимать чаще всего неосознанный фактор, побуждающий поведение, основанный на базовой потребности собственного «Я» или защите от предполагаемой внешней угрозы[3].

А.Р. Ратинов и А.Ш. Речеулешвили указывают, что хулиганский мотив, выражая пренебрежение к обществу, выливается в посягательство на самые разнообразные объекты. Общий мотив неуважения к обществу обусловливает способ удовлетворения иных стремлений субъекта, таких, как утверждение своего превосходства над другими, демонстрация своей силы, смелости, власти, независимости от всяких нормативных ограничений[4].

Таким образом, хулиганский мотив всегда связан с пренебрежением к обществу. Хулиганские действия, направленные против участников уголовного судопроизводства, могут совершаться, например, в помещении суда, прокуратуры, следственных подразделений правоохранительных органов и т.п. В дан-

---

[1] См.: *Волженкин Б.В., Питерцев С.К., Шимановский В.В.* Рассмотрение дел о хулиганстве. Л., 1979. С. 8.

[2] См.: *Платошкин Н.А.* Уголовно-правовое значение хулиганских мотивов: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 175–176.

[3] См.: *Косарев И.И.* Уголовная ответственность за преступления, совершаемые по хулиганским мотивам: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 7–8.

[4] См.: *Ратинов А.Р., Речеулешвили А.Ш.* Указ. раб. С. 45.

ном случае преступные действия виновных лиц направлены не против конкретных лиц — участников уголовного судопроизводства, а именно в целях пренебрежения к обществу, в данном случае к категории отдельных участников процесса — судьям, присяжным заседателям, следователям и т.д. Учитывая, что хулиганство нередко совершается с применением оружия или предметов, используемых в качестве оружия, конкретным участникам уголовного судопроизводства может быть причинен физический вред.

Хулиганский мотив — это мотив, характеризующийся насилием. Кроме того, многие другие преступления в отношении участников уголовного судопроизводства совершаются с применением насилия. Мотивы при этом могут быть весьма разнообразными: неправомерные действия потерпевшего; месть; зависть; желание избавиться от требовательного и честного руководителя; самоутверждение; унижение жертвы и т.п.

Традиционно в уголовно-правовой и криминологической литературе под насилием понимается посягательство на телесную неприкосновенность человека, и оно может быть как физическим (побои, причинение вреда здоровью, изнасилование, лишение свободы и т.п.), так и психическим (угроза применить физическое насилие, клевета и т.п.)[1]. Р.А. Базаров рассматривает насилие как умышленное применение физической силы (своей мускульной либо с помощью оружия, иных предметов и веществ, посредством животных) к другому человеку и направленное на нарушение физической неприкосновенности личности, на причинение вреда здоровью или жизни[2]. Л.Л. Кругликов под насилием понимает физическое воздействие (удары, причинение вреда здоровью, запирание и т.п.) и угрозу применения только физического воздействия[3]. А.В. Тюменев пишет, что «с внешней стороны насилие — это силовое воздействие одного субъ-

---

[1] См.: *Тюменев А.В.* Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2002. С. 19.

[2] См.: *Базаров Р.А.* Уголовно-правовая характеристика насилия // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан. М., 1995. С. 42–43.

[3] См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Л.Л. Кругликова. М., 2005. С. 84.

екта отношения на другого. Сила — это насилие в потенции, однако реализация этой потенции (то есть акт применения силы) еще нельзя признать криминальным. Таковым он становится лишь в случае, когда воздействие на другого субъекта отношения (объекта насилия) осуществляется вопреки (против или помимо) его воли, желания, либо воля и желание объекта насилия вообще игнорируются, отрицаются при этом и интересы других лиц, выгода одного (одних) удовлетворяется за счет интересов другого (других)»[1]. Вследствие этого против участников уголовного судопроизводства могут совершаться разнообразные преступления: против жизни, здоровья, общественной безопасности и др.

В связи с тем, что потерпевшие или свидетели на предварительном следствии или в суде дали изобличающие преступника показания, в отношении них может быть совершено убийство либо причинение вредя здоровью различной степени тяжести. В целях воздействия на принятие решения органами судебной власти или сотрудниками предварительного следствия могут совершаться террористические акты, участники уголовного судопроизводства в связи с реализацией своих процессуальных права и (или) обязанностей могут захватываться в качестве заложников и т.п.

Насильственные преступления в данном случае совершают, как правило, лица, для которых совершение насилия — способ отомстить «за причиненные обиды», например, за возбуждение в отношении них уголовного дела, дачу против них показаний, неспособность или невозможность оказать квалифицированную защиту и т.п.

М.И. Удалов полагает, что подобные преступники считают, что все их беды и неудачи являются следствием поведения окружающих. В данном случае насилие выступает как самоцель, то есть именно оно является основополагающим для совершения преступного деяния[2].

---

[1] *Тюменев А.В.* Указ. раб. С. 29.

[2] См.: *Удалов М.И.* Мотивация совершения насильственных преступлений // Сборник научных трудов. М., 2005. Вып. 1. С. 105.

В связи с этим в поведении лиц, совершающих преступления рассматриваемого вида, отсутствует мотив воспрепятствования нормальной деятельности органов правосудия, хотя их преступные действия направлены именно против участников уголовного судопроизводства.

Отдельно следует остановиться на таком мотиве, как месть. В самом общем смысле под местью подразумеваются действие в отплату за причиненное зло, возмездие за что-нибудь[1]; намеренное причинение зла с целью отплатить за оскорбление, обиды и т.п.[2]

Некоторые зарубежные психологи рассматривают месть как способ защиты себя от дальнейшей агрессии со стороны противника[3]. В литературе имеет место точка зрения, согласно которой месть — это форма воздаяния обидчику, осуществленную самим пострадавшим или его близкими расплату злом за зло, считая ее классической социально-культурной формой мести, сформировавшейся при родовом строе, в основу которого положен принцип воздающей справедливости: поступай по отношению к другим так, как они поступают по отношению к тебе, что нашло воплощение в нравственном сознании в принципе «око за око, зуб за зуб»[4].

В криминологической литературе мотив мести определяется как вызванное обидой и детерминированное индивидуалистическими свойствами личности многоаспектное психическое образование, побуждающее к удовлетворению потребности в субъективно воспринимаемой справедливости и проявляющееся в ответной вербальной или физической агрессии в отношении обидчика либо третьих лиц[5].

---

[1] См.: *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1991. С. 351.
[2] См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 2. С. 258.
[3] См.*: Бэрон Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб., 1999. С. 141.
[4] См.: Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. М., 1989. С. 177.
[5] См.: *Боер А.Л.* Месть в мотивационной структуре преступного поведения (Криминологический и уголовно-правовой аспекты): дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2002. С. 37–38.

Данный мотив может побудить личность к совершению преступлений против участников уголовного судопроизводства. По мотивам мести могут совершаться преступления, предусмотренные, например, ст. 295–298.1 УК РФ.

Так, 18 июля 2011 г. Московским областным судом за совершение нескольких преступлений, в том числе предусмотренных ч. 1 ст. 296 и ч. 2 ст. 296 УК РФ к 7 годам 6 месяцам лишения свободы осужден гр-н А. В ходе судебного заседания установлено, что 27 февраля 2010 г, в период с 11.00 до 14.00, находясь в зале суда, А. в ходе судебного заседания умышленно, публично, из мести, с целью запугать судью при отправлении правосудия, высказывал угрозы убийством и причинением вреда здоровью в адрес федерального судьи С. и его близких родственников после освобождения из мест лишения свободы. Подобные выражения Агаева Р.А. восприняты федеральным судьей С. как реальная опасность для своей жизни и здоровья, а также для жизни и здоровья своих близких родственников. Также в ходе судебного заседания А. умышленно, публично, из мести, с целью запугать государственного обвинителя старшего прокурора М. высказал угрозы причинением вреда здоровью в адрес старшего помощника прокурора М. после освобождения из мест лишения свободы, выразившиеся в совершении с ней иных насильственных действий сексуального характера. Подобные выражения А. восприняты старшим помощником прокурора М. как реальная опасность для своего здоровья[1].

Кроме того, по мотивам мести могут совершаться и иные преступления, а не только против правосудия, в частности, предусмотренные ч. 2 п. «б» ст. 105, ч. 2 п. «а» ст. 111, ч. 2 п. «б» ст. 112 и др.

К примеру, 16 сентября 2011 г. судом Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области за совершение преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ к 1 году лишения свободы условно с испытательным сроком 1 год осужден гр-н З. В ходе судебного заседания установлено, что 29 июня 2011 г. в 16 часов З., находясь на кухне своей квартиры, в ходе ссоры, возникшей из ме-

[1] См.: Уголовное дело № 2-72/2011 // Архив Московского областного суда.

сти за выполнение З.С.Ю. общественного долга, выразившегося в даче показаний в суде в качестве свидетеля в отношении матери З. – З.М.А., умышленно, с целью причинения вреда здоровью, нанес З.С.Ю. тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни[1].

Преступления против участников уголовного судопроизводства могут совершаться и по мотивам ревности. Под ревностью в юридической литературе понимается олицетворение эгоизма в отношениях между людьми, в ее основе всегда лежит раздраженное ложное тщеславие, доведенное злобой и негодованием до болезненного состояния, поэтому она всегда выступает как мотив низменный, аморальный, безнравственный[2]. Э.Ф. Побегайло же, напротив, считает, что ревность сама по себе не является низменным побуждением[3].

Такого же мнения придерживаются А.В. Пашковская и И.Б. Степанова, полагая, что «ревность, даже будучи мотивом преступления, не является низменным побуждением»[4]. В научной литературе отмечается, что сущность ревности можно определить как риск потери какого-либо значимого блага для индивида, сопряженного со стремлением сохранить, удержать это благо, любовь, дружбу, что-либо другое, имеющее ценность для него[5].

Например, следователь К. добросовестно относится к своим служебным обязанностям, специализируется на расследовании преступлений определенной категории, имеет высокие показатели служебной деятельности, окружен вниманием со стороны руководителя следственного органа. Однако через определенное время руководитель перестал обращать на него внимание, изъял из его производства наиболее перспективные уголовные дела и передал их следовате-

---

[1] См.: Уголовное дело № 1-220/2011 // Архив суда Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

[2] См.: *Волков Б.С.* Мотив и квалификация преступлений. С. 97.

[3] См.: *Побегайло Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование. Воронеж, 1965. С. 127–128.

[4] *Пашковская А.В., Степанова И.Б.* Ревность как мотивация преступного поведения // Вестник Московского ун-та. Сер. 11, Право. 1997. № 1. С. 40.

[5] См.: *Круглова Т.В.* Ревность как мотив совершения преступлений и ее уголовно-правовое значение: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 40.

лю Д. По мотивам ревности следователь К. вполне может совершить в отношении руководителя следственного органа либо следователя Д., являющихся участниками уголовного судопроизводства, какое-либо преступление: клевету, причинение вреда здоровью и др.

Т.В. Круглова характеризует рассмотренный вид мотива как служебную ревность — проявление ревности к новому сотруднику, который за короткий период времени добивается больших успехов на производстве; к коллегам в случае их быстрого продвижения по служебной лестнице; поощрение коллег начальством; боязнь утраты престижной работы и т.д.[1]

Одной из разновидностей формирования мотива совершения насильственных преступлений против участников уголовного судопроизводства является сексуальная мотивация. Однако следует заметить, что взятый в отдельности сексуальный мотив (желание удовлетворить сексуальные потребности) не всегда следует рассматривать как элемент формирования механизма преступного поведения против участников уголовного судопроизводства.

Преступнику, совершающему половое преступление, безразлично, является ли жертва участником уголовного процесса или нет, хотя, возможно, имеются исключения, когда лицо ставит себе цель причинить сексуальное насилие в отношении, например, следователя, дознавателя и т.п. Данные проблемы являются предметом специального исследования личности сексуального преступника, поскольку на выбор жертвы здесь оказывают психологические факторы лица, совершающего преступление.

Совершая сексуальные преступления против конкретного участника уголовного судопроизводства, виновным движут разнообразные мотивы: месть, желание унизить жертву, опорочить ее в глазах окружающих и т.п. Например, лицо из мести за дачу показаний против него на предварительном следствии насилует жертву. В данном случае виновный мог отомстить и иным образом, но он преследует как бы две цели — отомстить и удовлетворить свои сексуальные

---

[1] См.: *Круглова Т.В.* Указ. раб. С. 41.

потребности. Способом достижений этих целей и служат мотивы сексуальные и мести, то есть в данном случае наличествует полимотивация.

Совершение преступлений против половой свободы личности в отношении участников уголовного судопроизводства по мотивам мести подтверждается следующим примером. В июле 2016 г. признан виновным и осужден Биробиджанским районным судом Еврейской автономной области за совершение преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 2 ст. 111 УК РФ, п. «б» ч. 2 ст. 131 УК РФ и п. «б» ч. 2 ст. 132 УК РФ, житель г. Биробиджан. В ходе предварительного и судебного следствия установлено, что в сентябре 2015 г. обвиняемый, находясь в одной компании с потерпевшей, в состоянии алкогольного опьянения совершил в отношении нее преступления против половой свободы и половой неприкосновенности личности, применяя при этом насилие и угрожая убийством последней, а также причинил тяжкий вред здоровью, опасный для жизни. Потерпевшая по данному делу ранее являлась свидетелем по уголовному делу об убийстве двух лиц с особой жестокостью и умышленном уничтожении чужого имущества, которые совершил обвиняемый. Судом присяжных мужчина тогда был оправдан и получил право на реабилитацию. Приговор вступил в законную силу в марте 2015 г. Случайно встретив потерпевшую у своих знакомых, он из мести совершил в отношении нее указанные преступления, урожая убийством, поскольку она ранее давала изобличающие его показания[1].

Ситуативная виктимность участников уголовного судопроизводства приводит к тому, что в отношении них преступления против половой свободы могут совершать и сотрудники правоохранительных органов.

Так, в период с 4 по 24 ноября 1999 г. М. являлась свидетелем по уголовному делу об убийстве, расследование которого велось совместно органами

---

[1] См.: Ранее судимый биробиджанец признан виновным в совершении насильственных половых преступлений и причинении тяжкого вреда здоровью // Официальный сайт СУ СК РФ по Еврейской автономной области. URL: http://eao.sledcom.ru/news/item/ 1053409 (дата обращения: 30.08.2017).

внутренних дел и следственными органами прокуратуры Нижегородского района Нижегородской области. По вызову сотрудников правоохранительных органов М. приехала в отделение милиции в назначенное время и была допрошена. Сначала допрос проводился сотрудниками органов внутренних дел Х. и К. в кабинете № 63 Нижегородского районного управления внутренних дел. Сотрудники органов внутренних дел потребовали от нее признать тот факт, что она укрывала похищенное имущество убитого лица. Когда М. отказалась сделать признание, сотрудники органов внутренних дел стали кричать и угрожать возбуждением в отношении нее уголовного дела. Они взяли ее шарф и нанесли ей несколько ударов этим шарфом по лицу. После этого К. покинул кабинет, и Х. остался в кабинете наедине с М. Он запер дверь изнутри и продолжил оказывать как физическое, так и психологическое давление на нее. Х. сцепил руки М. пальцевыми наручниками и нанес ей удары по голове и по щекам, затем изнасиловал ее, после чего принудил ее к оральному сексу с ним[1].

В ходе социологического опроса осужденные ответили, что при совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства их действиями руководили различные мотивы. На вопрос: «какие цели Вы преследовали, и какими мотивами руководствовались» ответы распределились следующим образом:

желание отомстить кому-либо — 36,2%;

воспрепятствование осуществлению предварительного расследования и (или) правосудия — 20,4%;

корыстные побуждения — 16,2%;

оказание помощи соучастникам в избежании уголовной ответственности — 7,2 %;

стремление скрыть другое преступление, избежать уголовной ответственности за его совершение или смягчить ее — 6,0%;

---

[1] См.: Постановление Европейского суда по правам человека. Дело «Маслова и Налбандов (Maslova and Nalbandov) против Российской Федерации» (Жалоба № 839/02) от 24 января 2008 года. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

завоевать авторитет среди друзей и знакомых — 4,7%;

стремление улучшить служебные показатели — 3,0%;

хулиганские побуждения — 1,7%;

карьеризм — 1,3%;

пресечение правонарушений и преступлений — 0,8%;

сексуальные побуждения — 0,4%;

иные — 2,1%; в качестве иных целей и мотивов осужденными были указаны такие, как, например, личная неприязнь, мотив национальной ненависти (см. приложение 1).

После того, как сформировался мотив преступления, наступает время его реализации. Следовательно, начинает формироваться второй элемент механизма преступного поведения — принятие решения о совершении преступления и планирование преступной деятельности. Здесь преступление из абстрактного намерения превращается в ощутимую реальность, поскольку субъект определяет непосредственные цели и объекты своих преступных посягательств, а также средства, место и время совершения преступления, принимая соответствующие решения.

В психологии под принятием решения понимают волевой акт формирования последовательности действий, ведущих к достижению цели на основе преобразования исходной информации. Основные этапы процесса принятия решения включают информационную подготовку решения и саму процедуру его принятия с выбором программы действия, включающей прогнозирование изменений ситуации, возможных последствий своих действий. В принятии решений участвуют различные уровни психического отражения — от познавательно-перцептивного до рече-мыслительного[1].

Как и все иные решения данного класса, решение о преступном поведении представляет собой интеллектуально-волевой акт, завершающий этап мыслительной деятельности в проблемной ситуации; желаемое отражение мотива-

---

[1] См.: *Антонян Ю.М., Гульдан В.В.* Криминальная патопсихология. М., 1991. С. 182.

ционных процессов; мысленный результат приспособления личности к окружающей среде; более или менее окончательный выбор между возможными вариантами поведения; прогноз будущего взаимодействия личности со средой, выражающий тенденции управления и с опережением, и с отставанием; модель будущего поведения, объективируемую вовне при совершении различных действий[1].

Принятие решения является тем важным элементом механизма преступного поведения, который в ряде случаев завершает формирование преступных намерений, сложившихся на основе дефектов потребностей, возможностей или ценностных ориентаций, а иногда имеет и самостоятельное детерминирующее значение.

Принятое решение:

а) делает более определенным характер и содержание будущего поведения;

б) изменяет характер взаимодействия личности и окружающей среды;

в) повышает готовность личности к реализации избранного варианта поведения[2].

Нередко в процессе принятия решения лицо планирует совершение преступления. Так, из числа опрошенных лиц, совершивших преступления против участников уголовного судопроизводства, 68,9% ответили, что планировали совершить преступление (см. приложение 1).

После того, как решение о совершении преступления принято и спланировано, субъект переходит к практическим действиям, то есть непосредственно совершает преступление. На этапе постпреступного поведения возможно формирование механизма совершения нового преступления[3].

---

[1] См.: Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. С. 125.

[2] См.: Там же. С. 127.

[3] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. М., 2016. С. 67–99.

Результаты проведенного исследования позволили сделать следующие выводы:

1) рассматривая вопросы детерминации преступности и отдельных групп преступлений, необходимо учитывать не только их причины, но и условия. Это связано с тем, что причинность выделяется в качестве лишь одной из форм связей в природе, а процесс детерминации представляет собой взаимодействие их разнообразных форм. Криминогенные факторы, продуцирующие совершение преступлений, являются действующими причинами только в совокупности с соответствующими условиями. Вследствие этого преступное поведение, посягающее на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, порождаемое конкретной личностью, не возникает само по себе, изолированно от внешней среды. Оно связано с ней и взаимообусловлено конкретными причинами и условиями;

2) роль неблагоприятной внешней обстановки в механизме преступного поведения личности, совершающей исследуемые преступления, играет сфера уголовного судопроизводства. Вовлеченные в нее лица подвергаются риску стать жертвами преступных посягательств, поскольку обладание специфическими правами и обязанностями выделяет их из круга обычных граждан. Это характерно как для формирования механизма преступлений против участников суда, так и против участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, защиты, иных участников уголовного судопроизводства, поскольку все указанные лица обладают повышенным уровнем виктимности;

3) при совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства в мотивации преступного поведения виновного наличествует множественность мотивов, то есть полимотивация противоправных деяний. В целях предупреждения преступлений следует выяснять все мотивы преступного поведения личности. Это необходимо, прежде всего, для индивидуальной профилактики, которая в данном случае направлена на устранение мотивации преступного поведения личности, то есть первого элемента его механизма. При отсутствии преступной мотивации происходит блокировка остальных элемен-

тов механизма преступного поведения, в результате чего преступление не совершается;

4) среди мотивов, движущих лицами, совершающими преступления против участников уголовного судопроизводства, преобладают месть и воспрепятствование осуществлению правосудия и (или) предварительного расследования. Кроме того, в числе мотивов имеются и такие, как: корыстные побуждения, оказание помощи соучастникам в избежании ответственности, стремление скрыть другое преступление или облегчить его, избежание уголовной ответственности, причинение насилия, хулиганские и сексуальные побуждения и иные. Это свидетельствует о том, что в отношении участников уголовного судопроизводства в связи с их участием в уголовном процессе совершаются самые разнообразные преступления, а не только посягающие на интересы правосудия.

§ 2. Детерминационный комплекс преступлений против участников уголовного судопроизводства

Понятия «причины» и «условия», являющиеся детерминантами преступлений и преступности, встречается во многих криминологических источниках. Так, Н.Ф. Кузнецова определяла причины и условия преступности как систему социально-негативных явлений и процессов, детерминирующих преступность как свое следствие[1].

С точки зрения Ю.М. Антоняна, причина — это явление, обладающее генетическими способностями, то есть способностями порождать то, что называется следствием. Причина всегда предшествует следствию. Условие — это явление, способствующее действию причины. При отсутствии условия причина может быть блокирована. Полная причина — это совокупность причин и условий[2].

---

[1] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. С. 44

[2] См.: *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 62.

В научной литературе причины и условия довольно часто связывают с социально-экономическими противоречиями на различных этапах развития государства. Например, Э.М. Султанов считает, что «преступность как социальное явление детерминировано в современной России противоречивым характером перестроечных процессов, создающих и воспроизводящих негативные социально-экономические процессы. Непродуманная приватизация, поляризация общества на богатых и бедных, бюрократизация управленческого аппарата, негативные социальные трансформации, девиантное поведение молодежи, скрытая и явная безработица выступают социальной основой преступности»[1].

Г.Г. Смирнов к детерминантам преступности относит антиобщественную позицию (ориентацию, установку) личности, криминальную мотивацию или объективные (внешние) обстоятельства, способствующие реализации преступных замыслов, неблагоприятные условия нравственного формирования[2]. К.А. Радовицкий причисляет к ним криминализацию общественных отношений, депопуляцию, духовную деградацию, бедственное положение подавляющей части населения[3].

В криминологической литературе справедливо отмечается, что любое человеческое действие — преступление в этом отношении не составляет исключения — всегда характеризуется определенным единством объективных и субъективных свойств[4]. Причем, объективное и субъективное в человеческом поведении — это моменты, отражающие единый волевой процесс, посредством которого осуществляется цель[5].

---

[1] *Султанов Э.М.* Социальные детерминанты преступности в современной России: автореф. дис. … канд. филос. наук. Ставрополь, 2004. С. 8.

[2] См.: *Смирнов Г.Г.* Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 126.

[3] См.: *Радовицкий К.А.* Преступность в современной России: социологический анализ: дис. … канд. социол. наук. М., 2004. С. 10.

[4] См.: *Волков Б.С.* Детерминистическая природа преступного поведения. М., 2004. С. 22.

[5] См.: Там же. С. 24.

В процессе формирования преступлений против участников уголовного судопроизводства и объективные, и субъективные компоненты играют решающую роль в выборе цели и мотивации преступного поведения. И хотя Н.Ф. Кузнецова справедливо отмечает, что диалектические законы детерминации методологически обосновывают теорию и практику причинности в уголовном праве и криминологии, отступление от них чревато доктринальными ошибками, искажением научных рекомендаций правоприменению, включая криминолого-профилактическое программирование и планирование[1], основное внимание она уделяет социальным причинам и условиям преступности. По мнению ученого, «в общей системе детерминант необходимо выделять социальные детерминанты, а внутри них уголовно-правовые и криминологические»[2]. Н.Ф. Кузнецова также указывает, что причины и условия преступности всегда социальные явления, они социальны по своему происхождению, сущности, следствию и перспективам[3].

Однако накопленный опыт криминологических исследований позволяет констатировать, что все же социальные детерминанты преступности не являются главенствующими в формировании преступного поведения, а находятся в тесной связи с психологическими. Поэтому, на наш взгляд, причины и условия преступности носят социально-психологический характер, то есть их социальная составляющая неразрывно связана с психологическими характеристиками личности. Безусловно, социальные факторы выступают важным элементом детерминации преступного поведения, поскольку недостатки общественного строя непосредственно влияют на формирование преступного поведения личности. Тем не менее, следует заметить, что преступление совершает конкретный человек, руководствуясь своими собственными убеждениями, интересами,

---

[1] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Детерминация в уголовном праве и криминологии // Теоретико-криминологические проблемы права. М., 2007. С. 335.

[2] Там же. С. 335.

[3] См.: *Кузнецова Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации. С. 46.

потребностями, причем не всякий субъект совершает общественно опасное деяние в одних и тех же социальных условиях.

Как уже отмечалось, любое преступление является результатом взаимодействия личности и особенностей внешней среды, поэтому в механизме преступного поведения они расположены параллельно друг другу и в равной степени взаимосвязаны со всеми его звеньями, вследствие чего нельзя категорично утверждать, что важнее в формировании механизма преступного поведения — личность или внешняя среда. На это обстоятельство указывают многие ученые в области не только криминологии, но и психологии, философии и других наук. Так, И.Н. Даньшин считает, что вопрос о первенстве (примате) личности либо среды в их криминогенном взаимодействии не должен специально заостряться. Они сосуществуют параллельно и находятся в диалектическом взаимодействии. При совершении одних преступлений отчетливо проявляются черты и свойства неблагоприятной среды; при совершении других — негативные качества и особенности личности; а нередко на совершенное преступление накладывают отпечаток и среда, и личность[1].

В.А. Номоконов по этому поводу утверждает, что детерминирующее воздействие конкретной жизненной ситуации на личность связано не столько и не только с объективным содержанием, но и с ее субъективным значением. Известно, что в одной и той же объективной ситуации разные люди ведут себя совершенно различно. Субъективное значение ситуации зависит от взглядов, установок, ценностных ориентаций человека, другими словами, от нравственного «ядра» личности. В различных случаях совершения тех или иных преступлений соотношение свойств личности и ситуации может быть различным. Чем более морально ущербно лицо, тем меньшее «давление» ситуации требуется, чтобы оно решилось на преступление[2].

---

[1] См.: *Даньшин И.Н.* Преступность: понятие и общая характеристика, причины и условия. Киев, 1998. С. 67.

[2] См.: *Номоконов В.А.* Преступное поведение: детерминизм и ответственность. Владивосток, 1989. С. 26.

О тесной взаимосвязи личности и социальной среды в механизме отклоняющегося поведения пишет Н.А. Барановский, с точки зрения которого важнейшим свойством потребностей как формы выражения отношений личности с природной и социальной средой является их объективно-субъективное детерминирующее воздействие на поведение личности. Оно проявляется в виде психического побуждения к деятельности, реализующего личностно значимую сторону (или стороны) потребности, то есть конкретное объективное отношение личности с природной и социальной средой, установившееся в процессе их взаимодействия[1].

О взаимосвязи социальных и психологических причин преступности говорит и Ю.М. Антонян, причем обосновывает ее оригинально в виде простых вопросов: «Однако наряду с непрекращающимся теоретическим поиском общесоциальных причин преступности необходимо поставить, казалось бы, простой и в то же время чрезвычайно сложный вопрос: почему все-таки люди всегда совершают преступления, почему совершают преступления даже в самых богатых просвещенных и процветающих обществах? Если преступность порождается только или в первую очередь экономическими причинами, как полагают вульгарные материалисты, то почему преступления совершают богатые люди? … Преступления неистребимы, поскольку в любом обществе и во все времена окажется человек или группа людей, которые не будут согласны с существующей системой распределения материальных и духовных благ, или своим местом в межличностных отношениях, со своим биологическим и (или) социальным статусом»[2]. Взаимодействие личности и особенностей внешней среды происходит в связи с конкретной жизненной ситуацией правонарушителя.

В свое время Ю.М. Антонян выделил несколько видов таких ситуаций, в том числе конфликтную, под которой понимал такую ситуацию, когда происходит столкновение противоположных интересов, взглядов, стремлений, воз-

---

[1] См.: *Барановский Н.А.* Указ. раб. С. 85–86.

[2] *Антонян Ю.М.* О концепции причин преступности // Криминологический журнал. 2004. № 1. С. 22.

никают серьезные разногласия сторон, влекущие за собой сложные формы борьбы[1]. Соглашаясь с данной точкой зрения, полагаем, что важное значение для исследования детерминации преступлений против участников уголовного судопроизводства имеет именно конфликтная ситуация. Под ней понимаются обстоятельства внешней среды, обладающие выраженной криминогенностью, вытекающие из непосредственного противоборства сторон (например, обвиняемого и потерпевшего) и вызывающие у субъекта намерение и решимость совершить противоправное деяние.

Такие ситуации строго обусловлены рамками конфликтного взаимодействия, поэтому ими формируется ситуационный умысел[2]. Конфликты как непосредственные причины преступного поведения довольно часты. По подсчетам криминологов, почти каждый девятый из молодых преступников находился в момент совершения преступления в общем конфликте с окружающими[3].

Следует отметить, что при совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства роль конфликтов имеет первостепенное значение. Лица, совершая такие преступления, находятся в состоянии конфронтации со своими оппонентами в процессе. Так, обвиняемый, подозреваемый, их родственники или близкие совершают преступления в отношении потерпевших, свидетелей, понятых, нередко в отношении судей и лиц, производящих расследование. Потерпевшие, в свою очередь, совершают преступления в отношении подозреваемых, обвиняемых. Лица, производящие расследование по уголовным делам, преступно воздействуют на подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, свидетелей и т.п. В основе этих преступных действий лежит именно конфликт, то есть какая-то неудовлетворенность лица действиями участников уголовного процесса.

---

[1] См.: *Антонян Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления: учебное пособие. С. 12–13.

[2] См.: *Глонти Г.Ш.* О механизме преступного поведения // Криминологические проблемы преступного поведения: сборник научных трудов. М., 1991. С. 16.

[3] См.: *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика. Поведение. Ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. М., 1989. С. 217.

Действительно, конфликтная ситуация непосредственно влияет на мотивацию совершения преступления против участников уголовного судопроизводства. У лица, совершающего преступления, возникает конфликт, например, с судом, прокурором, следователем, потерпевшим и любым участником процесса, который заканчивается совершением того или иного преступления. Разрешение конфликта преступным путем может иметь различный характер: это и клевета, и применение насилия, и иные действия в отношении участников уголовного судопроизводства. Как считает Х. Кингс, совершение преступления зависит не только от потребностей, интересов, характера стремлений личности, но и от возможностей их удовлетворения. Этот вопрос с особой остротой встает в конкретной ситуации — при принятии решения совершить преступление[1]. Следует согласиться с мнением Л.В. Лобановой и А.П. Рожнова, которые полагают, что острая конфликтность интересов субъектов, вовлекаемых в сферу судопроизводства, предопределяет повышенную уязвимость его участников[2]. На наш взгляд, конфликтная ситуация, развивающаяся в связи с отправлением правосудия, в большинстве случаев служит толчком к совершению преступления, поскольку у лица, совершающего общественно опасное деяние, в данном случае открываются большие возможности удовлетворения своих побуждений и интересов. Не будь конфликта в сфере уголовного судопроизводства, возможно лицо и не совершило бы преступления вообще.

В ряде случаев взаимосвязь такой внешней среды, как сфера уголовного судопроизводства, и особенностей криминогенно направленной личности может привести к возникновению механизма преступного поведения. Например, следователь или лицо, производящее дознание, никогда бы не совершили кражу, грабеж либо другое преступление с корыстной мотивацией. Но, будучи вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства, они порой подвергаются соблазну улучшить свое материальное состояние посредством нарушения зако-

---

[1] См.: *Кингс Х.* Указ. раб. С. 8.

[2] См.: *Лобанова Л.В., Рожнов А.П.* Об уголовно-правовых средствах противодействия судебному подлогу // Российский следователь. 2013. № 23. С. 22.

на: за вознаграждение освободить кого-либо от уголовной ответственности, сфальсифицировать доказательства и т.д. То же самое относится и к другим участникам уголовного судопроизводства. К примеру, свидетель или потерпевший за вознаграждение может отказаться от дачи показаний либо дать заведомо ложные показания, эксперт дать ложное заключение и т.п. То есть они совершают преступления рассматриваемого вида, сознавая, что нарушают установленную законом процедуру уголовного судопроизводства.

Следует отметить, что на механизм формирования преступлений против участников уголовного судопроизводства влияет и общественное сознание определенной группы людей. Так, Ю.М. Антонян считает, что проникновение общественного сознания в индивидуальное — это в основном сознательно направляемый процесс, поскольку он осуществляется обществом через воспитание, образование, идеологическую деятельность. Однако когда общественное сознание проникает в сознание личности через коллективы или группы либо когда последние выступают «инициаторами» влияния на индивида, влияние окружающей человека среды во многом неконтролируемо. В связи с этим чрезвычайно важен криминологический аспект всестороннего усиления контроля со стороны общества за формированием индивидуального сознания, органического слияния воспитания с преобразованием самих условий жизни людей, совершенствования общественных отношений, особенно в малых неформальных группах, в которых во многом происходит становление личности[1].

Несмотря на то, что Ю.М. Антонян высказал данную мысль почти 40 лет назад, она актуальна, даже можно сказать, особенно злободневна в наши дни. В условиях правового нигилизма, неверия в справедливость деятельности правоохранительных и судебных органов в нашем обществе у многих сформировалось мнение, что все вопросы, которые не может решить уголовное судопроизводство, возможно устранить незаконным путем. Элементы общественного со-

---

[1] См.: *Антонян Ю.М.* Социальная среда и формирование личности преступника (Неблагоприятные влияния на личность в микросреде). С. 29.

знания проникают в сознание конкретных людей, которые и начинают преодолевать все не решенные законным способом проблемы преступным путем. Данное обстоятельство связано также со смещением ценностных ориентаций личности, направленности выбора варианта поведения в социальной среде, в нашем случае — в сфере уголовного судопроизводства.

В юридической науке сформировалась точка зрения, согласно которой ценностные ориентации складываются под влиянием окружающей среды, жизненного опыта, воспитания. Возникнув на базе определенных оценок, они ложатся в основу выбора содержания и формы поведения индивида в конкретной жизненной ситуации. Превращение возможности в действительность, должного в сущее осуществляется через поступок, а смысл поступку придается ценностной ориентацией, то есть оценочными отношениями[1].

Сведение к минимуму ценностей приводит к деформации потребностей и интересов личности, и, в конечном итоге, к деформации ее поведения. Результатом ее становится совершение преступлений рассматриваемого вида. По мнению М.В. Королевой, к перекосам в общественном сознании, а также в практике борьбы с преступностью привел отказ от таких демократических, закрепленных в Конституции РФ принципов, как принцип равенства всех перед законом и судом. Излишняя гуманизация, иммунитеты и безнаказанность отдельных категорий лиц и полная незащищенность других в сочетании с повышенной криминализацией общества оказывает негативное воздействие на нравственно-психологическое состояние сотрудников правоохранительных органов, формируя у них представление о непобедимости преступности[2].

По мнению А.Н. Варыгина и О.В. Шляпниковой, некоторые сотрудники считают себя изгоями, обиженными, обойденными. В ряде случаев именно из-за этого они не могут устоять перед соблазном легкого незаконного обогащения

---

[1] См.: Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. С. 354.

[2] См.: *Королева М.В.* Коррупция в сфере правоохранительной деятельности // Коррупция и борьба с ней: сборник статей / под ред. А.И. Долговой. М., 2000. С. 94–95.

и совершают преступления[1]. Следует отметить, что к одной из составляющей детерминант преступлений против участников уголовного судопроизводства со стороны сотрудников правоохранительных органов следует отнести их профессиональную деформацию. Так, В.С. Павленин пишет, что «в силу специфики профессиональной деятельности, сотрудники правоохранительных органов зачастую вынуждены находиться в антисоциальной агрессивной среде, где преобладают нравственное уродство, искаженное представление о морали, человеческие страдания. При выполнении оперативно-служебных задач они подвергаются реальным, угрожающим жизни и здоровью опасностям, значительную часть времени находятся под воздействием морально-психологических стрессов. Они становятся невольными свидетелями и участниками конфликтов и трагических жизненных ситуаций»[2].

О профессиональной деформации сотрудников правоохранительных органов также много сказано в криминологической литературе[3]. При взаимодействии таких сотрудников с внешней средой на формирование преступного поведения оказывает влияние вовлечение их в сферу служебной деятельности, частью которой является и сфера уголовного судопроизводства. Тем не менее, политические, социальные, нравственные и иные составляющие окружающей действительности оказывают серьезное влияние на формирование механизма преступлений против участников уголовного судопроизводства, совершенных и иными лицами, вовлеченными в сферу уголовного судопроизводства. В юридической литературе встречается классификация детерминант так называемых уголовно-процессуальных правонарушений, к которым относятся:

---

[1] См.: *Варыгин А.Н., Шляпникова О.В.* Коррупция в органах внутренних дел // Коррупция и борьба с ней. М., 2000. С. 109.

[2] *Павленин В.С.* К проблеме психологической детерминации профессиональных деформаций у сотрудников органов внутренних дел // Криминология и юридическая психология в развитии толерантности / под ред. Г.И. Лобжанидзе. Омск, 2002. С. 137.

[3] См., например: *Варыгин А.Н.* Преступность в органах внутренних дел. Саратов, 2002. С. 202–203; *Сокова З.К.* Профессиональная этика. М., 2000. С. 184; *Томилова О.В.* Социально-психологические условия профессионального становления молодых сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. … канд. психол. наук. М., 2000. С. 7.

незнание или несовершенство уголовно-процессуального закона;

боязнь, нежелание быть осужденным и стремление избежать уголовной ответственности, сокрытие более тяжкого преступления и т.п.;

страх мести со стороны обвиняемых, подозреваемых;

корысть, желание получить вознаграждение за незаконные действия;

солидарность с представителями преступного мира, принадлежность к преступной или иной субкультурной референтной группе;

неверие в правоохранительные органы и силу закона, негативное отношение к органам уголовного судопроизводства;

лень, нежелание обременять себя;

некомпетентность в вопросах, по которым дается заключение;

солидарность с правоохранительными органами, зависимость от оперативного аппарата;

некачественный механизм выявления уголовно-процессуальных правонарушений в сфере соблюдения законности;

безнаказанность;

злоупотребления со стороны работников правоохранительных органов;

слабая подготовка отдельных работников правоохранительных органов;

месть конкретным лицам; зависть[1].

Хотя автором указанные обстоятельства позиционируются как причины и условия совершения правонарушений, на самом деле здесь перечислены и причины, и условия, и мотивы, и цели совершаемых правонарушений, которые соединились в едином контексте.

На наш взгляд, не следует отдельно выделять причины и отдельно — условия совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Ведь при совершении разных общественно опасных деяний одни и те же обстоятельства могут быть как причинами, так и условиями. Например, не-

---

[1] См.: *Ольков С.Г.* Детерминация и профилактика уголовно-процессуальных правонарушений в сфере соблюдения законности: лекция. Тюмень, 1994. С. 3–11.

знание законодательства может стать причиной совершения преступления, предусмотренного ст. 309 УК РФ. Лицо, будучи неосведомленным, что за подкуп к уклонению от дачи показаний существует уголовная ответственность, считая, что такой ответственности вовсе нет или за данное деяние последует административная ответственность, передает вознаграждение свидетелю, чтобы тот отказался от дачи показаний против его родственника. В данном случае лицо, совершающее указанное преступление, по разным причинам не знало и не могло знать о наличии в его действиях состава преступления, следствием чего явилось совершение им общественно опасного деяния.

Незнание законодательства может быть и условием совершения преступления, например, предусмотренного ст. 302 УК РФ. Так, стажер по должности участкового уполномоченного полиции или практикант юридического вуза, не изучавшие уголовное право, не знают, что принуждение ими при определенных условиях свидетеля к даче показаний является уголовно наказуемым деянием. Они считают, что субъектом данного преступления может быть следователь или лицо, производящее дознание, и, если следователь не препятствует допросу «с пристрастием», значит, они действуют в рамках закона. В данном случае причиной совершения преступления является позиция следователя или лица, производящего дознание, заключающаяся в соглашении с действиями указанных лиц. Незнание закона с их стороны — лишь условие, поскольку если бы они действовали в отсутствие сотрудника, производящего предварительное расследование, или вопреки его запрету, в их действиях отсутствовали бы признаки рассматриваемого состава преступления. Ну и, конечно же, к детерминантам совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства, следует отнести виктимологическую составляющую взаимодействия личности преступника и особенностей внешней среды. Причем виктимологическая составляющая находится во внешней среде механизма преступного поведения, но она настолько сильно влияет на личность, что является довольно значительной детерминантой совершения преступлений.

В юридической литературе под уголовным судопроизводством понимается осуществляемая в установленных законом и иными правовыми актами пределах и порядке деятельность (система действий) наделенных соответствующими полномочиями государственных органов по выявлению, предупреждению и раскрытию преступлений, установлению лиц, виновных в их совершении, и назначению им мер уголовного наказания или иного воздействия, а также возникающие в связи с этой деятельностью правовые отношения между органами и лицами, участвующими в ней[1].

Отсюда следует, что совершение преступлений, затрагивающих сферу уголовного судопроизводства, всегда приводит к нарушению официально предусмотренной процедуры отправления правосудия.

С точки зрения Н.Н. Невского и А.А. Кулаковой, виктимологическая детерминанта в данном случае обусловлена виктимологической ситуацией, под которой понимается совокупность обстоятельств, непосредственно предшествующих преступлению, созданных жертвой преступления или оказавших содействие в ее формировании[2].

Действительно, жертвы преступлений — участники уголовного судопроизводства — сами порождают ситуацию, в которой оказываются до совершения в отношении них общественно опасных деяний. Подозреваемые, обвиняемые совершают преступления, в результате чего приобретают свой статус. Следователи, дознаватели, прокуроры, работники судов, эксперты, защитники сами выбрали сферу своей деятельности, которая непосредственно связана с уголовным судопроизводством. Хотя часть участников уголовного судопроизводства (потерпевшие, свидетели, понятые) не всегда по своей воле вступают в сферу уголовного процесса, они также обладают повышенной степенью виктимности. Следовательно, одними из ключевых условий совершения преступлений против

---

[1] См.: Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. М., 2005. С. 7.

[2] См.: *Невский Н.Н., Кулакова А.А.* Виктимология и ее основополагающие аспекты. Владимир, 2007. С. 128–129.

участников уголовного судопроизводства служат факторы, порождаемые взаимодействием личности человека, совершающего преступление, и особенностями внешней среды — сферой уголовного судопроизводства. Именно внешняя среда — сфера уголовного судопроизводства — способствует формированию ролевой виктимности жертв преступлений — участников уголовного судопроизводства, что порой является сильнейшим стимулом совершения преступления.

Следует заметить, что причины и условия рассматриваемых общественно опасных деяний характерны для всех четырех вышеуказанных групп преступлений против участников уголовного судопроизводства. Среди них выделяются две категории причин и условий: общего характера и специфические. К общим причинам и условиям совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства, как и любого вида преступности, относятся недостатки экономического, социального, духовно-нравственного, правового характера. Так, неблагоприятная экономическая ситуация (инфляция, рост цен, низкая оплата труда и т.п.), социальное расслоение общества по материальному достатку, безусловно, влияют на мотивацию преступного поведения личности, в том числе совершающей посягательства в отношении участников уголовного судопроизводства. Это подтверждается приведенными выше результатами социологических исследований, согласно которым против участников уголовного процесса совершаются преступления с корыстной мотивацией. Неудовлетворенность человека своим социальным статусом порой также может стать мощным стимулом для совершения преступлений. Особенно это актуально для отдельных должностных лиц, которые для продвижения по карьерной лестнице противоправно воздействуют на участников уголовного судопроизводства: фальсифицируют доказательства, нарушают установленную процедуру правосудия, совершают иные противоправные деяния.

Причины и условия духовно-нравственного характера выражаются в отсутствии тех или иных моральных ценностей и установок, которые приводят личность к совершению преступлений. Нередко в качестве причин и условий

совершения исследуемых преступлений выступают моральная оправданность части населения применения противоправных методов получения доказательств, незаконных мер к подозреваемым и обвиняемым в совершении резонансных преступлений, призывы к самосуду и т.п.

Детерминанты правового характера заключаются в несовершенстве действующего законодательства, недостатках уголовной политики государства, в частности, криминализации и декриминализации деяний, связанных с уголовно-правовой охраной прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

Поскольку преступления рассматриваемого вида имеют свои особенности, для них характерны специфические причины и условия, которые следует рассмотреть более детально. Так, к причинам и условиям совершения преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства можно отнести низкий уровень правовой культуры личности человека, совершающего преступление, его правовой нигилизм. В данном случае следует согласиться с утверждением О.В. Мартышина, который считает, что «чрезвычайно важная характеристика правовой культуры — ее национально-исторические особенности, традиции, корни. Они представляют собой часть того, что Монтескье называл общим духом народа. Специфика правовой культуры России очевидна, а ее наследственность в этом плане трудно признать благоприятной»[1].

Данное обстоятельство подтверждают С.В. Поленина и Е.В. Скурко, которые пишут, что «к сожалению, правовой нигилизм, низкий уровень правовой культуры населения как его (правового нигилизма) следствие — закоренелая традиция российского общества, самым негативным образом отражающаяся и влияющая как на самооценку каждого конкретного человека, его самоуважение,

---

[1] *Мартышин О.В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры // Государство и право. 2003. № 10. С. 24.

так и, следовательно, социальную активность, культурные потребности личности, осознание возможностей своего развития»[1].

Действительно, российские граждане довольно часто совершают различные противоправные деяния, сознавая, что нарушают закон. Так, водители нередко превышают допустимую скорость движения, проезжают на запрещающий сигнал светофора, управляют автомобилем в состоянии опьянения. Многие лица занимаются индивидуальной предпринимательской деятельностью без лицензии на ее осуществление или с нарушением ее предписаний. Нередко нарушаются различные правила в области охраны труда, окружающей среды, рыбных запасов, лесов и т.п. Эти деяния становятся привычными действиями людей, вследствие чего совершение административных правонарушений постепенно трансформируется в преступную деятельность. В данном случае можно только согласиться с Ю.Е. Пудовочкиным, который полагает, что при общем росте объемов деструктивного поведения преступность теряет однозначность и категоричность оценок, что позволяет ей не просто укореняться в социальном пространстве, но и сосуществовать на равных с иными формами поведения[2]. Так, например, суд наделен властными полномочиями, закрепленными в Основном Законе — Конституции Российской Федерации, в связи с чем А.В. Бриллиантов вполне обоснованно выражает мнение, что авторитет суда должен быть неприкасаем[3]. Однако лица, совершающие преступления в отношении участников суда, пренебрегают всеми запретами и воспрепятствуют осуществлению правосудия, посягают на жизнь лиц, участвующих в отправлении правосудия, и совершают другие преступные деяния.

О правовом нигилизме населения свидетельствует следующие примеры из судебной практики.

---

[1] *Поленина С.В., Скурко Е.В.* Право и культура: от правовой культуры к культурным правам // Российская юстиция. 2007. № 12. С. 2.

[2] См.: *Пудовочкин Ю.Е.* Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации // Журнал российского права. 2017. № 3. С. 85.

[3] См.: *Бриллиантов А.В.* Неуважение к суду. Некоторые вопросы квалификации // Российский судья. 2006. № 9. С. 4.

2 сентября 2002 г. Красноярским краевым судом за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 298 УК РФ, к 2 годам лишения свободы осужден гр-н С. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. В период предварительного расследования С. неоднократно в категорической форме пояснял о том, что судья Б. разговаривала с его родственниками, которым говорила о необходимости дачи взятки судье, чтобы освободить его — С. от уголовной ответственности. В материалах дела имеется письменное заявление на имя председателя Железнодорожного районного суда г. Красноярска, написанное С., из которого следует, что судья указанного суда Б. предлагала его родственникам заплатить неопределенную сумму денег с тем, чтобы он — С. был освобожден от уголовной ответственности. Из пояснений потерпевшей Б. в судебном заседании явствует, что действительно в ее производстве находилось уголовное дело в отношении С., слушание которого по различным причинам неоднократно откладывалось. С родственниками С. она никогда не общалась, поэтому каких-либо разговоров о получении денежной суммы через родственников С. никогда не было. Тщательно исследовав обстоятельства дела и правильно оценив все доказательства по делу, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о доказанности вины С. в клевете, то есть в распространении заведомо ложных сведений в отношении судьи, порочащих ее честь и достоинство, подрывающих ее деловую репутацию, в связи с рассмотрением ею уголовного дела, верно квалифицировав его действия по ч. 3 ст. 298 УК РФ[1].

26 сентября 2002 г. Алтайским краевым судом за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, к штрафу в сумме 40000 руб. осужден гр-н О. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. В течение 4–6 февраля 2002 г. в г. Барнауле Алтайского края гр-н О. приходил к пяти присяжным заседателям домой или на работу, воздействовал на формирование их позиции по уголовному делу, по которому обвинялся его друг Е., путем

---

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2003 г. № 53-о02-129. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

обещания, бесед высказывая свое мнение о невиновности Е. и необходимости отнестись к нему снисходительно и объективно. 7 февраля присяжные заседатели сообщили об оказанном на них воздействии председательствующему по делу, в связи с чем рассмотрение дела было признано недействительным, а коллегия присяжных заседателей была распущена, назначено повторное рассмотрение дела иным составом суда[1].

К условиям совершения преступлений рассматриваемого вида следует отнести слабую защищенность участников уголовного судопроизводства правовыми средствами. К детерминантам рассматриваемых преступлений относится и наличие конфликта между правонарушителями и участниками уголовного судопроизводства.

К примеру, 12 ноября 2001 г. Краснодарским краевым судом за совершение нескольких преступлений, в том числе предусмотренного ст. 295 УК РФ, к 14 годам лишения свободы осуждены гр. Н. и Ш. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. 23 января 2001 г. Н. из чувства мести к начальнику отдела УБОП МВД РФ по Краснодарскому краю в г. Кропоткине подполковнику милиции П.Е., являющемуся должностным лицом органа дознания, его близким за осуществление им и сотрудниками его отдела законной деятельности (дознания) по проверке финансово-хозяйственных операций АООТ «Северо-Кавказский завод строительных конструкций» по сбору доказательств по уголовному делу, для совершения умышленного убийства нанял за вознаграждение Ш. 24 января 2001 г. около 20 ч Н. с группой лиц и по предварительному сговору с Ш., с целью умышленного убийства П.Е., его близких, находясь в гаражном кооперативе № 4, передал Ш. для изготовления самодельного взрывного устройства боевую ручную оборонительную осколочную гранату «Ф-1», а также медный и стальной провод. Ш. и Н. приехали на автомашине ВАЗ-2107 к дому, где проживала семья П. Ш., реализуя разработанный Н. план совершения

---

[1] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 января 2003 г. № 51-кпо02-102. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

преступления, находясь в салоне автомашины, вынул предохранительную чеку с кольцом из взрывателя гранаты и поместил вместо нее заранее приготовленные канцелярские скрепки, присоединив к ним переданный Н. медный провод. Изготовив самодельное взрывное устройство типа гранаты, Ш. вышел из автомашины, а Н., отъехав от домовладения, стал ожидать его возвращения. Реализуя совместный умысел, направленный на убийство П.Е. и его близких, Ш. при помощи переданного Н. стального провода закрепил гранату в нижней части забора у калитки домовладения П., а свободный конец медного провода, присоединенного к взрывателю гранаты, зафиксировал в нижней части калитки. Изготовив и установив таким образом самодельное взрывное устройство типа мины-ловушки с натяжным датчиком цели, Н. и Ш. уехали с места преступления. В этот же день около 21 ч жена П.Е. — П.Л. вместе со своей родной сестрой Д.Л. и ее дочерью Д.С. на автомашине ВАЗ 2107 приехала к своему дому и открыла калитку. В этот момент произошел взрыв. В результате этого потерпевшим П.Л. был причинен вред здоровью, Д.С. — средней тяжести, Д.Л. — легкий. Довести совместный умысел до конца осужденным не удалось по не зависящим от их воли обстоятельствам, так как Д.Л. и Д.С. в момент взрыва находились около автомашины, кузов которой послужил преградой от поражающего действия основной массы осколков гранаты, а П.Л. после ранения доставили в центральную районную больницу г. Гулькевичи, где ей была оказана своевременная медицинская помощь[1].

26 августа 2005 г. Приморским краевым судом за совершение преступления, предусмотренного ст. 119 УК РФ, был осужден гр-н Щ., который изготовил заявление на имя прокурора, содержащее оговор следователя К. Затем Щ., оказывая на свидетеля по уголовному делу С. психологическое воздействие,

---

[1] См.: Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2005 г. № 602п2004. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

угрожая убийством в случае отказа, заставили подписать это заявление и направить прокурору[1].

6 февраля 2007 г. Тамбовским областным судом за совершение преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 296 УК РФ, осужден на 1 год и 6 месяцев лишения свободы гр-н С.В.В. Преступление совершено при следующих обстоятельствах. 20 июля 2006 г. в помещении Мордовского районного суда Тамбовской области при рассмотрении уголовного дела по обвинению С.В.В. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 162, ч. 1 ст. 174.1 УК РФ, во время допроса в качестве свидетеля С., матери подсудимого, государственным обвинителем — исполняющим обязанности прокурора Мордовского района Тамбовской области К.В.Г., С.В.В. стал выражаться нецензурной бранью в адрес К.В.Г., раскачивал дверь металлического ограждения скамьи подсудимого, угрожая К.В.Г. убийством, вследствие чего был удален из зала судебного заседания[2].

Следует заметить, что в отношении субъектов, не являющихся должностными лицами, довольно часто совершают преступления сами участники уголовного судопроизводства — должностные лица. Так, представители органа дознания, следователи, дознаватели воздействуют на потерпевшего с целью изменения показаний или фальсификации доказательств.

В частности, чтобы не приостанавливать расследование по уголовному делу и тем самым не повышать количество нераскрытых преступлений лицо, производящее расследование по делу, воздействует на потерпевшего, заставляет изменить первоначальные показания или фальсифицирует обвинительные доказательства, делая их оправдательными, и прекращает производство по уголовному делу.

---

[1] См.: Кассационное определение по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2006 г. № 56-005-94. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[2] См.: Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2007 г. № 13-О07-6. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

Отметим, что те же самые причины свойственны преступности и в зарубежных государствах. Так, британскими исследователями, в частности R.Lilly, в своих работах употребляется термин «продаваемое правосудие»[1]. Это связано с так называемой профессиональной деформацией личности, одним из проявлений которой, по мнению ряда ученых, является произвольно-субъективное толкование правомерного поведения, касающееся самого работника и заключающееся в допустимости преднамеренного (неслучайного) нарушения нормативно-правовой регламентации деятельности[2].

Как считает О.А. Куций, следствием развития этого феномена могут быть такие проявления поведения работников правоохранительных органов, которые не только не совпадают с профессиональной этикой, не только не воспринимаются обществом, но и приводят к прямому нарушению закона, к совершению правонарушений и даже преступлений. Проявления профессиональной деформации в правоохранительной системе очень опасны как для общества, так и для самой системы и, в конце концов, для самого работника[3]. Поэтому, кроме вышеперечисленных, к причинам и условиям совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует отнести низкий уровень кадрового обеспечения и слабый профессионализм сотрудников; недостаточную разработанность критериев оценки деятельности правоохранительных органов; крайне высокую их загруженность работой; малоэффективный контроль и надзор за работой; профессиональную деформацию сотрудников правоохранительных органов.

---

[1] *Lilly R.* Selling Justice: Electronic Monitoring and the Security Industry // Justice Quarterly. 1992. № 9. P. 493-504.

[2] *Кісіль З.Р.* Корупційні дії як передумова виникнення професійної деформації працівників міліції // Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 13–15 квітня 2007 р.: у 2 ч. Ч. 2 . Львів, 2007. С. 70.

[3] См.: *Куций О.А.* Доміруючі соціально-психологічні чинники професійної деформації у працівників ОВС // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. 2011. № 1. С. 82.

Также к элементам причинного комплекса рассматриваемых преступлений относятся и ложно понятые интересы службы, заключающиеся, в частности, в соблюдении сроков предварительного расследования любым способом.

Представляется, что существенным условием совершения преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства является неприменение мер безопасности, перечисленных в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», когда криминальная ситуация требует их применения.

Так, зачастую потерпевшие и свидетели по уголовным делам, особенно расследуемым в низовых звеньях структуры правоохранительных органов (районных отделах органов внутренних дел, районных отделах управлений Следственного комитета Российской Федерации и т.п.) не заявляют об угрозе в отношении них. А если даже заявляют, то такие меры применяются весьма ограниченно. Почему это происходит? К примеру, в одном следственном органе расследуются сотни уголовных дел. Причем все потерпевшие по данным делам заявляют о том, что им угрожают убийством, насилием, уничтожением или повреждением их имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве. Если угроза реальна, то им необходимо обеспечить защиту, как того требует федеральный закон. Следует признать, что физически обеспечить такую защиту просто невозможно. В данном случае сложно обеспечить даже полную конфиденциальность сведений о защищаемом лице, поскольку события происходят в районе с небольшой численностью населения, где каждый житель друг друга знает. Кроме того, вызывает сомнение практическое применение такой меры безопасности, как изменение внешности. В СМИ приводятся данные, что «по словам представителей МВД, предлагали сделать пластические операции нескольким особо ценным свидетелям, но все отказались»[1]. Об этом говорилось и

---

[1] *Куликов В., Минабтудинов С.* Свидетели примеряют маски // Российская газета. 2006. 20 янв.

на брифинге 19 января 2006 г. в МВД России по вопросам государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства: «Пластическую операцию, правда, еще никому не делали — чаще всего речь шла о физической защите»[1]. В интервью 21 февраля 2013 г. руководитель УОГЗ МВД РФ вновь констатировал, что пластические операции по изменению внешности не проводятся, поскольку эта мера безопасности является исключительной и носит необратимый характер[2].

Не всегда можно обеспечить безопасность потерпевших и свидетелей посредством личной охраны, охраны жилища и имущества, обеспечения конфиденциальности сведений о защищаемом лице (не обязательно в районах с низкой численностью населения), переселения на другое место жительства, изменения места работы (службы) или учебы, временного помещения в безопасное место. Общеизвестно, что в преступных организациях очень хорошо работает так называемая «контрразведка», при помощи которой заинтересованные лица могут без особых затруднений установить личность и местонахождение потерпевшего, свидетеля. Нельзя также гарантировать исключительную порядочность сотрудников правоохранительных органов, которым поручено обеспечение безопасности указанных лиц[3]. Данное обстоятельство также является фактором для «расшифровки» установочных данных участников уголовного судопроизводства[4]. Т.Н. Нуркаева по данному поводу справедливо отмечает, что утечка информации о применяемых мерах безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства создает реальную угрозу для жизни и здоро-

---

[1] Материалы брифинга 19 января 2006 г. в МВД России по вопросам государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства. URL: http://www.mvd.ru/index.php?newsid=7083 (дата обращения: 01.02.2010).

[2] См.: Интервью начальника УОГЗ МВД России Александра Лебедева. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_po_obespecheniju_bezopasnosti/Publikacii_i_vistuplenija/item/854578/ (дата обращения: 16.06.2017).

[3] См.: *Яшин А.В.* Причины и условия совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». 2017. № 1. С. 61–69.

[4] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. С. 101–123.

вья защищаемых лиц, а также препятствует осуществлению нормальной деятельности органов правосудия[1].

Кроме того, как пишет Г.А. Скрипилев, «многие граждане, ставшие жертвами или свидетелями преступлений, не всегда обращаются в правоохранительные органы, опасаясь мести со стороны преступников либо не веря в эффективность государственной защиты. Одной из причин этого является принятие полномочным лицом, в чьем производстве находится уголовное дело, не имеющих достаточной научной разработки процессуальных решений применения или отказа в применении мер безопасности».[2] Это уже относится к проблемам процессуального характера.

На основании изложенного, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1) преступления против участников уголовного судопроизводства детерминируются комплексом взаимосвязанных и взаимообусловленных факторов, продуцирующих данные общественно опасные деяния и обусловливающих совершение конкретных преступлений;

2) процессы детерминации рассматриваемых преступлений отличаются тем, что в данном случае особенности внешней среды (сферы уголовного судопроизводства) оказывают решающее влияние на формирование определенных и сравнительно устойчивых характеристик личности, преступное поведение которой направлено на нарушение прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве;

3) детерминационный комплекс преступлений против участников уголовного судопроизводства складывается из двух групп причин и условий: причины и условия общего характера и специфические причины и условия, характерные, в первую очередь, для преступлений рассматриваемого вида;

---

[1] См.: *Нуркаева Т.Н.* О совершенствовании уголовно-правовых способов охраны сведений о мерах безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите // Вестник ВЭГУ. 2017. № 3. С. 70.

[2] *Скрипилев Г.А.* Предпосылки применения мер безопасности личности в уголовном процессе // Российский следователь. 2012. № 18. С. 21–22.

4) детерминанты общего характера в целом совпадает с характером причин и условий, продуцирующих преступность в целом. К этой группе относятся недостатки и противоречия в экономической, социальной, духовно-нравственной, правовой сферах, которые, тем не менее, следует рассматривать сквозь призму причин и условий, присущих именно для преступлений против участников уголовного судопроизводства;

5) к специфическим причинам и условиям относятся: низкий уровень правовой культуры личности, совершающей преступление; правовой нигилизм; наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства (стороны обвинения и защиты); слабая защищенность участников уголовного судопроизводства; малоэффективное применение к участникам уголовного судопроизводства мер безопасности; несовершенство законодательной базы, регламентирующей их защиту; неверие в справедливость правоохранительных органов; низкий уровень кадрового обеспечения и слабый профессионализм сотрудников правоохранительных органов; недостаточная разработанность критериев оценки деятельности правоохранительных органов; крайне высокая их загруженность; малоэффективный контроль и надзор за работой сотрудников правоохранительных органов; профессиональная деформация; ложно понятые ими интересы службы;

6) отличительной чертой причинного комплекса рассматриваемых преступлений является наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства. Лица, совершая такие преступления, неизбежно находятся в конфронтации со своими оппонентами в уголовном процессе. Данное обстоятельство непосредственно влияет на мотивацию совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Конфликтная ситуация, развивающаяся в связи с отправлением правосудия, в большинстве случаев стимулирует совершение преступления, поскольку перед личностью в данном случае открываются большие возможности для противоправного удовлетворения своих потребностей и интересов.

РАЗДЕЛ II. ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА: РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ ОБЗОР, СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ, ОСНОВНЫЕ ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Глава 1. Исторический и зарубежный опыт предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

§ 1. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства в досоветской России

Изучение вопросов предупреждения преступлений было бы неполным без их исследования в историческом аспекте, поскольку без этого невозможно понять, каким образом возникла и развивалась предупредительная деятельность, какую роль она заняла в системе криминологических знаний. История развития мер, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства, позволяет учесть прошлый опыт при разработке новых положений о противодействии данным общественно опасным деяниям.

В криминологии укрепилось мнение о том, что предупреждение преступлений — это многоуровневая система мер, направленная на выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию причин преступлений, а также способствующих им условий[1].

В систему предупреждения преступлений включаются и правовые меры, направленные на разрешение проблем борьбы с преступностью, и, как констатируется в юридической литературе, «специальное предупреждение преступлений наиболее тесно связано с функционированием уголовного права»[2]. Поэтому, рассматривая исторический аспект проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, следует, прежде всего, уделить внимание становлению и развитию законодательства, предусматривающе-

---

[1] См.: Криминология / отв. ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М., 1979. С 124; Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2000. С. 280; *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 141 и др.

[2] *Жалинский А.Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 1: Криминология. М., 2014. С. 649.

го уголовную ответственность за совершение противоправных деяний, направленных на участников уголовного процесса, которое возникло еще задолго до зарождения отечественной криминологической науки.

Первые упоминания о преступлениях, совершаемых в отношении участников судебного разбирательства, можно найти в памятнике древнерусского права, каковым являлась Русская правда. Как писал В.О. Ключевский, Русская правда есть кодекс, составленный Ярославом и служивший руководством для княжеских судей XI в., и в древней письменности осталась память о Ярославе как установителе правды, закона; иногда ему давалось прозвище Правосуда[1].

Так, в ст. 33 Краткой редакции Русской Правды содержались санкции за физическое насилие в отношении смерда, огнищанина, тиуна или мечника без дозволения князя, поскольку только ему было предоставлено право судить своих дружинников и слуг: «Или смерд умучать, а без княжа слова, за обиду 3 гривны; а в огнищанине, и в тивунице, и в мечници 12 гривъне»[2]. В данном случае объектом посягательства являлся княжеский суд[3], эта норма запрещала вмешиваться в осуществление правосудия, то есть охраняла деятельность князя, олицетворявшего в те времена судебный орган. Князю вручалась вся государственная власть управления и судов. В 1146 г. киевляне, жалуясь на злоупотребление княжеских чиновников, требуют от князя не уступки судебной власти в свою пользу, а наоборот, говорят: «Впредь, если кому из нас будет обида, то ты сам суди»[4]. Тем не менее, позже, с появлением вече как органа государственной власти, ему первоначально принадлежало право участия во всяком суде[5].

---

[1] См.*: Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 т. Т. 1. М., 2002. С. 197.

[2] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. М., 1984. С. 48.

[3] См.: Там же. С. 62.

[4] См.: *Владимирский–Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права. М., 2013. С. 47.

[5] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. С. 52.

Уставом князя Владимира Святославича было введено церковное судопроизводство, и ст. 4 Устава ограничивала пределы светской юрисдикции, осуществляемой князем, боярами и судьями князя[1]. В ст. 8 Синодальной редакции данного Устава содержался княжеский приказ, запрещающий своим судьям вмешиваться в дела, рассматриваемые церковным судом, и более того, не рассматривать впредь без участия наместника владыки даже те дела, которые традиционно входили в компетенцию княжеских судей[2]. Причем церковному суду подлежали дела о посягательствах не только на церковное имущество и символику, но и порядок в церкви[3]. В ст. 19 Синодальной редакции Устава князя Владимира Святославича под угрозой проклятия запрещалось вмешиваться в дела, переданные церкви.

Устав князя Ярослава Мудрого продолжил идеи невмешательства в осуществление церковного правосудия. Так, ст. 1 Краткой редакции Устава содержит указание боярам, а также собственное обязательство князя не вмешиваться в дела, отданные на рассмотрение митрополиту и епископам[4], а ст. 38 запрещает под страхом казни по закону вмешиваться кому бы то ни было в церковные суды[5].

Новгородская судная грамота содержит сведения о важном должностном лице — посаднике и, в частности, о его судебных функциях, чем порождается новая форма организации суда в Великом Новгороде. Тем самым судебная власть князя ограничивается, он не имеет права судить без посадника: «А без посадника ти, княже, не судити»[6]. Кроме посадника, деятельное участие в судопроизводстве принимал и тысяцкий. Статья 4 Судной грамоты подтверждает право тысяцкого на осуществление судебных функций. Причем посадник и тысяцкий управляли целым штатом подчиненных им агентов: приставами, бири-

---

[1] См.: Там же. С. 144.
[2] См.: Там же. С. 153.
[3] См.: Там же. С. 160.
[4] См.: Там же. С. 172.
[5] См.: Там же. С. 188.
[6] См.: *Владимирский-Буданов М.Ф.* Указ. раб. С. 65.

чами (следившими за выплатами долгов), подвойскими (судейскими приставами), изветниками (осведомителями), которые исполняли различные судебные распоряжения, призывали к суду, производили обыски и т.п.[1]

Вообще в Великом Новгороде было усложненное судопроизводство с множеством подсудностей. В частности, по Судной грамоте посадник должен судить с наместником князя, а без наместника только назначает судебное заседание, но не заканчивает его. На практике эта совместная юрисдикция посадника и наместника разрешалась тем, что уполномоченные органы и того, и другого, каждый отдельно разбирал подлежавшие им дела при содействии приставов, заседателей, но не решали дел окончательно, а переносили их в высшую инстанцию[2].

Таким образом, в соответствии с указанным памятником права расширился перечень участников судопроизводства и в ст. 6 грамоты был дан список всех судебных органов Новгорода: суды посадника, тысяцкого, владычного наместника, докладчиков (членов высшей судебной коллегии), низшие городские и провинциальные суды; упоминаются также судьи сотские и рядовичи, выборные от новгородских сотен и рядов. Соответственно появились и нормы, регламентирующие ответственность за посягательства на участников судебного разбирательства. К примеру, в ст. 5 Новгородской судной грамоты запрещалось «сбивать с суда». В ст. 6 содержались положения, запрещавшие «наводить наводки» — побуждать толпу к нападению на суд или противоположную сторону разбирательства[3]. Новгородская судная грамота запрещала, кроме того, произвол и расправу в отношении лица, совершившего преступление (ст. 36)[4].

Юридические нормы, охранявшие права, свободы и законные интересы участников судебного разбирательства, содержались и в Псковской судной грамоте. В частности, ст. 58 предусматривала ответственность за самовольное и

---

[1] См.: *Ключевский В.О.* Указ. раб. С. 422.

[2] Там же. С. 423.

[3] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. С. 311–312.

[4] См.: Там же. С. 318.

насильственное вторжение в судебное помещение, а также не позволяла вмешиваться в суд посадника и других судей. Причем любому лицу, которое было наделено властью, возбранялось представлять чью-либо сторону в суде, чтобы не допустить давления на судей собственным авторитетом. За это устанавливалось наказание: заключение в колодки (всадити его в дыбу), штраф в пользу князя в размере 1 руб. и подвернику (специальному должностному лицу, следившему за порядком в помещении суда) — 10 денег[1].

В Судебнике 1497 г. содержался состав лжесвидетельства. Так, ст. 67 предписывала публичное объявление (проклинать по торгам) о запрещении взяток и лжесвидетельства[2]. Статьи 2–3 Судебника 1550 г. конкретизировали порядок отправления правосудия и впервые установили ответственность судей за вынесение неправильного решения. В ст. 6 предусматривалась ответственность за ложное обвинение судей в умышленном неправосудии. Жалобник, совершивший фактически ябедничество, наказывался сверх вины (то есть помимо вынесенного ему приговором наказания) дополнительно битьем кнутом и тюремным заключением[3]. Статьей 99 Судебника 1550 г. предусматривалось наказание в отношении послуха (свидетеля), давшего ложные показания[4].

Таким образом, в Судебниках 1497 и 1550 гг. содержались составы неправосудия и лжесвидетельства. И хотя они относились к должностным преступлениям и преступлениям против веры, данные нормы обеспечивали законодательную охрану лиц, обвиняемых в совершении того или иного преступления[5].

---

[1] См.: Там же. С. 369.

[2] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 96.

[3] См.: Там же. С. 131.

[4] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 172.

[5] См.: *Голоднюк М.Н.* История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия // Уголовное право. 2000. № 2. С. 14.

Двинская (ст. 6) и Белозерская (ст. 13) уставные грамоты запрещали самосуд. Борьба с самосудом, последовательно продлевавшаяся уставными грамотами наместничьего управления, свидетельствовала, что крепнущее феодальное государство было заинтересовано в том, чтобы ни одно выступление против господствующего класса не осталось безнаказанным. Установление штрафа за самосуд в точно определенных размерах свидетельствовало также об ограничении произвола наместников[1].

Соборное уложение 1649 г. завершило собой ряд процессов внутренней жизни России и закрепило законом положение государства, создавшееся из этих процессов, к середине XVII в.[2] Нормы Соборного уложения, охранявшие участников судопроизводства, также усовершенствовались. Ими предусматривались незаконные действия, направленные против самого судьи и связанные с ложным обвинением в таких действиях.

Так, ст. 105–107 гл. X «О суде» Соборного уложения 1649 г., посвященной вопросам судопроизводства, предусматривали уголовную ответственность за всякого рода нарушения порядка в суде вплоть до драки между сторонами и убийства. При этом виновные несли двойную ответственность: за неправомерные действия против другого лица и за нарушение порядка в суде. В ст. 106 устанавливалась ответственность за оскорбление, причинение телесных повреждений и убийство судьи[3].

В ст. 162–166 гл. X Соборного уложения обыскные люди (то есть лица, в отношении которых производился обыск), давшие ложные показания, подлежали уголовной ответственности. Наказание определялось в зависимости от социального положения, причем размер штрафа был значительнее у лица, имевшего более высокий социальный статус. Характерно, что наиболее высо-

---

[1] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О.И. Чистякова. С. 198.

[2] См.: *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 т. Т. 2. М., 2002. С. 308.

[3] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / под ред. О.И. Чистякова. М., 1985. С. 113, 297.

кие штрафы брались с духовных лиц. В то же время для крестьян предусматривалось специальное наказание — битье кнутом. Отказ от показаний на повальном (массовом) обыске также наказывался в уголовном порядке[1].

Статьей 104 гл. XXI «О розбойных и о татиных делех» Соборного уложения 1649 г., имевшей своим непосредственным источником Уставную Книгу Разбойного приказа 1616–1617 гг., устанавливалась ответственность для воевод, приказных людей и губных старост за незаконный выпуск из тюрьмы татей и разбойников[2].

Статьей 10 Указа об отмене в судных делах очных ставок 1697 г. за лжесвидетельство предусматривалась смертная казнь: «А буде же кто свидетель скажет во свидетельстве лживо, и про то сыщется ж: и за то его ложное свидетельство казнить смертью ж»[3].

Во времена Петра I Артикул воинский 1715 г. регламентировал ответственность за посягательство на достоинство судей и требовал воздавать им почтение и не чинить препятствий исполнению ими обязанностей (арт. 34 гл. 3)[4]. Артикулы 196–198 гл. 22 Артикула воинского 1715 г. запрещал лжесвидетельство, ответственность за которое была известна еще Соборному уложению 1649 г. и Указу об отмене в судных делах очных ставок 1697 г.[5] Кроме того, в гл. 23 Артикула предусматривалась уголовная ответственность за сопротивление различным судейским служителям, палачам и профосам при исполнении ими служебных обязанностей. Артикул 207 гл. 24 говорит о наказании судейских должностных лиц и профоса, которые по небрежности или в нарушение указа отпустят переданного им преступника[6].

---

[1] См.: Там же. С. 309.

[2] См.: Там же. С. 432.

[3] Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. М., 1986. С. 399.

[4] См.: Там же. С. 334.

[5] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. М., 1986. С. 387.

[6] См.: Там же. С. 388–389.

В Кратком изображении процессов 1715 г. осуществлялась охрана прав и свобод обвиняемого в совершении преступления. Так, на основании охранной грамоты обвиняемый, скрывшийся от преследования, мог свободно явиться в суд и свободно отлучиться от него. Статья 5 гл. 2 ч. 1 указанного документа определяла необходимые элементы содержания охранной грамоты и гарантировала неприкосновенность ее обладателя весьма строгими санкциями, вплоть до «лишения живота», то есть смертной казни[1].

В соответствии с Кратким изображением процессов дача свидетельских показаний являлась обязанностью, отказ от нее был наказуем (ст. 5 гл. 3 ч. 2)[2]. За лжесвидетельство ст. 17 гл. 3 ч. 2 указанного документа предусматривалось весьма строгое наказание вплоть до изгнания на каторгу[3].

Значительный вклад в развитие вопросов охраны прав и свобод участников уголовного судопроизводства внесло Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. В нем предусматривалась охрана прав и свобод не только лиц, осуществлявших правосудие, но и других участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых). Так, ст. 330 Уложения устанавливала наказание за похищение или истребление вещественных доказательств, произведенных с целью затруднить проведение следствия[4]. Данное деяние нарушало права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, так как утрата вещественных доказательств могла привести к оправданию виновного.

О преступных деяниях, связанных с фальсификацией доказательств, говорилось и в ст. 391 Уложения, в которой предусматривалась ответственность должностных лиц, подделывавших подписи, свидетельские показания, состав-

---

[1] См.: Там же. С. 413, 432.
[2] См.: Там же. С. 417, 439.
[3] См.: Там же. С. 418.
[4] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 254–255.

лявших фальшивые акты или оформлявших их задним числом, включавшим в них вымышленные обстоятельства или заведомо ложные сведения[1].

Статья 377 Уложения закрепила положение, в соответствии с которым вводились санкции за незаконное взятие подозреваемого под стражу судебным следователем. По ч. 1 этой статьи ответственность предусматривалась за взятие под стражу без составления постановления об аресте, если у следователя были к этому законные основания; по ч. 2 квалифицировались арест должностным лицом, которое не имело к этому никаких оснований, и арест должностным лицом, которое вообще не имело права на взятие кого-либо под стражу. Права подозреваемого и обвиняемого охранялись также ст. 480 Уложения, устанавливавшей уголовную ответственность за «содержание кого-либо под стражей долее определенного судебным приговором срока без особых законных к тому причин», ст. 482, регламентировавшей ответственность за «всякое против содержащихся под стражею насилие и за употребление какой-либо неуказанной и недозволенной законом меры»[2].

Статья 378 гл. 5 Уложения предусматривала уголовную ответственность за незаконные выемку и обыск[3], а ст. 394–400 — за неправосудие. В этих статьях перечислялись лица, которые, помимо судей, могли привлекаться к ответственности за неправосудие, причем не только в качестве соучастников, но и самостоятельных субъектов данного преступления[4]. Статья 452 Уложения устанавливала ответственность за злонамеренное разглашение материалов суда и следствия обвиняемому в преступлении, могущих привести к сокрытию истины или к избежанию заслуженного им наказания. Наказание по данной статье не зависело от того, сумел воспользоваться полученными сведениями обвиняемый или нет[5].

---

[1] См.: Там же. С. 273.

[2] См.: Там же. С. 298–299.

[3] См.: Там же. С. 377.

[4] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. М., 1988. С. 389.

[5] См.: Там же. С. 292, 402.

Статья 462 Уложения определяла ответственность в отношении следователя за принуждение им обвиняемого к признанию или свидетеля к показаниям посредством угроз или других противозаконных средств. В качестве наказаний в данном случае применялись «строгий выговор с внесением оного в послужной список; вычет от трех месяцев до одного года из времени его службы; отрешение от должности»[1].

Как отмечает М.М. Курбанов, уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. регламентировало сбалансированный уголовно-правовой механизм охраны субъектов уголовного процесса, выступавший важной гарантией осуществления правосудия в тот исторический период[2].

Тем не менее, отдельной главы, объединяющей все преступления против правосудия, в Уложении не содержалось. Права, свободы и законные интересы лиц, участвовавших в отправлении правосудия, охранялись нормами, расположенными в разных главах, например, в гл. 4 разд. 4 «О похищении бумаг или вещей из присутственных мест, сорвании печатей и уничтожении поставленных или приложенных по распоряжению правительства знаков», гл. 2 разд. 5 «О превышении власти и противозаконном оной бездействии», гл. 3 разд. 5 «О противозаконных поступках должностных лиц при хранении и управлении вверяемого им по службе имущества», гл. 5 разд. 5 «О неправосудии», гл. 10 разд. 5 «О медленности, нерадении и несоблюдении установленного порядка в отправлении должности», отд. 1 гл. 11 разд. 5 «О преступлениях и проступках чиновников при следствии и суде», отд. 3 гл. 11 разд. 5 «О преступлениях и проступках чиновников полиции».

Очередной вехой в развитии положений уголовного законодательства, регулировавшего ответственность за совершение преступлений против лиц, участвовавших в уголовном процессе, стало Уголовное уложение 1903 г. — по-

---

[1] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. С. 294.

[2] См.: *Курбанов М.М.* Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук. Махачкала, 2001. С. 37.

следний по времени принятия фундаментальный законодательный акт Российской империи в области материального уголовного права. В истории его создания, содержании и судьбе отчетливо отразились как особенности последних десятилетий существования Российского государства в целом, так и организации законотворческой деятельности, опиравшейся на начальной — законодательной — стадии на науку[1]. В Уголовном уложении 1903 г. основные положения об охране участников уголовного судопроизводства развивались вместе с другими преступлениями против правосудия и были объединены в гл. VII «О противодействии правосудию»[2]. Однако в данной главе были сосредоточены лишь статьи, регламентировавшие уголовную ответственность за преступления, связанные с судебным разбирательством, которые, в основном, были направлены на неправомерные действия в отношении доказательств либо их источников.

В частности, ст. 158 Уложения устанавливала ответственность за дачу заведомо ложных показаний, ст. 159 — за фальсификацию (подделку или переделку) доказательств[3]. Статья 166 Уложения предусматривала уголовную ответственность за повреждение, сокрытие или захват вещественного или письменного доказательства, причем наказание зависело от того, к какому преступлению относилось доказательство. При повреждении, сокрытии или захвате доказательства о преступлении, связанном с посягательством на жизнь императора виновному назначалось наказание в виде каторги; о преступлении, связанном с насильственным посягательством на изменение государственного строя — ссылкой на поселение[4].

---

[1] См.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под ред. О.И. Чистякова. М., 1994. С. 254-255.

[2] См.: Уголовное право: Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. М., 1998. С. 616.

[3] См.: Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 36.

[4] См.: Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб., 1903. С. 311.

Лицо, явившееся к следователю или в суд в качестве свидетеля, понятого, сведущего лица или переводчика, и отказавшееся исполнить свою обязанность, подлежало уголовной ответственности по ст. 172 Уложения[1].

Большинство участников уголовного судопроизводства подлежали охране в соответствии со статьями, содержавшимися в гл. 37 Уложения «О преступных деяниях по службе государственной и общественной». Так, ст. 649 Уложения предусматривалась уголовная ответственность за незаконное лишение свободы, ст. 650 — за незаконное производство обыска[2], ст. 651 — за незаконное производство освидетельствования, ст. 675 — за вынесение неправосудного приговора[3], ст. 676 — за принуждение обвиняемого, свидетеля или сведущего лица к даче показаний[4] и т.д.

Таким образом, начиная со времен Русской Правды, и до начала социалистической эпохи, охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства основывалась на нормах, регулировавших уголовную ответственность за посягательства на отдельных участников процесса. Причем, Уложения 1845 и 1903 гг. создали достаточно стройную, отвечавшую уровню развития науки и потребностям практики того времени систему мер уголовно-правового характера, применяемых к лицам, совершившим преступления. С точки зрения закона единственным уголовно-правовым следствием преступления выступало наказание, в то время как все остальные конструкции представлялись лишь его альтернативой, применение которой обусловливалось либо представлениями о степени вины осужденного, либо сугубо практическими соображениями, связанными с необходимостью в любом случае реализовать уголовное наказание[5].

---

[1] См.: Там же. С. 39.
[2] См.: Там же. С. 135.
[3] См.: Там же. С. 140.
[4] См.: Там же. С. 141.
[5] См.: *Гончаров Н.В.* Влияние дискуссии о предмете уголовного права на эволюцию системы мер уголовно-правового характера на рубеже XIX-XX веков // Общество и право. 2011. № 2. С. 134.

Вместе с тем, начиная со второй половины XIX в., в связи с зарождением российской криминологической науки стали появляться работы о причинах совершения преступлений, условиях, им способствовавших, зарождаться учения о преступности и методах борьбы с ней.

Одним из первых исследователей, призвавших своих коллег включить в науку уголовного права вопрос о детерминантах преступности, был профессор Московского университета М.В. Духовской, который указывал, что преступление не есть явление случайное, не есть результат одной свободной воли человека, а зависит еще от известных постоянных причин. Точное изучение организма человека, условий, в которых он живет, изучение общественного строя и т.д., все это вместе привело к одному убеждению, что главнейшей причиной преступлений являются пороки общественного строя[1].

Таким образом, М.В. Духовской положил начало социологическому направлению криминологических исследований, которое продолжили видные ученые второй половины XIX в. С.К. Гогель, П.И. Люблинский, И.Я. Фойницкий, М.П. Чубинский и др. Представители социологической школы основным элементом механизма преступного поведения считали влияние на личность внешних социальных факторов, хотя и не отрицали значения ее индивидуальных характеристик. Кроме того, важнейшим методом исследования преступности и ее характеристик они считали статистический анализ.

В частности, С.К. Гогель отмечал, что «настоящее и будущее современной преступности с дальнейшим продолжением быстрого развития статистики будет изучаться главным образом при помощи статистического метода»[2]. Тем не менее, исследователями преступности в рамках социологической школы стали разрабатываться и меры предупреждения преступности. Так, в учении о мерах борьбы с преступностью, предложенном С.К. Гогелем, рассматривались

---

[1] См.: *Духовской М.В.* Задачи науки уголовного права // Временник Демидовского юридического лицея. Книга четвертая. Ярославль, 1873. С. 232.

[2] *Гогель С.К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. М., 2009. С. 24.

как репрессивные меры такой борьбы (наказание, психическое принуждение, принудительное воспитание и т.п.), так и превентивные меры. По его мнению, раз преступление — не произведение злой воли, случайной силы, раз это явление социальное, то от него отнимается, так сказать, катастрофический характер: оно подготавливается постепенно, и следовательно, и бороться с ним лучше всего своевременно, предотвращая его наступление[1]. Таким образом, С.К. Гогель предлагал предупреждать не только саму преступность, но и способствовавшие ей факторы в рамках рационального соотношения репрессивных и превентивных методов.

Огромное значение в деле борьбы с преступностью С.К. Гогель придавал общественным институтам. Он предлагал бороться с преступностью, в том числе посредством союзного движения. Под союзами ученый понимал объединения личностей, вполне здоровых экономически и нравственно. Союзы эти поддерживали личность, содействовали ей в достижении целей, в то же время создавали понятие корпоративной чести, чести известного призвания, ее чести и достоинства, социального значения. Для поддержания этого понятия чести союзы осуществляли нравственный надзор над своими сочленами, оказывали на них известное психологическое принуждение угрозой исключения из своей среды, которое влекло потерю чести и социального положения[2].

М.П. Чубинский также рассматривал преступление не только как юридическое понятие, но и как социальное явление, проводя всесторонние исследования взаимосвязи социальной среды и преступности. С его точки зрения, преступность есть следствие каких-то причин; не открыв их и не воздействуя на них, нельзя изменить и следствия. Поэтому руководимая наукой борьба с преступностью должна зиждеться на исследовании причин, которыми обусловли-

---

[1] См.: Там же. С. 333.

[2] См.: *Гогель С.К.* Роль общества в деле борьбы с преступностью. СПб., 1906. С. 267.

ваются возникновение, развитие и изменение преступности[1]. Считая необходимым активно использовать данные социологии для разработки комплексных мер, направленных на предупреждение преступности, М.П. Чубинский предлагал противодействовать факторам, порождавшим преступность. Он писал, что «если трудно мечтать об уничтожении преступности, то можно и должно стремиться к ее уменьшению и ослаблению, а эта благородная цель будет достигнута тем полнее, чем лучше будут изучены факторы преступности и чем интенсивнее пойдет работа, направленная на борьбу с этими факторами, т.е. на предупреждение преступлений, составляющих в массе своей одно из тягчайших социальных зол»[2].

Параллельно с социологическим в России развивалось и антропологическое направление изучения преступности. Его ярчайшим представителем являлся Д.А. Дриль, который так же, как и основатели социологической школы, считал источниками преступного поведения личность и внешнюю социальную среду, однако, в отличие от них, особое внимание уделял индивидуальным факторам преступности.

Будучи выдающимся криминологом России, Д.А. Дриль предлагал новые для того времени методы изучения преступности. Для успешной борьбы с преступностью, по его мнению, необходимо, прежде всего, исследовать самих преступников[3]. Он считал, что «важнее изучать не столько преступление как деяние, а прежде всего самого деятеля, т.е. преступного человека; в то же время преступное деяние также подлежит исследованию, поскольку в нем проявляются особенности преступника»[4]. Неоспоримая заслуга Д.А. Дриля состоит в том,

---

[1] См.: *Чубинский М.П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.Ф. Федорова. М., 2008. С. 49–50.

[2] *Чубинский М.П.* Курс уголовной политики. Ярославль, 1909. С 330–331.

[3] См.: *Дубоносова А.Э.* Исправительные учреждения как инструмент профилактики преступности несовершеннолетних: исторический аспект // Вестник Новгородского государственного университета. 2006. № 38. С. 52.

[4] *Дриль Д.А.* Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды). СПб., 1895. С. 122.

что он впервые в российской науке разработал типологию личности преступника. Объединение личности преступника в типы он проводил по нескольким основания. Так, по общей характеристике процесса оскудения организма Д.А. Дриль выделял слабонервные натуры и личности по типу Рудина и Обломова. Слабонервные натуры, с его точки зрения, уличаются ослаблением жизненного пульса, постепенно все большим усилением отвращения к труду и всякой деятельности, увеличивающимся замиранием лучших сторон человеческой души и усиливающимся упадком волевой власти[1]. Личность преступника по типу Рудина Д.А. Дриль сравнивал с тургеневским персонажем и под ним понимал ленивых, чрезвычайно самолюбивых любителей пожить за чужой счет[2]. При описании типа Обломова за основу им был взят герой одноименного произведения И.А. Гончарова, которого характеризовало «органическое оскудение и изсякновение органических источников жизни»[3].

Д.А. Дриль проводил типологию и по различным видам преступности, давая характеристики мелких профессиональных преступников, мелких воров и т.п.[4] Однако впоследствии большее внимание он стал уделять социальным причинам преступности. Согласно его представлениям люди не рождаются роковыми преступниками, хотя и могут унаследовать особую психофизиологическую организацию, которая предполагает совершение преступления. Но только от окружающей обстановки зависит, станут ли они преступниками[5]. Как и представители социологического направления, Д.А. Дриль рекомендовал вести борьбу не только с преступностью, но и с причинами и условиями, ей способствующими. Он полагал, что для успешной борьбы с явлениями преступности, для их

---

[1] См.: *Дриль Д.А.* Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (частная психология преступности). М., 1890. С. 114–115.

[2] См.: Там же. С. 119.

[3] Там же. С. 144.

[4] См.: Там же. С. 152–162.

[5] См.: *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. С. 39.

устранения необходимо ликвидировать сами их причины, притом не только ближайшие, но и более отдаленные и глубокие[1].

Итак, выдающихся ученых — основателей криминологической науки второй половины XIX – начала XX в. объединяет общность взглядов на основные факторы преступности, а также стремление выработать меры предупреждения не только самой преступности, но и причин и условий, ей способствовавших. Однако это было лишь зарождение учения о мерах борьбы с преступностью и исследователями еще не выделялись ее отдельные виды, не разрабатывались меры предупреждения конкретных преступлений, в том числе и против участников уголовного судопроизводства.

Подводя итоги исследования истории становления и развития мер, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства в дореволюционной России следует сформулировать следующие выводы:

1) изучение правовых источников досоветской России свидетельствует, что со времен Русской Правды в отношении участников судебного разбирательства осуществлялась уголовно-правовая охрана. Причем в большинстве случаев запреты устанавливались за противоправные посягательства, направленные против лиц, наделенных судебной властью. Законодательными актами предусматривалась уголовная ответственность за вмешательство в осуществление правосудия, насильственные и иные противоправные действия в отношении лиц, олицетворявших в те времена суд;

2) дальнейшее развитие российского законодательства привело к совершенствованию положений, охранявших права и свободы участников судебного разбирательства. Начиная с конца XV – первой половины XVI в. до петровских времен законодательные акты были дополнены нормами, предусматривавшими ответственность за нарушение процедуры отправления правосудия: лжесвидетельство, самосуд, вынесение неправосудного решения и т.п.,

---

[1] См.: *Дриль Д.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб., 1912. С. 467.

3) в законах со времен правления Петра I до середины XIX в. предусматривалась охрана прав, свобод и законных интересов не только лиц, осуществлявших правосудие, но и других участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых), то есть перечень участников уголовного судопроизводства, за посягательства на которых устанавливалась уголовная ответственность, значительно расширился;

4) наиболее гармоничная, отвечавшая уровню развития науки и потребностям того времени, система охраны прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств, сформировалась в Уложениях 1845 и 1903 гг. Появились нормы об уголовной ответственности за незаконное задержание и содержание под стражей, фальсификацию доказательств, принуждение к даче показаний и другие, большинство из которых содержится и в современном УК РФ. Кроме того, в Уголовном уложении 1903 г. впервые нормы о преступлениях, посягавших на интересы правосудия, были объединены в гл. VII «О противодействии правосудию»;

5) во второй половине XIX – начале XX в. начала зарождаться отечественная криминологическая наука. Осмысление позиций криминологов того времени позволило констатировать, что большое значение они придавали исследованию причин совершения преступлений и условий, им способствовавших, а также изучению личности преступника. В целях предупреждения преступлений ими предлагалось устранять либо ослаблять причины и условия, порождавшие их, а также воздействовать на личность преступника, являвшуюся источником противоправного поведения. Несмотря на то, что учеными того времени еще не выделялись отдельные виды преступности и не предлагались меры по предупреждению конкретных преступлений, в частности, против участников уголовного судопроизводства, их объединяла общность взглядов на основные детерминанты преступности в целях разработки более или менее эффективных мер борьбы с ней.

§ 2. Развитие мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства в советское и постсоветское время

Вместе с образованием Советского государства формировалось советское социалистическое право. Его первыми источниками являлись декреты, постановления и решения всероссийских съездов советов, ВЦИК и Совнаркома. Первые акты советского уголовного законодательства намечали лишь общие и главные направления политики Советского государства в борьбе с преступностью[1]. При этом ни о какой «рецепции» буржуазного права, ни о какой преемственности права, правовой идеологии не могло быть и речи[2].

В 1918 г. Декретом № 3 «О суде» было запрещено применение старых законов, вновь созданным судам предписывалось руководствоваться декретами Рабоче-Крестьянского правительства и социалистической совестью. Весьма важным актом, определявшим сущность правосудия того времени, были Руководящие начала по уголовному праву РСФСР, утвержденные НКЮ 12 декабря 1919 г. В разделе «Об уголовном правосудии» указывалось, что советское уголовное право в РСФСР осуществляется органами советского правосудия (народным судом и революционными трибуналами)[3].

В связи с проведением в жизнь принципа ответственности должностных лиц и граждан за посягательства на интересы правосудия 24 ноября 1921 г. СНК РСФСР принял Декрет «О наказаниях за ложные доносы», в соответствии с которым «лица подлежали ответственности за заведомо ложные доносы судебной и следственной власти о совершении конкретным лицом преступления и за ложные показания, данные свидетелем, экспертом или переводчиком при дознании, следствии и судебном разбирательстве по делу»[4].

---

[1] См.: История государства и права СССР / под ред. О.И. Чистякова и Ю.С. Кукушкина. Ч. II. М., 1971. С. 81.

[2] См.: *Иванов В.Д.* История развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против правосудия в советский период // Донской юридический институт: Ученые записки. Т. 32. Ростов н/Д, 2006. С. 20.

[3] См.: Курс советского уголовного права: в 5 т. Т. 4: Часть Особенная / отв. ред. Н.А. Беляев. Л., 1978. С. 315–316.

[4] *Иванов В.Д.* Указ. раб. С. 21.

Важнейшим источником уголовного права в первую пятилетку после Октябрьской революции стал Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. Как указывалось в Постановлении ВЦИК о введении в действие УК РСФСР, он был принят «в целях ограждения рабоче-крестьянского государства и революционного правопорядка от его нарушителей и общественно опасных элементов и установления твердых основ революционного правосознания»[1]. В УК РСФСР 1922 г. главы, специально посвященной ответственности за преступления в сфере уголовного судопроизводства, не было[2]. Они находились в четырех различных главах, предусматривающих уголовную ответственность за совершение контрреволюционных преступлений, преступлений против порядка управления, должностных преступлений и преступлений против жизни, здоровья и достоинства личности[3]. Позднее Постановлением 2-й сессии ВЦИК X созыва от 10 июля 1923 г. УК РСФСР 1922 г. был дополнен ст. 104 а, предусматривающей уголовную ответственность за уклонение свидетеля, эксперта, переводчика и понятого от выполнения возложенных на них обязанностей, и ст. 104 б, согласно которой устанавливалась ответственность за незаконное оглашение данных предварительного следствия или дознания, а Декретом ВЦИК и СНК от 25 августа 1924 г. вводилась ответственность за уклонение от выполнения своих обязанностей народных заседателей[4].

Издание Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 года вызвало необходимость в приспособлении республиканских уголовных кодексов к общесоюзному законодательству. Необходимо было пере-

---

[1] См.: История государства и права СССР / под ред. О.И. Чистякова и Ю.С. Кукушкина. Ч. II. С. 204.

[2] УК РСФСР 1922 г. в первоначальной редакции предусматривал уголовную ответственность за постановление судьями из корыстных или иных личных видов неправосудного приговора (ст. 111), незаконное задержание, незаконный привод, а также принуждение к даче показаний при допросе, путем применения незаконных мер со стороны, производящей следствие или дознание (ст. 112), заведомо ложные показания, данные свидетелем, экспертом или переводчиком (ст. 178) и т.д.

[3] См.: *Голоднюк М.Н.* Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия // Вестник Московского ун-та. Сер. 11: Право.1996. № 6. С. 16.

[4] См.: *Иванов В.Д.* Указ. раб. С. 22.

смотреть их под углом зрения тех принципов, которые были зафиксированы в общесоюзном уголовном законодательстве. По этим причинам в ноябре 1926 г. был принят, а с 1 января 1927 г. введен в действие новый Уголовный кодекс РСФСР, который также не содержал специальной главы о преступлениях против правосудия. Посягательство на интересы правосудия рассматривались как иные преступления против порядка управления[1].

После октябрьских событий 1917 г. вопросы предупреждения преступлений исследовались преимущественно благодаря трудам дореволюционных ученых. К числу наиболее серьезных исследований проблем борьбы с преступностью следует отнести труды М.Н. Гернета, которого справедливо можно назвать первым криминологом, ознакомившего как дореволюционное, так и советское общество с социально-экономическими и иными факторами преступности и предлагавшего конкретные меры ее предупреждения. Огромной его заслугой стало обобщение и обнародование статистических сведений о преступлениях, в том числе посягающих на правосудие[2]. Ученый проанализировал колоссальный статистический материал, охватывающий большинство стран мира от времени, когда началось изучение этих вопросов, до второй половины 20-х гг. XX в.[3] Исследования, провидимые М.Н. Гернетом, а также А.А. Герцензоном, В.И. Куфаевым, А.С. Шляпочниковым и другими учеными-криминологами того времени, были свернуты в начале 30-х гг. прошлого столетия, поскольку представители органов государственной власти посчитали пре-

---

[1] К ним относились, в частности, незаконное освобождение арестованного из-под стражи или из мест заключения или содействие его побегу (ст. 81), уклонение свидетеля, эксперта, переводчика или понятого от явки по вызову следственных и судебных органов или отказ от дачи показаний либо исполнения обязанностей (ст. 92), оглашение данных предварительного следствия либо дознания без разрешения соответствующих органов (ст. 96) и др., за исключением отдельных статей, отнесенных к группе должностных — постановления неправосудного приговора (ст. 114) и незаконного задержания или привода (ч. 1 ст. 115), а также принуждения к даче показаний (ч. 2 ст. 115).

[2] «Моральная статистика» (1922 г.), «Преступность за границей и в СССР» (1931 г.).

[3] См.: *Шаргородский М.Д.* Михаил Николаевич Гернет // Гернет М.Н. Избранные произведения / сост. М.М. Бабаев. М., 1974, С. 23.

ступность пережитком прошлого и ее изучение объявили ненужным и даже идеологически невыдержанным.

В конце 50 – начале 60-х гг. XX в. исследования, связанные с вопросами предупреждения преступлений, возобновились в полном объеме и стали появляться фундаментальные работы, посвященные актуальным проблемам борьбы с преступностью. В это время были опубликованы первые теоретические труды, посвященные вопросам изучения преступности, причин и условий, способствующих ей, личности преступника и другим криминологическим проблемам. В тот же период был принят Уголовный кодекс РСФСР 1960 г., в котором преступления против правосудия были выделены в отдельную главу. Как указывает Ю.И. Кулешов, уголовно-правовые нормы, включенные в главу о преступлениях против правосудия, не только защищали интересы собственно судебной деятельности, но и охраняли законную деятельность должностных лиц и граждан, содействующих отправлению правосудия[1].

В УК РСФСР 1960 г. законодатель пошел по пути дифференциации уголовной ответственности за преступления против правосудия, более четкого описания составов их признаков, исключил ряд деяний, не представляющих большой общественной опасности, ввел ответственность за деяния, которые не были предусмотрены предшествующими кодексами. Например, в УК РСФСР 1960 г. были включены такие новые составы преступлений, как привлечение заведомо невиновного к уголовной ответственности, понуждение свидетеля или потерпевшего к даче ложных показаний или эксперта к даче ложного заключения либо подкуп этих лиц и др.[2] Тем самым законодатель расширил перечень участников уголовного судопроизводства, права, свободы и законные интересы которых подлежали уголовно-правовой охране.

---

[1] См.: *Кулешов Ю.И.* Правосудие как объект уголовно-правовой охраны: история и современность // Правоведение. 1999. № 4. С. 83.

[2] См.: *Голоднюк М.Н.* История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия // Уголовное право. 2000. № 2. С. 15.

В продолжившихся в советский период криминологических исследованиях учеными разрабатывались и совершенствовались концептуальные положения о предупреждении преступности, о взаимосвязи устранения или ослабления причин и условий, способствующих совершению преступлений с воздействием на личность преступника. Так, А.Б. Сахаров выделял субъективные (психологические) обстоятельства, влияющие на формирование преступного поведения (темперамент, характер, волевые и эмоциональные свойства личности ит.п.) и объективные (внешние) факторы (недостатки административно-хозяйственной деятельности, формально-бюрократическое отношение к нуждам трудящихся, ненадлежащее поведение других лиц, способствующее совершению преступлений и др.)[1]. Ученый полагал, что изучение личности преступника имеет большое научно-познавательное и практическое значение для успешного решения всего комплекса вопросов, связанных как с конкретным случаем совершения преступления или становления лица на преступный путь, так и с общими задачами борьбы с преступностью и предупреждения преступлений[2].

В те же годы о значении исследования личности преступника в целях предупреждения преступлений говорила и А.Д. Долгова, по мнению которой изучение личности преступника криминологу важно потому, что предупреждать преступления можно, влияя не только на внешнюю среду, но и на личность, а также создавая наиболее благоприятные варианты взаимодействия личности и среды[3].

Значительный вклад в исследование личности преступника в целях предупреждения преступлений внесли также Ю.М. Антонян, А.А. Герцензон, П.С. Дагель, Н.С. Лейкина, Н.А. Стручков, В.Д. Филимонов и многие др.

---

[1] См.: *Сахаров А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР. М., 1961. С. 163–262.

[2] См.: *Сахаров А.Б.* Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. Лекция. М., 1984. С. 39.

[3] См.: *Долгова А.И.* Криминологическое значение изучения личности преступника // Советское государство и право. 1973. № 4. С. 92.

Криминологический интерес представляют и суждения К.Е. Игошева, который особое внимание уделял социальному контролю в обеспечении общей профилактики преступлений. С точки зрения ученого, методы общей профилактики представляют собой систему способов целенаправленного воздействия социальных субъектов на криминогенные факторы, причины преступных проявлений и условия, способствующие совершению преступлений, а также на сознание и поведение членов общества. Такие методы он дифференцировал на экономические, социально-политические, государственно-правовые, социально-психологические, культурно-воспитательные и специальные[1]. Посредством социального контроля в различных сферах деятельности К.Е. Игошев предлагал устранять различного рода детерминанты преступности (экономические, политические, культурно-нравственные и др.).

К.Е. Игошев и Г.М. Миньковский рассматривали профилактику преступлений как деятельность государственных органов, общественности, отдельных граждан, целенаправленную на устранение причин, порождающих правонарушения, и условий, им способствующих, на выявление и устранение деформаций личности, которые, раз возникнув, непосредственно формируют мотивацию правонарушающего поведения[2]. Причем, Г.М. Миньковский огромное значение придавал мерам специальной профилактики. С его точки зрения, недооценка значения точного определения предмета и места специальной криминологической профилактики может повлечь в практике воспитательной работы и борьбы с преступностью ряд трудностей[3].

А.Г. Лекарь, предлагая выявлять и устранять причины, порождающие преступления, и условия, способствующие их совершению, выделял две основные составные части такой деятельности. Это — общая профилактика, пред-

---

[1] См.: *Игошев К.Е.* Социальный контроль и профилактика преступлений: учебное пособие. Горький, 1976. С. 57.

[2] См.: *Игошев К.Е., Миньковский Г.М.* Семья, дети, школа. М., 1989. С. 315.

[3] См.: *Миньковский Г.М.* Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности // Вопросы борьбы с преступностью. 1972. Вып. 17. С. 15.

ставляющая собой выявление и устранение объективных (внешних) причин и условий, и индивидуальная профилактика, предметом которой являются непосредственные (субъективные) причины преступлений и условия, способствующие их совершению, связанные с конкретной личностью[1].

А.Э. Жалинский в деятельности, направленной на предупреждение преступлений, также серьезное внимание уделял исследованию их причин и условий, полагая, что «деятельность по предупреждению преступлений неразрывно связана с состоянием и характером факторов, порождающих преступления, включая особенности личности, с состоянием, структурой и динамикой преступности»[2].

На целесообразность выявления причин преступности и условий, ей способствующих, указывал также И.И. Карпец. Определяя преступность как социальное явление, он считал, что для ее предупреждения принципиальное значение имеет деление причин преступности на общие и конкретные, а также выделение условий, способствующих совершению преступлений[3]. Большое значение И.И. Карпец придавал планированию мер борьбы с преступностью, отмечая, что управлять преступностью нельзя, но можно и нужно на основе глубокого научного анализа управлять процессом борьбы с нею. Это достигается, прежде всего, планированием такой борьбы, постоянным контролем за действиями по предупреждению преступлений[4].

О необходимости планирования, а также прогнозирования мер, направленных на борьбу с преступностью, писал и В.К. Звирбуль. Он полагал, что обоснованность и эффективность системы предупреждения преступности, согласованность всех звеньев (подсистем), правильное определение задач, подлежащих решению, и средств их решения во многом зависят от полноты и точно-

---

[1] См.: *Лекарь А.Г.* Профилактика преступлений. М., 1972. С. 81.

[2] *Жалинский А.Э.* Предмет и система криминологической теории предупреждения преступлений // Советское государство и право. 1976. № 9. С. 88.

[3] См.: *Карпец И.И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976. С. 68.

[4] См.: Там же. С. 145.

сти: а) прогноза тенденций состояния и структуры преступности в зависимости от изменений комплекса причин и условий, влияющих на нее; б) планирования профилактической деятельности[1]. По мнению В.К. Звирбуля, предупреждение преступности в качестве самостоятельного направления должно включаться в комплексное социальное планирование, которое, являясь составной частью плана социального и экономического развития, давало возможность вовлечь в деятельность по предупреждению преступности широкие слои населения. Первенство среди субъектов профилактической деятельности имели трудовые коллективы[2].

В 60-е и последующие годы XX в. криминологи, признавая структурный характер преступности, выделяли по различным основаниям ее отдельные виды, например, насильственную, корыстную, государственную, рецидивную и др. Объектом криминологического изучения становились и группы преступлений, в частности связанные с незаконным оборотом наркотиков, совершаемые иностранными гражданами и т.п. Тем не менее, характеристики совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства как самостоятельного явления в советское время не исследовались.

Начавшаяся в России в конце XX в. судебная реформа потребовала укрепления уголовно-правовых гарантий независимости судебной власти в процессе осуществления правосудия. Это нашло отражение в совершенствовании системы составов преступлений против правосудия, которая в конце 80-х гг. была дополнена нормами об ответственности за вмешательство в разрешение судебных дел (ст. 176.1), об угрозе в отношении судьи и народного заседателя (ст. 176.2), об оскорблении судьи или народного заседателя (ст. 176.3) и

---

[1] См.: *Звирбуль В.К.* Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью // Криминология / отв. ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М., 1979. С. 153.

[2] См.: *Звирбуль В.К.* Планирование социальной политики предупреждения преступности // Планирование мер борьбы с преступностью: сборник статей. М., 1982. С. 56–60.

др.[1] К этому времени в криминологической науке развиваются идеи о комплексном подходе к разработке средств и методов предупреждения преступности. Так, по мнению С.В. Бородина, комплексный подход к вопросам борьбы с преступностью обусловлен тем, что она является междисциплинарной проблемой, в решение которой вносит свой вклад уголовное, уголовно-процессуальное, исправительно-трудовое законодательство, а также рекомендации, разработанные криминологией, криминалистикой, психологией, педагогикой и многими другими сторонами знаний[2]. Эта мысль С.В. Бородина особенно актуальна для исследования проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, поскольку без знаний уголовного процесса, криминалистики и иных наук невозможно разработать и внедрить в практическую деятельность меры предупреждения указанных преступных деяний.

Наиболее остро проблемы предупреждения преступности в целом и против участников уголовного судопроизводства в частности стали ощущаться в годы перестройки и постперестроечное время. Об этом достаточно подробно написал В.В. Лунеев, констатируя, что общим трендом борьбы с преступностью в эти и последующие годы является заметное снижение социально-правового контроля преступности в силу социально-правовой беспомощности перед криминалом и непродуманной гуманности к опасным российским преступникам, которые кроме грубой силы ничего не воспринимают[3]. Автором четко определены тенденции борьбы с преступностью в последние годы, которые характерны для противодействия любым преступным проявлениям. Относительно предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует выделить следующие указанные им тенденции:

---

[1] См.: *Голоднюк М.Н.* История развития законодательства об ответственности за преступления против правосудия // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сборник научных статей. М., 2008. С. 49.

[2] См.: *Бородин С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 17.

[3] См.: *Лунеев В.В.* Эпоха глобализации и преступность. М., 2007. С. 166.

некоторые наши законы по ряду серьезных положений не согласуются с нашими реалиями и традициями, не обеспечиваются организационно и экономически, что существенно снижает эффективность действия законодательства и борьбы с преступностью в целом;

для криминологии и социологии, на основе которых организуется борьбы с преступностью, более важны не идеологические догмы, а фактические криминальные реалии, поэтому общество нуждается в непрерывном системном изучении этих реалий, их тенденций и закономерностей, которые складываются на основе существующего пробельного или криминогенного законодательства;

в настоящее время преступники действуют эффективнее, чем органы правоохраны, поэтому нужны серьезные кадровые реформы, а не просто структурные перестановки избыточного управленческого состава в МВД и других правоохранительных органах;

низкая эффективность борьбы с отдельными видами преступлений[1].

Последняя тенденция особенно характерна для деятельности, направленной на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Вопросы предупреждения преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного процесса, стали наиболее актуальными в постсоветское время, поскольку захлестнувшая страну волна организованной преступности выявила полную неготовность правоохранительных органов к обеспечению государственной защиты участников уголовного судопроизводства[2].

К примеру, 11 июля 1994 г. неподалеку от с. Хрящевка (30 км от г. Тольятти) был убит старший помощник прокурора Самарской области — начальник следственного отдела прокуратуры Р. Ягутян [3].

---

[1] См.: *Лунеев В.В.* Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России // Государство и право. 2004. № 1. С. 12–17.

[2] См.: *Акрамходжаев Б.Т.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук. М., 1992. С. 45.

[3] См.: *Павлов Д.* Помощник прокурора попал в засаду // Коммерсантъ. 1994. 13 июля.

30 августа 1996 г. в Москве в здании Останкинского межмуниципального суда убита судья О. Лаврентьева. Преступник — инвалид II группы В. Иванков — нанес О. Лаврентьевой 13 ножевых ранений и был задержан сотрудниками охраны.

5 марта 1997 г. в г. Дальнереченске Приморского края в собственном доме неизвестными преступниками были расстреляны прокурор города С. Кожушко и его жена. С. Кожушко получил тяжелые ранения в шею и плечо, его жена скончалась.

31 марта 1999 г. в Махачкале расстрелян из автоматов заместитель прокурора Дагестана К. Булатов.

11 ноября 1999 г. в Ессентуках убит заместитель прокурора г. Пятигорск В. Жуков. Четверо неизвестных в масках ворвались в его квартиру и расстреляли в упор[1].

В 1998 г. несколькими убийствами, совершенными одинцовскими бандитами в закрытом городке Власиха, заинтересовался старший следователь 2-го управления спецпрокуратуры Одинцовского района Ю. Керезь. Он быстро вышел на след бригады Белкина (по кличке «Белок») и возбудил одно из первых в России дел по ст. 210 УК РФ (организация преступного сообщества). Вскоре был арестован один из киллеров, который начал давать показания. После этого, как рассказывают оперативники, «Белок» предложил следователю 1 млн долл. США за закрытие дела, а когда тот отказался, приказал подручным его убить. Под видом бомжа киллер по кличке «Аль Капоне» несколько дней дежурил у дома следователя и, наконец, подкараулив возвращавшегося с работы Ю. Керезя, убил его четырьмя выстрелами в голову[2].

Осенью 1998 г. Сухочев совместно с Седенем, который в августе 1997 г. совершил убийство жителя Нижного Тагила, разработали план устранения двух свидетелей указанного преступления. В качестве исполнителей убийства были

---

[1] См.: *Аграновский Д.* Судья — опасная профессия // Особая буква — Он-лайн-журнал. 2010. 12 апр.

[2] См.: *Трифонов В.* «Белок» своих не жалел / Коммерсантъ. 2013. 12 авг.

привлечены Трохолев и Галицын. В октябре 1998 г. Трохолев и Галицын вывезли потерпевших в лес возле с. Корелы Невьянского района, где убили их[1].

На эти обстоятельства обращают внимание многие ученые. Так, по мнению О.А. Зайцева, «изучение правоприменительной практики показывает, что в последнее десятилетие незаконное воздействие на судей, свидетелей, потерпевших, обвиняемых, адвокатов и других участников процесса приобрело характер масштабной социально-правовой проблемы[2]. С.А. Янин указывает, что увеличивается количество случаев незаконного воздействия на свидетелей, потерпевших, а также подозреваемых и обвиняемых, способствующих уголовному судопроизводству»[3].

Согласно взглядам Л.В. Брусницына, «угрозы и насилие в отношении лиц, сотрудничающих с правоохранительными и судебными органами, стали наиболее распространенным средством подрыва системы уголовного правосудия; обеспечение безопасности таких лиц отнесено к «глобальным» проблемам в сфере борьбы с преступностью»[4].

С.А. Денисов полагает, что насилие над судьями и прокурорско-следственными работниками, представителями других правоохранительных органов вплоть до физического устранения есть прямое следствие и форма проявления экономических и социально-политических противоречий. Случаи насилия над судьями, прокурорами, следователями, милиционерами и другими служителями «Фемиды» — не редкое и не случайное явление в российской действительности[5].

---

[1] См.: *Дегтярев Д.* В Свердловской области будут судить банду из лихих 90-х // Свободная пресса. 2013. 24 июня.

[2] *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. М., 2002. С. 6.

[3] См.: *Янин С.А.* Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 12.

[4] *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2002. С. 4.

[5] См.: *Денисов С.А.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. … д-ра юрид. наук. СПб., 2002. С. 11.

С точки зрения В.В. Намнясевой, в настоящее время преступное воздействие на участников уголовного судопроизводства приобрело угрожающие масштабы как на внутригосударственном уровне, так и на уровне мирового сообщества[1].

Т.Н. Нуркаева и Я.В. Линевич отмечают, что «сложившаяся в 90-е годы прошлого столетия ситуация привела к устойчивой тенденции роста случаев воздействия преступников и связанных с ними лиц на потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства с целью воспрепятствования установлению истины по уголовным делам»[2].

С точки зрения С.Л. Марченко, процесс демократизации общества связан с необходимостью укрепления законности. При решении этой масштабной задачи важное значение имеет обеспечение правовой защищенности граждан, попавших в сферу уголовного судопроизводства[3].

Приведенные суждения подтверждают актуальность и необходимость исследования проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Хотелось бы подчеркнуть, что в советское время и до окончания XX в. более защищенными были участники, непосредственно осуществлявшие правосудие, то есть лица, вершившие суд. Потерпевшие, свидетели, обвиняемые и т.п. были практически не защищены от преступных воздействий или их защита явилась малоэффективной. Указанные лица попадали под защиту в том случае, если в отношении них уже были совершены преступления, поскольку еще не

---

[1] См.: *Намнясева В.В.* Проблемные вопросы ответственности за преступления против жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2012. № 4. С. 73.

[2] *Нуркаева Т.Н., Линевич Я.В.* О разграничении составов преступлений, предусматривающих ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении лиц, подлежащих государственной защите, и совершенствование их законодательной конструкции // Вестник ВЭГУ. 2014. № 4. С. 47.

[3] См.: *Марченко С.Л.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1994. С. 1.

было законодательных актов о защите участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств.

Не решало эту проблему и уголовно-процессуальное законодательство. Как верно отмечает С.А. Янин, «нормы о защите лиц, участвующих в уголовном процессе, были включены в законодательство в 90-е гг. XX столетия, когда интенсивно реформировалась общественная жизнь страны. До этого проблемы обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству, ни учеными, ни практиками остро не ставился. Таковых норм не существовало ни в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., ни в уголовно-процессуальных кодексах 1922, 1923, 1961 гг.»[1]

Принятая 12 декабря 1993 г. Конституция РФ является документом, обладающим высшей юридической силой, и имеет важнейшее значение в вопросе разработки мер, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства. УК РФ 1996 г. сохранил главу, которая охраняет интересы правосудия, вследствие чего за преступные посягательства в отношении участников уголовного судопроизводства нормами, объединенными в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия», предусмотрена уголовная ответственность. Примечательно, что зарубежные ученые положительно восприняли новое российское уголовное законодательство. В частности, S. Pomorsky пишет об обоснованности принятия УК РФ в 1996 г. и координации его с уголовно-процессуальным законодательством[2].

Вопросы безопасности участников уголовного судопроизводства регулируются в настоящее время ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241, ч. 5 ст. 278 УПК РФ. Кроме того, следует выделить ряд законов, специально регламентирующих вопросы противодействия преступным посягательствам в отношении данных лиц. К таковым можно отнести, в частности, Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 7 марта

---

[1] *Янин С.А.* Указ. раб. С. 18.

[2] См.: *Pomorsky S.* Reflections on the First Criminal Code of Post-Communist Russia // American Journal of Comparative Law, 1998. № 46-2. P. 375–393.

2018 г.)[1]; Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 6 июля 2016 г.)[2]; Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-I «О прокуратуре Российской Федерации» (в ред. от 31 декабря 2017 г.)[3]; Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (в ред. от 7 марта 2018 г.)[4]; Федеральный закон от 15 июля 1995 г. «О содержании под стражей подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений» (в ред. от 28 декабря 2016 г.)[5]; Федеральный закон от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» (в ред. от 1 июля 2017 г.)[6]; Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 7 февраля 2017 г.)[7] и др. Однако каждый из указанных законов решает лишь отдельные задачи. К сожалению, в современной России комплексные мероприятия по предупреждению преступлений против всех участников уголовного судопроизводства не проводятся, вследствие чего такое предупреждение нельзя признать эффективным.

Следует также отметить, что вопросы противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства начали активно обсуждаться и разрабатываться лишь в конце XX – начале XXI в. специалистами в области уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности[8].

---

[1] См.: Российская газета. 2011. 8 февраля; СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1591.
[2] См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.
[3] См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 8. Ст. 366; СЗ РФ. 2018. № 1. Ст. 76.
[4] См.: СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269; 2018. № 11. Ст. 1591.
[5] См.: СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759; 2017. № 1. Ст. 44.
[6] См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 2017. № 27. Ст. 3945.
[7] См.: СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; 2017. № 7. Ст. 1026.
[8] См., например: *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1999; *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. … д-ра юрид. наук; *Епихин А.Ю.* Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук, Сыктывкар, 2004.

Криминологическим проблемам в сфере предупреждения преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, посвящено исследование И.А. Бобракова, который основной акцент делает на совершенствование уголовно-правовой охраны прав и законных интересов указанных лиц от совершения в отношении них лишь насильственных преступлений против правосудия[1]. В рамках исследования преступлений против правосудия вопросы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства разрабатывались также К.А. Красновой, Г.П. Лозовицкой, Н.А. Тарасовым и некоторыми другими авторами[2]. Исследуются в настоящее время меры предупреждения и в отношении отдельных участников уголовного судопроизводства[3].

Однако целостной и криминологически обоснованной концепции предупреждения преступлений против всех без исключения участников уголовного судопроизводства в криминологической теории и практике борьбы с преступностью, к сожалению, до сих пор не имеется.

Результаты исследования проблем противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства в советский и постперестроечный периоды позволили сформулировать ряд основных выводов, которые характеризуют общие тенденции как уголовно-правовой охраны прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном процессе, так и предупреждения совершаемых в отношении них преступлений:

---

[1] См.: *Бобраков И.А.* Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005.

[2] См.: *Краснова К.А.* Правовые и организационные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел // Российский следователь. 2015. № 22. С. 38–41; *Лозовицкая Г.П.* Преступления против участников уголовного судопроизводства. М., 2008; *Тарасов Н.А.* Криминологическая теория и практика предупреждения преступлений против правосудия. М., 2005.

[3] См.: *Мальцева Н.В.* Правовое регулирование обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению свободы: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2007; *Волошина О.П.* Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против правосудия, совершаемых в отношении свидетелей и потерпевших: дис. … канд. юрид. наук. М., 2010; *Кудряшов Э.Е.* Обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых от криминальных угроз в следственных изоляторах: дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2011 и др.

1) с первых дней образования Советского государства и до 60-х гг. XX в. ответственность за преступления против участников уголовного судопроизводства была регламентирована сначала декретами, постановлениями и иными документами советских государственных органов, а затем УК РСФСР 1922 и 1926 гг. Тем самым предупреждение данных общественно опасных деяний реализовывалось посредством юридической охраны, осуществляемой нормами уголовного законодательства;

2) в УК РСФСР 1960 г. преступления против правосудия были выделены в отдельную главу. Включенные в нее уголовно-правовые нормы охраняли права, свободы и законные интересы как должностных лиц, осуществляющих правосудие, так и граждан, содействующих его отправлению;

3) после октябрьских событий 1917 г. и до 30-х гг. прошлого столетия продолжились ранее начатые исследования проблем предупреждения преступности. Однако в начале 30-х гг. криминологические учреждения были ликвидированы по идеологическим соображениям, изучение преступности объявлялось ненужным и вредным. После возрождения криминологической науки в конце 50-х гг. стали развиваться учения о преступности, мерах борьбы с ней, личности преступника, причинах преступности и условиях, ей способствующих. Тем не менее, несмотря на то, что уже в советское время стали изучаться отдельные виды преступности и разрабатываться меры предупреждения конкретных преступлений, общественно опасные посягательства на участников уголовного судопроизводства не выделялись в качестве самостоятельного объекта криминологического исследования;

4) с начала 90-х гг. XX в. участники уголовного судопроизводства стали подвергаться небывалым ранее массовым преступным посягательствам. Преступления совершались как в отношении судей, прокуроров, следователей и иных должностных лиц, так и в отношении свидетелей, потерпевших и других граждан, содействующих правосудию. Уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов указанных лиц, осуществляемая нормами УК РФ 1996 г., оказалась недостаточной мерой противодействия данным преступлениям;

5) со второй половины 90-х гг. стали приниматься нормативные акты, регулирующие вопросы борьбы с преступлениями против участников уголовного судопроизводства. Нормы, обеспечивающие безопасность лиц, содействующих правосудию, появились и в принятом в 2001 г. УПК РФ. В этот период стали активно разрабатываться меры, направленные на предупреждение преступлений рассматриваемого вида. Однако они сводились в основном к принятию специальных законов, совершенствованию уголовной ответственности за преступления против участников уголовного судопроизводства либо обеспечению их защиты, базирующейся на процессуальном и ином законодательстве.

§ 3. Зарубежный опыт предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

Зарубежные страны стали уделять особое внимание проблемам безопасности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, еще в 40-е гг. прошлого столетия. О необходимости такой безопасности впервые было указано во «Всеобщей декларации прав человека», принятой и провозглашенной резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г.[1]

Несмотря на то, что Декларация 1948 г. является документом рекомендательного характера, в ее положениях получили отражение непреходящие идеи о защите прав человека, которые в последующем были восприняты международным сообществом и заложены в иные международные нормативные правовые акты. В частности, ст. 3 названного документа закрепляет право каждого на жизнь, свободу, личную неприкосновенность; ст. 7 предусматривает право каждого, без всякого различия, на равную защиту закона; ст. 8 указывает на необходимость существования эффективно работающей системы охраны прав человека; ст. 12 предусматривает в том числе защиту от посягательств на неприкосновенность жилища.

---

[1] См.: Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. М., 1998. С. 39–44.

Таким образом, вышеуказанные и иные положения Декларации 1948 г. представляют собой свод основополагающих принципов и стандартов в области защиты прав человека, который определил дальнейшее направление формирования международного и национального законодательства государств в сфере защиты прав человека, в том числе в рамках уголовно-процессуальных правоотношений[1].

Резолюцией 3452 (XXX) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1975 г. была принята «Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания»[2], а 29 ноября 1985 г. на 96-м пленарном заседании резолюцией 40/34 Генеральной ассамблеи ООН — «Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью»[3].

Данная Декларация, с точки зрения зарубежных авторов, повысила интерес многих государств к проблемам жертв преступлений и побудила их принимать организационно-правовые меры в целях оптимизации уголовно-процессуального и социально-правового положения потерпевших от преступлений[4].

Кроме того, Советом Европы были приняты следующие документы: «Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод» от 4 ноября 1950 г.[5], «Европейская Конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам» от 20 апреля 1959 г.[6], «Европейская Конвенция о возмещении ущерба

---

[1] См.: *Иванов И.С.* Международные стандарты Организации Объединенных Наций в области защиты участников уголовного судопроизводства // Административное право и процесс. 2016. № 1. С. 72–73.

[2] См.: *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса / под ред. С.П. Щербы. М., 1997. С. 10.

[3] См.: Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. М., 1998. С. 165–167.

[4] См.: *Waller I.* Victims versus Regina Malefactor: Justice for the Next 100 Years // Criminal Law in Action. Anthem, 1987. P. 421-422.

[5] Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. С. 539–551.

[6] См.: Там же. С. 596–602.

жертвам насильственных преступлений» от 24 ноября 1983 г.[1], «Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания» от 28 ноября 1987 г.[2] и др.

В 1990 г. на VII Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями введен в действие правовой акт «Меры по борьбе с международным терроризмом», имеющий три самостоятельных раздела: «Защита судей и работников уголовного правосудия», «Защита жертв», «Защита свидетелей». Государствам было рекомендовано разрабатывать политику и принимать меры по защите жертв и свидетелей преступлений[3].

На X конгрессе ООН (Вена, 10–17 апреля 2000 г.) вступила в силу «Венская декларация о преступности и правосудии: ответы на вызовы XXI века», в соответствии с которой государствам рекомендовано принимать национальные планы действий в поддержку жертв преступлений, укреплять службы по оказанию помощи потерпевшим и свидетелям и проводить политику защиты свидетелей[4].

В Риме дипломатической конференцией полномочных представителей (в том числе России) под эгидой ООН 17 июля 1998 г. был принят Римский Статут Международного уголовного суда, в котором содержались Принципы, гарантирующие права и интересы жертв в ходе разбирательства в Международном уголовном суде[5].

В указанных документах регламентированы основные принципы международного сотрудничества в противодействии преступным посягательствам в отношении личности, а также участников уголовного судопроизводства. Однако в отдельных зарубежных государствах рассматриваемые проблемы решались

---

[1] См.: Там же. С. 606–609.

[2] См.: Там же. С. 620–624.

[3] *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. С. 113.

[4] См.: *Лунеев В.В.* Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов // Государство и право. 2000. № 9. С. 95–100.

[5] См.: *Евстратенко Е.В.* Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 98.

по-разному, в зависимости от развития законодательства этих стран, национальных и иных особенностей, традиций и т.п.

Значительный опыт в предупреждении преступлений против участников уголовного судопроизводства накоплен США, где еще в 1968 г. вступил в силу Комплексный закон «О контроле над преступностью», на основании которого в целях обеспечения безопасности свидетелей правоохранительным органам предоставлялось право использовать видеозапись их показаний. Причем суд принимал такие показания в качестве доказательств, если это необходимо в интересах государства[1]. С 1971 г. в США осуществляется финансируемая государством Федеральная программа защиты свидетелей, выступающих в судах с показаниями против опасных преступников. 12 октября 1982 г. в США принят Закон «О защите жертв и свидетелей преступлений»[2]. Помимо этого, в стране действует специальный закон «Об усилении безопасности свидетеля»[3] и др.

Все это привело к тому, что в США сформировалась система, основанная на принципе верховенства закона, гарантирующая независимость суда от правительства, от прокурорской службы и, тем более, от участвующих в процессе сторон. Судьи крайне щепетильны к тому, что касается возможности давления на них. Адвокат, который попытается обсудить с судьей обстоятельства рассматриваемого дела наедине, без адвоката другой стороны, нарушает закон. Попытка как-то повлиять на судью легко может привести в тюремную камеру. Прокурор пытается доказать суду справедливость предъявленного обвинения, выступая при этом на равных с адвокатом. Прокурору приходится даже труднее: против него — презумпция невиновности обвиняемого[4]. Кроме того, в США во многих штатах имеются законы, регламентирующие различного рода компенсации жертвам и свидетелям преступлений. Уголовно-процессуальный

---

[1] См.: *Гриб В.Г., Зернова Т.М., Бурова Л.Б.* О состоянии и мерах борьбы с организованной преступностью в некоторых зарубежных странах: обзор. М., 1990. С. 55.

[2] См.: *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. С. 154.

[3] См.: Закон о контроле за организованной преступностью в США // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати): ежемесячный информационный бюллетень. М., 1991. Вып. № 10. С. 22–40.

[4] См.: *Дональд Э.* Судья, прокурор, политика и деньги // Новое время. 1990. № 17. С. 3.

закон штата Нью-Йорк предусматривает защиту жертв «семейных» и других преступлений[1].

Как указывает Л.В. Брусницын, «в США лица, оказывающие содействие правосудию, при условии их защиты от посягательств готовы оказывать помощь государству в борьбе с преступностью. Разработано около 600 различных программ взаимодействия правоохранительных органов и населения, в том числе в целях раскрытия преступлений. Лица, располагающие сведениями о преступлении, могут сообщить их по телефону в полицию анонимно. Если сведения оказались полезными для расследования преступления, то по присвоенному для обеспечения безопасности номеру выплачивается денежное вознаграждение. Такая форма взаимодействия помогает раскрывать преступления, не поддающиеся расследованию традиционными способами»[2]. Например, в Нью-Йорке создана специальная телефонная линия связи для жертв преступлений. По телефону свидетель, потерпевший, а также их адвокаты могут узнать, где отбывает наказание лицо, в отношении которого были даны показания, а также срок его освобождения[3]. В США правоохранительные органы ведут статистику жертв преступлений, имеющую огромное значение для определения не только социальных последствий преступности, но и для разработки предупредительных мер[4].

Из приведенных примеров видно, что в США достаточно хорошо развита система предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, основанная на многих законодательных актах, обеспечивающих безопасность лиц, содействующих правосудию. Уголовным же законодательством охраняются в основном субъекты, осуществляющие правосудие. Так, гл. 21 разд. 18 Свода законов США устанавливает, что суд по своему усмотрению

---

[1] См.: *Щерба С.П. Зайцев О.А.* Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам. М., 1996. С. 25.

[2] *Брусницын Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. … д-ра юрид. наук. С. 95.

[3] См.: *Евстратенко Е.В.* Указ. раб. С. 96.

[4] См.: *Квашис В., Вавилова А.* Поможем жертвам преступления // Российская юстиция. 1994. № 4. С. 50.

наказывает штрафом или тюремным заключением действия, которые квалифицируются как неуважение к суду. Глава 73 разд. 18 Свода законов предусматривает уголовную ответственность за воспрепятствование отправлению правосудия[1]. По мнению Е.Ю. Хлопцевой, уголовное право США в целом восприняло английскую концепцию применения института «неуважения к суду». Англо-американская уголовно-правовая доктрина определяет неуважение к суду как «действия, причиняющие вред правосудию, или препятствуют его осуществлению»[2].

Как указывает И.С. Иванов, обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства в США осуществляется по двум основным направлениям:

установление правовых норм, предусматривающих наказание за совершение противоправных действий в отношении участников уголовного судопроизводства;

реализация на практике комплекса организационных мер по обеспечению правовой и физической защиты участников этого процесса.

При этом правовой основой деятельности по защите участников уголовного судопроизводства являются положения гл. 73 (Препятствование отправлению правосудия) ч. 1 (Преступления) разд. 18 (Преступления и уголовные процедуры) Свода законов США[3].

В Канаде, как и в США, достаточно эффективно функционирует Программа по защите свидетелей (Закон Канады С–13 от 20 июня 1996 г.), которая осуществляется Управлением борьбы с наркотиками Канадской Королевской Конной Полиции. Именно это подразделение полиции задолго до принятия указанного документа оказывало содействие участникам процесса в обеспечении

---

[1] См.: *Хлопцева Е.Ю.* Уголовно-правовая охрана правосудия: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1995. С. 46.

[2] См.: Там же. С. 43.

[3] См.: *Иванов И.С.* Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве // Российский следователь. 2013. № 6. С. 43–44.

их безопасности. Программа по защите свидетелей действует на общенациональном уровне, и участники процесса могут воспользоваться ею в любой точке Канады. Как утверждает М.П. Фадеева, большинство дел, где она использовалась, завершалось осуждением преступников с помощью показаний свидетелей. Не зафиксировано ни одного случая убийства свидетеля за все время действия Программы[1]. Свидетель, находившийся под ее защитой, получал возможность компенсировать затраты на проживание на новом месте, а финансовая помощь оказывалась ему до тех пор, пока он не находил средств к существованию. Как только человек адаптировался к новым условиям, субсидии уменьшались и постепенно сводились на нет[2].

Свидетель, принятый в Программу, охранялся до конца жизни. Однако в случаях, если защищаемое лицо требовало выхода из Программы, если было замечено, что он вовлекался в незаконную деятельность или отказывался выполнять соответствующие инструкции, соглашение с ним о защите расторгалось[3].

Нормативно-правовая база защиты участников уголовного судопроизводства создана и эффективно действует и в западноевропейских странах. Ее положения направлены на защиту, прежде всего, наиболее уязвимого звена — свидетелей, а также структур, обеспечивающих исполнение принятых на основе закона мер защиты. При этом под защитой свидетелей понимается обеспечение их анонимности, предотвращение публичного разглашения установочных данных, особенно тех свидетелей, здоровье и жизнь которых находятся под

---

[1] См.: *Фадеева М.П.* Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. … канд. юрид. наук. М., 2006. С. 83.

[2] См.: Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской Королевской Конной полицией // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. М., 2000. С. 345–350.

[3] См.: О количестве защищаемых лиц, принятых в Программу: Программа по защите свидетелей. Ежегодный отчет // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. М., 2000. С. 351–352.

угрозой реальных посягательств со стороны преступных элементов. Высшей формой такой защиты является конструирование для свидетеля «новой личности» — изготовление документов с другими установочными данными, создание правдоподобной легенды-биографии и переселение на новое место жительства[1].

В Германии в течение длительного периода проводятся мероприятия, направленные на защиту лиц, вовлеченных в судопроизводство, но они базируются на ведомственных подзаконных актах Министерства внутренних дел и Министерства юстиции. В конце 1996 г. Федеральное министерство юстиции Германии подготовило «Обзор по защите свидетелей», на основе которого в 1998 г. был принят Закон «О регулировании вопросов обеспечения защиты свидетелей, которым угрожает опасность»[2].

Уголовное законодательство Германии, в отличие от УК России, рассматривает участников процесса достаточно широко. Так, согласно УК Германии уголовно-правовой охране от неправомерных действий должностных лиц подлежат лица, вовлеченные не только в уголовное судопроизводство, но и в гражданский процесс, в дисциплинарное производство, производство по делам об административном задержании[3].

Однако в УК Германии отсутствует раздел, аналогичный гл. 31 УК РФ, регламентирующий уголовную ответственность за совершение преступлений против правосудия, в том числе и участников уголовного судопроизводства. Немецкий ученый Т. Формбаум пишет, что термин «Rechtspflegedelikte» («Преступления против правосудия») не упоминается ни в одном промежуточном заголовке, ни в одном параграфе, что в комплексе «Защита правосудия» упорядо-

---

[1] См.: *Иванов И.С.* Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве // Российский следователь. 2013. С. 44.

[2] *Мертен У.* Меры по защите уязвимых лиц, программы защиты свидетелей и органы, их реализующие // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. С. 184.

[3] См.: *Попова Л., Попов Н.* Законодательство об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: исторические и сравнительно-правовые аспекты // Уголовное право. 2003. № 3. С. 53.

чены лишь некоторые деликты. Черта защиты правосудия видна применительно к криминальным показаниям («Aussagedelikte»), сгруппированным и выделенным законодателем[1]. Защита прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства в Германии осуществляется и уголовно-процессуальным законодательством. Так, например, в соответствии с § 247 УПК ФРГ суд вправе удалить из зала суда подсудимого во время допроса свидетеля, если есть основания опасаться, что присутствие подсудимого будет препятствовать даче показаний свидетелей[2].

А.А. Юнусов отмечает, что еще в 1989 г. для более эффективной борьбы с организованной преступностью в ФРГ Министерство внутренних дел и Министерство юстиции создали совместную комиссию, задача которой состояла в подготовке предложений по усовершенствованию практики обеспечения безопасности свидетелей.

В.А. Казакова по этому поводу уточняет, что защита участников уголовного процесса в ФРГ от угроз со стороны преступников — одна из актуальнейших проблем, от решения которой зависят эффективность правосудия в целом и в частности возможность привлечения к ответственности лиц, совершивших тяжкие и особо тяжкие преступления в составе организованных преступных сообществ[3].

Парламент Великобритании в 1981 г. обсудил и принял Закон о неуважении к суду. Как видно, в данном случае уголовное законодательство обеспечивало охрану лиц, отправляющих правосудие. В то же время в 1988 г. в Великобритании появился Закон «О защите жертв преступлений», в котором достаточно подробно раскрывались вопросы, касавшиеся обеспечения государственной защиты потерпевших и свидетелей[4].

---

[1] См.: *Vormbaum T.* Der strafrechtliche Schutz des Strafurteils. Untersuchungen zum Strafrechtsschutz des strafprozessualen Verlarenzieles. Berlin, 1987. S. 8–10.

[2] См.: *Филимонов Б.А.* Основы уголовного процесса Германии. М., 1994. С. 67.

[3] См.: *Казакова В.А.* Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ // Государство и право. 2000. № 9. С. 74–80.

[4] См.: *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. С. 206.

В Австрии Основной программой защиты свидетелей стали внесенные в 1993 г. в Уголовно-процессуальный кодекс изменения. Законодательно был определен круг свидетелей по делам о государственных преступлениях, подлежащих включению в данную программу. С 1 августа 1999 г. в МВД Австрии действует Департамент 11/16, который осуществляет централизованное руководство рассмотрением дел по защите свидетелей на территории государства[1].

Во Франции руководство программами, связанными с защитой участников уголовного судопроизводства, осуществляет Бюро по делам жертв преступлений при Министерстве юстиции[2]. 2 февраля 1981 г. в стране принимается Закон № 81-82 «Об усилении безопасности и защиты свободы личности», повысивший гарантии личных прав и свобод участников процесса путем внесения соответствующих инноваций в УПК[3], а 8 июля 1983 г. — Закон «Об усилении защиты потерпевших от преступлений»[4]. И хотя, как отмечает А.А. Юнусов, в УПК Франции появились нормы о защите свободы личности, специальных положений, посвященных исключительно защите свидетеля, в нем нет. Она реализовывается способами общего характера[5]. УПК Франции, провозгласив принцип гласности, ограничил его теми случаями, когда гласность «опасна для общественного порядка или нравов». В соответствии с одной из последних поправок, внесенных в УПК Франции, свидетелям разрешается указывать не свой домашний адрес, а адрес ближайшего комиссариата или бригады жандармерии. Таким же правом наделяются полицейские и жандармы. В результате рассмот-

---

[1] См.: Правовые основы защиты свидетелей в Австрии // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. М., 2000. С. 251–252.

[2] См.: *Меньших А.А.* О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции // Журнал российского права. 1999. № 3–4. С. 164–165.

[3] См.: *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. С. 156.

[4] *Боботов С.В*. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития. М., 1989. С. 103.

[5] См.: *Юнусов А.А.* Обережение участников уголовного процесса и их ближних: дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1998. С. 83.

рение материалов дела не позволяет выяснить личный адрес свидетеля[1]. В стране существует уголовная ответственность за понуждение свидетеля к даче ложных показаний[2].

Французский УК содержит гл. 4 «О посягательствах на деятельность суда» (разд. III), объединяющую три раздела:

I. О воспрепятствовании судебному преследованию;

II. О воспрепятствовании отправлению правосудия;

III. О посягательствах на судебную власть[3].

В Италии с 1984 г. наличествует Программа защиты свидетелей, руководство которой осуществляется через центральную службу в рамках Департамента общественной безопасности МВД и через Канцелярию Государственного обвинителя по делам, возбужденным против мафии[4].

В 2005 г. в Македонии был принят Закон о защите свидетелей, напечатанный в «Служебном вестнике Республики Македонии» от 26 мая 2005 г. № 38. Правовой основой для принятия данного Закона послужили опубликованные изменения и дополнения в Закон об уголовном процессе в 2004 г. путем внесения отдельной главы «Защита свидетелей, лиц, сотрудничающих с правосудием, и жертв преступлений»[5].

В Японии функционирование механизма государственной защиты участников уголовного судопроизводства, включая должностных лиц судебных, правоохранительных и контролирующих органов, определяется целым рядом законодательных актов, включая Конституцию страны, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Японии, Закон о судах, о прокуратуре, адвокатуре,

---

[1] См.: *Юнусов А.А.* Указ. раб. С. 84.

[2] См.: Там же. С. 83–84.

[3] См.: *Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис. … д-ра юрид. наук. Казань, 2000. С. 39.

[4] См.: *Зайцев О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса. С. 197.

[5] См.: *Тупанчески Н.* Закон о защите свидетелей в Республике Македонии // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и Республике Македонии: сборник научных статей. М., 2006. Вып. 1. С. 499.

полиции, а также иные подзаконные акты, регулирующие упомянутую сферу правоотношений. Отдельное место в системе государственной защиты японская законодательная и правоприменительная практика отводят институту свидетелей. В отсутствие специального органа функции по защите свидетелей возложены на Главное полицейское управление и прокуратуру[1].

В Украине 23 декабря 1993 г. были приняты законы «О государственной защите работников суда и правоохранительных органов» и «Об обеспечении безопасности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве». В Казахстане 15 января 1993 г. принято Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан № 35 «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности должностных лиц органов государственной власти и управления»[2]. С 28 января 1998 г. в Молдове действует Закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и других лиц, содействующих уголовному судопроизводству»[3].

Кроме того, в государствах — бывших союзных республиках — осуществлялась и продолжает осуществляться уголовно-правовая охрана прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и обеспечение их безопасности уголовно-процессуальными средствами.

В 1960-х гг. УК Эстонии ст. 172 предусмотрел уголовную ответственность за посягательства в отношении некоторых участников уголовного судопроизводства. Устанавливалась уголовная ответственность за насилие или угрозу насилия в отношении свидетеля, потерпевшего, эксперта, специалиста, переводчика, понятого при условии, что насилие применялось с целью воспрепятствования осуществлению правосудия или из мести этим лицам за выполне-

---

[1] См.: *Иванов И.С.* Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве // Российский следователь. 2013. С. 47.

[2] См.: *Тупанчески Н.* Закон о защите свидетелей в Республике Македонии // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и Республике Македонии: сборник научных статей. М., 2006. Вып. 1. С. 212–213.

[3] См.: Законодательство Молдавии о защите свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. С. 299.

ние своих обязанностей, или в отношении лица, совершившего преступление, а также в целях сокрытия других соучастников преступления или из мести за их разоблачение[1].

Аналогичные нормы содержались и в УК Киргизии, в отличие от УК Эстонии ограничивавшем перечень участников процесса, в отношении которых обеспечивались меры уголовно-правовой охраны. В ст. 194 устанавливалась ответственность за угрозу убийством, истреблением имущества или насилием в целях воспрепятствования осуществлению правосудия или из мести за данные показания по уголовному делу только в отношении свидетелей[2].

В Республике Таджикистан процесс обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства регулируется как нормами уголовно-процессуального закона, так и принятым в 2010 г. специальным правовым актом – Законом Республики Таджикистан «О государственной защите участников уголовного судопроизводства».

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Республики рассматривает безопасность участников процесса как важный составной элемент принципа «охраны прав и свобод личности при производстве по уголовным делам» (ст. 12 УПК Республики Таджикистан). Так, в ч. 3 ст. 12 УПК Республики Таджикистан установлена обязанность принятия мер безопасности со стороны суда, судьи, прокурора, следователя, дознавателя в пределах их компетенции при наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства угрожают опасными противоправными действиями[3]. Кроме того, в УК Республики Таджикистан предусмотрена уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

---

[1] См.: *Томин В.Т.* Уголовное судопроизводство: революция продолжается. Горький, 1989. С. 96.

[2] См.: *Епихин А.Ю.* Законодательство зарубежных стран, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. Сыктывкар, 2003. С. 10.

[3] См.: *Дмитриева А.А.* Правовое регулирование процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в нормах УПК Республики Таджикистан // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 6. С. 20.

Нормы, содержащиеся в гл. 32 «Преступления против правосудия»[1], во многом совпадают с нормами гл. 31 УК РФ.

Верховный Совет Латвийской Республики 13 августа 1991 г. принял Закон о внесении изменений и дополнений в УПК, на основании чего в него были включены нормы, обеспечивающие процессуальную безопасность участников уголовного судопроизводства[2]. В 2005 г. Латвия, Литва и Эстония подписали Соглашение о сотрудничестве в области защиты свидетелей, которое предусматривает равные возможности защиты свидетелей или жертв преступлений, являющихся гражданами балтийских государств, включая их переселение из любой упомянутой страны в любое другое балтийское государство на временной или, если государство происхождения более не в состоянии обеспечивать безопасность данного лица, на постоянной основе[3].

Хочется надеяться на то, что международное сотрудничество окажет положительное влияние на деятельность по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Применительно к России правовую основу международного сотрудничества составляет Соглашение о сотрудничестве между Российской Федерацией и Европейской полицейской организацией от 6 ноября 2003 г. Во исполнение данного документа в 2004 г. был создан Российский национальный контактный пункт по взаимодействию с Европолом, входящий в структуру МВД России[4]. 28 ноября 2006 г. в Минске подписано Соглашение стран СНГ о защите участников уголовного судопроизводства. В то время оно было ратифицировано Азербайджаном, Арменией, Белоруссией, Казахстаном, Киргизией, Россией,

---

[1] См.: Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/ Document/?doc_id=30397325#pos=4;-145 (дата обращения: 04.02.2018).

[2] См.: *Епихин А.Ю.* Законодательство зарубежных стран, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства. Сыктывкар, 2003. С. 17.

[3] См.: *Краснова К.А.* Правовые основы защиты свидетелей в Европейском союзе // Адвокатская практика. 2016. № 1. С. 39.

[4] См.: *Крапчатова И.Н.* Роль европейских стандартов защиты участников уголовного судопроизводства в развитии уголовной политики // Вестник РГТУ. 2010. № 14 (57). С. 210–211.

Таджикистаном и Украиной[1]. Российская Федерация ратифицировала данное Соглашение 25 декабря 2008 г., которое на территории России вступило в законную силу 13 апреля 2009 г. При этом цель данного Соглашения определена как обеспечение эффективной борьбы с преступностью на территориях государств – участников Содружества Независимых Государств, а также успешное осуществление задач уголовного судопроизводства[2].

Проведенное исследование мер противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства, осуществляемых в зарубежных странах, позволяет сформулировать следующие выводы:

1) в мировом сообществе, начиная с конца 40-х гг. XX в., и до настоящего времени четко прослеживается позитивная тенденция в области противодействия противоправным посягательствам, совершаемым в отношении участников уголовного судопроизводства. Это в первую очередь связано с последовательным принятием международных правовых актов, направленных на защиту прав и свобод человека, вовлеченного в сферу уголовно-процессуальных правоотношений;

2) одной из первых стран, где стали приниматься специальные законы, направленные на обеспечение безопасности конкретных участников уголовного судопроизводства, явились Соединенные Штаты Америки. В них, кроме того, впервые начала осуществляться финансируемая государством Федеральная программа по защите свидетелей. Однако в США применяются меры, связанные в основном с защитой прав, свобод и законных интересов либо свидетелей и потерпевших, либо судей и иных должностных лиц. Тем самым без соответствующей охраны и защиты остаются иные участники уголовного судопроизводства;

---

[1] См.: *Дмитриева А.А.* Правовое значение соглашения о защите участников уголовного судопроизводства отдельных стран СНГ // Международное уголовное право и международная юстиция. 2015. № 5. С. 15.

[2] См.: *Абрамов П.А.* Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в защите участников уголовного судопроизводства // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: материалы «круглого стола», проведенного в Нижнекамском филиале Московского гуманитарно-экономического института 6 апреля 2011 года. Нижнекамск, 2011. Вып. 5. С. 6–7.

3) другие государства также уделяют особое внимание обеспечению безопасности должностных лиц судебных и правоохранительных органов, а также свидетелей и потерпевших. Права, свободы и законные интересы остальных участников уголовного судопроизводства (обвиняемых, подозреваемых, понятых, экспертов и т.п.) более или менее охраняются уголовным законодательством либо обеспечение их безопасности реализуется посредством норм уголовно-процессуального закона;

4) в странах – бывших республиках СССР, так же как и в Российской Федерации, осуществляется юридическая охрана прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства нормами уголовных кодексов. Кроме того, уголовно-процессуальным законодательством указанных государств предусмотрены меры безопасности в отношении лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, а с конца 90-х гг. прошлого столетия начинают приниматься законы о государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства;

5) анализ мер, осуществляемых в зарубежных государствах, направленных на предупреждение преступных посягательств в отношении участников уголовного процесса, позволяет констатировать, что в международном сообществе не существует единого комплексного подхода к противодействию преступлениям против участников уголовного судопроизводства. В данном случае акцент делается лишь на принятие специальных законов либо на уголовно-правовую охрану прав, свобод и законных интересов указанных лиц, либо на обеспечение их безопасности, базирующееся на процессуальном законодательстве. Проблемы защиты лиц, вовлеченных в сферу правосудия, от преступных посягательств не решаются и принятием соответствующих программ, поскольку в них определены мероприятия, направленные на обеспечение безопасности отдельных участников уголовного судопроизводства, а не всего круга лиц, участвующих в уголовном процессе.

Глава 2. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства как криминологическая проблема

§ 1. Понятие и содержание предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

Прежде чем определить понятие и содержание предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, следует рассмотреть наличествующие в криминологической доктрине суждения о противодействии преступности и предупреждении преступлений. В криминологии встречаются различные дефиниции предупреждения преступлений и преступности. Причем, ученые используют многообразную терминологию, обозначающую и саму предупредительную деятельность. Так, С.В. Бородин предлагает употреблять в криминологии термин «борьба с преступностью»[1].

Данным определением оперирует и А.И. Долгова, придавая понятию «предупредительная деятельность» эмоциональную окраску: «Борьба с преступностью — это активное столкновение общества и преступности в целях обеспечения господства закона и охраняемых им интересов, ценностей, норм поведения, это целенаправленная наступательная деятельность общества на саму преступность, ее причины и условия»[2].

Автор подчеркивает, что важен системный характер мер борьбы с преступностью: и общеорганизационных; и предупредительных, воздействующих на процессы детерминации, причинности преступности; и карающих, в том числе изолирующих преступников от общества; и правовосстановительных[3]. Данный термин А.И. Долгова использует и в других своих научных трудах[4],

---

[1] См.: *Бородин С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 125–126.

[2] Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 383.

[3] См.: *Долгова А.И.* Закономерности преступности, борьба с ней и научное обеспечение борьбы // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. М., 2001. С. 33–34.

[4] См.: *Долгова А.И.* Изменение преступности в реформируемой России и борьба с преступностью // Уголовное право. 1999. № 3. С. 57–67; *Ее же.* Преступность и борьба с ней: законотворчество и теоретические устои // Уголовное право. 2001. № 4. С. 88–93; *Ее же.* Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью // Преступность: стратегия борьбы. М., 1997. С. 5–18 и др.

применяя его к различным видам преступности: корыстной[1], организованной[2], коррупционной[3], террористической[4] и т.п.

Г.А. Аванесов рассматривает понятия «борьба с преступностью» и «предупреждение преступности» как самостоятельные, но все же предлагает использовать термин «предупреждение преступности»[5]. А.Н. Харитонов ведет речь не о предупреждении преступности, а о контроле над ней[6]. Г.М. Миньковский употреблял понятия «предупреждение преступности» и «профилактика преступлений» как равнозначные[7]. В.С. Устинов и С.М. Иншаков предлагают использовать термин «воздействие на преступность»[8]. А.Н. Варыгин также полагает, что термином, наиболее точно отражающим вид социальной деятельности, определяемой учеными как «предупреждение преступности», «борьба с преступностью», «контроль над преступностью», является «воздействие на преступность»[9].

На наш взгляд, в общем, даже можно сказать, широком смысле слова, данные термины являются равнозначными, поскольку обозначают по сути одно и то же — противодействие преступности. Словосочетания «предупреждение преступности», «борьба с преступностью», «война с преступностью», «кон-

---

[1] См.: *Долгова А.И.* Обсуждаются проблемы повышения эффективности борьбы с корыстной преступностью // Вопросы борьбы с преступностью. 1987. № 45. С. 147–151.

[2] См.: *Долгова А.И.* Проблемы правового регулирования борьбы с организованной преступностью // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог: сборник статей. М., 1997. С. 164–167.

[3] См.: *Долгова А.И.* Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. М., 2015. С. 7–23.

[4] См.: *Долгова А.И.* Система правового регулирования борьбы с терроризмом, террористическая преступность и оптимизация деятельности органов прокуратуры // Деятельность органов прокуратуры по борьбе с терроризмом и направления совершенствования законодательства. М., 2008. С. 5–22.

[5] См.: *Аванесов Г.А.* Криминология: учебник. М., 1984. С. 334–342.

[6] См.: *Харитонов А.Н.* Государственный контроль над преступностью (теоретические и правовые проблемы). Омск, 1997. С. 10.

[7] См.: Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М., 1998. С. 177.

[8] См.: *Устинов В.С.* Методы предупредительного воздействия на преступность. Горький, 1989. С. 4; *Иншаков С.М.* Системное воздействие на преступность в вооруженных силах: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 5.

[9] См.: *Варыгин А.Н.* Преступность в органах внутренних дел. Саратов, 2002. С. 238.

троль над преступностью» и т.п. имеют специфическую смысловую окраску лишь для обозначения степени такого противодействия.

В научной и учебной литературе встречаются различные дефиниции предупреждения преступности. К примеру, Ю.М. Антонян определяет предупреждение преступности как воздействие на ее причины, выявление преступников и предупредительные меры, направленные на их исправление[1].

С точки зрения Н.Ф. Кузнецовой, «предупреждение преступности рассматривается как многоуровневая система государственных и общественных мер, направленных на устранение, ослабление или нейтрализацию причин и условий преступности»[2].

По мнению Ю.В. Чуфаровского, «предупреждение преступности — это деятельность государственных и общественных органов и организаций, направленная против преступности с целью удержания ее на социально терпимом уровне посредством устранения или нейтрализации порождающих ее причин»[3]. Итак, в указанных дефинициях наличествует словосочетание «предупреждение преступности», которое, на наш взгляд, является не совсем удачным. Для уточнения понятия «предупреждение» обратимся к этимологическому значению данной лексической единицы. Согласно разъяснениям, имеющимся в толковых словарях, слово «предупреждение» происходит от глагола «предупредить», который, в свою очередь, означает следующее:

своевременно принятыми мерами, действиями предотвратить что-либо[4];

заранее принятыми мерами отвратить что-либо[5];

своевременно принятыми мерами не допустить чего-либо[6];

---

[1] См.: *Антонян Ю.М.* Криминология: избранные лекции. М., 2004. С. 141.

[2] Криминология: учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М., 1998. С. 56.

[3] *Чуфаровский Ю.В.* Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. М., 2004. С. 54.

[4] См.: Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Т. 3. М., 1939 С. 730.

[5] См.: *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993. С. 599.

[6] См.: Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. М., 2001. С. 760.

заранее принятыми мерами помешать чему-либо осуществиться, наступить[1].

Таким образом, основным содержательным признаком слова «предупредить» является «не допустить что-либо (предотвратить, отвратить, помешать осуществиться)». Применительно к понятию «предупреждение преступлений» это означает «не допустить их совершение». Данное значение объясняет, почему словосочетание «предупреждение преступности» является неточным. Преступность — это массовое социальное негативное явление, уже существующее в реальной действительности, характеризующееся определенными показателями (состоянием, уровнем, динамикой, структурой), и устранить которое нельзя. Однако возможно не допустить совершения определенных преступлений (предупредить их) и посредством этого воздействовать на указанные характеристики преступности. Поэтому, когда речь идет о преступности, полагаем, что следует все же оперировать терминами «воздействие», «противодействие». Предупредить можно преступления, поэтому представляется убедительной точка зрения С.И. Курганова, согласно которой преступность не предупреждают, а на нее воздействуют: снижают уровень, влияют на структуру и т.д. И в первую очередь воздействуют на преступность путем предупреждения преступлений[2]. Таким образом, для обозначения мероприятий, направленных на недопущение совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства, точнее будет оперировать термином «предупреждение».

Другой признак рассматриваемого слова — заранее принятые меры — означает, что предупреждение осуществляется не спонтанно и следует заблаговременно разработать какие-либо мероприятия в целях осуществления предупредительной деятельности. В данном случае необходимо, во-первых, установить, кто именно должен осуществлять эти мероприятия, во-вторых, определить их содержание.

---

[1] См.: Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 3. М., 1983. С. 374.
[2] См.: *Курганов С.И.* Основания криминологической теории. М., 1999. С. 32–33.

В криминологической литературе рассматриваются различные субъекты предупредительной деятельности, например:

все государственные и общественные организации, сознательные граждане[1];

государственные органы, общественность, отдельные граждане[2].

государственные органы, общественные организации и коллективы, граждане[3];

общество, институты социального контроля, отдельные граждане[4];

органы государственной власти, муниципальные органы и организации, частные субъекты[5];

государственные органы, частные негосударственные организации, общественные организации, граждане[6];

государственные и общественные органы, отдельные граждане[7].

В сферу предупреждения преступлений могут также вовлекаться иные субъекты, в частности, хозяйствующие структуры, религиозные объединения, учебные и трудовые коллективы и т.п. По данному поводу Г.В. Дашков справедливо отмечает, что «борьба с преступностью — это общегосударственная задача и все структуры российского общества по существу являются субъектами предупреждения преступности»[8]. Вследствие этого предлагается сгруппировать субъектов предупредительной деятельности следующим образом: государ-

---

[1] См.: Курс советской криминологии: Предупреждение преступности / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. М., 1986. С. 48.

[2] См.: *Игошев К.Е., Миньковский Г.М.* Семья, дети, школа. М., 1989. С. 315.

[3] См.: *Голоднюк М.Н., Зубкова В.И.* Предупреждение преступности: учебное пособие. М., 1990. С. 15.

[4] См.: *Гилинский Я.И.* Предупреждение преступности: теория и практика // Криминология и преступность на рубеже веков: материалы XII Международного Балтийского семинара, 28–30 июня 1999 г. СПб, 1999. С. 53.

[5] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. М., 2000. С. 297

[6] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. М., 2001. С. 410.

[7] См.: *Варыгин А.Н.* Указ. раб. С. 26.

[8] *Дашков Г.В*. Криминологические вопросы совершенствования координационной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации // Государство и право. 2016. № 10. С. 49.

ственные и муниципальные органы, общественные и иные объединения и организации, отдельные граждане. Все они целенаправленно, в пределах своих компетенций, на разных уровнях и в различных масштабах участвуют в предупреждении преступлений.

При рассмотрении исторического аспекта проблемы установлено, что классики отечественной криминологической науки на разных этапах ее развития (Ю.М. Антонян, С.К. Гогель, А.И. Долгова, Д.А. Дриль, А.Э. Жалинский, К.Е. Игошев, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, А.Г. Лекарь, В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский и многие другие) основным содержательным элементом предупреждения преступлений считали воздействие на причины их совершения и условия, им способствовавшие. Данная концепция доминирует в криминологической науке и в настоящее время.

Как уже указывалось, источником преступного поведения является личность, поэтому предупреждение преступлений должно быть связано не только с выявлением, нейтрализацией и устранением причин и условий, но и с оказанием сдерживающего воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений. В данном случае под ними подразумеваются не только лица, от которых, судя по их поведению, можно ожидать совершения преступления, но и субъекты, уже совершившие преступления, привлекающиеся к уголовной ответственности. Воздействие в отношении них осуществляется в целях предупреждения совершения повторных преступлений. Поскольку абсолютно все преступления предупредить невозможно, целями такого предупреждения является сокращение количества преступных деяний в обществе и удержание лиц от их совершения.

На основании изложенного представляется возможным сформулировать определение криминологического предупреждения преступлений. Под ним понимается деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по осуществлению комплекса разнообразных мер, направленных на выявление, нейтрализацию и устранение причин и условий совершения преступлений, оказание сдер-

живающего воздействия на лиц, склонных к их совершению, в целях сокращения количества преступных деяний в обществе и удержания личности от их совершения.

Учитывая комплексность предупредительной деятельности, которая предполагает целую систему экономических, социальных, политических, информационных, организационных, правовых и иных мер, основывающихся на межотраслевом законодательстве, предупреждение отдельных групп и видов преступлений является предметом криминологического изучения.

Однако предупреждение преступлений относится к задачам и отдельных отраслевых законодательств. Так, согласно ст. 2 УК РФ одной из его задач является предупреждение преступлений. Следует заметить, что уголовно-правовое предупреждение преступлений имеет общие черты с криминологическим предупреждением.

Во-первых, уголовный закон посредством установления преступных и наказуемых деяний оказывает сдерживающее влияние на лиц, склонных к совершению преступлений. В этом проявляется общая превенция уголовного закона, схожая с общим криминологическим предупреждением. Во-вторых, индивидуальная профилактика преступлений, являющаяся содержательной частью криминологического предупреждения, проявляется в частной превенции уголовного закона. Она заключается в предупреждении совершения новых преступлений лицами, уже совершившими какие-либо преступные деяния и привлекающимися к уголовной ответственности. В-третьих, имеют сходство и конечные цели криминологического и уголовно-правового предупреждения — удержание лиц от совершения преступлений и, следовательно, сокращение количества преступных деяний в обществе.

Кроме того, как справедливо полагает О.В. Филимонов, уголовно-правовое предупреждение отдельных преступлений осуществляется путем установления уголовной ответственности за действия, создающие условия, спо-

собствующие совершению определенных видов и групп преступлений[1]. Ученый отмечает, что, например, установление уголовной ответственности за незаконное изготовление оружия имеет своей главной целью устранение условий, способствующих совершению вооруженных нападений[2]. Роль предупредительного воздействия уголовного закона на причины и условия, способствующие совершению преступлений, для устранения или ограничения действия конкретных криминогенных факторов, обосновывает и Э.А. Саркисова[3]. В этом также обнаруживается сходство уголовно-правового и криминологического предупреждения, поскольку содержательными элементами последнего служат выявление, нейтрализация и устранение причин и условий совершения преступлений.

Тем не менее, между уголовно-правовым и криминологическим предупреждением преступлений имеются и различия. Во-первых, частная превенция уголовного закона нацелена на предупреждение повторных преступлений лицом, привлекающимся к уголовной ответственности. В свою очередь, путем индивидуальной профилактики, являющейся одним из элементов криминологического предупреждения, осуществляется воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений, в том числе их еще не совершивших. Во-вторых, уголовно-правовое предупреждение осуществляется посредством лишь уголовного закона, что, впрочем, следует из его лексического значения. Криминологическое же предупреждение охватывается целым комплексом экономических, политических, идеологических, социальных, организационных, правовых и других мер.

Причем, правовыми мерами криминологического предупреждения преступлений выступает совокупность правовых норм различной отраслевой принадлежности. По этому поводу мы солидарны с О.В. Старковым, который пи-

---

[1] См.: *Филимонов О.В.* Система уголовно-правового предупреждения преступлений // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. Томск, 1988. С. 112.

[2] См.: Там же. С. 107.

[3] См.: *Саркисова Э.А.* Предупредительная роль уголовного закона. Минск, 1979. С. 23.

сал, что правовые основы предупредительной деятельности — это законодательная, нормативная нацеленность всей системы права, а значит, и каждой ее отрасли, на обеспечение предупреждения любых правонарушений и преступлений[1]. А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев также справедливо, на наш взгляд, считают, что не существует такой отрасли, которая не содержала бы норм, имеющих отношение к предупреждению преступлений[2].

Вследствие этого уголовно-правовое предупреждение как одно из средств правового характера является содержательной частью криминологического предупреждения преступлений. Традиционно в содержание предупреждения преступлений включается деятельность, направленная на их профилактику, предотвращение и пресечение[3].

Легальная дефиниция профилактики преступлений (как разновидности правонарушений) определена в Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». В п. 2 ст. 2 указанного нормативного правового акта под профилактикой правонарушений понимается совокупность мер социального, правового, организационного, информационного и иного характера, направленных на выявление и устранение причин и условий, способствующих совершению правонарушений, а также на оказание воспитательного воздействия на лиц в целях недопущения совершения правонарушений или антиобщественного поведения[4].

В юридической литературе встречаются и критические суждения по поводу включения в определение предупреждения преступлений их предотвращение и пресечение. В частности, Р.В. Жубрин отмечает, что «при предотвра-

---

[1] См.: *Старков О.В.* Предупреждение преступлений: учебное пособие. М., 2005. С. 9–94.

[2] См.: *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 155.

[3] См.: *Сахаров А.Б.* Социальная система предупреждения преступлений // Советское государство и право. 1972. № 11. С. 69; *Лекарь А.Г.* Профилактика преступлений. М., 1972. С. 3–4; *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. М., 1980. С. 408; *Голина В.В.* Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений: учебное пособие. Киев, 1989. С. 7.

[4] См.: СЗ РФ. 2016. № 26. Ст. 3851.

щении приготовления к тяжким и особо тяжким преступлениям, пресечении покушений на преступления уже требуется уголовно-правовая оценка стадии совершенного преступления, что не позволяет рассматривать эту деятельность как предупредительную. При предупреждении преступлений еще отсутствуют основания для привлечения к уголовной ответственности за предотвращаемое деяние, иначе вся деятельность теряет свой смысл: меры предупреждения принимались, а преступление все равно совершается»[1].

Однако представляется, что предотвращение и пресечение преступлений на стадиях приготовления и покушения и привлечение виновных к уголовной ответственности за данные деяния является ничем иным, как предупреждением совершения новых преступлений лицом, чья преступная деятельность предотвращена или пресечена. Здесь речь идет о частной превенции, которая достигается путем применения мер процессуального принуждения, уголовного наказания, иных мер уголовно-правового характера и т.п.

Поэтому считаем, что в определение предупреждения преступлений можно и нужно включать их предотвращение и пресечение. Кроме того, предотвращение замышляемых преступлений при установлении такого замысла, часто используемое в оперативно-розыскной профилактике, позволяет не допустить уголовно наказуемых деяний на стадиях приготовления к преступлению, что ведет к сокращению регистрируемых преступлений.

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента России от 31 декабря 2015 г. № 683, в качестве главных направлений обеспечения государственной и общественной безопасности определяет усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности и повышение доверия граждан к правоохранительной и судебной системам Российской Федерации (ст. 44)[2].

---

[1] *Жубрин Р.В.* Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 629.

[2] См.: СЗ РФ. 2016. № 1. Ст. 212.

Вследствие этого к задачам, стоящим перед субъектами предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, относятся не только выявление и устранение причин и условий рассматриваемых общественно опасных деяний и воздействие на лиц, склонных к их совершению, но и снижение уровня виктимности потенциальных жертв преступлений, обеспечение их безопасности и формирование уверенности в своей защищенности от преступных посягательств.

Таким образом, под предупреждением преступлений против участников уголовного судопроизводства предлагается понимать деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по осуществлению ими системы взаимосвязанных и взаимообусловленных экономических, социальных, политических, правовых, организационных и иных мер общесоциального и специально-криминологического характера, направленных на:

выявление, устранение, ослабление и нейтрализацию конкретных причин и условий, детерминирующих преступное поведение личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства;

оказание сдерживающего воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемого вида;

сокращение количества преступлений против участников уголовного судопроизводства в общей структуре преступности;

предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых общественно опасных деяний, направленных на участников уголовного процесса;

обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства;

формирование у личности, вовлеченной в уголовный процесс, уверенности в реальной защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств.

Следует отметить, что система предупреждения преступлений многогранна. В нее входят разнообразные элементы, посредством которых она функционирует и решает свои задачи. В криминологической науке существуют раз-

личные взгляды на построение системы предупреждения преступлений. Так, с точки зрения А.Х. Миндагулова, основными компонентам системы предупреждения преступлений являются следующие:

человек как субъект профилактической деятельности;

различные негативные явления и процессы (комплекс причин и условий совершения преступлений) как объект профилактического воздействия;

собственно деятельность человека во всем многообразии видов и форм ее проявления — умственном и физическом, духовном и материальном, теоретическом и практическом[1].

М.Н. Голоднюк и В.И. Зубкова включают в систему предупреждения следующие элементы:

правовую обеспеченность профилактики преступности, предусматривающую, что все методы и формы профилактической работы должны быть детально регламентированы законом;

социально-правовую и экономическую обоснованность — соответствие разрабатываемых и осуществляемых профилактических мероприятий фактическому наличию криминогенных процессов, явлений, ситуаций и возможностей повлиять на них с помощью данных мероприятий;

эффективность, нацеленность профилактики на достижение конкретных результатов;

скоординированность профилактической работы, предполагающей разработку комплексных планов профилактики правонарушений, сочетание перспективных и текущих планов, тесное взаимодействие участников профилактической деятельности;

информационную обеспеченность — наличие информационной базы профилактики, обусловливающей своевременность и достаточность получения

---

[1] См.: *Миндагулов А.Х.* Научные основы управления в сфере профилактики преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1990. С. 396.

данных о состоянии субъектов профилактики, объектов профилактического воздействия, объеме и направлении проводимой профилактической работы[1].

В криминологии выделяются два уровня предупреждения преступлений: общесоциальный и специально-криминологический, включающий индивидуальную профилактику. Так, по мнению Г.Д. Агамова, стабилизация социально-экономической и общественной жизни нашего общества во многом зависит от наращивания усилий правоохранительных и других государственных органов в борьбе с правонарушениями, важнейшим направлением которой является предупредительная работа, предполагающая применение комплекса как общесоциальных, так и специальных правовых и организационных мер, направленных на устранение причин и условий совершения преступлений[2].

Н.В. Тарасов пишет, что «общесоциальные меры охватывают предупреждение преступлений в обществе в целом, хотя их осуществление не специально связано с преступностью»[3]. Специально-криминологические меры, по его мнению, непосредственно направлены на устранение факторов преступности. К таким мерам можно отнести: совершенствование законодательства, принятие федеральных программ по борьбе с преступностью, развитие межгосударственного сотрудничества в сфере борьбы с преступностью, совершенствование деятельности органов, осуществляющих борьбу с преступностью, пропаганду правовых знаний, реализацию исполнения наказаний и ряд др.[4]

Полагаем, что меры, осуществляемые на общесоциальном уровне предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, могут стать основой как специально-криминологического предупреждения, так и индивидуальной профилактики рассматриваемых общественно опасных деяний. К числу общесоциальных мер их предупреждения, как и воздействия на

---

[1] См.: *Голоднюк М.Н., Зубкова В.И.* Указ. раб. С. 16–17.

[2] См.: *Агамов Г.Д.* Правовые и социальные проблемы предупреждения рецидивной преступности // Уголовное право. 2001. № 3. С. 86.

[3] *Тарасов Н.В.* Криминологическая теория и практика предупреждения преступлений против правосудия. М., 2005. С. 144.

[4] См.: Там же. С. 158.

преступность в целом, следует отнести устранение и нейтрализацию недостатков и противоречий в экономической, социальной, духовно-нравственной, правовой сферах нашего общества.

Поскольку преступления против участников уголовного судопроизводства являются составной частью самых разнообразных видов преступности (организованной, рецидивной, коррупционной, сотрудников органов внутренних дел и др.), общесоциальные меры предупреждения данных общественно опасных деяний совпадают с мерами предупреждения тех видов преступности, куда они входят в качестве составляющих элементов.

Следовательно, в предупреждении преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, акцент необходимо делать на специально-криминологическое предупреждение и индивидуальную и в том числе виктимологическую профилактику.

К специально-криминологическим мерам предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует отнести, на наш взгляд, следующие:

программно-целевое планирование деятельности по профилактике рассматриваемых преступлений;

выявление и устранение причин и условий совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

оптимизацию критериев оценки работы правоохранительных органов;

совершенствование учетно-регистрационной дисциплины;

реализацию эффективного ведомственного контроля и прокурорского надзора за работой сотрудников правоохранительных органов;

осуществление своевременного раскрытия рассматриваемых преступлений;

производство качественного расследования преступлений, совершаемых против участников уголовного судопроизводства;

оптимизацию взаимодействия как между службами и подразделениями конкретного правоохранительного органа, так и между отдельными правоохранительными органами;

совершенствование уголовно-правовых, уголовно-процессуальных, криминалистических, оперативно-розыскных и иных организационно-правовых мер.

Представляется, что приоритетным направлением специально-криминологического предупреждения является совершенствование правовых мер, направленных на охрану, защиту и обеспечение безопасности участников уголовного процесса от преступных посягательств. В системе специально-криминологических мер выделяется индивидуальный уровень мер, или индивидуальная профилактика преступлений. К мерам индивидуальной профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства можно отнести следующие:

повышение уровня кадрового обеспечения, профессиональной подготовки и воспитания сотрудников правоохранительных органов (поскольку они совершают многие преступления рассматриваемого вида);

выявление лиц, подготавливающих и совершающих преступления в отношении участников уголовного процесса;

профилактические беседы со стороны сотрудников органов предварительного расследования с обвиняемыми, подозреваемыми, их представителями о недопущении совершения с их стороны преступлений против участников уголовного судопроизводства;

своевременное и неотвратимое привлечение к административной ответственности лиц, совершающих административные проступки в отношении участников уголовного процесса;

обеспечение неотвратимости наказания в отношении лиц, совершивших преступления исследуемой категории.

Таким образом, результаты исследования, характеризующие понятие и содержание предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, сводятся к следующему:

1) изучение доктринальных разработок по проблемам противодействия преступности и предупреждения преступлений позволили сформулировать

обобщенное понятие криминологического предупреждения преступлений: это деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по осуществлению комплекса разнообразных мер, направленных на выявление, нейтрализацию и устранение причин и условий совершения преступлений, оказание сдерживающего воздействия на лиц, склонных к их совершению, в целях сокращения количества преступных деяний в обществе и удержания личности от их совершения;

2) уголовно-правовое предупреждение как одно из средств правового характера является содержательной частью криминологического предупреждения преступлений. Уголовно-правовое и криминологическое предупреждение имеют как сходные, так и отличительные признаки. Основное сходство заключается в том, что уголовный закон посредством установления преступных и наказуемых деяний оказывает сдерживающее влияние на лиц, склонных к совершению преступлений, в чем проявляется общая превенция уголовного закона, аналогичная общему криминологическому предупреждению. Кроме того, индивидуальная профилактика преступлений, являющаяся составной частью криминологического предупреждения, проявляется в частной превенции уголовного закона, заключающейся в предупреждении совершения новых преступлений лицами, уже совершившими какие-либо преступные деяния и привлекающимися к уголовной ответственности. Также схожи и конечные цели криминологического и уголовно-правового предупреждения — удержание лиц от совершения преступлений и, следовательно, сокращение количества преступных деяний в обществе. Отличительные черты указанных видов предупреждения состоят, во-первых, в том, что частная превенция уголовного закона нацелена на предупреждение повторных преступлений лицами, привлекающимися к уголовной ответственности. Посредством же индивидуальной профилактики, являющейся одним из элементов криминологического предупреждения, происходит воздействие на любых лиц, склонных к совершению преступлений, в том числе еще их не совершивших. Во-вторых, уголовно-правовое предупреждение

осуществляется на основе лишь уголовного закона, криминологическое же предупреждение опирается на правовые нормы различной отраслевой принадлежности;

3) предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства — это деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по реализации ими системы взаимосвязанных и взаимообусловленных экономических, социальных, политических, правовых, организационных и иных мер общесоциального и специально-криминологического характера, направленных на:

выявление, устранение, ослабление и нейтрализацию конкретных причин и условий, детерминирующих преступное поведение личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства;

оказание сдерживающего воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемого вида;

сокращение количества преступлений против участников уголовного судопроизводства в общей структуре преступности;

предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых общественно опасных деяний, направленных на участников уголовного процесса;

обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства;

формирование у личности, вовлеченной в уголовный процесс, уверенности в реальной защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств;

4) большинство общесоциальных мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства совпадает с мерами предупреждения тех видов преступности, куда они входят в качестве составляющих компонентов, в связи с чем в предупреждении преступлений рассматриваемого вида акцент должен ставиться на специально-криминологические меры.

§ 2. Теоретическая модель и критерии оценки эффективности предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

В целях разработки эффективных мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства необходимо сформировать теоретическую модель такой предупредительной деятельности. В Российской Федерации на современном этапе развития общесоциальные меры противодействия различным видам преступности имеют много общего, в связи с чем особый интерес для рассматриваемого вида предупредительной деятельности представляет теоретическое моделирование специального предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Если общесоциальные криминологические меры профилактики осуществляются независимо от криминогенных факторов (хотя и с учетом их наличия, интенсивности, распространенности), то меры специальной профилактики целиком обусловлены наличием преступности, ее состоянием и характером действующих криминогенных детерминант[1].

Следует заметить, что в криминологии теоретическое моделирование является одним из распространенных методов познания. Суть его заключается в том, что характеристики познаваемого объекта воспроизводятся в виде упрощенной схемы или модели[2].

О теоретическом моделировании еще почти полвека назад писал А.Э. Жалинский, который определил, что актуальным представляется анализ предмета и системы теории предупреждения преступлений, имеющий целью выяснить более подробно компетенцию криминологии в исследовании данной сферы социального регулирования, пределы и содержание криминологической разработки вопросов профилактики преступлений[3].

---

[1] См.: *Голоднюк М.Н., Зубкова В.И.* Указ. раб. С. 9.

[2] См.: *Горшенков А.Г., Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н.* Теоретические модели предупреждения преступности // Вестник КРАГСиУ. Сыктывкар, 2004. № 7. С. 22.

[3] См.: *Жалинский А.Э.* Предмет и система криминологической теории предупреждения преступлений // Советское государство и право. 1976. № 9. С. 88.

Примерно в то же время Г.А. Аванесов отмечал, что моделирование в криминологии становится обычным инструментом, который позволяет разрабатывать научные основы для реального управления процессами борьбы с преступностью[1].

По мнению С.В. Бородина, моделирование — одна из основных категорий теории познания. Теоретическое моделирование широко применяется для того, чтобы в результате исследования и построения модели получить наиболее полное представление об изучаемом явлении или процессе. Оно позволяет определять и уточнять характеристики и рациональные способы их взаимодействия. Моделирование используют и как критерий проверки научных знаний, их объективности и применимости на практике[2].

Представляется, что теоретическое моделирование необходимо и для разработки мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Полагаем, что прежде, чем определить содержание элементов предупредительной деятельности, следует сначала рассмотреть лексическое значение такой языковой единицы, как «модель». В специализированных изданиях под данным термином понимается:

образец, служащий эталоном (стандартом) для серийного или массового воспроизведения[3];

образец, образцовый экземпляр какого-нибудь изделия, воспроизведенный, обычно в уменьшенном виде, образец какого-нибудь сооружения[4];

образец какого-нибудь изделия, а также образец для изготовления чего-нибудь[5];

---

[1] См.: *Аванесов Г.А.* Криминология и социальная профилактика. С. 363.

[2] См.: *Бородин С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М., 1990. С. 22.

[3] См.: Большая советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров. М., 1969–1978. Т. 16. М., 1974. С. 547.

[4] Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. 1935–1940. Т. 2. М., 1938. С. 512.

[5] *Ожегов С.И.* Словарь русского языка / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1991. С. 397.

схема какого-либо объекта или явления[1];

вспомогательный объект, замещаемый изучаемый объект, представленный в наиболее общем виде[2];

мысленный или условный образ, аналог какого-либо объекта, процесса или явления, воспроизводящий в символической форме их основные типические черты[3].

Таким образом, применительно к рассматриваемой проблеме под теоретической моделью специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует понимать определение и описание системы элементов, связей и отношений между ними, в достаточной степени воспроизводящей существенные особенности основных направлений и конкретных мер профилактики, предотвращения и пресечения указанных общественно опасных деяний.

Схематически данная модель изображена на рис. 18.

---

[1] См.: Большой словарь иностранных слов / сост. Т.Л. Федорова. М., 2008. С. 281.

[2] См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т.2. М., 1998. С. 286.

[3] См.: Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 186.

Рис. 18. Теоретическая модель специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

Согласно данной модели, прежде чем разрабатывать меры, направленные на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства, субъекты предупредительной деятельности должны получить информацию о лицах, которые могут совершить общественно опасные деяния рас-

сматриваемого вида, об угрозах, поступающих в адрес участников уголовного судопроизводства, иных конфликтах, связанных с участием в уголовном процессе, замышляемых, готовящихся, совершаемых преступлениях. Такая информация может поступать из различных источников (государственных органов, общественных объединений, организаций, учреждений, средств массовой информации, отдельных граждан и т.п.), а также добываться оперативным путем.

Далее полученную информацию необходимо обработать и проанализировать, после чего определить степень ее достоверности. В зависимости от территории предупредительной деятельности на основе статистических показателей и опроса населения оценивается оперативная обстановка в стране, отдельно взятом регионе или на местном уровне. На данном этапе исследуются криминологические характеристики как преступлений против участников уголовного судопроизводства, так и личности преступников, их совершающих. После этого выявляются объекты, в отношении которых предстоит осуществлять предупредительные мероприятия. К объектам специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства относятся:

причины и условия как всей преступности, так и отдельных ее разновидностей, поскольку преступления рассматриваемого вида, как уже указывалось, входят во многие виды преступности;

причины и условия совершения преступлений, посягающих на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства;

лица, склонные к совершению таких преступлений, и уже их совершившие;

потенциальные жертвы рассматриваемых общественно опасных деяний.

Анализ полученной информации, оценку оперативной обстановки и определение объектов осуществляют также субъекты предупредительной деятельности.

Прежде чем уточнить субъектов предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, следует заметить, что зарубежная

практика органов государственного управления в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства относит к ним один самостоятельный орган, который занимается обеспечением безопасности лиц, подлежащих государственной защите, а в России их несколько (ФСБ, органы внутренних дел, таможенные органы и т.д.)[1]. Основная нагрузка по защите участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств в настоящее время возложена на Управление по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите (УОГЗ) МВД России, образованное в соответствии с Указом Президента РФ от 6 сентября 2008 г. № 1316 «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации»[2], что сыграло положительную роль в деле предупреждения преступлений рассматриваемого вида.

Тем не менее, Л.В. Брусницын отмечает, что, кроме УОГЗ МВД России, в ФСБ та же функция возложена на уже существующие подразделения[3]. Данное положение зафиксировано и в ряде правовых актов[4]. Безусловно, каждый правоохранительный орган должен стараться обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства своими силами и средствами. Однако в юридической литературе встречается мнение, согласно которому для профессионального обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства необходима единая служба, причем находящаяся вне ведомств МВД, ФСБ и других

---

[1] См.: *Чмырев С.Н.* Зарубежная практика органов государственного управления в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства // Очерки новейшей криминалистики. 2010. № 1. С. 54.

[2] См.: СЗ РФ. 2008. № 37. Ст. 4182; 2011. № 37. Ст. 5200.

[3] См.: *Брусницын Л.В.* Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в свете рекомендаций ООН // Государство и право. 2011. № 1. С. 48.

[4] Согласно ст. 3 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» осуществление мер безопасности возлагается на органы внутренних дел Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности, таможенные органы Российской Федерации по уголовным делам, находящимся в их производстве или отнесенным к их ведению, а также на иные государственные органы, на которые может быть возложено в соответствии с законодательством Российской Федерации осуществление отдельных мер безопасности.

правоохранительных органов, в которых имеются подразделения предварительного расследования и дознания[1].

На наш взгляд, говорить об образовании такого единого органа преждевременно, поскольку реформирование правоохранительной системы и создание еще одной федеральной службы создаст новые проблемы, связанные с предупреждением преступлений рассматриваемого вида. Практика развития правоохранительных органов свидетельствует, что создание новых служб не всегда оправдано, так как они через несколько лет своего существования могут ликвидироваться. Так было с Федеральной службой налоговой полиции, Федеральной миграционной службой, Федеральной службой по контролю за оборотом наркотиков и некоторыми другими. Во-первых, данная служба будет дублировать ряд функций правоохранительных органов, связанных с предупредительной деятельностью. Во-вторых, решение задач, направленных на государственную защиту участников уголовного судопроизводства и предупреждение противоправных посягательств в отношении них, возложено на службы, входящие в состав абсолютно разных правоохранительных органов: органы внутренних дел, Федеральную службу безопасности, таможенные органы, военную полицию Вооруженных Сил Российской Федерации и др.

Кроме того, обеспечением безопасности участников уголовного судопроизводства и предупреждением совершаемых в отношении них преступлений занимаются и органы, в которых нет подразделений предварительного следствия и (или) дознания[2].

---

[1] См.: *Брусницын Л.В.* Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в свете рекомендаций ООН // Государство и право. 2011. № 1. С. 49; *Новикова М.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. С. 52.

[2] К ним относятся, в частности, органы Федеральной службы исполнения наказаний, Федеральной службы охраны, Службы внешней разведки, оперативные подразделения органа внешней разведки Министерства обороны. Поэтому в рамках единой службы довольно сложно, а в некоторых случаях практически невозможно осуществлять защиту участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств.

В настоящее время даже сотрудники подразделений УОГЗ МВД России, а также соответствующих служб иных правоохранительных органов испытывают различные трудности, связанные в основном с вопросами организационно-управленческого характера. К примеру, проблемы возникают при взаимодействии с органами, принимающими решение об осуществлении государственной защиты, в части, касающейся целесообразности применения мер безопасности, их прекращения в отношении лиц, при отсутствии угроз в их адрес, а также при нарушении условий договора защищаемым лицом[1].

Эти вопросы возникают как при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, так и при расследовании уголовных дел. Следует отметить, что оперативные подразделения реализовывают свои полномочия по защите участников уголовного судопроизводства при наличии реальной угрозы убийства защищаемого лица, насилия над ним, уничтожения или повреждения его имущества[2]. Следовательно, деятельность сотрудников таких подразделений направлена на предотвращение и пресечение преступных посягательств на участников уголовного судопроизводства. Эта деятельность достаточно затратна, поскольку требует привлечения различных ресурсов: человеческих, информационных, материальных, финансовых и др. В связи с этим считаем, что в деятельности по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства в целях экономии указанных средств акцент следует делать на профилактические мероприятия. Однако это не свидетельствует о том, что профилактике преступлений против участников уголовного судопроизводства отдается первостепенное место. В деле предупреждения рассматриваемых преступлений необходимо использовать весь комплекс мероприятий, куда должны входить и меры, разрабатываемые различными науками, в частности, уголов-

---

[1] См.: *Агапов П.В., Краснова К.А.* Проблемы межведомственного взаимодействия подразделений государственной защиты и следователей при осуществлении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2014. № 7. С. 9–10.

[2] См.: Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 7 февраля 2017 г. // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; 2017. № 7. Ст. 1026.

ным правом, уголовным процессом, криминалистикой, теорией оперативно-розыскной деятельности и т.п.

Безусловно, не только единая организация, но и вся система правоохранительных органов не в состоянии решить всех задач, стоящих перед ними в деле предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Поэтому необходимо обратить внимание на соответствующую деятельность различных субъектов предупредительной деятельности. Так, к субъектам специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует отнести в первую очередь государственные органы власти. Причем, все ветви власти имеют определенное отношение к предупреждению преступлений рассматриваемого вида.

Несомненно, основным субъектом в данном случае выступают органы исполнительной власти. Правительство РФ принимает постановления, регламентирующие комплекс мер противодействия преступлениям изучаемой категории. Правоохранительные органы, входящие в состав исполнительной власти, осуществляют предупредительную деятельность в пределах своей компетенции. Немаловажную роль в предупреждении преступлений рассматриваемого вида играют и другие министерства (например, обороны, финансов, здравоохранения и др.). Законодательная власть принимает нормативные правовые акты, в которых содержатся нормы, регламентирующие деятельность по предупреждению преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного процесса. Судебная власть также осуществляет защиту прав, свобод и законных интересов рассматриваемых лиц в пределах своей компетенции.

Существенное значение в предупредительной деятельности имеют муниципальные органы и организации, а также общественные организации. К субъектам предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства можно отнести и отдельных граждан, наделенных соответствующими правами и обязанностями, в частности, членов специализированных общественных формирований, общественных помощников сотрудников правоохранительных органов, свидетелей по уголовным делам и др. В число субъектов

предупредительной деятельности также должны входить органы, осуществляющие координацию и информационное обеспечение профилактических мер. Перечень специальных субъектов предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства регламентирован отдельными нормативными актами[1].

Противодействие преступности в целом и предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства в частности немыслимо без научного обеспечения, которое должно быть связано со всеми этапами предупреждения, начиная от получения необходимой информации соответствующими субъектами, заканчивая оценкой эффективности предупредительной деятельности.

Научно обоснованным должно быть прогнозирование уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства и программирование предупредительной деятельности. Думается, что в связи с нестабильным развитием нашего общества, частым изменением законодательства, бесконечным и порой бессмысленным реформированием правоохранительных структур не стоит делать долгосрочных прогнозов. Достаточно прогнозировать будущую криминологическую обстановку в рассматриваемой области на срок до 5 лет. На такой же срок целесообразно составлять планы и программы предупредительной деятельности. В связи с этим вряд ли можно согласиться с В.В. Гордиенко, который считает, что комплексным программам в сфере борьбы с преступностью присуща устремленность в среднесрочную и дальнесрочную перспективы[2].

---

[1] В частности, Федеральным законом от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» и Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», Постановлением Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» и др.

[2] См.: *Гордиенко В.В.* Безопасность России в условиях глобализации (Криминологические и социально-правовые проблемы): дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 209.

Программу предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства на последующий срок надлежит составлять только после анализа результатов реализации предыдущей программы, учитывая оперативную обстановку в стране и предполагаемое количество защищаемых лиц.

Составной частью такой комплексной программы должна быть и программа по обеспечению безопасности участников уголовного процесса. Следует отметить, что содержание Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы»[1] практически повторяет содержание Государственной программы «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы»[2].

Кроме того, общий объем ассигнований федерального бюджета в 2006–2008 гг. составил 948,72 млн руб. (то есть 316,24 млн руб. в год), а в 2009–2013 гг. — 1331,36 млн руб. (266,27 млн руб. в год). Таким образом, в последующей Программе объем финансовых затрат, направленных на обеспечение защиты участников уголовного судопроизводства, снизился.

Примечательно, что общий объем ассигнований федерального бюджета на указанные цели в Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы» также уменьшился и составил 1049,2488 млн руб. (в среднем — 209, 85 млн руб. в год), хотя в общей характеристике сферы реализации данной

---

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 2 октября 2009 г. № 792 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы”» (в ред. от 16 декабря 2013 г.) // СЗ РФ. 2009. № 41. Ст. 4778; 2013. № 51. Ст. 6873.

[2] См.: Постановление Правительства РФ от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы”» // СЗ РФ. 2006. № 16. Ст. 1739.

Программы отражено, что наметилась тенденция увеличения количества защищаемых лиц и применяемых в отношении них мер безопасности[1].

Помимо этого, в Программе на 2009–2013 годы отмечается, что в ходе ее реализации будут применены меры государственной защиты в отношении свыше 10 тыс. участников уголовного судопроизводства, а в Программе на 2014–2018 годы говорится о защите уже свыше 20 тыс. данных лиц. Таким образом, при существенном (в 2 раза) увеличении числа защищаемых лиц объем финансовых средств на их защиту, как ни странно, уменьшается. Также в Программе на 2014–2018 годы, в отличие от предыдущих Программ, вообще не отражено, на какие конкретные меры защиты будут потрачены финансовые средства. Указанное обстоятельство свидетельствует о формальном подходе и значительном ослаблении мер, направленных на защиту участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств.

На наш взгляд, в содержание программы необходимо включить и основные направления, цели, задачи предупредительной деятельности, определить средства и методы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства.

Представляется, что в данную программу следует заложить весь комплекс мероприятий, направленных на снижение уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства. Именно на этапе прогнозирования и программирования предупредительной деятельности необходимо так распределить силы и средства (в том числе и финансовые), направленные на предупреждение рассматриваемых преступлений, чтобы цели программы были достигнуты, задачи решены[2].

В последние годы усиливается внимание ученых к криминологическому прогнозированию, поскольку именно прогноз позволяет выработать стратегию

---

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» (в ред. от 29 июня 2017 г.).

[2] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. М., 2016. С. 125–142.

законодательной и правоприменительной деятельности, выделить приоритеты в противодействии преступности на основе анализа и учета общесоциальных явлений. Более того, он дает возможность осуществлять необходимые маневры силами и средствами субъектов профилактики формировать сбалансированный комплекс общесоциальных и специальных предупредительных мер, определить объем задач и правомочий субъектов противодействия преступности.

Иными словами, прогноз служит основой для разработки системы обоснованных и взаимоувязанных плановых документов, целевых и комплексных программ, предпосылкой для принятия наиболее оптимальных решений в сфере предупреждения преступности[1]. Прогнозирование является инструментом реализации способности человека, классов и групп, общества в целом к обобщению и использованию накопленного опыта[2].

Суть криминологического прогнозирования сводится к тому, что посредством него осуществляется научное предвидение различных криминологически значимых факторов. Достаточно емкие по содержанию и краткие по форме определения криминологического прогнозирования представлены в учебной литературе. Так, криминологическое прогнозирование представляет собой:

научное предсказание основных изменений развития преступности или вероятности совершения преступления конкретными лицами в будущем[3];

систематическое получение информации о будущем состоянии криминологической обстановки на основе использования научных методов и процедур[4];

определение возможного уровня преступности в будущем на основании информации о состоянии преступности и ее детерминант в прошлом и настоящем с помощью специальных методов и моделей[5].

---

[1] См.: *Абызов К.Р.* Предупреждение региональной преступности. Барнаул, 2005. С. 7.

[2] См.: *Аванесов Г.А.* Теория и методология криминологического прогнозирования. М., 1972. С. 13; *Аврутин Ю.Е.* Криминологический анализ преступности в регионе. Методология, методика, техника: учебно-методическое пособие. Л., 1991. С. 12.

[3] См.: Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. С. 250.

[4] См.: Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. С. 464.

[5] См.: *Чуфаровский Ю.В.* Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие. С. 49.

Представляется, что предметом криминологического прогноза совокупности рассматриваемых преступлений является определение их вероятностного уровня в обозримом будущем. Причем, прогностические выводы необходимо учитывать для составления и последующей корректировки планов предупредительной работы.

К.Р. Абызов справедливо указывает, что перспективное криминологическое планирование можно рассматривать как конкретизацию прогнозирования в пространственно-временных характеристиках, как определение конкретных средств достижения поставленной цели. Следовательно, разработка прогнозов предшествует формированию плана во времени, определяет его научную сущность и содержание[1].

На основе прогнозов составляются планы предупредительной деятельности. В свое время П.С. Дагель определял планирование борьбы с преступностью как один из видов управленческого решения наряду с текущим оперативным управлением, ориентированным на повседневное решение возникающих задач[2]. По мнению А.П. Черненко, планирование профилактики правонарушений вообще — это разновидность целенаправленной социальной деятельности разнообразных субъектов профилактики по разработке и реализации планов и мероприятий, направленных на предупреждение различных видов правонарушений, включая преступления, вплоть до искоренения причин и условий, способствующих противоправному поведению в российском обществе[3]. К.Р. Абызов также считает, что планирование объединяет и повышает эффективность деятельности правоохранительных органов, создает условия для успешного сотрудничества и взаимодействия этих органов и общественных организаций при решении общих задач предупреждения преступности, обеспечивая целевое и

---

[1] См.: *Абызов К.Р.* Указ. раб. С. 17–18.

[2] См.: *Дагель П.С.* Уголовная политика: управление борьбой с преступностью // Проблемы социологии уголовного права: сборник научных трудов. М., 1982. С. 35–36.

[3] См.: *Черненко А.П.* Планирование профилактики правонарушений в органах внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 15.

наиболее рациональное распределение сил и средств среди указанных выше субъектов[1].

Следует отметить, что в криминологической доктрине существует многообразие дефиниций планирования предупредительных мер. Разные авторы, каждый со своей точки зрения, определяют данный вид деятельности по-своему[2].

План является неотъемлемой частью различных программ противодействия преступности, в том числе и программы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Следует подчеркнуть, что нами не преследовалась цель предложить типовой проект такой программы, поскольку постоянно меняющиеся условия реальной действительности требуют периодической, порой, кардинальной, корректировки ее содержания, в частности, круга необходимых мероприятий, субъектов предупредительной деятельности и, конечно же, финансовых условий. Тем не менее, отметим, что в содержание программы должны входить комплексные мероприятия, направленные на профилактику, предотвращение и пресечение преступлений против участников уголовного судопроизводства, в том числе разработка тактических приемов раскрытия и методики расследования преступлений рассматриваемого вида, совершенствование организации государственной защиты участников уголовного процесса и различных отраслей законодательства. Государственная

---

[1] См.: *Абызов К.Р.* Указ. раб. С. 21.

[2] См., например: *Игошев К.Е., Шмаров И.В.* Социальные аспекты предупреждения правонарушений. М., 1980. С. 20–31; *Жилинский С.Э., Рассолов М.М.* Комплексное планирование социальной профилактики правонарушений. М., 1981. С. 25–26; *Миньковский Г.М.* Социальное планирование в сфере борьбы с преступностью и проблем борьбы с рецидивом // Планирование мер борьбы с преступностью. М., 1982. С. 119–125; *Жилинский С.Э.* Система планирования охраны правопорядка // Комплексное планирование профилактики правонарушений. М., 1981. С. 38–43; *Сепс Д.А., Матвеев К.К.* Роль органов Министерства внутренних дел в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Управление профилактикой правонарушений несовершеннолетних. Рига, 1989. С. 148–176; *Дусаев Р.Н.* Эволюция уголовного права стран Западной Европы и США. Петрозаводск, 1999. С. 33–34; *Звечаровский И.Э.* Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб., 2001. С. 73–97; *Дербичева С., Астапенко П.* Социализация полиции и партнерство с населением как стратегия борьбы с преступностью: европейские ноу-хау // Закон и право. 2002. № 1. С. 50-55 и др.

программа «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» должна являться составной частью общей программы предупреждения преступлений рассматриваемого вида[1]. Полагаем, что комплексная программа предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства не должна дублировать содержание федеральных целевых и ведомственных программ. Однако ее меры могут реализовываться в составе основных мероприятий государственных программ противодействия преступности, например, Программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и предупреждение преступности», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 345 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”» (в ред. от 31 марта 2017 г.)[2].

Криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства должно быть обязательным элементом предупредительной деятельности. Это связано с тем, что в процессе расследования уголовных дел возможна утечка информации об участниках уголовного судопроизводства, что является одним из условий совершения в отношении них преступлений. Поэтому, как считает Е.И. Комарова, определяя тактику досудебного производства по уголовному делу, следователь на основе оперативно-ситуационного прогнозирования должен определить круг лиц, участие которых в досудебном производстве требует принятия защитных мер[3]. К криминалистическим мерам, направленным на предупреждение преступлений рассматриваемого вида следует отнести как технико-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений рассматриваемого вида, так и тактические основы производства следственных и иных действий, направленных на защиту участников процесса, а также мето-

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. С. 143–158.

[2] См.: СЗ РФ. 2014. № 18. Ст. 2188; 2017. № 15. Ст. 2216.

[3] См.: *Комарова Е.И.* Криминалистические аспекты системы информационной безопасности уголовного судопроизводства // Вестник криминалистики. 2006. Вып. 4 (20). С. 75.

дику расследования преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства.

Одним из видов предупреждения указанного вида преступлений являются оперативно-розыскные меры, поскольку в ст. 2 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 6 июля 2016 г.)[1] регламентировано, что предупреждение преступлений — одна из задач оперативно-розыскной деятельности. К обязанностям органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, согласно ст. 14 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», кроме прочих, относится содействие обеспечению безопасности участников уголовного судопроизводства. Государственная защита участников уголовного судопроизводства должна осуществляться не как отдельный вид деятельности, а как составляющая всего комплекса средств и методов предупреждения преступлений рассматриваемого вида.

В процессе предупредительной деятельности субъекты сталкиваются с несовершенством действующего законодательства, применение которого может существенно замедлить осуществление мер профилактики, предотвращения и пресечения преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства. Поэтому одной из приоритетных мер, направленных на предупреждение рассматриваемых деяний, является совершенствование законодательства, в первую очередь уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного. Предупредительная деятельность должна содержать в себе межотраслевой комплекс применения мер безопасности в отношении участников уголовного процесса[2].

По итогам деятельности по предупреждению исследуемых преступлений следует рассмотреть результаты проведенной работы, вследствие чего выясня-

---

[1] См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.

[2] См.: *Яшин А.В.* Теоретическая модель системы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 1. С. 216–221.

ется, достигнуты ли цели, поставленные в программе предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Если они достигнуты, то предупредительная деятельность признается эффективной, если нет, то анализируются сбои и ошибки в модели предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, в нее вносятся соответствующие коррективы в целях недопущения аналогичных пробелов. Представляется, что прежде чем разработать критерии оценки эффективности мер предупреждения рассматриваемых преступлений, следует рассмотреть лексическое значение слова «эффективность».

Данный термин в различных источниках употребляется в следующих значениях:

результат, следствие каких-либо причин, действий[1];

действенный, дающий необходимый, обычно положительный результат[2];

мера целевой возможности[3];

один из важнейших оснований деятельностного подхода[4];

степень реализованности правовой возможности[5];

степень достижения целей с наибольшей оптимальностью[6];

отношение затрат к результатам, а результатов — к целям[7];

полное достижение целей[8];

---

[1] См.: Большая Советская энциклопедия: в 30 т. 3-е изд. 1969–1978. Т. 30. С. 322.

[2] См.: *Евгеньева А.П.* Словарь синонимов русского языка: справочное пособие. Л., 1975. С. 625.

[3] См.: *Андрющенко М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл // Философские и социологические исследования. Л., 1971. С. 45.

[4] См.: Проблема эффективности в современной науке / под ред. А.Д. Урсула. Кишинев, 1985. С. 18.

[5] См.: *Керимов Д.А.* Категории действительности и возможности в праве // Советское государство и право. 1968. № 8. С. 15.

[6] См.: *Плохова В.И.* К вопросу о понятии и критериях эффективности уголовного наказания // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. Свердловск, 1976. С. 14–15.

[7] См.: *Костанов Ю.А.* Краткие сроки лишения свободы и их эффективность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1979. С. 7.

[8] См.: *Ключинская Л.А., Бергере Л.А.* Несовершеннолетние и уголовный закон. Рига, 1967. С. 15–16.

отношение между фактически достигнутым результатом и поставленной целью[1].

По мнению Г.Г. Смирнова, эффективность предупреждения преступлений, понятие которой связывается в первую очередь со степенью соответствия предупредительной деятельности ее целям, с достижением (полным или хотя бы частичным) или недостижением их, имеет разноплановый, многоуровневый характер, приуроченный в каждом конкретном случае к тому или иному варианту целеполагания (виду, подвиду целей)[2]. О.В. Гревцов утверждает, что эффективность уголовной политики в области предупреждения преступлений есть интегрированное слагаемое воздействия всех ее составляющих на преступность, причины и условия последней, обеспечивающее меру и степень защиты личности, общества, государства от преступных посягательств[3].

Таким образом, смысл эффективности предупреждения преступлений сводится к тому, что она связана со степенью соответствия предупредительной деятельности ее целям (их достижения или недостижения).

Следует отметить, что некоторые зарубежные авторы связывают эффективность противодействия преступности с применением жестких мер к лицам, совершившим общественно опасные деяния[4]. Тем не менее, большинство ученых поддерживают точку зрения, согласно которой ужесточение уголовного наказания и снижение уровня преступности редко совпадают[5].

На наш взгляд, об эффективности предупредительной деятельности следует говорить лишь в том случае, когда задействован весь комплекс профилактических мер: организационных, экономических, социальных и прочих, и когда

---

[1] См.: *Самощенко И.С., Никитинский В.И.* Изучение эффективности действующего законодательства // Советское государство и право. 1969. № 8. С. 6.

[2] См.: *Смирнов Г.Г.* Понятие эффективности предупреждения преступлений // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 1. С. 86.

[3] См.: *Гревцов О.В.* Уголовная политика современной России и предупреждение преступлений: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2000. С. 142.

[4] *Austin J.* Projecting the future of corrections // Crime and Delinquency. 1992. Vol. 38. No 3. P. 285–308.

[5] См.: *Laitinen A.* The Problem of Controlling Organizational Crime // Social Changes, Crime and Police (International Conference). Budapest, 1993. P. 134.

на предупреждение преступности направлен комплекс отраслей законодательства: уголовного, уголовно-процессуального, оперативно-розыскного и иных. В связи с этим вызывает возражение мнение С.В. Максимова, который считает, что эффективность общего предупреждения преступлений — это способность уголовно-правового комплекса оказывать на людей удерживающее от совершения преступлений воздействие, характеризующаяся определенным отношением к цели последнего[1].

Одним только уголовно-правовым комплексом невозможно осуществлять предупреждение преступлений, поскольку предупредительная деятельность регламентирована различными отраслями законодательства. Действительно, в ч. 1 ст. 2 УК РФ предусмотрено, что одной из задач уголовного кодекса является предупреждение преступлений. Тем не менее, тождественные задачи предусмотрены и другими отраслями законодательства. Так, согласно ч. 1 ст. 1 УИК РФ одной из его задач также является предупреждение преступлений.

Следует обратить внимание на то обстоятельство, что в действующей редакции УПК РФ не предусмотрена такая его задача, как предупреждение преступлений. Указанный фактор, на наш взгляд, является значительным пробелом в указанной отрасли законодательства, поскольку УПК РФ служит одним из средств предупредительной деятельности. К примеру, в ч. 2 ст. 2 УПК РСФСР данная задача была регламентирована.

Предупреждение преступлений относится к задачам различных федеральных законов РФ, например: от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (в ред. от 7 марта 2018 г.)[2], от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» (в ред. от 7 марта 2018 г.)[3], от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 6 июля 2016 г.)[4] и др.

---

[1] См.: *Максимов С.В.* Эффективность общего предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 1992. С. 163.

[2] См.: Российская газета. 2011. 8 февр.; СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1591.

[3] См.: СЗ РФ. 1995. № 15. Ст. 1269; 2018. № 11. Ст. 1591.

[4] См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.

Проблемы предупреждения правонарушений (в том числе и преступлений) изучаются, кроме того, различными отраслями права: конституционного, административного, трудового и др. Следовательно, эффективность предупреждения преступлений зависит, прежде всего, от возможности комплексной и согласованной деятельности субъектов предупредительной деятельности и применением не только уголовного, но и других отраслей законодательства.

На наш взгляд, несколько сужает понятие эффективности мер предупреждения преступлений и Э.Х. Нарбутаев, который считает, что под эффективностью правовых мер борьбы с преступностью следует понимать достижение такого уровня совершенства уголовно- и уголовно-процессуально-правовых мер, которые бы исключили условия для незаконного привлечения гражданина к уголовной ответственности, а также нарушения универсального принципа неотвратимости ответственности за содеянное, содержащее признаки состава преступления, предусмотренного уголовным законом[1]. Думается, что в данном случае Э.Н. Нарбутаев не вполне обоснованно ограничивает предупредительные меры только уголовным и уголовно-процессуальным законодательством.

Прежде чем определить основные направления повышения эффективности мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, следует уточнить, в чем выражается данная эффективность.

В криминологической науке встречается разнообразие определений содержания эффективности. В частности, С.В. Векленко полагает, что «эффективность любой деятельности находится в непосредственной зависимости от оптимального соотношения целей деятельности и способов, приемов и средств их достижения»[2]. А.И. Марцев считает, что эффективность общего предупреждения обеспечивается правовым информированием, успешностью деятельно-

---

[1] См.: *Нарбутаев Э.Х.* Проблемы эффективности правовых мер борьбы с преступностью (теория и практика): дис. … д-ра юрид. наук. Ташкент, 1991. С. 379.

[2] *Векленко С.В.* О повышении эффективности уголовно-правового воздействия // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. М., 2008. С. 371.

сти органов государства, ведущих борьбу с преступностью, и уровнем карательного воздействия[1].

С точки зрения А.Х. Миндагулова, эффективная организация предупреждения преступлений предполагает выделение уровней профилактики и установление для каждого из них своих, только ему присущих задач[2]. Д.Б. Магомедов отмечает, что эффективность системы профилактики преступлений более корректно оценивается по наиболее низкому показателю эффективности какой-либо составляющей части (например, общесоциального предупреждения преступности)[3]. А.С. Барабаш и Л.М. Володина пишут: «Эффективность — это понятие, характеризующее основанную на законе деятельность правоприменителя, направленную на достижение социально значимых целей, сформулированных в законе»[4].

Полагаем, что нет смысла перечислять суждения об эффективности предупредительной деятельности, поскольку каждый автор высказывает свою точку зрения. Представляется, что следует придерживаться воззрения о том, что эффективность — категория оценочная. Она раскрывает степень соответствия деятельности поставленным перед ней целям[5]. Поэтому, как отражено в научной литературе, при рассмотрении эффективности предупреждения преступности важнейшее значение приобретает выяснение целей данной деятельности[6]. Причем, как справедливо отмечает Г.Г. Смирнов, эффективность все в большей мере соотносится с реальными, достижимыми, а не фантомными целями. Эф-

---

[1] См.: *Марцев А.И.* Социально-политическое значение Закона от 8 декабря 2003 года // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: Всероссийская научно-практическая конференция (25–26 марта 2004 г.): в 2 ч. Ч. 1 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. С. 68.

[2] См.: *Миндагулов А.Х.* Указ. раб. С. 401.

[3] См.: *Магомедов Д.Б.* К вопросу об эффективности профилактики преступлений // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2008. № 2. С. 192.

[4] *Барабаш А.С., Володина Л.М.* Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования. Томск, 1986. С. 116.

[5] См.: *Яшин А.В.* Вопросы повышения эффективности предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. № 2. С. 233–237.

[6] См.: Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочкова, Г.М. Миньковского. М., 1977. С. 239.

фективным становится только то, что, судя по конечным результатам, приносит пользу личности, обществу, государству[1].

В советский период предупреждение преступности и отдельных групп преступлений рассматривалось как основное направление борьбы с преступностью, преследующее цель ее последовательного сокращения и окончательного искоренения[2], поскольку одной из превалирующих идей построения коммунистического общества являлась полная ликвидация преступности. Однако даже в те времена многие авторы, как указывалось в историческом обзоре рассматриваемой проблемы, стремились определить цели предупреждения преступности, не связанные с утопической идеей ее абсолютного устранения, а в виде выявления, снижения, нейтрализации, устранения причин и условий, ей способствовавших.

На профилактику преступлений, как в свое время совершенно справедливо писал А.Э. Жалинский, воздействуют различные условия. Причем, многие условия находятся вне пределов влияния субъектов профилактики и даже вне пределов научного анализа, основанного на специальных познаниях[3]. Он же подчеркивал, что наиболее общий уровень условий эффективности профилактики преступлений составляют общесоциальные условия[4].

Действительно, от общесоциальных явлений, влияющих на уровень преступности, избавиться невозможно. Общесоциальные условия зависят от многих факторов, включая государственную политику, поэтому порой преодолеть их практически невозможно ни субъектам предупредительной деятельности, ни ученым, разрабатывающим меры противодействия преступности. По данному поводу следует согласиться и с точкой зрения Г.И. Забрянского, считающего, что, «поскольку преступность есть наблюдаемая характеристика власти, высо-

---

[1] См.: *Смирнов Г.Г.* Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 270.

[2] См.: Криминология / отв. ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. М., 1979. С. 123–124.

[3] См.: *Жалинский А.Э* Условия эффективности профилактики преступлений. М., 1978. С. 40–41.

[4] См.: Там же. С. 41.

кий уровень криминальной напряженности делает проблему преступности в России вопросом политическим»[1]. В связи с этим полагаем, что, говоря о повышении эффективности предупредительной деятельности, все же следует обращать больше внимания на специально-криминологические меры.

Как уже отмечалось, в последние два десятилетия состояние и уровень изучаемых общественно опасных деяний стабильны и находятся в достаточно тесной корреляционной взаимосвязи с состоянием и уровнем общей преступности в России. Потому одной из целей предупредительной деятельности должно быть обусловливание снижения уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства. В данном случае необходимо стремиться к тому, чтобы по возможности не допустить совершения таких преступлений, максимально используя для этого весь арсенал предупредительных мер. Конечно, в целом говорить об исчерпывающем характере данных современной статистики не приходится, поскольку в учетно-регистрационной дисциплине имеется множество пробелов, связанных с несовершенством ее правового регулирования, «погоней» за результатами, ошибками при заполнении статистических карточек, латентностью рассматриваемых преступлений и т.п. Вследствие этого цель, связанная со снижением уровня группы рассматриваемых преступлений, является не единственной и ее следует достигать в совокупности с другими целями предупредительной деятельности. В свою очередь, стремление к увеличению количества предотвращенных и пресеченных преступлений должно быть следующей целью предупредительной работы, поскольку в этом случае снижается и в идеале должен приближаться к нулю уровень тех негативных последствий, которые могли быть причинены участникам уголовного судопроизводства оконченными общественно опасными деяниями.

---

[1] *Забрянский Г.И.* Основы концепции государственной политики предупреждения преступности несовершеннолетних // Государственная политика предупреждения преступности несовершеннолетних и защита их прав и интересов: сборник научных трудов / под ред. О.В. Пристанской, Е.И. Цымбал. М., 1997. С. 19.

В Государственной программе «Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы», утвержденной Постановлением Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 указывается, что в ходе ее реализации наметилась динамика увеличения количества защищаемых лиц и применяемых в отношении них мер безопасности. Однако считаем, что повышение числа защищаемых лиц на самом деле является негативной тенденцией, поскольку свидетельствует о росте противоправных посягательств на участников уголовного судопроизводства. В свою очередь, увеличение применяемых мер безопасности приводит к повышению организационных, материально-технических, финансовых и иных затрат, что становится экономически невыгодным. На наш взгляд, в этом заключена низкая эффективность предупредительной деятельности, поскольку своевременное предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства, напротив, должно способствовать минимизации затраченных на нее ресурсов.

В связи с указанным обстоятельством третьей целью предупредительной деятельности должно стать достижение сокращения количества лиц, обращающихся в правоохранительные органы с ходатайством о применении к ним мер безопасности. Это будет свидетельствовать о снижении уровня совокупности исследуемых преступлений, поскольку, чем меньше лиц обращается к компетентным органам за защитой, следовательно, тем меньше противоправных деяний (в том числе угроз) осуществляется в отношении участников уголовного процесса. Данная цель корреспондирует со ст. 2 Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности» (в ред. от 5 октября 2015 г.), п. 4 которой к одному из основных принципов безопасности относит приоритет предупредительных мер в целях обеспечения безопасности[1].

Однако здесь необходимо учесть, что согласно итогам проведенного исследования 44,1% респондентов — участников уголовного судопроизводства из

---

[1] См.: СЗ РФ. 2011. № 1. Ст.2; 2015. № 41. Ст. 5639.

числа опрошенных — ответили, что не заявляли о совершении преступлений в правоохранительные органы (см. приложение 2). Представленные данные свидетельствуют о достаточно высоком уровне латентности преступлений рассматриваемого вида. Таким образом, почти половина преступлений против участников уголовного судопроизводства не регистрируется вследствие того, что потерпевшие от таких преступлений не обращаются в компетентные органы. Но даже полученная цифра не отражает реальной картины уровня латентности преступлений против участников уголовного судопроизводства, поскольку в ходе исследования опрошена лишь часть участников процесса. Причем, участники уголовного судопроизводства не всегда заявляют в правоохранительные органы о совершении в отношении них преступлений по причине неверия в реальную защиту от преступных посягательств (30,0%). На низкую эффективность мер безопасности, применяемых в отношении участников уголовного судопроизводства, указывают также результаты опроса осужденных. Так, всего лишь 7,3% из числа опрошенных осужденных ответили, что опасались совершать преступления в отношении указанных лиц вследствие их эффективной защиты (см. приложение 1).

Поэтому для достижения указанной цели необходимо учитывать причины, по которым происходит сокращение числа лиц, ходатайствующих о применении в отношении них мер безопасности. Это должно происходить не потому, что участники уголовного судопроизводства не обращаются в правоохранительные органы из-за недоверия к сотрудникам либо должностные лица соответствующих подразделений ненадлежащим образом исполняют свои служебные обязанности, а в силу того, что в применении мер безопасности нет необходимости, поскольку угрозы и попытки совершения преступных посягательств устранены посредством предупредительных мер.

Однако здесь следует учесть некоторые обстоятельства, связанные с обеспечением криминологической безопасности личности, вовлеченной в сферу уголовного процесса, с тем, чтобы определить еще один критерий эффективности предупредительной деятельности.

По этому поводу Л.И. Лавдаренко и Т.В. Амосова справедливо пишут, что философское осмысление безопасности опирается на трактовку безопасности как свойства (или атрибута) системы. В основе такого понимания заложено предположение о естественной защищенности любой системы от разрушительного воздействия каких-либо сил[1]. Применительно к настоящему исследованию речь идет о состоянии защищенности определенной группы лиц, — участников уголовного судопроизводства — от воздействий со стороны заинтересованных лиц.

В последние годы вопросы криминологической безопасности активно разрабатываются М.М. Бабаевым, В.А. Плешаковым, С.Я. Лебедевым и другими видными криминологами, с точки зрения которых криминологическая безопасность заключается не только в объективном состоянии жизненно важных и иных существенных интересов личности, общества, государства от преступных посягательств и угроз таких посягательств, но и в осознании людьми независимо от их статуса такой своей защищенности[2]. По мнению Г.Г. Горшенкова, криминологическая безопасность личности определяется как состояние ее защищенности от криминальной угрозы в силу особых личностных свойств, которые позволяют предвидеть прямую или косвенную криминальную угрозу, избегать ее или противодействовать ей, а также в силу определенных, специально созданных для этого условий среды[3].

Участники уголовного судопроизводства в силу своего процессуального статуса обладают особыми личностными свойствами и находятся в специфических условиях внешней среды — сфере уголовного судопроизводства, поэтому

---

[1] См.: *Лавдаренко Л.И., Амосова Т.В.* К вопросу о формировании категории «безопасность личности» в сфере уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2015. № 16. С. 16.

[2] См.: *Бабаев М.М., Плешаков В.А.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структурного анализа) // Криминологический журнал. 2005. № 7. С. 5–9; *Лебедев С.Я.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России // Российский криминологический взгляд. 2006. № 3. С. 104–110.

[3] См.: *Горшенков Г.Г.* Антикриминальная безопасность личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. Ставрополь, 2009. С. 36.

выступают в качестве объектов повышенной криминальной опасности, требующей ее нейтрализации и устранения. Г.П. Лозовицкая, определяя цели предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, исходя из концепции криминологической безопасности, полагает, что они выражаются в устранении угроз личности, возникающих при осуществлении уголовного судопроизводства, а также при обеспечении реализации многоаспектного права на судебную охрану[1].

Считаем, что только лишь устранение угроз и обеспечение судебной охраны не будет являться достаточным условием состояния защищенности рассматриваемых лиц. На наш взгляд, в данном случае необходимо учесть и субъективный фактор — осознание участниками уголовного судопроизводства того, что они действительно защищены и могут не опасаться вступать в уголовный процесс, что преступные воздействия в отношении них будут своевременно предупреждены.

Безусловно, как справедливо утверждают М.М. Бабаев и М.С. Крутер, абсолютной безопасности в природе не существует, и конечная цель предупреждения преступности достижима лишь частично[2]. Тем не менее, следует учитывать указанный субъективный фактор в предупредительной деятельности и стремиться к поставленной цели. Следовательно, целью предупреждения рассматриваемой группы преступлений должно стать и стремление к формированию уверенности участников уголовного судопроизводства в своей безопасности при реализации своих уголовно-процессуальных прав и (или) обязанностей. Это связано с тем, что, как справедливо считают Е.И. Замылин и В.В. Намнясева, «лица, осуществляющие правосудие или предварительное расследование, а также лица, способствующие раскрытию и расследованию преступлений, смогут должным образом исполнять свои процессуальные обязанности только в

---

[1] См.: *Лозовицкая Г.П.* Преступления против участников уголовного судопроизводства. М., 2008. С. 161

[2] См.: *Бабаев М.М., Крутер М.С.* Молодежная преступность. М., 2006. С. 305.

том случае, если будут уверены в способности государства обеспечить их безопасность»[1].

Определение достижения указанных целей осуществляется посредством использования критериев эффективности деятельности по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства. Таким образом, исходя из поставленных целей, на этапе подведения итогов предупредительной деятельности, предлагается использовать три количественных критерия и один качественный.

К количественным критериям относятся: снижение удельного веса зарегистрированных преступлений против участников уголовного судопроизводства в массиве всех зарегистрированных преступлений; повышение уровня предотвращенных и пресеченных общественно опасных деяний; уменьшение количества участников уголовного судопроизводства, обращающихся в правоохранительные органы с ходатайством о применении к ним мер безопасности.

Качественный критерий — осознание личностью, вовлеченной в уголовный процесс, защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств и уверенности в ней. Бесспорно, последний критерий невозможно зафиксировать, измерить, подвергнуть каким-либо статистическим подсчетам, поэтому в целях исследования эффективности предупредительной деятельности следует проводить опросы участников уголовного судопроизводства (в виде анкетирования, интервьюирования и т.п.) о том, как они сами оценивают состояние своей защищенности (образец анкеты приведен в приложении 9). На наш взгляд, этот критерий является наиболее важным, поскольку свидетельствует о качестве предупредительной деятельности с точки зрения самих участников уголовного судопроизводства.

Все критерии должны быть взаимосвязаны и взаимообусловлены. Причем, снижение количества лиц, обращающихся с ходатайством о применении к

---

[1] *Замылин Е.И., Намнясева В.В.* Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве (к вопросу о защите чести и достоинства личности) // Вестник Воронежского института МВД России. 2012. № 3. С. 60.

ним мер безопасности, как критерий определения эффективности, должен учитываться только при условии осознания и уверенности личности в защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, а не в случае отказа от применения мер государственной защиты из-за недоверия к правоохранительным органам. Представляется, что эффективность предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства в данном случае будет отвечать всем требованиям целенаправленности, экономичности, практичности и научности[1].

Изложенное позволяет сформулировать следующие выводы:

1) теоретическая модель специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства представляет собой определение и описание системы элементов, связей и отношений между ними, в достаточной степени воспроизводящей существенные особенности основных направлений и конкретных мер профилактики, предотвращения и пресечения указанных общественно опасных деяний. В качестве элементов такой модели выступают:

получение субъектами предупредительной деятельности необходимой информации;

анализ полученной информации, оценка оперативной обстановки в стране, регионе или на местном уровне, определение объектов предупредительной деятельности;

научное обеспечение предупредительной деятельности;

прогнозирование состояния преступлений против участников уголовного судопроизводства и программирование предупредительной деятельности;

определение мер и направлений предупредительной деятельности, в том числе виктимологической профилактики;

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Критерии оценки эффективности деятельности, направленной на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства // Современная научная мысль. 2017. № 6. С. 244–248.

криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение предупредительной деятельности, включая государственную защиту участников уголовного судопроизводства;

совершенствование правовых мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

оценка эффективности предупредительной деятельности;

2) все элементы теоретической модели неразрывно взаимосвязаны, причем научное обеспечение должно осуществляться на каждом этапе, начиная от получения необходимой информации соответствующими субъектами и заканчивая оценкой эффективности предупредительной деятельности. При этом государственная защита участников уголовного судопроизводства реализовывается не как отдельный вид деятельности, а является составляющим компонентом всего комплекса средств и методов предупреждения преступлений рассматриваемого вида. Представленная концепция должна быть положена в основу разработки федеральных и региональных программ, направленных на обеспечение устойчивого механизма взаимодействия субъектов предупреждения в целях повышения эффективности противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства;

3) по итогам деятельности по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства следует оценивать результаты проведенной работы в целях выяснения, достигнуты ли цели, поставленные в программе предупреждения рассматриваемых преступлений. Если они достигнуты, то предупредительная деятельность признается эффективной, если нет, то анализируются сбои и ошибки в модели предупреждения преступлений, в нее вносятся соответствующие коррективы и мероприятия проводятся с учетом предыдущих недостатков;

4) критериями оценки эффективности деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемого вида являются: снижение удельного веса зарегистрированных преступлений против участников уголовного судопроизводства в массиве всех зарегистрированных преступлений; повышение уровня

предотвращенных и пресеченных общественно опасных деяний; уменьшение количества участников уголовного судопроизводства, обращающихся в правоохранительные органы с ходатайством о применении к ним мер безопасности; осознание личностью, вовлеченной в уголовный процесс, защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, и уверенности в ней.

§ 3. Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства и возможные пути их преодоления

В настоящее время в Российской Федерации существуют различные проблемы, снижающие эффективность деятельности, направленной на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства. Данные проблемы можно разделить на две категории: общие и частные. Общие проблемы затрудняют деятельность, направленную на общесоциальное предупреждение преступлений рассматриваемого вида, частные — на специально-криминологическое.

К основным проблемам общего уровня предупреждения данных общественно опасных деяний следует отнести: политические, социально-экономические, идеологические, нравственно-культурные.

Ключевыми проблемами частного характера являются, на наш взгляд, недостаточное правовое обеспечение предупредительных мер и слабая организация деятельности правоохранительных органов.

Как справедливо отмечает С.И. Герасимов, в современных условиях наше общество, как никогда, нуждается во внятной государственной политике борьбы с преступностью[1]. Хотя данное суждение было высказано более 15 лет назад, оно актуально и в наши дни. К сожалению, государство до сих пор никак не определится по вопросу политики противодействия преступности.

---

[1] См.: *Герасимов С.И.* Предупреждение преступности: опыт, проблемы (пути и средства их разрешения) // Прокурорская и следственная практика. 2001. № 3–4. С. 45.

Бесконечное, зачастую бесполезное реформирование правоохранительных органов, связанное в основном с организационно-штатными мероприятиями, отрицательно сказывается на осуществлении мер предупреждения преступлений и преступности. Отсутствует единая политическая воля, направленная на принятие тех или иных программ, проектов, законов, хотя, как справедливо утверждает Г.В. Дашков, «огромное число проблем, стоящих перед страной, объективно предполагает наличие массы поводов и оснований для выражения политической воли»[1]. Это подтверждается хотя бы тем, что в России на протяжении многих десятилетий обсуждался вопрос о принятии закона о профилактике преступлений (правонарушений).

По мнению В.С. Устинова, «хотя этот закон не сможет охватить все конкретные нормы профилактического характера, он должен стать для них рамочным ориентиром и стандартом, которым они должны соответствовать. Только в законе общего характера могут быть сформулированы цели, задачи, принципы законодательства, основные виды, методы, формы профилактики, определены субъекты и основы их компетенции»[2]. Несмотря на то, что соответствующие нормативные правовые акты на уровне субъектов Российской Федрации были давно приняты[3], на федеральном уровне данный закон появился лишь в 2016 г.[4]

На наш взгляд, политические проблемы противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства должна разрешить сама власть. Необходимы действенные реформы, направленные на усиление противодействия преступности, дальнейшее совершенствование международного сотрудничества в сфере предупреждения преступлений против участников уго-

---

[1] *Дашков Г.В.* Криминологическая составляющая в политической воле // Lex Russica. 2008. № 4. С. 890.

[2] *Устинов В.С.* Концепция закона о профилактике преступлений // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. М., 2002. С. 84.

[3] См., например: Закон г. Москвы от 19 марта 2008 г. № 14 «О единой профилактике правонарушений в г. Москве», Закон г. Санкт-Петербурга от 4 июня 2007 г. № 230-42 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации».

ловного судопроизводства, разработка эффективных программ предупредительной деятельности, укрепление профессионального ядра правоохранительных органов.

По справедливому мнению А.В. Бокова, организация борьбы с преступностью, соединенная с соответствующим политическим руководством, стоит в центре деятельности государства по обеспечению общественной безопасности, укреплению правопорядка и защите граждан от преступных посягательств. Поэтому к борьбе с преступностью государство подходит как к комплексной социальной задаче. Это значит, что такая борьба должна охватывать все меры социального, правового, экономического, воспитательного характера. Решающим же звеном, как и в любой другой политической сфере, становится организация, то есть дальнейшее совершенствование управления процессами борьбы с преступностью, соответствующего руководства[1].

Из политических проблем вытекают и социально-экономические. Политика в области увеличения заработных плат, стипендий, пенсий и других выплат также осуществляется бессистемно. После такого увеличения, как правило, происходит повышение цен на продукты питания, товары и услуги, особенно коммунальные. Получается, что населению страны от повышения выплат лучше не становится.

Для решения социально-экономических проблем противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства следует повысить материальное благосостояние личности, принять меры к последовательному утверждению принципов социальной справедливости, уменьшению степени расслоения населения по материальному уровню, сокращению уровню безработицы.

Хотелось бы отдельно остановиться на степени разделения по материальному уровню должностных лиц, связанных со сферой уголовного судопроиз-

---

[1] См.: *Боков А.В.* Криминологические основы управления деятельностью органов внутренних дел по борьбе с преступностью и обеспечению безопасности граждан: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2004. С. 249.

водства. В последние годы довольно часто преступления рассматриваемого вида совершают должностные лица правоохранительных органов, которые противоправно воздействуют на обвиняемых, подозреваемых, потерпевших, свидетелей, понятых и иных лиц, преследуя различные цели. На наш взгляд, одна из категорий причин и условий, детерминирующей их преступное поведение, — низкий уровень заработной платы. Причем, самым низким он является у сотрудников органов внутренних дел (даже после повышения суммы выплат в рамках реформы МВД 2011 г.), значительно отличаясь от уровня заработной платы сотрудников других правоохранительных органов (например, Следственного комитета, ФСБ).

Следствием данной причины является то, что большинство преступлений, в том числе против участников уголовного судопроизводства, совершается сотрудниками органов внутренних дел. Данный факт подтверждается тем, что в настоящее время очень много криминологических исследований посвящено преступности указанных сотрудников[1]. При этом в научной литературе практически не встречается работ, посвященных преступности сотрудников Следственного комитета, ФСБ, прокуратуры и некоторых других правоохранительных органов. Тем не менее, сотрудники органов внутренних дел рассматривают материалы и расследуют уголовные дела в гораздо большем объеме, чем сотрудники иных правоохранительных органов. На одного следователя органов внутренних дел порой приходится одновременно до 50 уголовных дел, в то время как нагрузка следователей других правоохранительных органов значительно ниже.

В связи с этим многие следователи, дознаватели, оперативные работники стараются добиться лучших показателей для того, чтобы их поощрили премией

---

[1] См., например: *Аксенов Ю.А.* Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2004; *Брайцева Е.А.* Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002; *Варыгин А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2003.

или повысили должностной оклад. Поэтому они вынуждены воздействовать на участников уголовного судопроизводства для улучшения показателей своей служебной деятельности.

Вследствие этого с целью недопущения совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства из-за материальной заинтересованности предлагается обеспечить достойный уровень заработной платы сотрудников всех правоохранительных органов, не выделяя их по принадлежности к различным ведомствам, поскольку основная задача любого правоохранительного органа — противодействие преступности. В данном случае, на наш взгляд, не следует обделять в материальном плане ни один правоохранительный орган.

Думается, что проблемы идеологического характера необходимо разрешать путем убеждения, воспитания и просвещения населения с целью укрепления веры в успех в борьбе с преступностью. Данные вопросы пересекаются с нравственно-культурными проблемами. Как справедливо отмечает В.А. Пантелеев, меры идеологического характера осуществляются через целенаправленную правовоспитательную, культурно-воспитательную работу. Вся эта деятельность способствует предупреждению и устранению криминогенных деформаций в групповом сознании, общественном мнении. Ее цель — формировать у граждан непримиримость к правонарушениям, готовность активно противостоять им, а также скорректировать нравственную позицию лиц, склонных к правонарушениям[1].

Значимую роль в нравственно-культурном воспитании личности играет формирование ее правовой культуры, правосознания. Дефинициями правосознания активно оперируют представители общей теории права. Так, Н.Л. Гранат полагает, что правосознание — это «сфера или область сознания, отражающая правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых

---

[1] См.: *Пантелеев В.А.* Организация деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности в России и за рубежом: дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. С. 124.

установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение (деятельность) людей в юридически значимых ситуациях»[1]. Р.С. Байниязов включает в понятие «правосознание» юридические цели, интересы, мотивы, привычки, традиции, иллюзии, интуицию, ментальные установки, стереотипы, правовое внушение, подражание, реакции, волевые импульсы, правокультурные модели поведения и многие другие составляющие[2]. А.Б. Венгеров описывает правосознание как канал воздействия права через мотивацию, эмоции, сознание на поведение людей, на формирование общественных отношений[3].

Выявляя признаки правосознания, И.М. Максимова отмечает, что правосознанию всегда присуща психологическая сторона, основанная на правовых чувствах, эмоциях, переживаниях, воле и т.д. Поэтому в правовом сознании могут концентрироваться как позитивные, так и негативные юридические чувства. К первым можно отнести чувство закона, права, долга перед обществом и государством; ко вторым — чувство беззакония, правовой безответственности, отрицание общепризнанных юридических ценностей и др[4].

С нашей точки зрения, нет смысла перечислять все существующие определения правосознания, следует лишь подчеркнуть, что правосознание личности влияет на формирование ее поведения, как правомерного, так и девиантного. Невысокая степень правосознания личности снижает чувство ответственности и оказывает влияние на выбор отклоняющегося поведения. Данное обстоятельство способствует сохранению высокого уровня преступности в Российской Федерации, в том числе и уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства.

---

[1] *Гранат Н.Л.* Правосознание и правовая культура. Общая теория государства и права / под ред. В.В. Лазарева. М., 2001. С. 243.

[2] См.: *Байниязов Р.С.* Проблемы правосознания в современном российском обществе: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 1999. С. 24.

[3] См.: *Венгеров А.Б.* Теория государства и права: учебник для юридических вузов. М., 2000. С. 482.

[4] См.: *Максимова И.М.* Правосознание как источник правового поведения личности: дис. … канд. юрид. наук. Тамбов, 2005. С. 17.

В научной литературе отмечается, что правовая культура личности — это знание, понимание и сознательное выполнение требований права в жизнедеятельности человека[1]. К сожалению, население России не всегда сознательно выполняет данные требования, наоборот, чаще всего они сознательно не выполняются. Это связано с менталитетом российского народа, его традициями, обычаями, ценностными ориентациями и жизненными установками. Во многих европейских странах, например в Швейцарии, наоборот, привычными действиями населения являются совершение правомерных поступков и удержание сограждан от нарушения закона. Среди местных жителей распространена поговорка: в Швейцарии каждый себе полицейский[2].

В нашей же стране сложились традиции, согласно которым удерживать людей от совершения противоправных деяний и, тем более, сообщать в правоохранительные органы о том, что кто-то совершил правонарушение, считается негативным поступком. Данное обстоятельство также является одним из условий развития преступности.

Как верно отмечает А.П. Плешаков, «правовая культура ориентирована на личность, оценку ее самосознания, развитость взглядов, представлений, убеждений, настроений, чувств человека относительно правовой жизни в их неразрывной связи с его собственной правовой жизнью»[3]. К сожалению, сегодняшние СМИ в противовес правовой культуре оказывают порой отрицательное влияние на личность, ее взгляды и убеждения, что может привести к формированию личности преступника. Так, многие СМИ публикуют материалы, в которых судьи, прокуроры, следователи, иные сотрудники правоохранительных органов представлены безграмотными, малодушными людьми, не способными защитить граждан от преступников. В этом контексте описываются события, в которых жертвы преступлений или их родственники самостоятельно расправ-

---

[1] См.: Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. Саратов, 1995. С. 484.

[2] См.: *Шнайдер Г.Й.* Криминология. М., 1994. С. 36–37.

[3] *Плешаков А.П.* Правовая культура и становление новой российской государственности // Правовая культура. 2007. № 1. С. 47.

ляются с обидчиками, не прибегая к помощи правосудия. Тем самым не только подрывается авторитет судебной власти и органов правопорядка, но и оказывается сильнейшее влияние на самосознание молодых людей. Среди граждан, особенно молодого возраста, формируется мнение, что на законные методы противодействия преступности рассчитывать не приходится и с обидчиками следует расправляться самостоятельно.

Подобного рода суждения в последние годы нашли свое отражение в научной литературе. Так, В.В. Боровикова считает, что некоторые телевизионные СМИ по разным причинам (политическим, лоббистским, связанным с получением дополнительных доходов, и др.) порой безосновательно подрывают авторитет правоохранительных органов, дискредитируют их деятельность, формируют негативное к ним отношение[1].

Немецкий криминолог Г. Шнайдер полагает, что средства массовой информации отчуждаются от общества. В сознании людей появляются образы преступника и преступности, которые не соответствуют действительности. Однако люди верят этому, поскольку не имеют личного опыта общения с настоящими преступниками. Таким образом, создаваемая средствами массовой информации картина преступности и уголовной юстиции задает масштаб, по которому постоянно определяется криминальная ситуация и формируется общественная позиция по отношению к преступности, уголовной юстиции и эффективности социального контроля более мрачная, чем сама реальность[2]. Об этом же пишет и И.М. Мацкевич: «С ростом числа сообщений о преступности у общественности растет ощущение засилья преступности. Причем, уголовная хроника, распро-

---

[1] См.: *Боровикова В.В.* Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 175.

[2] См.: *Шнайдер Г.Й.* Преступность и средства массовой информации // Советское государство и право. 1990. № 7. С. 120.

страняемая масс-медиа, не основывается на уголовной статистике, поэтому ощущение такой угрозы не отвечает объективному положению дел»[1].

В связи с этим происходит устрашение населения ужасными картинами преступности и невозможностью с ней справиться законными методами. В результате граждане начинают бороться с преступностью, а заодно и с «нерадивыми правоохранителями» самостоятельно. Тем не менее, следует отметить, что все же не все СМИ выплескивают на население негативную информацию. Как считает В.А. Пантелеев, стало уже аксиоматичным, что проблема правовой ориентации граждан практически полностью зависит от потенциального заряда, который несут в себе средства массовой информации. Главной и отличительной стороной этого процесса является подчинение вполне определенному позитивному социальному эффекту. С одной стороны, СМИ создают общественное мнение о многочисленных проблемах, связанных с существованием и воздействием на общество преступности, с другой — сформировавшееся мнение продолжает уже активизировать социальную активность в выгодном, то есть позитивном или негативном русле. Телевидению необходимо готовить передачи для молодежи с включением в них проблемных правовых ситуаций, которые призваны способствовать усвоению полученных знаний. Следует выделить такие уже существующие передачи, как «Суд идет», «Правовое обучение», «Дежурная часть», «Состав преступления» и др.[2]

На наш взгляд, необходимо все-таки подвергать некоторой коррекции публикации и сюжеты в средствах массовой информации, в частности такие, которые способствуют формированию преступной мотивации граждан. То же самое следует сказать о многих кино- и телефильмах. Представляется, что для успешного формирования законопослушной личности необходимо воспитывать человека в духе правосознания. В фильмах доперестроечного периода делался

---

[1] *Мацкевич И.М.* Общественное сознание и преступность // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы Международной научно-практической конференции, посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6–9 октября 2011 г.). Краснодар, 2011. С. 13.

[2] См.: *Пантелеев В.А.* Указ. раб. С. 148–150.

акцент на развитие добропорядочной личности. В современных фильмах зачастую нет никакой сюжетной линии, и непрофессиональная игра актеров подменяется внушительными спецэффектами, на которых и строится успех картины. Смысл спецэффектов заключается в актах насилия, кровопролитии, взрывах, авариях и т.п. Убийства показывают как благородную миссию. Даже после просмотров патриотических фильмов такие сцены ведут к психологическим срывам экстремистски настроенной молодежи, что приводит к так называемой «борьбе за справедливость», заключающейся в применении насилия к лицам, поддерживающим ценности зарубежных стран, не являющимися, с их точки зрения, патриотами и т.д. Во многих фильмах показывают сцены расправы с судьями, прокурорами, следователями, потерпевшими, свидетелями и другими участниками правосудия, что также далеко не способствует формированию законопослушной личности.

Представляется, что теле- и кинофильмы, затрагивающие деятельность правоохранительных органов, должны консультировать специалисты прежде, чем они выйдут на экраны. В советское время это практиковалось. Например, многосерийный телефильм «Рожденная революцией» консультировал доктор юридических наук, профессор, генерал-майор милиции И.И. Карпец. Многие фильмы о сотрудниках спецслужб, таможни и т.п. консультировали специалисты, поэтому в них не было негативного отношения к правоохранительным органам. Кинофильмы должны формировать правовую культуру, а не наоборот, разрушать ее.

На наш взгляд, следует также затронуть вопрос о правовой культуре самих лиц, призванных на законных основаниях осуществлять правосудие и предварительное расследование. В данном случае на их правосознание и процесс нравственного развития большое влияние оказывают социальные условия и противоречия в развитии общества.

Эти детерминанты привели к идеологическому и духовному кризису подавляющей части указанных лиц. В связи с этим в сознании большинства сотрудников правоохранительных органов стали преобладать элементарные по-

требности, мотивы физического выживания, сиюминутные интересы, произошли коренные изменения мировоззренческих установок и идеологических ориентаций. Для значительной части населения страны эталоном общественной значимости стало личное богатство, возможность пользоваться материальными благами, а не образованность, порядочность, совесть, невозможность совершения противоправных поступков.

Перечисленные факторы порой насаждаются современной литературой, телепередачами, кинофильмами. Учитывая, что в настоящее время контингент сотрудников правоохранительных органов значительно омолодился, данные идеи приходят и к молодым следователям, сотрудникам прокуратуры, судов и т.п. Такая обстановка в стране приводит к изменению мотивации их действий, в связи с чем в среде указанных лиц появляются субъекты, совершающие преступления против участников уголовного судопроизводства.

Чтобы не быть голословными в своих суждениях, приведем некоторые данные официальной статистики. Так, в период с 1997 г. по 2017 г., на фоне общего снижения уровня зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида, в 14,8 раз увеличилось количество преступлений, предусмотренных ст. 303 УК РФ (фальсификация доказательств и результатов оперативно-разыскной деятельности). Указанное преступление совершается только лицами, осуществляющими правосудие и предварительное расследование. Таким образом, субъекты, призванные строго соблюдать законность, сами же ее и нарушают, что происходит далеко не от высокого уровня их правовой культуры.

Одним из средств формирования правовой культуры является правовое воспитание личности. Однако особую сложность представляет собой правовое воспитание лиц, уже совершивших преступление, поскольку в данном случае необходимо убедить человека встать на путь исправления и не совершать повторных общественно опасных деяний. Вследствие этого необходимо, на наш взгляд, проводить культурно-просветительные и воспитательные мероприятия, направленные на формирование у граждан, склонных к совершению, или уже совершивших преступления, четких убеждений отказа от дальнейшего проти-

воправного поведения. Данные мероприятия должны проводить сотрудники правоохранительных органов, а также должностные лица органов исполнительной власти и местного самоуправления, в обязанности которых входит координация правоохранительной деятельности в том или ином регионе[1].

Полагаем, что повышение уровня правовой культуры криминогенной личности может привести к снижению случаев противоправного воздействия на участников уголовного процесса. Преступления против участников уголовного судопроизводства не только подрывают авторитет осуществления правосудия, но и причиняют серьезный вред личности, что значительно повышает степень их общественной опасности. Поэтому в Российской Федерации должно уделяться особое внимание повышению уровня правовой культуры граждан с целью формирования позитивного отношения не только к закону, но и к своим согражданам[2].

Недостаточное правовое обеспечение предупредительных мер является частной проблемой профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства. Она возникает в связи с тем, что в процессе мероприятий, направленных на противодействие рассматриваемой группы преступлений, отсутствует взаимосвязь различных отраслей законодательства, причем сами законы не всегда являются совершенными.

В научной литературе данная проблема обсуждается достаточно энергично. Так, А.В. Кириков пишет, что «правовое обеспечение предупреждения преступлений представляет собой сложную динамическую систему, включающую совокупность юридических норм, реализация которых позволяет осуществлять

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Роль уровня правовой культуры личности в профилактике постпреступного воздействия на участников уголовного судопроизводства // Современное право. 2011. № 5. С. 123–126.

[2] См.: *Яшин А.В.* Нравственно-культурные недостатки общества как одна из проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Право и образование. 2012. № 7. С. 140–146.

предупредительную деятельность на законных основаниях, строго в правовых рамках и в режиме законности»[1].

С точки зрения А.И. Алексеева, М.П. Журавлева, А.Я. Сухарева, борьба с преступностью может быть эффективной только в том случае, если она осуществляется на прочной правовой основе. Очень важно обеспечить системный характер мер по совершенствованию правовых основ борьбы с преступностью, их соответствие стратегическим установкам и приоритетам в этой области, сложившейся криминальной ситуации и ее тенденциям, а также внутреннюю согласованность, синхронность действия правовых институтов и норм, отраслей законодательства, регулирующих борьбу с преступностью[2].

По мнению М.Ш. Махтаева, правовое предупреждение направлено на недопущение нарушения любых норм права, на предотвращение различных преступлений. Будучи вызвано к жизни потребностями борьбы с правонарушениями и упорядочения правоохранительной деятельности в целом, правовое предупреждение играет значительную роль в жизни общества[3].

С.И. Герасимов отмечает, что важное значение имеет правовое регулирование предупредительной деятельности. Исследования свидетельствуют, что в систематизированный перечень норм, относящихся к предупреждению преступлений и других правонарушений, входят нормы более чем из ста источников — законов и подзаконных нормативных актов. И если попытаться собрать их воедино, то могла бы образоваться новая отрасль права (условно говоря), которая не имела бы аналогов по степени охвата регулируемых ею общественных отношений. Несмотря на обилие правовых норм предупредительной направленности, содержащихся в соответствующих кодексах, законах и других актах

---

[1] *Кириков А.В.* Проблемы правового обеспечения предупреждения преступности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 21.

[2] См.: *Алексеев А.И., Журавлев М.П., Сухарев А.Я.* Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель. М., 1997. С. 45.

[3] См.: *Махтаев М.Ш.* Проблемы криминалистического предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2001. С. 32.

федеральных органов, правовое регулирование предупреждения преступлений не имеет фундаментальной основы[1].

На комплексный подход к предупреждению преступности указывают многие видные ученые-криминологи. В этом они и усматривают сущность предупредительной работы. Так, С.Е. Вицин отмечал, что, говоря о проблемах преступности, о реализации целей ее сокращения и последующего искоренения, об организации борьбы с преступностью, необходимо подчеркнуть подлинно комплексный характер этих проблем, который сейчас ни у кого не вызывает сомнений. Соответственно исследование названных проблем невозможно в рамках какой-либо одной отрасли знаний[2]. М.М. Бабаев считает, что профилактика преступности неизбежно должна быть адекватно сложной и комплексной деятельностью; она должна учитывать перспективы развития общества в целом, многочисленные социально-политические, педагогические, правовые и другие факторы[3]. С.В. Бородин пишет, что «комплексный подход к разработке средств и методов борьбы с преступностью обусловлен разнообразием характеристик преступности и ее причин. Он включает различные направления борьбы с преступностью: предупреждение преступлений, раскрытие и расследование преступлений, рассмотрение уголовных дел в судах и т.д. В свою очередь, каждое из направлений предполагает также комплексный подход как необходимое условие успешной борьбы с преступностью»[4].

С точки зрения А.Э Жалинского, комплексность профилактики преступлений приводит к усилению ее действенности и наступательности. Любые профилактические меры должны реально воздействовать на людей, приводить к улучшению криминогенной обстановки на производстве, по месту жительства, в психологии конкретного лица. Соблюдать требование комплексности как по-

---

[1] См.: *Герасимов С.И.* Указ. раб. С. 47–48.

[2] См.: *Вицин С.Е.* Системный подход и преступность: учебное пособие. М., 1980. С. 27.

[3] См.: *Бабаев М.М.* О комплексном подходе к предупреждению преступности // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 138.

[4] *Бородин С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. С. 27.

казателя качества профилактики — значит вести постоянный поиск лучших приемов, отказываться от устаревших методов работы, использовать накопленный опыт, стремиться по-новому подойти к решению поставленных задач[1]. По мнению Я.И. Гилинского, комплекс мер первичной, вторичной, третичной превенций должен в целом улучшить социальные условия, создать более гуманную атмосферу. Вторичная и третичная превенции защищают специфические права человека как потенциальной жертвы, спасая от возможных посягательств[2].

Тем не менее, в настоящее время комплексность мер, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства, оставляет желать лучшего. К примеру, в ст. 43 и 60 УПК РФ регламентировано участие в уголовном судопроизводстве частного обвинителя и понятого соответственно. Однако в УК РФ отсутствуют нормы, устанавливающие уголовную ответственность за совершение преступлений в отношении них. Уголовным законодательством не предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений в отношении руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания и начальника органа дознания, чей процессуальный статус также регламентирован УПК РФ. Кроме того, следователи и дознаватели не располагают научно обоснованными методиками расследования преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, что приводит к определенным трудностям при расследовании уголовных дел о преступлениях рассматриваемого вида.

Таким образом, в предупреждении преступлений против участников уголовного судопроизводства отсутствует комплексный подход к указанной проблеме. Каждая отрасль права или научного знания решает рассматриваемые вопросы в отдельности, без их взаимосвязи. Изменение норм в одном законодательстве происходит без учета норм других законодательств, материальное

---

[1] См.: *Жалинский А.Э.* Комплексный подход – основное условие повышения эффективности и качества профилактики правонарушений // Охрана правопорядка — дело всего народа: материалы республиканской научно-практической конференции (10–11 мая 1978 г.). Фрунзе, 1980. С. 115.

[2] См.: *Гилинский Я.И.* Указ. раб. С. 54.

право не согласовано с процессуальным и т.п.[1] Действительно, были внесены, например, изменения в УПК РФ, согласно которым значительная часть функций прокурора перешла к руководителю следственного органа, но уголовно-правовая охрана его прав и законных интересов действующей редакцией УК РФ не осуществляется. О других несоответствиях материального и процессуального законодательства было сказано выше. Думается, что преодолеть названную проблему можно посредством совершенствования законодательства, причем нормы различных нормативных правовых актов, направленных на охрану, защиту и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, следует изменять одновременно. В противном случае будут отсутствовать согласованность и комплексность правовых мероприятий, направленных на предупредительную деятельность.

К слабой организации деятельности правоохранительных органов следует отнести их ненадлежащее взаимодействие в борьбе с преступностью, в том числе с преступлениями против участников уголовного судопроизводства, и недостаточное взаимодействие различных служб и подразделений внутри конкретного правоохранительного органа.

По этому поводу В.Н. Кудрявцев писал, что если два или несколько участников взаимодействия стремятся к одной и той же цели, это может порождать сотрудничество и взаимопомощь[2]. По мнению В.А. Фесунова, организация взаимодействия в области борьбы с преступностью — это реальный факт, то есть такая организация продиктована необходимостью совместного выполнения соответствующих задач различными органами, в частности, правоохранительными[3]. Тем не менее, современная система оценки показателей работы правоохранительных органов довольно часто приводит к тому, что их взаимо-

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Некоторые проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства и возможные пути их разрешения // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. № 4. С. 45–51.

[2] См.: *Кудрявцев В.Н.* Право и поведение. М., 1976. С. 46.

[3] См.: *Фесунов В.А.* Милиция на пике реформ // Криминологический журнал. 2001. № 1. С. 51.

действие не осуществляется, и конечный результат не всегда оказывается положительным. Так, согласно ч. 5 ст. 151 УПК РФ по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных ст. 308, 310 УК РФ и некоторыми другими, предварительное следствие может производиться также следователями органа, выявившего данные преступления. Это означает, что такие преступления могут раскрывать сотрудники разных правоохранительных органов (ФСБ, МВД и т.п.). Сотрудники каждого правоохранительного органа будут стараться раскрыть указанные преступления, скрывая оперативную информацию от сотрудников другого правоохранительного органа, поскольку, если преступления будут раскрываться во взаимодействии, то неизвестно, кому будет зачислен результат раскрытия. Иногда такое утаивание информации друг от друга приводит к тому, что преступление вовсе может остаться нераскрытым, и виновные не будут привлечены к уголовной ответственности.

В связи с данным обстоятельством предлагается изменить критерии оценки показателей деятельности правоохранительных органов. В настоящее время, как и в советский период, основные показатели раскрытия преступлений оцениваются по оконченным уголовным делам, направляемым в суд или прекращенным по нереабилитирующим основаниям. Тем не менее, направленные в суд уголовные дела могут прекращаться судом либо в отношении виновных выносится оправдательный приговор. В данном случае нельзя говорить о раскрытии преступления, хотя правоохранительные органы уже отчитались за него. Поэтому предлагается оценивать работу правоохранительных органов по раскрытию преступлений не по факту окончания предварительного расследования, а только после того, как обвинительный приговор вступит в законную силу. В этом случае все правоохранительные органы будут заинтересованы в том, чтобы обвинительный приговор состоялся. Так будет обеспечиваться защита участников уголовного судопроизводства до стадии вступления приговора в законную силу, и вклад в эту работу каждого правоохранительного органа будет учитываться.

Если говорить о внутреннем взаимодействии служб и подразделений конкретного правоохранительного органа, то и здесь имеются определенные недостатки. Координирующим и направляющим звеном во взаимодействии выступает лицо, производящее расследование, то есть следователь или дознаватель. Именно они определяют направление расследования и решают, какие следственные действия и оперативно-розыскные мероприятия необходимо произвести для раскрытия того или иного преступления и качественного окончания предварительного расследования. Основной формой взаимодействия в данном случае является исполнение поручений следователя и дознавателя в порядке, предусмотренном п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ. Тем не менее, в данных уголовно-процессуальных нормах не предусмотрен срок исполнения поручения, в связи с чем их исполнение необоснованно затягивается, что приводит к утрате доказательств, волоките при расследовании уголовных дел, в результате чего права, свободы и законные интересы потерпевших от преступлений рассматриваемого вида остаются незащищенными.

В связи с указанными обстоятельствами, в целях оптимизации взаимодействия подразделений и служб правоохранительных органов предлагается внести изменения в п. 4 ч. 2 ст. 38 УПК РФ, изложив его в следующей редакции:

«давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, об аресте, о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. *Орган дознания обязан выполнить поручение в срок не свыше 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих длительного срока исполнения, он должен быть определен следователем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела*».

Пункт 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ предлагается изложить в следующей редакции:

«давать органу дознания в случаях и порядке, установленных настоящим Кодексом, обязательные для исполнения письменные поручения о проведении оперативно-розыскных мероприятий, о производстве отдельных следственных действий, об исполнении постановлений о задержании, приводе, заключении под стражу и о производстве иных процессуальных действий, а также получать содействие при их осуществлении. *Орган дознания обязан выполнить поручение в срок не свыше 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих длительного срока исполнения, он должен быть определен дознавателем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела*».

К проблемам предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства следует отнести и несовершенство учетно-регистрационной дисциплины. Так, в настоящее время не представляется возможным отобразить статистические данные по указанной группе преступлений, следовательно, возникают трудности в определении полной криминологической характеристики совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства.

В справочнике № 10 «Должностное положение лица, совершившего преступление» по заполнению статистических карточек, утвержденных Приказом Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 декабря 2005 г. «О едином учете преступлений»[1], указаны следующие субъекты: представители федеральных органов судебной власти, органов судебной власти субъектов РФ, органов внутренних дел, федеральной службы безопасности, прокуратуры, судов, прокурор, судья, адвокат. В данном справочнике нет ссылок на следователя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, дознавателя, эксперта, переводчика. Это обстоятельство, на наш взгляд, является существенным пробелом в учетно-регистрационной дисциплине.

---

[1] Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

В данном случае отсутствует возможность выяснить, сколько и каких именно преступлений было совершено в отношении должностных лиц — участников уголовного судопроизводства, поскольку в п. 13 формы № 5 (статистическая карточка о потерпевшем) должностное положение потерпевшего указывается также в соответствии со справочником № 10.

Таким образом, предлагается усовершенствовать справочники по оформлению статистических карточек и внести в них соответствующие изменения. Так, в справочник № 10 следует внести всех участников уголовного судопроизводства согласно их должностному положению.

Статистические карточки форм № 1, 5 необходимо дополнить соответственно пп. 35.1 и 13.1, в которых был бы указан процессуальный статус потерпевших. В данном случае можно будет выяснить, сколько за тот или иной период времени совершается преступлений в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе. Изучая количественные и качественные показатели данной категории, можно будет прогнозировать последующее состояние преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства, а также разрабатывать меры по предупреждению преступлений против них не только в Российской Федерации, но и в отдельных ее субъектах[1].

Подводя итоги исследования проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, представляется возможным сформулировать следующие выводы:

1) в настоящее время в Российской Федерации существуют многочисленные проблемы, снижающие эффективность деятельности, направленной на предупреждение рассматриваемых преступлений. К основным проблемам общего уровня относятся: политические, социально-экономические, идеологические, нравственно-культурные. Ключевыми проблемами частного характера являются: недостаточное правовое обеспечение предупредительных мер, слабая

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. С. 161–179.

организация деятельности правоохранительных органов, несовершенство учетно-регистрационной дисциплины;

2) в целях разрешения проблем общего уровня целесообразно принятие следующих мер:

дальнейшее совершенствование международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства;

разработка эффективных программ предупредительной деятельности, укрепление профессионального ядра правоохранительных органов;

подъем материального благосостояния человека, последовательное утверждение принципов социальной справедливости, уменьшение степени разделения населения по материальному уровню, сокращение уровня безработицы;

повышение уровня правовой культуры граждан;

совершенствование законодательства, причем правовые нормы, регламентирующие вопросы противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства, следует изменять одновременно, в противном случае будут отсутствовать согласованность и комплексность правовых мероприятий, направленных на предупредительную деятельность;

3) для разрешения проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства частного характера предлагается:

изменить критерии показателей деятельности правоохранительных органов и оценивать их работу по раскрытию преступлений не по факту окончания предварительного расследования, а только после того, как обвинительный приговор вступит в законную силу;

в целях оптимизации взаимодействия подразделений и служб правоохранительных органов предлагается внести изменения в п. 4 ч. 2 ст. 38 и п. 1.1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, указав в них срок исполнения поручения следователя (дознавателя);

чтобы усовершенствовать учетно-регистрационную дисциплину, статистические карточки форм № 1, 5 необходимо дополнить соответственно

пп. 35.1 и 13.1, в которых был бы указан процессуальный статус потерпевших; в справочник № 10 следует внести всех участников уголовного судопроизводства согласно их должностному положению. В данном случае можно будет выяснить, сколько за тот или иной период времени совершено преступлений в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе. Изучая количественные и качественные показатели данной категории, можно будет прогнозировать последующее состояние совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства;

4) все меры, направленные на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства, должны осуществляться в комплексе и в соответствии с разработанной теоретической моделью предупреждения преступлений исследуемой категории.

Глава 3. Организационно-правовые меры предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

§ 1. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

Основой предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства является охрана и защита указанных лиц от противоправных воздействий. Поэтому в деятельности по предупреждению общественно опасных деяний рассматриваемого вида должное внимание необходимо уделять изучению жертв преступных посягательств.

Как было указано, в механизме преступного поведения личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, статус жертвы имеет немаловажное значение. В связи с этим, на наш взгляд, надлежит провести анализ характеристик жертв рассматриваемых преступлений. Следует согласиться с точкой зрения Л.В. Вавиловой, считающей, что «в аспекте уголовной политики главное состоит в том, чтобы на основе всей суммы данных о преступлении и поведении жертвы разработать систему мер, снижающих виктимизацию, и уже тем самым способствовать предупреждению преступности»[1].

Роль жертвы (потерпевшего) в механизме преступного поведения достаточно давно исследуется в науках антикриминального цикла. Причем, в целях разработки наиболее действенных мер предупреждения преступлений поведение жертв и лиц, совершивших общественно опасные деяния, исследуется во взаимодействии. Так, Л.В. Франк еще в 1978 г. определил, что потерпевший от различных видов и категорий преступлений обладает комплексом характеристик и параметров, зависимых от характеристик и параметров субъектов соответствующих преступных посягательств. Между жертвой и преступником часто существуют близкие социальные связи и личностные отношения, конфликтные

---

[1] *Вавилова Л.В*. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис. … канд. юрид. наук. М., 1995. С. 199.

ситуации. Преступление, преступники и жертвы взаимосвязаны и составляют элементы определенной структуры, характеризующей преступность как социальное явление в целом[1]. В.И. Задорожный отмечает, что преступник, преступление и жертва взаимосвязаны друг с другом сложной системой отношений[2]. Е. Бафия считает, что жертву преступления следует рассматривать как фактор, генетически и динамически влияющий на преступность[3].

Виктимизация личности, то есть процесс превращения ее в жертву, играет важную роль в механизме индивидуального преступного поведения. Как справедливо отмечает Д.В. Ривман, виктимизация неразрывно связана с процессом криминализации, действиями, следствием которых является причинение вреда, вне него она невозможна. Индивидуальная виктимизация происходит в процессе совершения причинения вреда конкретному лицу, но в реальной действительности совершается множество преступлений и вред причиняется множеству жертв, вследствие чего их индивидуальная виктимность, оставаясь таковой, приобретает качество массового явления[4].

Следует, на наш взгляд, согласиться и с точкой зрения Г.Ф. Хохрякова, который констатирует, что виктимность есть свойство определенной личности, социальной роли или социальной ситуации, которое провоцирует или облегчает преступное поведение. Соответственно выделяются личностная, ролевая и ситуативная виктимность. Виктимность зависит от ряда факторов: личностных характеристик; правового статуса должностного лица, чьи служебные функции сопряжены с риском подвергнуться посягательству; материальной обеспеченности и уровня социальной защищенности; особенностей времени и места, в

---

[1] См.: *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии: автореф. дис. … д-ра юрид. наук // Российский криминологический взгляд. 2006. № 3. С. 54–55.

[2] См.: *Задорожный В.И.* Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2006. С. 48.

[3] См.: *Бафия Е.* Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации. М., 1983. С. 105.

[4] См.: *Ривман Д.В*. Криминальная виктимология. СПб., 2002. С. 80.

которых возникла и развивается конфликтная ситуация[1]. В зарубежной литературе встречается точка зрения, согласно которой уровень жизни находится в нелинейной зависимости от виктимности, и наиболее виктимными являются лица с низким доходом[2].

К перечню факторов, определяющих виктимность, на наш взгляд, следует приобщить и процессуальный статус жертвы, в отношении которой совершается преступление, связанное с ее участием в уголовном судопроизводстве. Необходимо заметить, что каждый из указанных участников в той или иной мере подвергается или может подвергаться преступным воздействиям, поскольку вовлечение данных лиц в сферу уголовного процесса значительно повышает степень их виктимности[3].

Данное обстоятельство значительно затрудняет деятельность органов предварительного расследования, связанную с доказыванием преступных событий. Лица, заинтересованные в ином результате расследования, оказывают противоправное давление на участников уголовного судопроизводства, вмешиваются в осуществление правосудия и тем самым препятствуют установлению истины по конкретному уголовному делу. Нередко в отношении участников уголовного судопроизводства преступления совершаются из мести за их деятельность. И хотя виктимология оперирует понятием «виновная жертва»[4], считаем, что такая терминология не приемлема для определения жертвы в механизме преступления против участников уголовного судопроизводства. Думается, что участникам уголовного судопроизводства, обладающим специфическим правовым статусом, не свойственны стандартные признаки виктимности. Для части из них вовлечение в уголовный процесс является ситуативным (потерпевший, свидетель, понятой и т.п.), другая часть сознательно выбрала свое по-

---

[1] См.: *Хохряков Г.Ф.* Криминология: учебник. М., 2000. С. 392.

[2] *Van Dijk J.* Experiences of Crime across the World. Boston, 1991. P. 63

[3] См.: *Яшин А.В.* Виктимологическая характеристика преступлений против участников уголовного судопроизводства // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2013. Т. 13. № 4-2. С. 718–722.

[4] См.: *Хохряков Г.Ф.* Указ. раб. С. 392.

ложение, которое стало профессией (судья, прокурор, следователь, эксперт и т.п.). В связи с данным обстоятельством жертву — участника уголовного судопроизводства — следует рассматривать иначе, нежели жертву преступления в широком смысле[1].

Участники уголовного судопроизводства имеют тесную взаимосвязь с лицами, которые совершают в отношении них преступления. Следует согласиться с Н.С. Мановой, полагающей, что «осуществление уголовно-процессуальной деятельности неизбежно сопровождается ограничением конституционных прав и свобод личности»[2]. На наш взгляд, данное обстоятельство нередко детерминирует совершение преступлений в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе, и является одной из наиболее важных виктимологических характеристик жертв рассматриваемых преступлений.

Так, суд выполняет множество функций: признает лицо виновным в совершении преступления и назначает ему наказание; принимает решение об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и др. Таким образом, суд на законных основаниях вправе ограничить отдельные конституционные права и свободы человека и гражданина. В связи с этим многие лица, чьи права ограничиваются, а также их родственники и знакомые остаются неудовлетворенными действиями суда в лице судей и (или) присяжных заседателей, в результате чего в отношении последних совершаются общественно опасные деяния.

Прокурор уполномочен отменять незаконные или необоснованные постановления дознавателя, участвовать в судебных заседаниях при рассмотрении в ходе досудебного производства вопросов об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, о продлении срока содержания под стражей и др. То

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Особенности детерминации преступлений против участников уголовного судопроизводства // Закон и право. 2015. № 3. С. 94 –97.

[2] *Манова Н.С.* Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства: достоинства и проблемы действующего законодательства // Права человека – высшее достижение современной цивилизации: материалы научно-практической конференции: ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», Крымский юридический институт (филиал). Симферополь, 2016. С. 161.

есть прокурор также является причастным к деятельности по законному ограничению конституционных прав и свобод человека и гражданина и в связи с данным обстоятельством может стать жертвой преступления.

Следователь, руководитель следственного органа, должностное лицо органа дознания, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания и дознаватель непосредственно связаны с производством предварительного расследования по уголовному делу, поэтому они становятся жертвами преступлений также в связи с их профессиональной деятельностью.

Потерпевший как участник уголовного судопроизводства довольно тесно взаимосвязан с лицами, совершившими в отношении него преступление. В ряде случаев от волеизъявления потерпевшего зависит судьба подозреваемого или обвиняемого, поскольку в соответствии с законодательством за ряд преступлений лицо может быть освобождено от уголовной ответственности лишь с согласия потерпевшего. Указанные обстоятельства относятся и к частному обвинителю.

Такие участники уголовного судопроизводства, как подозреваемый и обвиняемый, связаны с должностными лицами, производящими в отношении них предварительное расследование. Зачастую они подвергаются преступному воздействию со стороны последних с целью добиться обвинительных доказательств по уголовному делу.

Защитник взаимосвязан как с лицами, совершившими преступление, так и с потерпевшими, а также с должностными лицами, производящими расследование. Защитник может быть подвергнут преступному воздействию со стороны всех указанных субъектов в случае неудовлетворенности ими результатами его деятельности.

Свидетель, эксперт, специалист, переводчик и понятой также взаимосвязаны практически со всеми лицами, участвующими в процессе. То же самое следует сказать и о гражданских истцах, гражданских ответчиках, законных представителях участников уголовного судопроизводства.

Итак, в механизме преступного поведения личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, наличествует внешний фактор — конкретная жизненная ситуация, в которой готовится и совершается преступление. При этом в ее роли выступает сфера уголовного судопроизводства. Снижение внимания, бдительности, настроения и других психологических качеств таких участников, как, например, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, приводит к повышению уровня их виктимности. Данное обстоятельство представляет собой потенциальную способность оказаться в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств и внешних факторов. Преступлением лишь реализуется такое свойство, объективируется данная способность[1].

Другие участники уголовного судопроизводства, например, прокурор, следователь, дознаватель, свидетель, защитник и иные, становятся жертвами в силу обладания специфических прав и обязанностей.

В криминологической науке встречается многообразие классификаций жертв преступлений. Так, В.В. Орлов делит жертв на следующие классы:

1) агрессивные жертвы — к этой группе можно отнести лиц, которые сами совершают нападения различного плана (корыстные посягательства, сексуальные, против жизни и здоровья, хулиганство и т.п.), вызывая отпор или провоцируя другое лицо на причинение им вреда. Такие жертвы относятся к лицам с асоциальной направленностью личности, как правило, сами являются инициаторами конфликтных ситуаций, в результате чего и становятся жертвами;

2) активные жертвы — такого рода лица встречаются достаточно редко. К ним можно отнести лиц, склонных к суициду или демонстративным самопричинениям вреда. Это лица с неустойчивой психикой, с тяжелыми конфликтами, отчужденностью в семье, фрустрацией личности;

---

[1] См.: *Полубинский В.И.* Правовые основы учения о жертве преступления. Горький, 1979. С. 101.

3) инициативные жертвы — такие лица встают на защиту товарищей или знакомых от нападений, гораздо реже — защищает незнакомых, интересы общества и государства. Жертва подобного плана имеет позитивные характеристики личности;

4) пассивные жертвы — к этой группе можно отнести малолетних, женщин, инвалидов, престарелых, которые в силу возраста, физически беспомощного состояния, трусости не способны оказывать в сложившейся ситуации активное сопротивление нападающему и становятся жертвами преступления;

5) некритичные жертвы — это лица, которые в силу возраста и психических особенностей не умеют правильно оценить различные жизненные ситуации. При этом могут проявляться как положительные (щедрость, доброта, отзывчивость), так и отрицательные (корыстолюбие, алчность) свойства личности. Это используется преступниками и ведет к виктимизации подобных лиц;

6) нейтральные жертвы — к ним можно отнести всех лиц, поведение которых не дает никакого повода для совершения преступления, кроме возраста и возможности более легкого совершения преступления[1].

Похожую классификацию жертв представляет В.И. Задорожный. Он выделяет следующие жертвы: случайные, реальные, потенциальные, пассивные (индифферентные), некритичные, агрессивные (конфликтные), пассивные, инициативные, активные[2].

В.И. Полубинский и А.Л. Ситковский классифицируют жертв преступлений по следующим основаниям:

1) по содержанию субъективной стороны преступления;

2) по направленности преступного посягательства;

3) по характеру причиненного потерпевшему вреда;

4) по виду взаимоотношений потерпевшего и преступника;

5) по роли жертвы в генезисе преступления;

---

[1] См.: *Орлов В.В.* Предупреждение преступности: преступник и жертва // Адвокатская практика. 2006. № 6. С. 17–18.

[2] См.: *Задорожный В.И.* Указ. раб. С. 65.

6) по иным социальным характеристикам;

7) по психологическим критериям состояния потерпевшего;

8) по биофизическим характеристикам[1].

Существует классификация жертв, которые становятся таковыми в зависимости от виктимогенных факторов преступности, различающихся, в свою очередь:

1) по природе воздействия: относящиеся к личности жертвы и к личности преступника (биологические, психологические, социальные, социально-психологические);

2) по результату воздействия: а) формирующие потенциальную жертву и преступника; б) формирующие конкретную жизненную ситуацию; в) реализующие потенциальную виктимность[2].

На механизм преступного поведения личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, большее влияние оказывают виктимогенные факторы — результаты воздействия внешней среды, поскольку сфера уголовного судопроизводства провоцирует состояние виктимности практически каждого участника процесса.

Полагаем, что классифицировать жертв рассматриваемых преступлений можно по роли участия в уголовном процессе (суд, участники со стороны обвинения и т.п.) либо непосредственно по персоналиям (судья, присяжный заседатель, прокурор и т.п.). Поэтому представляется, что основанием деления жертв преступлений против участников уголовного судопроизводства на классы является их процессуальный статус.

Итак, нами были выделены четыре основных вида рассматриваемых общественно опасных деяний, рассмотрены и исследованы криминологические характеристики как преступлений, так и личности преступников, их соверша-

---

[1] См.: *Полубинский В.И., Ситковский А.Л.* Теоретические и практические основы криминальной виктимологии. М., 2006. С. 193–195.

[2] См.: Там же. С. 69–70.

ющих. Следовательно, предлагается выделить и четыре вида (класса) жертв — участников уголовного судопроизводства:

а) жертвы — лица, входящие в состав суда (гл. 5 УПК РФ);

б) жертвы — участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения (гл. 6 УПК РФ);

в) жертвы — участники уголовного судопроизводства со стороны защиты (гл. 7 УПК РФ);

г) жертвы — иные участники уголовного судопроизводства, регламентированные гл. 8 УПК РФ, а также любые другие лица, не указанные в гл. 5–8 разд. II УПК РФ, но у которых возникает хотя бы одно уголовно–процессуальное право и (или) хотя бы одна уголовно–процессуальная обязанность в связи с определенной им законом ролью в уголовном судопроизводстве.

Такая классификация жертв преступлений против участников уголовного судопроизводства логически продолжает классификацию рассматриваемых преступлений и лиц, их совершающих.

На наш взгляд, существенное криминологическое значение все же имеет не классификация жертв преступлений, а их типология. Классификация определяется как система соподчиненных понятий (классов объекта) какой-либо области знания, составленная на основе учета общих признаков объектов и закономерных связей между ними; позволяет ориентироваться в многообразии объектов и является источником знания о них[1]. Типология — это классификация предметов или явлений по общности каких-либо признаков[2].

В связи с этим совершенно справедливо отмечает К.Е. Игошев, что, по сравнению с классификацией, типология находится на более высоком уровне абстракции. Ее базисом служат те свойства, которые существуют объективно и определяют в конечном итоге характер развития данных явлений[3]. Как утвер-

---

[1] См.: Словарь иностранных слов / под ред. В.В. Иванова. М., 1982. С. 229.

[2] См.: Там же. С. 498.

[3] См.: *Игошев К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. Горький, 1974. С. 55.

ждает А.А. Джуманбетова, методологической основой типологии выступает диалектика как учение о наиболее общих законах развития природы, общества и мышления. Использование диалектического метода при разработке теоретических основ типологии означает в первую очередь, что основные понятия и институты рассматриваются не как абстрактные понятия, а как социальные явления, как следствие определенных отношений, наполненных определенным содержанием[1].

О.В. Нарожняя предлагает следующую типологию жертв преступлений:

1) агрессивный тип — включает в себя потерпевших, поведение которых связано с нападением на лицо, причинившее ему вред, или других лиц, а также клеветой в отношении него и т.д., то есть для таких жертв характерно создание конфликтной ситуации;

2) активный (инициативный) тип — охватывает потерпевших, поведение которых либо способствует причинению вреда самим себе либо активизирует преступные действия лица, причиняющего вред, но не связан с конфликтной ситуацией;

3) некритичный (пассивный) тип — потерпевшие, которые не могут правильно оценить и распознать ситуации, негативно влияющие на их жизнедеятельность, либо в силу различных причин (возраста, физической слабости, беспомощного состояния, своих психологических качеств) не оказывает противодействия лицу, причиняющему вред[2].

Н.В. Тарасов проводит типологию потерпевших от преступлений против правосудия в зависимости от участия жертв в конфликте с преступником:

1) потерпевшие, не содействовавшие возникновению конфликта. Как правило, они никак и ничем не содействовали возникновению и развитию кри-

---

[1] См.: *Джуманбетова А.А.* Использование специальных знаний при установлении связи «жертва-преступник»: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 49.

[2] См.: *Нарожняя О.В.* К вопросу о типологии жертв преступлений, совершаемых в отношении семьи и несовершеннолетних // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов. № 225. М., 2008. С. 123.

минальной ситуации, стали потерпевшими в силу неблагоприятно сложившейся ситуации;

2) потерпевшие, не содействовавшие возникновению конфликта, но из-за недооценки реальности угрозы стать жертвой преступления сначала активно не пресекавшие действий преступника. Такие пострадавшие действия преступника по разрешению конфликта неправомерным путем не воспринимали как реализацию преступного намерения и потому не были готовы к оказанию своевременного отпора. Лишь осознав реальность угрозы, они начинали оказывать сопротивление;

3) потерпевшие, по неосторожности способствовавшие своим поведением возникновению конфликта, но активно пытавшиеся пресечь развитие преступных событий;

4) потерпевшие, содействовавшие своим поведением не только возникновению конфликта, но и созданию условий, благоприятствовавших совершению в отношении них преступления[1].

Полагаем, что типологию участников уголовного судопроизводства как жертв преступлений следует проводить по общности определенных признаков. В связи с этим совершенно справедливо в научной литературе выделяется два конститутивных типа виктимности:

личностная (как объективно существующее у человека качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидуумов в силу образовавшихся у них совокупности психологических свойств становиться жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имелась реальная и очевидная для обыденного сознания возможность избежать этого);

ролевая (как объективно существующая в данных условиях жизнедеятельности характеристика некоторых социальных ролей, выражающаяся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств

---

[1] См.: *Тарасов Н.В.* Криминологическая теория и практика предупреждения преступлений против правосудия. М., 2005. С. 124–125.

подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли)[1].

Участие лиц в уголовном судопроизводстве, несомненно, является одной из их социальных ролей, поэтому для них характерна именно ролевая (ситуационная) виктимность, которая в подавляющем большинстве случаев зависит не от личностных качеств потенциальной жертвы, а именно от ее предназначения в уголовном судопроизводстве.

Поскольку участники уголовного судопроизводства вступают в уголовный процесс по-разному: одни в силу выбранной профессии, другие — в результате стечения определенных обстоятельств, предлагается выделить два основных типа рассматриваемых жертв:

1) профессионально-виктимный тип — жертвы этого типа оказываются таковыми в результате выбранной ими профессии. К ним относятся судьи, секретари судебного заседания, следователи, дознаватели, прокуроры, сотрудники органа дознания, эксперты и т.п.;

2) ситуативно-виктимный тип — жертвы данного типа становятся таковыми вследствие стечения ситуативных факторов, посредством которых они вовлекаются в сферу уголовного судопроизводства (потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, понятые, педагоги, психологи и т.п.).

Проведенным исследованием (см. приложение 2–6) установлено, что удельный вес жертв профессионально-виктимного типа в общем количестве лиц, потерпевших от рассматриваемых преступлений, составил 31,8%, ситуативно-виктимного типа — 68,2%.

Виктимной ситуацией для жертв и первого, и второго типа является участие в уголовном процессе. Для того чтобы снизить риск совершения в отношении них преступных посягательств, необходимо применять меры виктимо-

---

[1] См.: *Коновалов В.И.* Виктимность и ее профилактика // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Иркутск, 1982. С. 25–26.

логической профилактики, которая является одним из аспектов предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства[1].

В юридической литературе под виктимологической профилактикой понимается «специфическая деятельность социальных институтов, направленная на выявление и устранение (нейтрализацию, блокирование) факторов, обстоятельств, ситуаций, формирующих виктимное поведение и в этом качестве детерминирующих совершение преступлений; установление групп риска и конкретных лиц с повышенной степенью виктимности и воздействие на них в целях восстановления или активизации их защитных свойств; разработка либо совершенствование уже имеющихся специальных средств защиты граждан от преступлений и последующей виктимизации»[2]. В ходе исследования отмечено, что участники уголовного судопроизводства обладают повышенной степенью виктимности, вследствие чего они относятся к группам риска, и в отношении них совершаются определенные преступления. А.Г. Мусеибов справедливо отмечает, что виктимологическая профилактика преступлений осуществляется на общем и индивидуальном уровнях; меры общей профилактики ориентированы на оказание позитивного воздействия на мотивацию и образ поведения неопределенного круга лиц, индивидуальный — конкретных лиц. Предотвращение и пресечение преступлений осуществляется только на индивидуальном уровне[3].

Полагаем, что виктимологическая профилактика преступлений против участников уголовного судопроизводства также должна проводиться на общем и индивидуальном уровнях. В данном случае индивидуальный уровень выступает подуровнем мер специально-криминологического предупреждения.

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Типология жертв преступлений – участников уголовного судопроизводства // Современное право. 2011. № 6. С. 126– 128.

[2] *Алексеев А.И., Герасимов С.И., Сухарев А.Я.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы. М., 2001. С. 108.

[3] См.: *Мусеибов А.Г.* Предупреждение преступлений на виктимологической основе — важное направление борьбы с преступностью // Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений: материалы научно-практической конференции. М., 2006. С. 40.

Прежде чем определить меры виктимологической профилактики преступлений рассматриваемого вида, необходимо, на наш взгляд, обратиться к некоторым результатам собственных эмпирических исследований.

В табл. 16 приведены данные об интенсивности преступных посягательств, направленных на каждого из участников уголовного судопроизводства, регламентированных разд. II УПК РФ. Нами не проводилось анкетирование иных, не указанных в данном разделе участников, поскольку, как было сказано выше, точное количество участников уголовного процесса в УПК РФ не определено. Интервьюирование отдельных таких лиц (секретарь судебного заседания, педагог, психолог, залогодатель, лицо, заслуживающее доверия и т.п.) показало, что в отношении них совершается не столь значительное количество преступлений, рассмотрение которых могло бы существенно повлиять на результаты проведенного исследования.

Удельный вес общественно опасных деяний рассчитан отношением абсолютного значения преступных посягательств к общему количеству преступлений, совершенных в отношении участников уголовного судопроизводства согласно приложению 2.

Таблица 16

Количество посягательств, совершенных в отношении конкретных опрошенных участников уголовного судопроизводства

Процессуальный статус потерпевшего — участника уголовного судопроизводства	Количество посягательств	
	Абсолютное значение	Удельный вес, %
Судья	20	3,7
Присяжный заседатель	6	1,1
Прокурор	12	2,2
Следователь	31	5,7
Руководитель следственного органа	6	1,1
Начальник подразделения дознания	4	0,7
Дознаватель	27	5,0

окончание табл. 16

Должностное лицо органа дознания (в том числе — начальник органа дознания)	15	2,8
Потерпевший	54	9,9
Представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя	0	0,0
Частный обвинитель	23	4,2
Гражданский истец	2	0,4
Гражданский ответчик	0	0,0
Представитель гражданского ответчика	0	0,0
Подозреваемый	73	13,4
Обвиняемый	45	8,3
Законные представители несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых	18	3,3
Защитник	44	8,1
Свидетель	98	18,0
Эксперт	14	2,6
Специалист	0	0,0
Переводчик	8	1,5
Понятой	44	8,1

Из результатов исследования следует, что наибольшее количество посягательств совершается в отношении свидетелей (18,0%), значительное число преступных посягательств осуществляется также в отношении подозреваемых (13,4%), потерпевших (9,9%), обвиняемых (8,3%), защитников (8,1%), понятых (8,1%). Итоги проведенного опроса участников уголовного судопроизводства свидетельствует, что практически не совершаются противоправные посягательства в отношении гражданского ответчика; представителей потерпевшего, гражданского ответчика, гражданского истца и частного обвинителя; специалиста.

Обобщая данные эмпирического исследования, можно сделать вывод об интенсивности посягательств в отношении каждой группы преступлений про-

тив участников уголовного судопроизводства, классифицированных по процессуальному статусу потерпевших. Итак, в отношении членов суда (судей и присяжных заседателей) совершается 4,8% преступлений рассматриваемого вида; в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения — 32,0%; в отношении участников уголовного судопроизводства со стороны защиты — 33,1%; в отношении иных участников уголовного судопроизводства — 30,1%.

Кроме того, согласно данным опроса участников уголовного судопроизводства, в отношении которых осуществлялись противоправные посягательства, 37,5% из их числа заявляли ходатайства о применения в отношении них мер безопасности, но такие меры приняты не были (см. приложение 2). В большинстве случаев меры безопасности не применялись в отношении свидетелей (23,3%), потерпевших (13,3%), подозреваемых (26,7%), обвиняемых (16,7%), что свидетельствует о недостаточной защищенности участников уголовного судопроизводства при реализации их процессуальных права и (или) обязанностей. Результаты ответов на вопрос: «какие меры безопасности применялись в отношении Вас» отражены в табл. 17.

Таблица 17

Меры безопасности, применяемые в отношении участников уголовного судопроизводства

№ п/п	Меры безопасности	Результаты опроса
1.	Личная охрана	7,4%
2.	Охрана жилища и имущества	49,5%
3.	Выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности	28,9%
4.	Обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице	2,1%
5.	Переселение на другое место жительства	0,0%
6.	Перевод на другую работу (службу), изменение ме-	0,0%

	ста работы (службы) или учебы	

окончание табл. 17

7.	Замена документов	1,0%
8.	Изменение внешности	0,0%
9.	Временное помещение в безопасное место	11,1%

Из табл. 17 видно, что в отношении участников уголовного судопроизводства применяются далеко не все возможные меры безопасности. В основном применяются такие меры, как охрана жилища и имущества; выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности; временное помещение в безопасное место. Результаты проведенного эмпирического исследования свидетельствуют, что такие меры, как перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы, переселение на другое место жительства, изменение внешности в отношении защищаемых участников уголовного судопроизводства, практически не применяются. В официальных источниках также отражено, что преимущественно в отношении участников уголовного судопроизводства применяются такие меры безопасности, как личная охрана, охрана жилища и имущества, временное помещение в безопасное место[1]. Такой уровень применения мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства в данном случае связан с недостаточной деятельностью правоохранительных органов, что является одним из условий совершения в отношении них противоправных посягательств и свидетельствует о низкой эффективности предупредительной деятельности.

Из числа опрошенных участников уголовного судопроизводства 33,1% ответили, что преступления совершались в отношении них на улице, в парке, в лесу, в сквере и других открытых местах; 8,5% — в жилище преступника;

[1] См.: Постановление Правительства РФ от 13 июля 2013 г. № 586 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» (в ред. от 13 августа 2015 г.) // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 3965; 2015. № 34. Ст. 4903..

22,4% — в жилище жертвы или ее родственников; 34,6% — в помещении суда или правоохранительного органа.

На вопрос: «какие Вы можете предложить меры безопасности участников уголовного судопроизводства» отдельные респонденты дали следующие ответы:

обеспечение конфиденциальности сведений о родственниках защищаемых лиц;

совершенствование законодательства;

смена объекта недвижимости с изменением паспортных данных с согласия лица;

переселение за пределы Российской Федерации;

расширение сферы действия технических средств контроля.

Кроме того, несколько респондентов ответили, что «необходимо навести порядок в государстве, тогда не нужны будут дополнительные меры безопасности».

Таким образом, опираясь на данные социологического опроса участников уголовного судопроизводства, предлагаются следующие меры виктимологической профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства:

пропаганда виктимологических знаний среди населения, заключающаяся в информировании граждан через СМИ о совершаемых преступлениях в отношении участников уголовного судопроизводства, разъяснении о том, как нужно действовать потенциальным жертвам при появлении угрозы посягательства в отношении них;

проведение разъяснительной работы о том, что при появлении угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства им необходимо обратиться в правоохранительные органы с заявлением о применении в отношении них мер безопасности;

разработка государственных программ, направленных на социальную реабилитацию жертв преступлений (в том числе участников уголовного судопроизводства);

создание центров правовой, социальной и психологической помощи жертвам преступлений (в том числе участникам уголовного судопроизводства).

На индивидуальном уровне виктимологической профилактики предлагается принятие следующих мер:

распространение среди участников уголовного судопроизводства через сотрудников органов предварительного расследования специальных памяток-предостережений о том, как не стать жертвой преступления;

проведение сотрудниками органов предварительного расследования профилактических бесед с участниками уголовного судопроизводства;

осуществление контроля за поведением и безопасностью наиболее уязвимых потенциальных жертв — участников уголовного судопроизводства (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого) со стороны сотрудников правоохранительных органов, в том числе с применением технических средств;

применение соответствующих мер безопасности в каждом случае угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства;

обеспечение усиленной охраны мест, где чаще всего совершаются преступления против участников уголовного судопроизводства (помещений суда и правоохранительных органов; открытых мест скопления людей)[1].

Результаты проведенного исследования позволили прийти к следующему заключению:

1) участники уголовного судопроизводства обладают повышенным уровнем виктимности, поскольку обладание специфическими правами и обязанностями выделяет их из круга обычных граждан;

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения. М., 2016. С. 181–191.

2) основанием классификации жертв рассматриваемых преступлений является их процессуальный статус, в результате чего предлагается выделить четыре вида (класса) жертв — участников уголовного судопроизводства:

жертвы — лица, входящие в состав суда;

жертвы — участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения;

жертвы — участники уголовного судопроизводства со стороны защиты;

жертвы — иные участники уголовного судопроизводства;

3) по механизму вступления в уголовный процесс определены следующие типы жертв — участников уголовного судопроизводства:

профессионально-виктимный тип (31,8%) — к нему относятся лица, которые становятся жертвами преступных посягательств в результате выбранной ими профессии (судьи, секретари судебного заседания, следователи, дознаватели, прокуроры, сотрудники органа дознания, эксперты и т.п.);

ситуативно-виктимный тип (68,2%) — включает в себя лиц, которые становятся жертвами преступлений в результате ситуативных факторов, опасность которых предопределена вовлечением их в сферу уголовного судопроизводства (потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, понятые, педагоги, психологи и т.п.);

4) виктимологическая профилактика преступлений против участников уголовного судопроизводства должна проводиться на общем и индивидуальном уровнях, причем индивидуальный уровень выступает подуровнем мер специально-криминологического предупреждения;

5) на общем уровне целесообразно осуществлять пропаганду виктимологических знаний и проведение разъяснительной работы среди населения, осуществлять разработку государственных программ, направленных на социальную реабилитацию жертв преступлений, создать центры правовой, социальной и психологической помощи жертвам преступлений. На индивидуальном уровне необходимо распространять среди участников уголовного судопроизводства памятки о том, как не стать жертвой преступления, проводить профилактические беседы с конкретными участниками уголовного судопроизводства, осу-

ществлять контроль за поведением и безопасностью наиболее уязвимых потенциальных жертв, применять соответствующие меры безопасности в каждом случае угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства, обеспечивать усиленную охрану мест, где чаще всего совершаются преступления рассматриваемого вида.

§ 2. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами

Несмотря на то, что, как было указано выше, задачи предупреждения преступлений решаются многими отраслями права и различными законодательными актами, приоритетом в этой области, несомненно, обладают уголовно-правовые меры. Данное суждение справедливо потому, что понятие «преступление» является уголовно-правовой категорией. В соответствии с ч. 1 ст. 2 УК РФ одной из его задач является предупреждение преступлений. В УК РСФСР норма, относящая предупреждение преступлений к задачам уголовного закона, отсутствовала. Тем не менее, в уголовно-правовой доктрине она подразумевалась как уже заложенная в задачу охраны общественных отношений от преступных посягательств.

Так, более чем полвека назад В.Г. Смирнов, рассматривая охранительную функцию уголовного права, полагал, что ее осуществление направлено в конечном итоге на предупреждение преступлений[1]. А.В. Наумов практически в то же время писал, что в процессе регулирования поведения людей уголовное право осуществляет воспитание граждан в духе точного исполнения законов и обеспечивает предупреждение преступлений, в связи с чем предложение о включении в уголовное законодательство предупреждения преступлений в качестве его задачи лишено оснований[2].

---

[1] См.: *Смирнов В.Г.* Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования. Л., 1965. С. 17.

[2] См.: *Наумов А.В.* Применение уголовно-правовых норм. Волгоград, 1973. С. 18.

В настоящее время А.В. Наумов, говоря об охранительной задаче уголовного права, выделяет два аспекта этой проблемы. С точки зрения ученого, «это, во-первых, общая превенция уголовного закона, то есть предупреждение совершения преступлений гражданами под воздействием уголовно-правового запрета; другим аспектом уголовно-правовой охраны является частная превенция уголовного закона, под которой понимается предупреждение совершения новых преступлений лицами, уже совершившими какие-либо преступления»[1]. Таким образом, А.В. Наумов некоторым образом отождествляет охранительную и предупредительную задачи.

Мнения о двунаправленной уголовно-правовой предупредительной задаче (общая и частная превенции) превалируют в современной уголовно-правовой науке. Так, в юридической литературе встречается достаточное количество обоснований общей превенции уголовного закона. К примеру, уголовно-правовой запрет и наличие суровых санкций налагает на неопределенный круг лиц обязанность воздерживаться от совершения преступлений и таким образом удерживает их от совершения общественно опасных деяний посредством угрозы наказания[2]. Или, в частности, предупредительная задача уголовного закона реализуется, прежде всего, через психологическое воздействие на сознание граждан путем их устрашения и убеждения[3]. В данном случае очень сложно провести границу между охранительной и предупредительной задачами, стоящими перед уголовным законодательством.

На наш взгляд, на теоретическом уровне данную проблему смог разрешить Б.Т. Разгильдиев, с точки зрения которого предупреждение преступлений осуществляется в отношении граждан, наделенных процессуальным статусом обвиняемого, подсудимого и осужденного. Его суть выражается в персонифицированном уголовно-правовом воздействии на сознание и волю лиц, которые в

---

[1] *Наумов А.В.* Понятие, система и задачи уголовного права // Курс российского уголовного права / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2001. С. 15.

[2] См.: Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. М., 2012. С. 7.

[3] См.: Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. М., 2009. С. 14.

силу своей преступной асоциальности угрожают продолжением преступной деятельности. Задача предупреждения совершения новых преступлений начинает реализовываться с момента привлечения субъекта в качестве обвиняемого и завершается снятием или погашением судимости[1].

Данную научную позицию поддерживает А.Г. Блинов, уточняя, что решение уголовно-правовой задачи по охране интересов личности, общества, государства, мира и безопасности человечества от преступных посягательств обеспечивается посредством возложения на граждан обязанности по воздержанию от совершения преступления, то есть уголовно-правовая охрана не персонифицирована. Предупредительная же составляющая уголовного закона реализуется привлечением к ответственности лица, виновного в совершении общественно опасного действия (бездействия), то есть уголовно-правовое предупреждение преступлений носит персонифицированный характер[2].

Полагаем, что персонифицированный характер предупредительной задачи уголовного закона в данном случае свидетельствует о частной превенции, в частности об удержании конкретных лиц от продолжения преступной деятельности. Однако представляется, что такая реализация уголовно-правового механизма предупреждения преступлений носит характер и общей превенции, удерживая неопределенное количество лиц от совершения преступлений. В данном случае эффект общей превенции заключается в том, что лиц от совершения преступлений удерживает не только опасение самого существования уголовно-правовых норм, но и подтверждение на примерах обвиняемых, подсудимых и осужденных того, что за совершение преступления неизбежно следует наказание.

Как верно считает В.Д. Филимонов, если бы судебно-следственным органам удалось добиться такого положения, чтобы ни один случай преступного

---

[1] См.: Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 2004. Т. 1. Кн. 1. С. 114–117.

[2] См.: *Блинов А.Г.* Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: дис. … д-ра юрид. наук. Саратов, 2014. С. 453–455.

поведения не остался бы нераскрытым, и ни один преступник не избежал бы воздействия уголовного закона, то предупредительная сила уголовного законодательства достигла бы очень высокой степени. Мало кто захотел бы совершить преступление, зная, что его неизбежно ждет строгая мера воздействия[1]. И.М. Мацкевич абсолютно прав в том, что большая часть преступлений, возможно, не совершалась бы, если бы человек точно знал, что за их совершение он будет осужден и строго наказан[2]. С точки зрения В.Н. Кудрявцева, «общая превенция достигается посредством информационного, предупредительного и воспитательного воздействия на правосознание граждан как норм уголовного закона, так и практики его применения»[3]. Следовательно, привлечение конкретных лиц к уголовной ответственности и применение к ним наказания либо иных мер уголовно-правового характера служит элементом предупреждения совершения преступлений со стороны индивидуально неопределенного круга лиц. В данном случае имеется тесная связь с общей превенцией уголовного закона.

Вследствие этого весьма показательным представляется суждение известного специалиста в области теории права Р.О. Халфиной: «Реализация в правоотношении — далеко не единственный способ воздействия правовой нормы. Последняя может оказать эффективное воздействие на мотивацию поведения именно тем, что препятствует возникновению правоотношения. Таково общепревентивное значение норм, устанавливающих ответственность за правонарушение»[4]. Поэтому считаем, что наличие уголовно-правовых запретов, которые удерживают лиц от совершения преступлений, является составляющей частью предупреждения преступлений, в том числе против участников уголов-

---

[1] См.: *Филимонов В.Д.* Криминологические основы уголовного права. Томск, 1981. С. 8–9.

[2] См.: *Мацкевич И.М.* Личность преступного типа (нематематическое регулирование) // Lex Russica. 2013. № 5. С. 514.

[3] *Кудрявцев В.Н.* Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью: сборник научных трудов / под ред. И.М. Гальперина, В.И. Курляндского. М., 1975. С. 45.

[4] *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 56.

ного судопроизводства. Понимание лицом того, что за совершение определенного деяния предусмотрена уголовная ответственность, ослабляет или вовсе нейтрализует его противоправную мотивацию, что не дает хода дальнейшему развитию механизма преступного поведения. Напротив, незнание или непонимание уголовного закона порой приводит к тому, что человек совершает преступление, а после этого раскаивается и утверждает, что если бы он знал, что поступает преступно, никогда бы такого поступка не совершил. В связи с этим незнание уголовного закона выступает одной из причин совершения преступлений, которую можно устранить посредством правового воспитания и просвещения.

В аспекте изложенного заслуживает внимание высказанная Б.Т. Разгильдиевым точка зрения: «Предупредить преступления означает не допустить их. Уголовное право охраняет соответствующие общественные отношения посредством удержания лиц от совершения преступлений, тем самым предупреждает преступления. Следовательно, предупреждение преступлений выступает органической частью содержания охраны»[1]. Рассуждая о задачах уголовного закона, Н.А. Лопашенко также справедливо полагает, что, «предусматривая ответственность за конкретные виды преступного поведения, уголовный закон тем самым оказывает устрашающее — предупредительное — воздействие на неустойчивые категории граждан. Применение же уголовного закона к лицу, виновному в конкретном преступлении, выполняет задачи частной превенции в отношении этого лица, показывая ему последствия преступления закона, воспитывает в духе воздержания от дальнейшего совершения преступлений»[2].

По мнению А.Э. Жалинского, «профилактическое (превентивное) воздействие уголовного закона состоит в том, что уголовно-правовые нормы, установив определенные правила поведения, собственными средствами, прямо или

---

[1] *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 1994. С. 15.

[2] *Лопашенко Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика СПб., 2004. С. 69.

косвенно, обеспечивают их исполнение гражданами. Оказывая профилактическое воздействие, уголовный закон представляет выбор правомерного поведения, создает возможность наступления невыгодных последствий при его нарушении»[1].

Тем не менее, общая превенция уголовного закона заключается не только в установлении уголовно-правовых запретов, но и в существовании дозволительных норм, связанных с обстоятельствами, исключающими преступность деяния, и поощрительных норм, стимулирующих положительное постпреступное поведение личности. Полагаем, что для стимулирования отказа от повторной преступной деятельности необходимо осуществлять пропаганду уголовного законодательства с той целью, чтобы население страны знало о поощрительных уголовно-правовых нормах. Далеко не все граждане располагают сведениями, что в УК РФ содержатся нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности за ряд общественно опасных деяний, и одним из условий такого освобождения является отказ от совершения новых преступлений и оказание помощи в раскрытии первоначального преступления.

В ходе проведенного опроса сотрудников правоохранительных органов 55,2% из числа опрошенных сообщили, что применяли на практике поощрительные нормы, регламентирующие освобождение лица от уголовной ответственности и наказания. Причем 50,6% сотрудников пропагандировали такие нормы среди граждан при рассмотрении материалов о совершенном преступлении и расследовании уголовных дел, но лишь 2,3% использовали для этой цели средства массовой информации (см. приложение 8).

Считаем, что с целью повышения эффективности предупреждения преступлений, в том числе против участников уголовного судопроизводства, необходимо активно использовать средства массовой информации для пропаганды поощрительных норм УК РФ. Кроме пропаганды поощрительных норм через СМИ, сотрудникам подразделений, осуществляющим предварительное рассле-

---

[1] *Жалинский А.Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 1: Криминология. М., 2014. С. 613–614.

дование, рекомендуется распространять сведения о данных нормах через участников уголовного судопроизводства, а также при внесении в соответствии с ч. 2 ст. 158 УПК РФ представлений в организации или должностным лицам о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Частная же превенция уголовного закона реализуется не только применением в отношении индивидуально определенных лиц, совершивших преступления, уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, но и, как верно отмечает А.Г. Блинов, избранием предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер пресечения в отношении обвиняемых[1]. Данное суждение особенно актуально в деятельности по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства, поскольку общественно опасные деяния в отношении них довольно часто совершают обвиняемые в целях избежания уголовной ответственности. Таким образом, общая превенция уголовного закона распространяется на неопределенный круг лиц, частная превенция всегда персонифицирована. В криминологической науке сложилось единое мнение о том, что одним из видов специально-криминологического предупреждения преступлений является совершенствование норм уголовного законодательства[2].

На наш взгляд, уголовно-правовые нормы, расположенные в гл. 31 УК РФ, достаточно стабильны и в большинстве своем решают задачи по охране прав, свобод и законных интересов участников уголовного судопроизводства и предупреждению совершаемых в отношении них преступлений. Это подтверждается хотя бы тем, что в диспозиции рассматриваемых норм практически не вносились изменения с момента принятия УК РФ (за исключением отдельных норм, подвергшихся не столь существенным изменениям). В свою очередь, как

---

[1] См.: *Блинов А.Г.* Указ. раб. С. 454.

[2] См., например: *Антонян Ю.М.* Криминология. Избранные лекции. М., 2004. С. 149; *Лунеев В.В., Миньковский Г.М.* Предупреждение преступности // Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 200.

справедливо указывает В.В. Намнясева, изменения, внесенные законодателем в данную главу, не вызывают шквала критических замечаний[1].

Пожалуй, гл. 31 УК РФ является наиболее стабильной и подвергшейся наименьшей степени модификаций в отличие от других его глав. В связи с этим представляется, что кардинальные изменения в рассматриваемые уголовно-правовые нормы вносить не следует, но, тем не менее, отметим, что ими охраняются права, свободы и законные интересы не всех участников уголовного судопроизводства, что снижает эффективность предупреждения совершаемых в отношении них преступлений.

Анализ статей, расположенных в гл. 31 УК РФ, показал, что в настоящее время уголовно-правовой охране подлежат права, свободы и законные интересы участников суда (судьи и присяжного заседателя); прокурора; следователя; лица, производящего дознание; потерпевшего; подозреваемого; обвиняемого; защитника; свидетеля; эксперта; специалиста; переводчика.

Такие участники уголовного судопроизводства, как гражданский истец, гражданский ответчик и их представители, в рамках уголовного дела разрешают споры по возмещению имущественного вреда, причиненного преступлением. От их действий или волеизъявления не зависит квалификация деяния, виды и размеры наказания, назначенные подсудимому и т.п. Кроме того, зачастую в роли гражданского истца выступает потерпевший, в роли ответчика — подозреваемый или обвиняемый, права, свободы и законные интересы которых уже охраняются уголовным законом.

В связи с этим, на наш взгляд, не следует дополнять УК РФ нормами, регламентирующими уголовную ответственность за преступные действия в отношении гражданского истца, гражданского ответчика и их представителей. Для уголовно-правовой охраны их прав и законных интересов достаточно ст.

---

[1] См.: *Намнясева В.В.* Проблемные вопросы конструирования санкций норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2014. С. 201.

311 УК РФ, устанавливающей ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении всех участников уголовного процесса.

Такие участники уголовного судопроизводства, как представители потерпевшего, в соответствии с ч. 3 ст. 45 УПК РФ имеют те же процессуальные права, что и представляемые ими лица. Таким образом, уголовно-правовую охрану прав, свобод и законных интересов представителей потерпевшего обеспечивают нормы, регламентирующие ответственность за незаконное воздействие на потерпевшего. Законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого в ходе расследования уголовного дела и в судебном заседании допрашиваются в качестве свидетелей, поэтому уголовно-правовая охрана их прав, свобод и законных интересов осуществляется нормами, предусматривающими уголовную ответственность за незаконное воздействие на свидетеля. Однако в уголовном законе не предусмотрена уголовная ответственность за противоправные посягательства на руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, понятого, частного обвинителя и его представителя.

Как было указано выше, руководителю следственного органа уголовно-процессуальным законодательством были переданы многие функции, ранее осуществляемые прокурором. Кроме того, указанный участник уголовного судопроизводства уполномочен расследовать уголовные дела. В данном случае он выполняет функции следователя и в целях охраны его прав, свобод и законных интересов действуют уголовно-правовые нормы, регламентирующие уголовную ответственность за незаконное воздействие на следователя. При выполнении же иных функций права, свободы и законные интересы руководителя следственного органа уголовным законом не охраняются.

Получается, что уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов прокурора как участника уголовного судопроизводства осуществляется, а руководителя следственного органа — нет, хотя согласно данным социологического опроса 1,3% осужденных ответили, что совершали преступления в отно-

шении руководителей следственного органа (см. приложение 1). Из числа опрошенных руководителей следственного органа 1,1% ответили, что в отношении них совершались преступные деяния (см. приложение 4).

Вне пределов уголовно-правовой охраны оказались права, свободы и законные интересы начальника подразделения дознания и начальника органа дознания. В перечне участников уголовного судопроизводства, чьи права, свободы и законные интересы подлежат уголовно-правовой охране, отсутствует и частный обвинитель.

Нами отмечалось, что уголовно-процессуальным законодательством полномочия частного обвинителя приравнены к полномочиям прокурора как государственного обвинителя. Тем не менее, ни одной статьей УК РФ не предусмотрена уголовная ответственность за совершение преступлений в отношении частного обвинителя, хотя 3,0 % из числа опрошенных осужденных ответили, что преступно воздействовали на частных обвинителей (см. приложение 1). Из числа опрошенных частных обвинителей 4,2% ответили, что в отношении них совершались преступные деяния (см. приложение 4).

Полагаем, что данное обстоятельство является пробелом в уголовном законодательстве, который надлежит восполнить, включив в перечень потерпевших от преступлений, предусмотренных ст. 295, 296 УК РФ, и частного обвинителя, поскольку он в данном случае также является лицом, осуществляющим правосудие, поддерживая обвинение в суде.

Следует заметить, что ст. 245 УК Республики Польша регламентирована ответственность за применение насилия и угрозы в отношении обвинителя[1]. В данном случае не разграничиваются государственный и частный обвинитель. На наш взгляд, в нормах УК РФ следует указывать частного обвинителя в качестве самостоятельного потерпевшего, поскольку в уголовно-процессуальных

[1] См.: Уголовный кодекс Республики Польша. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

нормах отдельно указан прокурор, выполняющий различные функции (в том числе и государственного обвинителя), и отдельно — частный обвинитель.

В связи с этим предлагается внести изменения и дополнения в отдельные уголовно-правовые нормы, изложив их в следующей редакции:

часть 2 ст. 294 УК РФ:

«Вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность прокурора, *руководителя следственного органа*, *начальника подразделения дознания*, *начальника органа дознания*, следователя или лица, производящего дознание (далее по тексту)»;

статья 295 УК РФ:

«Посягательство на жизнь судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, *частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,* следователя, лица, производящего дознание, защитника (далее по тексту)»;

часть 2 ст. 296 УК РФ:

«То же деяние, совершенное в отношении прокурора, *частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,* следователя, лица, производящего дознание, защитника (далее по тексту);»

часть 2 ст. 298.1 УК РФ:

«То же деяние, совершенное в отношении прокурора, *руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,* следователя, лица, производящего дознание (далее по тексту)»[1].

Согласно действующей редакции уголовного закона, потерпевшими от преступления, предусмотренного ст. 302 УК РФ, являются подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, эксперт, специалист; от преступления,

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2015. № 3. С. 58–66.

предусмотренного ст. 309 УК РФ, — свидетель, потерпевший, эксперт, специалист, переводчик.

Однако указанными нормами не предусмотрена уголовная ответственность за подкуп или принуждение понятого к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия, хотя роль понятых в уголовном судопроизводстве значительна. Их присутствие при производстве следственных действий и удостоверение ими правильности отражения этих действий в протоколе имеет целью содействовать охране прав граждан, в отношении которых проводится следственное действие[1]. Тем не менее, следователи и лица, производящие дознание, зачастую практикуют применение принуждения к понятым с целью удостоверения фактов, в действительности не имевших места. Кроме того, лица, заинтересованные в противоположном решении по уголовному делу, нередко подкупают понятых или оказывают на них давление. Так, в ходе социологического опроса осужденных 4,3% из числа опрошенных ответили, что совершали преступления в отношении понятого (см. приложение 1). Из числа опрошенных понятых 8,1% ответили, что в отношении них совершались преступные деяния (см. приложение 6).

Уголовным законодательством некоторых государств установлена уголовная ответственность за применение насилия в отношении всех участников уголовного судопроизводства. К примеру, ст. 235 УК Республики Узбекистан регламентирована ответственность за незаконное психическое или физическое воздействие на подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего или иного участника уголовного процесса[2]. То есть понятой здесь входит в общее понятие «участники уголовного процесса».

---

[1] См.: *Калашникова Н.Я.* Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в уголовном процессе. М., 1966. С. 27.

[2] См.: Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

В связи с приведенным обстоятельством предлагается внести дополнения в ст. 302 и 309 УК РФ, изложив их в следующей редакции:

часть 1 ст. 302 УК РФ:

«Принуждение подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля к даче показаний либо *понятого к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия,* эксперта, специалиста к даче заключения или показаний (далее по тексту)»;

часть 1 ст. 309 УК РФ:

«Подкуп свидетеля, потерпевшего в целях дачи ими ложных показаний либо эксперта, специалиста в целях дачи ими ложного заключения или ложных показаний, а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода или *понятого в целях удостоверения не имевшего в действительности факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия* (далее по тексту)»;

часть 2 ст. 309 УК РФ:

«Принуждение свидетеля, потерпевшего к даче ложных показаний, эксперта, специалиста к даче ложного заключения или переводчика к осуществлению неправильного перевода, *понятого к удостоверению не имевшего в действительности факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия* (далее по тексту)».

Думается, что следует также обратить внимание на охрану прав, свобод и законных интересов таких участников уголовного судопроизводства, как обвиняемые и подозреваемые, которые подвергаются угрозам и преступным посягательствам со стороны своих соучастников, потерпевших, сотрудников органов предварительного расследования и других лиц. Частично уголовно-правовую охрану их прав, свобод и законных интересов осуществляет ст. 302 УК РФ. Косвенно ту же функцию выполняют и ч. 2, 3 ст. 303 УК РФ, поскольку фальсификация обвинительных доказательств ухудшает положение подозреваемого или обвиняемого и может привести к негативным последствиям для указанных

лиц. Кроме того, рассматриваемая уголовно-правовая норма выполняет функцию охраны прав, свобод и законных интересов потерпевших.

Так, если фальсифицируются обвинительные доказательства, то могут пострадать обвиняемые и подозреваемые. Фальсификация оправдательных доказательств приводит к ущемлению прав и законных интересов потерпевших, поскольку в данном случае правосудие не осуществляется, и виновные избегают уголовной ответственности.

В связи с этим ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ имеют важное значение для предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. На наш взгляд, пробелом данной уголовно-правовой нормы является то, что в ней перечислены не все возможные субъекты преступления. Кроме лица, производящего дознание, следователя, прокурора или защитника, фальсифицировать доказательства могут руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания, начальник органа дознания, а также эксперт и специалист.

Руководитель следственного органа, начальник подразделения дознания и начальник органа дознания могут фальсифицировать протоколы следственных действий и иные доказательства во время проверки уголовных дел.

Эксперт и специалист имеют возможность фальсифицировать вещественные доказательства, поступившие к ним на исследование. В данном случае фальсификацию следует отграничивать от заведомо ложного заключения эксперта или специалиста, состоящего в сознательном неправильном отражении хода и результатов исследования (искажении фактов, умолчании о них, неверной оценке и неправильных выводах).

При фальсификации эксперт (специалист) изменяет первоначальное состояние представленных на экспертизу или исследование доказательств, а уже потом дает заключение. Например, эксперт (специалист) может подменить объект с отпечатками рук гр-на Иванова, направленный на исследование, на объект с отпечатками рук другого лица (Петрова), а затем дать заключение о том, что на объекте обнаружены следы, оставленные Петровым. В данном случае само заключение будет являться истинным, поскольку на предметах, которые начал

исследовать эксперт (специалист), действительно имеются следы, оставленные Петровым. И если следователь усомнится в обоснованности заключения эксперта и назначит повторную экспертизу другому эксперту, то тот тоже даст заключение о следах рук, оставленных Петровым. В юридической литературе отсутствует однозначное мнение по поводу применения термина «фальсификация».

В словарях данный термин определяется следующим образом:

подделывание, искажение чего-нибудь с целью выдать за подлинное, настоящее[1];

злостное, преднамеренное искажение каких-либо данных[2];

умышленное искажение или неверное истолкование тех или иных явлений, событий и фактов; совершенная по корыстным мотивам подделка, заключающаяся в изменении вида или свойства предмета[3];

подмена чего-либо подлинного, настоящего ложным, мнимым[4];

подделка, сознательное искажение, подмена чего-либо (подлинного, настоящего) ложным[5].

А.С. Горелик и Л.В. Лобанова указывают, что термином «фальсификация» не охватываются такие способы изменения фактических данных, имеющихся в деле, как уничтожение или изъятие доказательств, хотя подобные действия способны привести к не менее опасным последствиям, нежели все остальные, связанные с подделкой или подменой доказательств[6]. В.А. Майборода также считает, что фальсификация доказательств подразумевает не просто

---

[1] См.: Большой словарь иностранных слов / сост. Т.Л. Федорова. М., 2008. С. 550.

[2] См.: Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. М., 2000. С. 1267.

[3] См.: Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. М., 1998. С. 387.

[4] См.: Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. Т. 4. М., 1998. С. 550.

[5] См.: Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. М., 2008. С. 795.

[6] См.: *Горелик А.С., Лобанова Л.В.* Преступления против правосудия. СПб., 2005. С. 219–220.

их физическое существование, а наличие фальсифицированного доказательства в уголовном или гражданском деле[1].

Изучение норм зарубежного уголовного законодательства свидетельствует, что в ряде государств установлена уголовная ответственность за уничтожение доказательств, например, в ст. 155 УК Республика Корея[2], ст. 361 УК Республики Сан-Марино[3], ст. 434-4 УК Франции[4], ст. 8 гл. 15 УК Швеции[5], ст. 104 УК Японии[6].

В связи с этим, на наш взгляд, справедливо утверждение Н.И. Дегтяревой о том, что необходимо расширить объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ, путем указания в диспозиции нормы, наряду с фальсификацией доказательств, таких деяний, как уничтожение или повреждение доказательств; отказ или уклонение соответствующего должностного лица от процессуального закрепления или приобщения доказательства к делу, а равно сокрытие ими доказательств[7]. Соглашаясь с данной точкой зрения, следует уточнить вопрос о субъектах данного преступления.

Полагаем, что А.Л. Спектор совершенно обоснованно в качестве субъектов фальсификации доказательств определяет и судью. Она пишет, что «судья — не постороннее лицо в процессе. Он может истребовать доказательства, участвует в их исследовании, проверке и оценке. Наконец, именно судья непосредственно осуществляет правосудие. Следовательно, его действия, связанные

---

[1] См.: *Майборода В.А.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств: дис. … канд. юрид. наук. Ставрополь, 2004. С. 85.

[2] См.: Уголовный кодекс Республики Корея. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[3] Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[4] Уголовный кодекс Франции. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[5] Уголовный кодекс Швеции. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[6] Уголовный кодекс Японии. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[7] *Дегтярева Н.И.* О некоторых направлениях совершенствования законодательства об ответственности за преступления против правосудия, связанные с сокрытием и фальсификацией доказательств // Российский следователь. 2009. № 22. С. 15.

с фальсификацией доказательств, наносят ущерб этой специфической государственной деятельности»[1]. Кроме того, в ряде случаев, например, по уголовным делам частного обвинения, производство по делу возбуждается и полностью проводится судьей, в его руках находятся все доказательства по рассматриваемому уголовному делу[2].

Также А.Л. Спектор предлагает указать в качестве субъектов преступления эксперта, лицо, осуществляющее оперативно-розыскную деятельность, гражданского истца и гражданского ответчика[3]. Необходимость включения в ст. 303 УК РФ эксперта в качестве субъекта преступления обосновывалась ранее. Гражданский истец и гражданский ответчик в соответствии со ст. 44, 54 УПК РФ вправе представлять доказательства, поэтому они могут выступать в качестве субъектов преступления, предусмотренного ст. 303 УК РФ.

Уголовными кодексами некоторых зарубежных государств регламентирована уголовная ответственность за фальсификацию доказательств любым лицом. К примеру, в соответствии с § 293 УК Австрии уголовной ответственности подлежит тот, «кто изготавливает фальшивое доказательство или подделывает подлинное»[4].

На основании ст. 180 УК Тайланда ответственность несет «любой, кто представляет или фабрикует ложные улики в любом юридическом процессе, если данные улики имеют важное значение для дела»[5]. Согласно ст. 104 УК Японии к уголовной ответственности привлекается «лицо, уничтожившее, под-

---

[1] *Спектор А.Л.* Фальсификация доказательств как преступление против правосудия // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск. Ростов н/Д, 2005. С. 57.

[2] См.: *Яшин А.В.* К вопросу об эффективности уголовно-правовой политики в сфере предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15. № 1. С. 105-109.

[3] См.: *Спектор А.Л.* Указ. раб. С. 58.

[4] Уголовный кодекс Австрии. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[5] Уголовный кодекс Тайланда. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

делавшее или видоизменившее доказательство по уголовному делу другого лица, либо использовавшее подделанное или видоизмененное доказательство»[1].

По ст. 37.09 УК штата Техас США ответственности подвергается «лицо, зная о том, что начато или идет расследование или официальное производство, изменяет, уничтожает или скрывает любую запись, документ или вещь с намерением умалить их подлинность, ухудшить доступность для понимания или доступность в качестве доказательства в ходе предварительного расследования или официального производства»[2].

Считаем, что в Российской Федерации субъектами фальсификации доказательств по уголовному делу не могут быть любые лица, поскольку в уголовный процесс в соответствии с законом включается определенная категория лиц.

На наш взгляд, к таким субъектам следует отнести участников уголовного судопроизводства, которые в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством имеют право представлять доказательства. Такими субъектами являются потерпевший (ст. 42 УПК РФ), представители потерпевшего и гражданского истца (ст. 45 УПК РФ), подозреваемый (ст. 46 УПК РФ), обвиняемый (ст. 47 УПК РФ), законные представители несовершеннолетнего подозреваемого и обвиняемого (ст. 48 УПК РФ), представитель гражданского ответчика (ст. 55 УПК РФ) и др.[3]

На основании изложенного предлагается внести изменения в ч. 2 ст. 303 УК РФ и изложить ее в следующей редакции:

«Фальсификация, *сокрытие, уничтожение или повреждение* доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, *начальником подразделения дознания*, *начальником органа дознания,* следователем, *руководите-*

---

[1] Уголовный кодекс Японии. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

[2] Уголовный кодекс штата Техас / пер. с англ.: Д.Г. Осипов; науч. ред. и предисл. И.Д. Козочкин. СПб., 2006. С. 396.

[3] См.: *Яшин А.В.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу как средство защиты участников уголовного судопроизводства // Закон и право. 2011. № 6. С. 64–66.

лем следственного органа, *судьей,* прокурором, защитником, *экспертом, специалистом или иным участником уголовного судопроизводства, имеющим право в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством представлять доказательства; отказ или уклонение соответствующего должностного лица от процессуального закрепления или приобщения доказательства к делу* (далее по тексту)».

В действующей редакции УК РФ за ряд преступлений против участников уголовного судопроизводства, не входящих в гл. 31 УК РФ, уже установлена повышенная уголовная ответственность. Так, например, в ст. 105, 111, 112, 117 УК РФ одним из квалифицирующих признаков является совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с выполнением данным лицом общественного долга. Пунктом «ж» ч. 1 ст. 63 предусмотрено аналогичное обстоятельство, отягчающее наказание за совершение других преступлений. Очевидно, что под выполнением общественного долга понимается, например, дача показаний в качестве потерпевшего, свидетеля. Однако в данном случае не охвачены повышенной уголовно-правовой охраной права, свободы и законные интересы многих участников уголовного судопроизводства, в отношении которых совершаются преступления.

В связи с указанным обстоятельством предлагается внести дополнения в п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ, изложив его в следующей редакции:

«совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга *либо в отношении участника уголовного судопроизводства в связи с его процессуальной деятельностью*».

Резюмируя результаты проведенного исследования, можно сформулировать следующие теоретические и практические выводы:

1) уголовно-правовое предупреждение преступлений является органической частью уголовно-правовой охраны. Причем, эффект общей превенции заключается в том, что неопределенный круг лиц от совершения преступлений удерживает не только угроза наказания за нарушение уголовно-правового за-

прета, но и воздействие на правосознание граждан практики применения уголовного закона;

2) частная превенция уголовного закона реализуется не только посредством применения в отношении индивидуально определенных лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, но и избранием предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер пресечения в отношении обвиняемых в совершении преступлений;

3) в целях повышения эффективности предупреждения преступлений рассматриваемого вида необходимо использовать средства массовой информации для пропаганды поощрительных норм УК РФ. Кроме того, следователям и дознавателям рекомендуется распространять сведения о данных нормах через участников уголовного судопроизводства и при внесении представлений в организации или должностным лицам о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений;

4) одним из средств специально-криминологического предупреждения преступлений является совершенствование норм уголовного законодательства, в связи с чем предлагается внесение изменений и дополнений в УК РФ:

включить в перечень потерпевших, перечисленных в диспозициях ч. 2 ст. 294 и ч. 2 ст. 298.1 УК РФ, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания; в диспозициях ст. 295 и ч. 2 ст. 296 УК РФ — частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания; в диспозициях ч. 1 ст. 302, ч. 1 и 2 ст. 309 — понятого;

обогатить диспозицию ч. 2 ст. 303 УК РФ начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, руководителем следственного органа, судьей, экспертом, специалистом, иным участником уголовного судопроизводства, имеющим право в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством представлять доказательства;

дополнить диспозицию ч. 2 ст. 303 УК РФ указанием на такие деяния, как сокрытие, уничтожение или повреждение доказательств по уголовному делу; отказ или уклонение соответствующего должностного лица от процессуального закрепления или приобщения доказательства к делу;

изложить п. «ж» ч. 1 ст. 63 УК РФ в следующей редакции: совершение преступления в отношении лица или его близких в связи с осуществлением данным лицом служебной деятельности или выполнением общественного долга либо в отношении участника уголовного судопроизводства в связи с его процессуальной деятельностью.

§ 3. Вопросы совершенствования иных правовых и организационных мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства

В юридической литературе указывается, что предусмотренные в соответствующих нормативных актах меры правового воздействия и основанные на них меры правового воспитания непосредственно обеспечивают предупреждение преступности, ее отдельных видов и конкретных преступлений[1].

При этом В.В. Лунеев и Г.М. Миньковский к правовым мерам предупреждения преступлений и преступности абсолютно справедливо относят совершенствование не только уголовного, но и уголовно-процессуального, административного, гражданского и иных отраслей законодательства с тем, чтобы обеспечить оптимальные условия для выявления, устранения, ослабления, нейтрализации причин и условий преступлений общей и индивидуальной превенции, ресоциализации лиц, склонных к совершению преступлений[2]. Полагаем, что в деятельности, направленной на предупреждение преступлений рассматриваемого вида, огромное значение имеет совершенствование уголовно-процессуального законодательства, поскольку категория «участники уголовного судопроизводства» является уголовно-процессуальной и в УПК РФ регламентированы раз-

---

[1] См.: Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. С. 200.

[2] См.: *Лунеев В.В., Миньковский Г.М.* Предупреждение преступности // Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. М., 2004. С. 200.

личные меры обеспечения их безопасности, часть которых, на наш взгляд, не являются безупречными. И.А. Насонова и Н.А. Моругина справедливо отмечают, что процессуальные средства, призванные обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов участников уголовного процесса, представляют собой систему гарантий, обеспечивающих охрану прав и интересов участников уголовного процесса[1].

Следует отметить, что в действующей редакции УПК РФ отсутствует такое назначение уголовного судопроизводства, как предупреждение преступлений. На наш взгляд, данное обстоятельство служит пробелом уголовно-процессуального законодательства, так как в результате уголовного судопроизводства и проявляется профилактическая роль УПК РФ. К примеру, в соответствии со ст. 2 УПК РСФСР к задачам уголовного судопроизводства относилось и предупреждение преступлений. Для того чтобы устранить данный пробел, предлагается дополнить ч. 1 ст. 6 УПК РФ п. 3 — «предупреждение преступлений».

Согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ «при наличии достаточных данных о том, что потерпевшему, свидетелю или иным участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества либо иными опасными противоправными деяниями, суд, прокурор, следователь, орган дознания, начальник органа дознания, начальник подразделения дознания и дознаватель принимают в пределах своей компетенции в отношении указанных лиц меры безопасности, предусмотренные ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, п. 4 ч. 2 ст. 241 и ч. 5 ст. 278 настоящего Кодекса, а также иные меры безопасности, предусмотренные законодательством Российской Федерации».

---

[1] См.: *Насонова И.А., Моругина Н.А.* Уголовно-процессуальная защита и роль руководителя следственного органа в механизме ее реализации // Закон и право. 2009. № 7. С. 91.

Отметим, что в указанной норме в качестве приоритетных лиц, подлежащих защите, выделены лишь потерпевший и свидетель. Безусловно, данные участники уголовного судопроизводства являются наиболее уязвимыми от преступных посягательств. Однако подозреваемые, обвиняемые и другие участники процесса также довольно часто подвергаются преступному воздействию. Полагаем, что в данном случае безопасность должна обеспечиваться всем участникам уголовного судопроизводства в равной степени, и не следует отдавать предпочтение отдельным субъектам уголовного процесса.

В связи с этим предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 11 УПК РФ, исключив из нее слова «потерпевшему, свидетелю», изложив ее в следующей редакции:

«При наличии достаточных данных о том, что участникам уголовного судопроизводства, а также их близким родственникам, родственникам или близким лицам угрожают… (далее по — тексту)».

В соответствии с ч. 9 ст. 166 УПК РФ «При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель, не приводить данные об их личности…».

Думается, что данная норма должна обеспечить безопасность и такого участника уголовного судопроизводства, как понятой, поскольку он выступает самостоятельным субъектом уголовного процесса. Причем, как указывается в ч. 4 ст. 60 УПК РФ, «Понятой не вправе уклоняться от явки по вызовам дознавателя, следователя или в суд, а также разглашать данные предварительного расследования, если он был об этом заранее предупрежден в порядке, установленном статьей 161 настоящего Кодекса. За разглашение данных предварительного расследования понятой несет ответственность в соответствии со статьей 310 Уголовного кодекса Российской Федерации».

В отношении понятых, так же как и в отношении потерпевших, свидетелей, довольно часто оказывается преступное воздействие с целью отказаться в

будущем от определенных фактов производства следственного действия, которые они ранее удостоверяли. Велика вероятность и того, что на понятого может быть оказано давление в целях разглашения данных предварительного расследования. Поэтому предлагается внести дополнения в ч. 9 ст. 166 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«При необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, *понятого,* их близких родственников, родственников и близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют потерпевший, его представитель, свидетель *либо понятой*, не приводить данные об их личности… (далее — по тексту)».

Необходимо отметить, что потерпевшим в качестве участника уголовного судопроизводства в большинстве случаев признается заявитель, сведения о личности которого могут попасть в поле зрения обвиняемого и его защитника при ознакомлении с материалами уголовного дела в порядке ст. 217 УПК РФ. Получается, что в этом случае личные данные потерпевшего станут известны обвиняемому даже при сохранении их в тайне в протоколах следственных действий. Кроме того, сведения о заявителе могут наличествовать и в иных процессуальных документах, например, в постановлении о возбуждении уголовного дела.

Чтобы исключить данное негативное явление, предлагается дополнить ч. 9 ст. 166 УПК РФ текстом следующего содержания:

«В случае если заявитель в процессе предварительного расследования будет признан потерпевшим, его представителем или окажется их близким родственником, родственником либо близким лицом, следователь, дознаватель вправе не предъявлять заявление и иные процессуальные документы, содержащие данные о личности заявителя, для ознакомления обвиняемому и его защитнику в порядке статей 217 и 225 настоящего Кодекса».

Считаем, что прав А.В. Тисен, который рекомендует дополнить перечень участников уголовного судопроизводства, перечисленных в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, подозреваемым и обвиняемым. Он пишет, что «часть 2 ст. 186 УПК РФ не

упоминает подозреваемых и обвиняемых в числе субъектов, к которым прослушивание переговоров может применяться в качестве меры безопасности, хотя такая необходимость возникает, например, в случае поступления угроз вышеназванным субъектам со стороны соучастников»[1].

Представляется, что такие угрозы могут поступать в отношении подозреваемых и обвиняемых не только со стороны соучастников, но и со стороны потерпевших и их родственников, поскольку многие потерпевшие, не веря в справедливость уголовного судопроизводства, самостоятельно могут расправиться с лицами, совершившими преступления в отношении них или их родственников. Вследствие этого рекомендуется внести дополнение в ч. 2 ст. 186 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции:

«При наличии угрозы совершения насилия, вымогательства и других преступных действий в отношении потерпевшего, свидетеля *либо подозреваемого, обвиняемого* или их близких родственников, родственников, близких лиц контроль и запись телефонных и иных переговоров допускаются по письменному заявлению указанных лиц, а при отсутствии такого заявления — на основании судебного решения».

Кроме того, необходимо, на наш взгляд, усовершенствовать уголовно-процессуальные нормы, регламентирующие процедуру опознания. В ч. 8 ст. 193 УПК РФ говорится о возможности исключения визуального наблюдения опознающего опознаваемым. Данное следственное действие связано с вызовом лиц в правоохранительные органы, где они через стекло, не прозрачное с другой стороны, опознают подозреваемых или обвиняемых. Однако для обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства опознание возможно провести иначе. Для этого участники процесса опознают лицо по фотографии либо видеоизображению, причем не в кабинете следователя или дознавателя, а по месту своего нахождения.

---

[1] *Тисен А.В.* Гарантии безопасности участников уголовного процесса // Уголовный процесс. 2006. № 12. С. 54.

То есть фотографии предъявляются для опознания не только в случае, если само лицо невозможно предъявить, но и тогда, когда необходимо обеспечить безопасность участников уголовного процесса[1]. На возможность опознания лица только по фотографии с целью обеспечения безопасности опознающего указывают многие авторы[2]. Проведение опознания по видеозаписи уголовно-процессуальным законодательством России не предусмотрено, хотя данный вид опознания является более информативным, чем по фотографии, поскольку по видеозаписи лицо можно опознать не только по статическим, но и по динамическим признакам.

На основании изложенного рекомендуется ч. 8 ст. 193 УПК РФ изложить в следующей редакции:

«В целях обеспечения безопасности опознающего предъявление лица для опознания по решению следователя может быть проведено в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым, *либо по фотографии или видеоизображению*. В этом случае понятые находятся в месте нахождения опознающего».

Частью 5 ст. 278 УПК РФ предусмотрен допрос свидетеля в судебном заседании в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства.

Представляется, что при явке свидетелей в суд данные об их личности могут быть установлены заинтересованными лицами даже в том случае, если применялись меры безопасности. Кроме того, если допрос проводился на основании ст. 278.1 УПК РФ с использованием систем видеоконференц-связи, без визуального изображения допрашиваемого лица, то в ряде случаев заинтересованные лица смогут установить допрашиваемых по голосу. Так,

---

[1] *Яшин А.В.* Некоторые вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в отношении свидетелей и потерпевших // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2016. № 4. Т. 1. С. 198–204.

[2] См., например: *Зуев С.В.* Защита свидетелей на стадии предварительного расследования // Уголовное право. 2007. № 6. С. 85; *Епихин А.Ю.* Правовое регулирование мер безопасности участников процесса // Законность. 2003. № 5. С. 46; *Тисен А.В.* Указ. раб. С. 55.

В.Н. Мартышкин и В.В. Мартышкин приводят пример: «При расследовании уголовного дела «2-1/2001 свидетеля обвинения Ш. преступники вычислили по голосу, причинив тяжкий вред здоровью»[1].

Полагаем, что в ходе предварительного расследования потерпевших и свидетелей следует очень подробно допросить (возможно, не один раз), но в суд не вызывать, посредством чего также можно увеличить степень их безопасности. В связи с этим предлагаем изложить ч. 5 ст. 278 УПК РФ в следующей редакции:

«При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля, другими участниками судебного разбирательства, *либо не вызывать его в судебное заседание и ограничиться показаниями, данными на предварительном расследовании*, о чем суд выносит определение или постановление».

Данная уголовно-процессуальная норма в соответствии с ч. 1 ст. 277 УПК РФ распространяется и на допрос потерпевшего.

Суд в данной ситуации, на основании материалов дела и руководствуясь внутренним убеждением, решает, вызывать свидетеля (потерпевшего) в судебное заседание или нет. Данные меры являются изъятием из правил допроса свидетелей (потерпевших) и должны применяться судом в исключительных случаях только для обеспечения безопасности указанных участников уголовного судопроизводства[2].

---

[1] *Мартышкин В.Н., Мартышкин В.В.* Коллизии уголовно-процессуальных норм, обеспечивающих безопасность допроса «скрытых» участников судопроизводства // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства противодействия преступности: сборник научных трудов. Казань, 2010. С. 64.

[2] См.: *Яшин А.В.* Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере безопасности участников уголовного судопроизводства // Научный альманах. 2015. № 12-3. С. 97–100.

В соответствии со ст. 279 УПК РФ «1. Потерпевший и свидетель могут пользоваться письменными заметками, которые предъявляются суду по его требованию.

2. Потерпевшему и свидетелю разрешается прочтение имеющихся у них документов, относящихся к их показаниям. Эти документы предъявляются суду и по его определению или постановлению могут быть приобщены к материалам уголовного дела».

Однако в случае, когда свидетели и потерпевшие в судебное заседание не вызываются, а оглашаются их показания, данные на предварительном расследовании, возникает вопрос о том, кто же уполномочен представлять такие заметки.

На наш взгляд, указанные документы могут предъявлять суду представители участников уголовного судопроизводства, например, адвокаты либо лица, являющиеся близкими свидетеля и потерпевшего. В данном случае эти лица допрашиваются судом в судебном заседании, после чего производится выемка заметок, которые приобщаются к материалам уголовного дела.

Если участники судебного процесса заявят ходатайства о допросе свидетелей и потерпевших, данные о которых не разглашаются, то возможно их допросить в режиме видеоконференц-связи, но без визуального воспроизведения (скрывая лицо) и изменив до неузнаваемости голос допрашиваемого.

С совершенствованием уголовно-процессуального и иных отраслей законодательства связаны различные организационные меры, посредством которых также осуществляется предупреждение исследуемых общественно опасных деяний. Практически ни одно уголовное дело не обходится без такого следственного действия, как осмотр места происшествия, при производстве которого может возникнуть угроза совершения преступных действий в отношении участников осмотра — следователей, экспертов, специалистов, понятых и т.п.

К примеру, в г. Минеральные Воды Ставропольского края в июле 2011 г. мужчина, прибыв на участок федеральной автодороги «Кавказ» по направлению из г. Минеральные Воды в г. Пятигорск, где следователь оформлял прото-

кол осмотра места дорожно-транспортного преступления, напал на следователя и нанес ему удар ножом в живот. С проникающим колото-резаным ранением брюшной полости следователь был госпитализирован в больницу[1].

8 декабря 2011 г. в Дагестане произошло нападение на бригаду следователей, которые выехали на осмотр дорожно-транспортного преступления возле с. Косякино Кизлярского района Республики. Инцидент произошел на 7-м км трассы пос. Комсомольский – г. Кизляр. В произошедшем ДТП пострадали женщина и ребенок, на место происшествия выехала следственная бригада. Прибыв на место аварии, сотрудники попали под обстрел, в результате чего погиб следователь Шамил Магомедов[2].

В связи с данным обстоятельством обеспечение безопасности указанных участников уголовного судопроизводства следует обеспечивать одновременно с охраной места происшествия. По мнению Т.С. Волчецкой, примером угрозы личной безопасности субъектов уголовного процесса может послужить заранее подготовленное взрывное устройство на месте происшествия, которое должно сработать во время проведения следственного действия[3]. С учетом указанных обстоятельств участники следственно-оперативной группы должны быть вооружены табельным оружием и иметь при себе специальные средства защиты. Кроме того, при получении информации о противодействии производству осмотра места происшествия со стороны заинтересованных лиц необходимо включить в состав следственно-оперативной группы сотрудников спецподразделений, например, взрывотехников. Если на месте происшествия назревает конфликт, рекомендуется сохранять выдержку и деликатность в обращении с

---

[1] Жителя Минвод будут судить за нападение на следователя. URL: http://www.yuga.ru/news/244440/ (дата обращения: 04.03.2012).

[2] Очередное нападение на полицейских в Дагестане: 1 погибший, 5 раненых. URL: http://top.rbc.ru/incidents/09/12/2011/629082.shtml (дата обращения: 04.03.2012).

[3] См.: *Волчецкая Т.С.* Задачи криминалистики по обеспечению безопасности в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых, криминалистических и криминологических мер борьбы с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции (5–6 декабря 2005 г.). Саранск, 2006. С. 20.

конфликтующими, обеспечивать охрану участников уголовного судопроизводства сотрудниками полиции.

Одним из самых распространенных следственных действий является допрос. Именно посредством допросов почти по каждому делу добывается наибольшее количество доказательств, позволяющих установить истину. В этом смысле допрос можно считать основным, или главным, источником получения доказательств[1]. До, во время или после допросов в отношении свидетелей, потерпевших, иных лиц нередко осуществляются преступные посягательства, вследствие чего следует рассмотреть тактические приемы допроса указанных участников процесса.

На наш взгляд, абсолютно права О.И. Андреева, которая пишет, что «по общему правилу допрос, в том числе свидетелей, производится по месту производства следственного действия. В то же время следователь вправе, если признает это необходимым, провести допрос в месте нахождения допрашиваемого. Представляется, что вопрос о месте проведения допроса, в том числе с целью обеспечения безопасности, должен быть разрешен с учетом мнения лица, подлежащего допросу»[2].

При рассмотрении уголовно-процессуальной составляющей мер противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства говорилось о сокрытии установочных данных потерпевших либо свидетелей.

Л.В. Брусницын, ставя вопрос: что следует использовать в качестве псевдонима при допросе свидетеля и потерпевшего, данные которого не разглашаются, отмечает, что в УПК РФ ответа на него нет. В европейских государствах для обозначения псевдонима используются, в частности, идентификационные номера, вымышленные имена или просто буквы. Думается, что в российском

---

[1] См.: *Васильев А.Н., Карнеева Л.М.* Тактика допроса при расследовании преступлений. М., 1970. С. 5.

[2] *Андреева О.И.* Проблемы применения мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию, в уголовном судопроизводстве (по УПК РФ) // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: материалы Международной научно-практической конференции (Красноярск, 26–27 сентября 2002 г.): в 2 т. Т. 2. Красноярск, 2003. С. 115.

уголовном судопроизводстве в качестве псевдонима предпочтительнее применять буквы алфавита[1].

Можно согласиться с данным утверждением и применять в качестве псевдонима свидетеля или потерпевшего буквы алфавита. Чтобы обезопасить таких свидетелей и потерпевших от воздействий со стороны заинтересованных лиц, на наш взгляд, нецелесообразно их вызывать в судебное заседание или применять систему видеоконференц-связи. Достаточно допросить их несколько раз по обстоятельствам дела, например, в начале, в середине и по окончании расследования. Как правило, предварительное расследование по уголовным делам в отношении участников организованных преступных групп (по которым в большинстве случаев и необходимо применение мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства) занимает длительное время. Совпадение изложенных свидетелем или потерпевшим показаний на начальной стадии расследования и в конце его производства будет свидетельствовать об их достоверности. Как справедливо указывает О.А. Корнеева, используя уточняющие и детализирующие вопросы к свидетелю (потерпевшему), следователь может получить исчерпывающие данные, что позволит ему плодотворно дать оценку не только показаниям допрошенных свидетелей и потерпевших, но и всей совокупности доказательств, собранных в следственном производстве, и тем самым правильно по форме и содержанию составить обвинительное заключение[2].

При допросе потерпевшего либо свидетеля под псевдонимом и сокрытии его от обвиняемого (подозреваемого) возникает закономерный вопрос о том, как устранять существенные противоречия между указанными участниками уголовного судопроизводства.

В уголовном процессе существенные противоречия между допрашиваемыми устраняются при помощи такого следственного действия, как очная став-

---

[1] См.: *Брусницын Л.В.* Допрос под псевдонимом // Законность. 2003. № 1. С. 29.

[2] См.: *Корнеева О.А.* Проблемы тактики допроса свидетеля и потерпевшего по УПК РФ // Российский следователь. 2010. № 1. С. 9.

ка. В соответствии со ст. 192 УПК РФ очная ставка — это одновременный допрос в присутствии друг друга двух ранее допрошенных лиц, призванный устранить существенные противоречия в их показаниях. Здесь следователь поочередно задает им вопросы об одних и тех же обстоятельствах расследуемого дела, анализирует и сопоставляет ответы. Как же быть, если необходимо скрыть от подозреваемого (обвиняемого) свидетеля (потерпевшего) и в то же время провести очную ставку?

В данном случае А.Н. Петрова предлагает использовать специальные технические средства связи, исключающие непосредственный контакт свидетелей и потерпевших с подозреваемыми и обвиняемыми[1]. Таким образом, предлагается проводить очную ставку аналогично опознанию: либо через стекло, непрозрачное со стороны подозреваемого (обвиняемого) с изменением голоса свидетеля (потерпевшего), либо с использованием системы видеоконференц-связи с сокрытием лица свидетеля (потерпевшего) и также изменением его голоса.

На наш взгляд, с такой точкой зрения трудно согласиться. По общим тактическим правилам, приступая к допросу на очной ставке, следователь спрашивает участников следственного действия, знают ли они друг друга и каковы их взаимоотношения[2]. В случае если подозреваемый (обвиняемый) не видит свидетеля (потерпевшего), он не может дать показания о том, знакомы ли они и в каких взаимоотношениях состоят. В связи с этим очная ставка не может быть проведена. Поэтому, если в процессе предварительного расследования необходимо скрыть установочные данные свидетеля (потерпевшего), производство очной ставки не рекомендуется.

Устранение существенных противоречий между показаниями подозреваемого (обвиняемого) и свидетеля (потерпевшего) следует осуществлять при помощи производства других следственных действий. В связи с этим рекомен-

---

[1] См.: *Петрова А.Н.* Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Волгоград, 2000. С. 13.

[2] См.: *Ищенко Е.П., Филиппов А.Г.* Криминалистика: учебник. М., 2007. С. 558.

дуется после допроса одного из участников уголовного судопроизводства производить допрос другого участника процесса. Допрашивать указанных лиц можно неоднократно, а их показания следует уточнять в ходе проверки показаний на месте, следственного эксперимента и других процессуальных действий. Бесспорно, проведение повторных допросов, иных следственных действий приведет к усложнению производства предварительного расследования, но, с другой стороны, это обстоятельство сможет обеспечить безопасность свидетелей (потерпевших) от преступных посягательств.

Процедура предъявления личности для опознания в условиях, когда необходимо обеспечить безопасность свидетеля (потерпевшего), рассмотрена выше при анализе уголовно-процессуальных средств обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. С тактической точки зрения, необходимо, на наш взгляд, чтобы понятые при производстве данного следственного действия находились как со стороны опознаваемого, так и со стороны опознающего. Кроме того, целесообразно использование видеозаписи также с двух сторон — со стороны опознающего и со стороны опознаваемого. Опознание по фото-, видеоизображению производится в обычном порядке. Отметим, что совершенствование уголовно-процессуальных норм окажет существенное влияние не только на оптимизацию законодательства, но и на эффективность деятельности, направленной на предупреждение преступлениям рассматриваемого вида.

Поскольку, как было отмечено выше, государственная защита участников уголовного судопроизводства должна являться неотъемлемой частью предупредительной деятельности, необходимо остановиться на предупреждении рассматриваемых преступлений оперативно-розыскными средствами.

По мнению Э.И. Бордиловского, оперативно-розыскная профилактика — это комплекс индивидуально-воспитательных и иных мер, проводимых с использованием оперативно-розыскных сил, средств и методов по контролю и надзору за лицами, образ жизни которых и поведение указывают на возможность совершения ими преступления, в целях склонения их к отказу от пре-

ступных намерений либо недопущения с их стороны противоправных действий[1]. Кроме того, в специальной литературе отмечается, что оперативно-розыскное предупреждение преступлений охватывается деятельностью, направленной на принятие оперативно-розыскных и иных мер, основанных на оперативных данных, при помощи которых возможны недопущение совершения противоправных деяний, изменение преступного поведения субъекта, недопущение общественно опасных последствий или их минимизации[2].

Как пишет Б.Б. Шойжилцыренов, «предупреждение преступлений оперативно-розыскными мерами — весьма действенное и перспективное направление деятельности оперативных подразделений. По сравнению с уголовно-процессуальным и уголовно-правовым предупреждением, оперативно-розыскное предупреждение отличается большей эффективностью. Оно позволяет достичь поставленных целей в сжатые сроки, с меньшими материальными и моральными потерями, обеспечивает предупреждение наступления вредных (необратимых) последствий и, в конечном счете, сужает сферу применения мер уголовного наказания»[3].

С точки зрения О.Н. Пономаренко, лицам, испытывающим на себе противоправное воздействие или находящимся под угрозой такого воздействия, целесообразно обеспечивать безопасность и за рамками уголовного процесса, в первую очередь — посредством использования оперативно-розыскных сил, средств и методов[4].

---

[1] См.: *Бордиловский Э.И.* Организация оперативно-розыскной профилактики. М., 1986. С. 7.

[2] См.: Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006. С. 32.

[3] *Шойжилцыренов Б.Б.* Оперативно-розыскная профилактика преступлений как элемент системы оперативно-розыскного противодействия преступности // Преступность и общество: историко-правовой и социально-экономический аспекты. Сборник научных статьей. Хабаровск, 2008. С. 129–130.

[4] См.: *Пономаренко О.Н.* Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения как средство преодоления криминального противодействия при расследовании преступлений // Полицейское право. 2007. № 1. С. 185.

В Федеральном законе от 12 августа 1995 г.«Об оперативно-розыскной деятельности» (в ред. от 6 июля 2016 г.)[1] основное внимание уделяется безопасности лиц, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, на конфиденциальной основе. О защите участников уголовного судопроизводства в данном нормативном правовом акте не говорится. Это закономерно, поскольку понятие участников уголовного судопроизводства регламентировано уголовно-процессуальным законодательством, а вопросы обеспечения их защиты от преступных посягательств урегулированы Федеральными законами от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов»(в ред. от 1 июля 2017 г.)[2] и от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» (в ред. от 7 февраля 2017 г.)[3].

Тем не менее, в литературе, посвященной вопросам оперативно-розыскного предупреждения преступлений, встречается понятие применения оперативно-розыскных мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию. К примеру, В.М. Титов указывает, что преступники предпринимают регулярные, иногда успешные попытки получить информацию о лицах, содействующих правосудию, чтобы оказать на них воздействие и избежать уголовной ответственности[4]. Он же пишет, что «рассматривая последовательно направления оперативно-розыскного предупреждения посткриминального воздействия на лиц, содействующих правосудию, необходимо в первую очередь исследовать оперативно-розыскные аспекты нейтрализации попыток со сторо-

---

[1] См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349; 2016. № 28. Ст. 4558.

[2] См.: СЗ РФ. 1995. № 17. Ст. 1455; 2017. № 27. Ст. 3945.

[3] См.: СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3534; 2017. № 7. Ст. 1026.

[4] См.: *Титов В.М.* О применении оперативно-розыскных мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию // Полицейское право. 2007. № 2. С. 151.

ны криминалитета выявить граждан, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность»[1].

Как видно, здесь отождествляются понятия «лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность» и «лица, содействующие правосудию». Однако лица, содействующие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, не всегда являются участниками уголовного судопроизводства, в то время как лица, содействующие правосудию, относятся к ним и под ними подразумеваются, например, понятые, переводчики, специалисты и т.п.

Кроме того, при помощи оперативно-розыскных средств и методов необходимо, на наш взгляд, обеспечивать безопасность всех участников уголовного судопроизводства, поскольку преступное воздействие на указанных лиц зачастую приводит к утрате доказательств по уголовному делу, вследствие чего преступление остается нераскрытым. Представляется, что оперативно-розыскное предупреждение преступлений рассматриваемого вида должно проводиться в двух направлениях. Первое направление — совершенствование тактических приемов производства как отдельных оперативно-розыскных мероприятий, так и раскрытия конкретных преступлений. Второе связано с совершенствованием оперативно-розыскного законодательства.

Довольно часто при расследовании преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства, в сфере внимания как органов, производящих расследование, так и оперативно-розыскных подразделений, оказываются лица, проявляющие интерес к ходу раскрытия и расследования преступлений. Такие лица могут напрямую обращаться к оперативным сотрудникам, а также к следователям, дознавателям, потерпевшим, свидетелям и другим участникам уголовного судопроизводства с просьбой о комментариях к процессу расследования уголовных дел. Такими лицами могут быть, например,

---

[1] *Титов В.М.* Оперативно-розыскная деятельность в системе мер обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию // Современное право. 2009. № 1. С. 83.

журналисты, правозащитники, сотрудники правоохранительных органов либо лица, которые выдают себя за них. Поэтому, на наш взгляд, в научной литературе совершенно справедливо указывается, что задачей оперработника и следователя является последовательная нейтрализация предпринимаемых этими лицами мер оперативно-розыскного и процессуального характера. Иногда эффективно действуют официальные предупреждения лица, проявляющего активность и интерес к делу о преступлении, о возможности его допроса в качестве свидетеля по делу[1].

Думается, что параллельно с процессуальным действием — допросом — целесообразно проводить в отношении таких лиц и оперативно-розыскные мероприятия, которые будут подтверждать или опровергать их показания.

Конструктивным, по нашему мнению, является встречающееся в юридической литературе предложение о привлечении следователей к разработке и планированию операций по реализации оперативных материалов на стадии возбуждения уголовного дела, что создает благоприятные условия для предупредительных мер по нейтрализации неправомерного воздействия в отношении добросовестных участников уголовного процесса. В подобной ситуации оперативные работники помогают следователю разобраться в существе полученных оперативных данных и провести первоначальные следственные действия[2]. Представляется, что следователей следует привлекать также и к дальнейшей корректировке планов оперативно-розыскных мероприятий, поскольку в процессе предварительного расследования события могут меняться и первоначальные планы тоже подлежат пересмотру.

---

[1] См.: *Титов С.М., Титова Е.С., Джикия В.К.* Оперативно-розыскные меры борьбы с организованными преступными группами, оказывающими противодействие раскрытию и расследованию преступлений в сфере грузовых и пассажирских перевозок на транспорте // Вестник Московского университета МВД России. 2009. № 4. С. 137.

[2] См.: *Замылин Е.И.* Оперативно-розыскное сопровождение процесса предварительного расследования как фактор предупреждения и нейтрализации постпреступного воздействия // Вопросы теории и практики раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов. Волгоград, 2007. С. 93–94.

Нередко преступное воздействие, осуществляемое в отношении потерпевших, свидетелей, а порой и в отношении подозреваемых, обвиняемых, приводит к тому, что указанные участники процесса дают ложные показания, вследствие чего затрудняется процесс установления истины по делу. В данном случае следует согласиться с авторами, считающими, что одной из опасностей, с которой сталкиваются все судебные системы, является наличие ложных показаний в суде и их способность помешать исполнению правосудия[1].

Как указывает А.В. Никитин, криминальное противодействие по выявлению и раскрытию преступлений может проявиться и в сокрытии сведений об обстоятельствах преступления. Такого рода противодействие, как показывает практика, характерно для многих преступлений и может успешно преодолеваться лишь оперативными подразделениями[2]. Действительно, в силу специфики производства оперативно-розыскных мероприятий сотрудники оперативных подразделений владеют большей информацией, нежели следователи либо дознаватели. Поэтому оперативники должны немедленно реагировать на изменение показаний лиц, допрашиваемых органами предварительного расследования, и оперативным путем выявлять причины этого. В связи с указанным обстоятельством предлагается осуществлять оперативное сопровождение уголовных дел вплоть до вынесения приговора, а не только до момента направления уголовного дела для утверждения обвинительного заключения, как это чаще всего происходит.

Можно согласиться и с мнением В.И. Козлова, считающего, что важное место в системе ОРМ принадлежит предупреждению рецидива преступлений[3]. В самом деле, совершение преступлений в отношении участников уголовного судопроизводства содержит в себе признаки криминологического рецидива.

---

[1] *Wells B.* The Law of Testimony in the Pentateuchal Codes. Wiesbaden, 2004. P. 133.

[2] См.: *Никитин А.В.* Оперативно-розыскное противодействие преступности: понятие и сущность // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2010. Вып. № 1. С. 47–48.

[3] См.: *Козлов В.И.* Оперативно-розыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2009. С. 17.

Лица, виновные в совершении первоначального преступления, преступно воздействуют на участников процесса в целях добиться другого результата, которого могли бы достичь органы предварительного расследования без вмешательства в процесс заинтересованных в ином исходе лиц.

Следует также широко использовать в предупреждении рассматриваемых преступлений автоматизированные информационные системы. Как справедливо пишут Р.М. Яппаров и В.Ф. Габзалилов, «в ходе оперативно-розыскной деятельности, в частности той, которую осуществляют подразделения по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите, одним из основных средств получения фактических данных может выступать автоматизированная информационная система»[1]. Ну и, конечно, как отмечает В.А. Бодренков, для повышения эффективности оперативно-розыскного предупреждения преступлений, следует обеспечить качественно иное межведомственное взаимодействие[2], что касается и предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, о чем говорилось выше.

Таким образом, в целях совершенствования оперативно-розыскного противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства, следует оптимизировать организационные меры, связанные с тактическими приемами оперативно-розыскной деятельности. В частности, к ним можно отнести следующие:

проведение в отношении лиц, активно интересующихся ходом предварительного расследования, оперативно-розыскных мероприятий;

привлечение следователей к составлению и корректировке планов оперативно-розыскных мероприятий, направленных на предупреждение преступлений против участников уголовного процесса;

---

[1] *Яппаров Р.М., Габзалилов В.Ф.* Информационная система в оперативно-розыскной деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. № 5. С. 105.

[2] См.: *Бодренков В.А.* Оперативно-розыскное предупреждение преступлений // Законность. 2007. № 9. С. 50.

реагирование оперативных сотрудников на изменение показаний лицами, допрашиваемыми органами предварительного расследования, и выявление оперативным путем причин этого;

обеспечение оперативного сопровождения уголовных дел до момента вынесения судом приговора.

Кроме того, следует, на наш взгляд, внести некоторые изменения и дополнения в оперативно-розыскное законодательство. Так, согласно ч. 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» лицо из числа членов преступной группы при определенных обстоятельствах освобождается от уголовной ответственности за активное способствование раскрытию преступлений, но за активное способствование предупреждению преступлений лицо от ответственности не освобождается.

Полагаем, что необходимо поощрять в виде освобождения от уголовной ответственности также лиц, которые оказывают помощь не только в раскрытии, но и в предупреждении преступлений[1].

В связи с изложенным, в целях противодействия преступности и предупреждения преступлений, в том числе против участников уголовного судопроизводства, предлагается:

часть 4 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» изложить в следующей редакции:

«Лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений *либо их предупреждению*, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации»;

---

[1] См.: *Яшин А.В.* Противодействие преступлениям против участников уголовного судопроизводства криминалистическими и оперативно-розыскными средствами // Успехи современного естествознания. 2015. № 1.Ч. 2. С. 320–324.

часть 5 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» изложить в следующей редакции:

«Лица, сотрудничающие с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, либо оказавшее им помощь в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших, *а также в предупреждении преступлений*, могут получать вознаграждения и другие выплаты. Полученные указанными лицами суммы вознаграждений и другие выплаты налогами не облагаются и в декларациях о доходах не указываются»[1].

Основы предупредительной работы заложены и в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»[2]. Так, предупреждение преступлений является одной из задач полиции. Но, к сожалению, в Законе предупредительная деятельность регламентирована недостаточно. Так, к правам полиции, согласно ст. 13 относятся: объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии преступлений и задержании лиц, их совершивших, и выплачивать его гражданам; использовать на безвозмездной основе возможности средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации в целях установления обстоятельств совершения преступлений, лиц, их совершивших, а также для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия или суда, и лиц, пропавших без вести.

Таким образом, получается, что средства массовой информации для пропаганды уголовного законодательства с целью предупреждения преступлений безвозмездно использовать нельзя, а граждане, оказавшие помощь в предупреждении преступлений, вознаграждаться не будут, хотя возникают ситуации, когда предупреждение преступлений оказывает более заметный эффект, чем их

---

[1] См.: *Яшин А.*В. Криминалистические и оперативно-розыскные меры защиты участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: материалы Всероссийской научно-практической заочной конференции (Москва, 15 мая–15 октября 2013 г.). М., 2014. С. 208–217.

[2] См.: Российская газета. 2011. 8 февр.; СЗ РФ. 2018. № 11. Ст. 1591.

раскрытие. Например, невозможно сравнить предупреждение посягательства на жизнь судьи с раскрытием принуждения к даче показаний.

Поэтому в целях воздействия на преступность и предупреждения преступлений, в том числе против участников уголовного судопроизводства, предлагается следующее:

пункт 34 ст. 13 Федерального закона РФ «О полиции» изложить в следующей редакции:

«Привлекать граждан с их согласия к внештатному сотрудничеству; устанавливать негласное сотрудничество с гражданами, изъявившими желание конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной или возмездной основе; объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии *и предупреждении* преступлений, задержании лиц, их совершивших, и выплачивать его гражданам; поощрять граждан, оказавших помощь полиции в выполнении иных возложенных на нее обязанностей; привлекать для консультаций в установленном порядке специалистов государственных и муниципальных органов, организаций с сохранением за ними заработной платы (денежного содержания) по основному месту работы (службы)»;

пункт 35 ст. 13 Федерального закона РФ «О полиции» изложить в следующей редакции:

«Использовать на безвозмездной основе возможности средств массовой информации и информационно-телекоммуникационной сети Интернет для размещения информации в целях установления обстоятельств совершения преступлений, лиц, их совершивших, для розыска лиц, скрывшихся от органов дознания, предварительного следствия или суда, и лиц, пропавших без вести *либо для пропаганды среди населения уголовно-правовых норм и примечаний к ним, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания за определенные преступления с целью предупреждения преступных деяний*».

Отметим, что деятельность по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства охватывается и сферой уголовно-исполнительного права. УИК РФ содержит норму, регулирующую применение

мер безопасности в отношении осужденных, являющихся участниками уголовного судопроизводства (ч. 4 ст. 13). Полагаем, что критерии оценки эффективности предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, должны быть аналогичны общим критериям. То есть, чем меньшее количество осужденных участников уголовного судопроизводства обращаются с ходатайствами о применении к ним мер безопасности при условии осознания ими защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств и уверенности в ней, тем эффективнее предупредительная деятельность.

Подводя итоги проведенного исследования, следует отметить следующее:

1) в деятельности, направленной на предупреждение исследуемых преступлений, большое значение имеет совершенствование уголовно-процессуального законодательства. Изучение уголовно-процессуальных норм позволило сделать вывод, что не все они в полном объеме обеспечивают безопасность участников уголовного судопроизводства, что является пробелом в предупредительной деятельности. Кроме того, в действующей редакции УПК РФ отсутствует такое назначение уголовного судопроизводства, как предупреждение преступлений. Для устранения данного пробела предлагается дополнить ч. 1 ст. 6 УПК РФ п. 3 — «предупреждение преступлений»;

2) в целях обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальными средствами, предлагается внести изменения в ч. 3 ст. 11, ч. 9 ст. 166, ч. 2 ст. 186, ч. 8 ст. 193, ч. 5 ст. 278 УПК РФ, которые позволят повысить эффективность предупредительных мер;

3) предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства должно обеспечиваться и посредством организационных мер, направленных на совершенствование тактических приемов производства осмотра места происшествия, допроса, очной ставки, предъявления личности для опознания, то есть процессуальных действий, в ходе которых в отношении

свидетелей, потерпевших, иных лиц чаще всего осуществляются преступные посягательства;

4) в рамках оперативно-розыскной составляющей, входящей в деятельность по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства, необходимо оптимизировать тактические приемы оперативно-розыскной деятельности, а именно:

проведение в отношении лиц, активно интересующихся ходом предварительного расследования, оперативно-розыскных мероприятий;

привлечение следователей к составлению и корректировке планов оперативно-розыскных мероприятий, направленных на противодействие преступлениям против участников уголовного процесса;

реагирование оперативных сотрудников на изменение показаний лицами, допрашиваемыми органами предварительного расследования, и установление оперативным путем причин этого;

обеспечение оперативного сопровождения уголовных дел до момента вынесения судом приговора;

5) предлагается внести дополнения в Федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О полиции», расширяющие права субъектов предупредительной деятельности и граждан, оказывающих содействие в предупреждении как отдельных преступлений, так и преступности в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты проведенного исследования позволяют сделать обобщающие выводы и сформулировать предложения, имеющие концептуальный характер, привносящие значительный вклад в развитие теории криминологической науки и практику предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, заключающиеся в следующем:

1. По итогам исследования действующего законодательства и теоретических изысканий обоснованы дефиниция и классификация участников уголовного судопроизводства, понятие и признаки совершаемых в отношении них преступлений:

под участниками уголовного судопроизводства, рассматриваемых в качестве виктимогенной группы, предлагается понимать любых физических лиц, принимающих либо принимавших участие в уголовном процессе, предрасположенных стать жертвой преступных посягательств в связи с определенной уголовно-процессуальным законом ролью и возникновением процессуальных прав и (или) обязанностей;

участники уголовного судопроизводства как потенциальные жертвы преступных посягательств классифицируются на следующие группы: а) лица, входящие в состав суда, указанные в гл. 5 УПК РФ; б) участники уголовного судопроизводства со стороны обвинения, чей процессуальный статус регламентирован гл. 6 УПК РФ; в) участники уголовного судопроизводства со стороны защиты, определенные гл. 7 уголовно-процессуального закона; г) иные участники уголовного судопроизводства, не являющиеся носителями функций обвинения, защиты или разрешения уголовных дел;

преступления против участников уголовного судопроизводства — это собирательное криминологическое понятие, включающее в себя умышленные противоправные общественно опасные деяния, причиняющие или создающие угрозу причинения вреда правам, свободам и законным интересам лиц, реализовавшим либо имевшим возможность реализовать свои уголовно-процессуальные права и (или) обязанности в уголовном судопроизводстве;

общими признаками для группы исследуемых преступлений является то, что их совершение обусловлено сферой уголовного процесса, их жертвами выступают участники уголовного судопроизводства, обладающие повышенной степенью виктимности, виновные сознают, что противоправно воздействуют на потерпевших именно в связи с участием последних в уголовном процессе.

2. Динамика уровня совокупности преступлений против участников уголовного судопроизводства повторяет динамику уровня всей преступности. Это связано с тем, что рассматриваемые преступления являются следствием уже совершенных ранее каких-либо преступных деяний, в результате чего лица и приобретают статус участников уголовного судопроизводства. Причем, в ходе исследования выявлена достаточно сильная статистическая взаимосвязь между динамикой всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений и совокупностью преступлений против участников уголовного судопроизводства, вследствие чего основные характеристики последних (уровень, динамика, территориальные, сезонные, временные и иные изменения) с большой долей вероятности зависят от аналогичных характеристик всей преступности. Соответственно, динамика преступлений против участников уголовного судопроизводства является устойчивой, обусловленной динамикой зарегистрированной в России преступности. Установлено, что против лиц, участвующих в уголовном процессе, преступления совершаются в основном на досудебных стадиях уголовного судопроизводства, в частности на стадии предварительного расследования.

3. Виновные лица совершают в отношении участников уголовного судопроизводства как преступления, препятствующие осуществлению правосудия и (или) предварительного расследования, так и иные общественно опасные деяния, в том числе из мести за их деятельность. Выявлены обобщенные социально-демографические особенности лиц, совершающих преступления против участников уголовного судопроизводства. В основной массе — это лица мужского пола в возрасте 30–49 лет, имеющие среднее (полное) образование, официально на момент совершения преступлений нигде не работающие; более по-

ловины таких лиц ранее совершали преступления. По характеру преступной направленности выделены три типа личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства: тип с направленностью на нарушение установленного порядка осуществления уголовного судопроизводства; тип с направленностью на месть за деятельность, связанную с участием в уголовном судопроизводстве; ситуативно-направленный тип.

4. Роль неблагоприятной внешней среды в механизме преступного поведения личности, совершающей исследуемые преступления, играет сфера уголовного судопроизводства. Вовлеченные в нее лица подвергаются риску стать жертвами преступных посягательств, поскольку обладание специфическими правами и обязанностями выделяет их из круга обычных граждан. Это характерно как для формирования механизма преступлений против участников суда, так и против участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, защиты, иных участников уголовного судопроизводства, поскольку все указанные лица обладают повышенной степенью виктимности. При совершении преступлений против участников уголовного судопроизводства в механизме преступного поведения виновного наличествует множественность мотивов, то есть полимотивация противоправных деяний. В целях предупреждения преступлений следует выяснять все мотивы преступного поведения личности. Это необходимо, прежде всего, для индивидуальной профилактики, которая в данном случае направлена на устранение мотивации преступного поведения личности, то есть первого элемента его механизма. При отсутствии преступной мотивации происходит блокировка остальных элементов механизма преступного поведения, в результате чего преступление не совершается. Среди мотивов, движущих лицами, посягающими на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства, преобладают месть и воспрепятствование осуществлению правосудия и (или) предварительного расследования. Кроме того, в числе мотивов имеются и такие, как: корыстные побуждения, оказание помощи соучастникам избежать ответственности, стремление скрыть другое

преступление или облегчить его, избежать уголовной ответственности, причинить насилие, хулиганские, сексуальные побуждения и иные.

5. Процессы детерминации рассматриваемых преступлений отличаются тем, что особенности внешней среды (сферы уголовного судопроизводства) оказывают решающее влияние на формирование определенных и сравнительно устойчивых характеристик личности, преступное поведение которой направлено на нарушение прав, свобод и законных интересов лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Установлено, что детерминационный комплекс преступлений против участников уголовного судопроизводства складывается из двух групп детерминант: причины и условия общего характера и специфические причины и условия, характерные, в первую очередь, для преступлений рассматриваемого вида. Детерминанты общего характера в целом совпадает с характером причин и условий, продуцирующих преступность в целом. К этой группе относятся недостатки и противоречия в экономической, социальной, духовно-нравственной, правовой сферах, которые, тем не менее, следует рассматривать сквозь призму причин и условий, присущих именно преступлениям против участников уголовного судопроизводства. К специфическим причинам и условиям относятся: низкий уровень правовой культуры личности, совершающей преступление; правовой нигилизм; наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства (стороны обвинения и защиты); слабая защищенность участников уголовного судопроизводства; малоэффективное применение к участникам уголовного судопроизводства мер безопасности; несовершенство законодательной базы, регламентирующей их защиту; неверие в справедливость правоохранительных органов; низкий уровень кадрового обеспечения и слабый профессионализм сотрудников правоохранительных органов; недостаточная разработанность критериев оценки деятельности правоохранительных органов; крайне высокая их загруженность; малоэффективный контроль и надзор за работой сотрудников правоохранительных органов; профессиональная деформация; ложно понятые ими интересы службы.

6. Отличительной чертой причинного комплекса рассматриваемых преступлений является наличие конфликта между различными участниками уголовного судопроизводства. Лица, совершая такие преступления, неизбежно находятся в конфронтации со своими оппонентами в уголовном процессе. Данное обстоятельство непосредственно влияет на мотивацию совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Конфликтная ситуация, развивающаяся в связи с отправлением правосудия, в большинстве случаев, стимулирует совершение преступления, поскольку перед личностью в данном случае открываются большие возможности для противоправного удовлетворения своих потребностей и интересов.

7. Изучение правовых источников досоветской России свидетельствует, что со времен Русской Правды предусматривалась уголовная ответственность за посягательства на участников судебного разбирательства. Причем в большинстве случаев запреты устанавливались за деяния, направленные против лиц, наделенных судебной властью. Законодательными актами регламентировалась уголовная ответственность за вмешательство в осуществление правосудия, насильственные и иные противоправные действия в отношении лиц, олицетворявших в те времена суд. Начиная с конца XV – первой половины XVI в. до петровских времен законодательные акты были дополнены нормами, предусматривающими ответственность за нарушение процедуры отправления правосудия: лжесвидетельство, самосуд, вынесение неправосудного решения и т.п. В законах со времен правления Петра I до середины XIX в. осуществлялась охрана прав и свобод не только лиц, вершивших правосудие, но и других участников уголовного процесса (свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых). В Уложениях 1845 и 1903 гг. появились нормы об уголовной ответственности за незаконное задержание и содержание под стражей, фальсификацию доказательств, принуждение к даче показаний и другие, большинство из которых содержится и в современном УК РФ.

8. С развитием во второй половине XIX – начале XX в. отечественной криминологической науки началось исследование причин совершения преступ-

лений и условий, им способствовавших, а также изучение личности преступника. Несмотря на то, что в то время еще не выделялись отдельные виды преступности и не предлагались меры по предупреждению конкретных видов преступлений, в частности, против участников уголовного судопроизводства, проводимые исследования объединяла общность взглядов на основные детерминанты преступности в целях разработки более или менее эффективных мер борьбы с ней. В советское время стали изучаться отдельные виды преступности и разрабатываться меры предупреждения конкретных преступлений, однако общественно опасные посягательства на участников уголовного судопроизводства так и не были выделены в качестве самостоятельного объекта криминологического исследования.

9. Начиная с 90-х гг. XX в., участники уголовного судопроизводства стали подвергаться небывалым ранее массовым преступным посягательствам, поэтому уголовно-правовая охрана прав, свобод и законных интересов указанных лиц, осуществляемая нормами УК РФ 1996 г., оказалась недостаточной мерой сдерживания данных преступлений. Со второй половины 90-х гг. стали приниматься нормативные акты, регулирующие вопросы борьбы с преступлениями против участников уголовного судопроизводства. В этот период активно разрабатываются меры, направленные на предупреждение преступлений рассматриваемого вида. Однако они сводились в основном к принятию специальных законов, совершенствованию уголовно-правовой охраны прав, свобод и законных интересов участников процесса либо обеспечению их безопасности, базирующейся на процессуальном законодательстве.

10. Анализ мер, осуществляемых в зарубежных государствах, направленных на предупреждение преступных посягательств в отношении участников уголовного процесса, позволил констатировать, что в международном сообществе также не существует единого комплексного подхода к противодействию преступлениям против участников уголовного судопроизводства. В данном случае акцент делается лишь на принятие специальных законов или на уголовно-правовую охрану прав, свобод и законных интересов указанных лиц либо на

обеспечение их безопасности, базирующееся на процессуальном и ином законодательстве. Проблемы защиты лиц, вовлеченных в сферу правосудия, от преступных посягательств, не решаются и принятием соответствующих программ, поскольку в них определены мероприятия, направленные на обеспечение безопасности отдельных участников уголовного судопроизводства, а не всего круга лиц, участвующих в уголовном процессе.

11. Рассмотрение доктринальных разработок по проблемам противодействия преступности и предупреждения преступлений позволило сформулировать обобщенное понятие криминологического предупреждения преступлений. Под ним понимается деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по осуществлению комплекса разнообразных мер, направленных на выявление, нейтрализацию и устранение причин и условий совершения преступлений, оказание сдерживающего воздействия на лиц, склонных к их совершению, в целях сокращения количества преступных деяний в обществе и удержания личности от их совершения.

12. Уголовно-правовое предупреждение как одно из средств правового характера является содержательной частью криминологического предупреждения преступлений. Уголовно-правовое и криминологическое предупреждение имеют как сходные, так и различные признаки. Основное сходство заключается в том, что уголовный закон посредством установления преступных и наказуемых деяний оказывает сдерживающее влияние на лиц, склонных к совершению преступлений, в чем проявляется общая превенция уголовного закона, аналогичная общему криминологическому предупреждению. Кроме того, индивидуальная профилактика преступлений как составная часть криминологического предупреждения проявляется в частной превенции уголовного закона, заключающейся в предупреждении совершения новых преступлений лицами, уже совершившими какие-либо преступные деяния, и привлекающимися к уголовной ответственности. Также схожи и конечные цели криминологического и уголовно-правового предупреждения — удержание лиц от совершения преступлений

и, следовательно, сокращение количества преступных деяний в обществе. Отличительными чертами указанных видов предупреждения является, во-первых, то, что частная превенция уголовного закона нацелена на предупреждение повторных преступлений лицом, привлекающимся к уголовной ответственности. Посредством же индивидуальной профилактики как одного из элементов криминологического предупреждения осуществляется воздействие на любых лиц, склонных к совершению преступлений, в том числе еще их не совершивших. Во-вторых, уголовно-правовое предупреждение осуществляется на основе лишь уголовного закона, криминологическое же предупреждение опирается на правовые нормы различной отраслевой принадлежности.

13. Исходя из результатов проведенного исследования, обоснована дефиниция криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства, разработаны ее теоретическая модель и критерии оценки эффективности предупредительной деятельности:

предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства — это деятельность государственных и муниципальных органов, общественных и иных объединений и организаций, а также граждан по осуществлению ими системы взаимосвязанных и взаимообусловленных экономических, социальных, политических, правовых, организационных и иных мер общесоциального и специально-криминологического характера, направленных на:

выявление, устранение, ослабление и нейтрализацию конкретных причин и условий, детерминирующих преступное поведение личности, посягающей на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства;

оказание сдерживающего воздействия на лиц, склонных к совершению преступлений рассматриваемого вида;

сокращение количества преступлений против участников уголовного судопроизводства в общей структуре преступности;

предотвращение готовящихся и пресечение совершаемых общественно опасных деяний, направленных на участников уголовного процесса;

обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства;

формирование у личности, вовлеченной в уголовный процесс, уверенности в реальной защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств;

теоретическая модель специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства представляет собой определение и описание системы элементов, связей и отношений между ними, в достаточной степени воспроизводящей существенные особенности основных направлений и конкретных мер профилактики, предотвращения и пресечения указанных общественно опасных деяний. В качестве элементов такой модели выступают:

получение субъектами предупредительной деятельности необходимой информации;

анализ полученной информации, оценка оперативной обстановки в стране, регионе или на местном уровне, определение объектов предупредительной деятельности;

научное обеспечение предупредительной деятельности;

прогнозирование состояния преступлений против участников уголовного судопроизводства и программирование предупредительной деятельности;

определение мер и направлений предупредительной деятельности, в том числе виктимологической профилактики;

криминалистическое и оперативно-розыскное обеспечение предупредительной деятельности, включая государственную защиту участников уголовного судопроизводства;

совершенствование правовых мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

оценка эффективности предупредительной деятельности;

по итогам деятельности по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства следует оценивать результаты проведенной работы в целях выяснения достижения целей, поставленных в программе предупреждения рассматриваемых преступлений. Если они достигнуты, то

предупредительная деятельность признается эффективной, если нет, то анализируются сбои и ошибки в модели предупреждения преступлений, в нее вносятся соответствующие коррективы и мероприятия проводятся с учетом предыдущих недостатков;

критерии оценки эффективности деятельности по предупреждению преступлений рассматриваемого вида включают в себя: снижение удельного веса зарегистрированных преступлений против участников уголовного судопроизводства в массиве всех зарегистрированных преступлений; повышение уровня предотвращенных и пресеченных общественно опасных деяний; уменьшение количества участников уголовного судопроизводства, обращающихся в правоохранительные органы с ходатайством о применении к ним мер безопасности; осознание личностью, вовлеченной в уголовный процесс, защищенности своих прав, свобод и законных интересов от преступных посягательств, и уверенности в ней.

14. В целях разрешения проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства целесообразны следующие меры:

дальнейшее совершенствование международного сотрудничества в сфере противодействия преступлениям против участников уголовного судопроизводства;

разработка эффективных программ предупредительной деятельности, укрепление профессионального ядра правоохранительных органов;

подъем материального благосостояния человека, последовательное утверждение принципов социальной справедливости, уменьшение степени расслоения населения по материальному уровню, сокращение уровня безработицы;

повышение уровня правовой культуры граждан;

совершенствование законодательства, причем правовые нормы, направленные на охрану, защиту и обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства, следует изменять одновременно, в противном случае будут отсутствовать согласованность и комплексность правовых мероприятий, направленных на предупредительную деятельность;

изменение критериев показателей деятельности правоохранительных органов, заключающееся в оценке их работы по раскрытию преступлений не по факту окончания предварительного расследования, а только после того, как обвинительный приговор вступит в законную силу.

15. В целях усовершенствования учетно-регистрационной дисциплины статистические карточки форм № 1, 5 предлагается дополнить соответственно, пп. 35.1 и 13.1, в которых был бы указан процессуальный статус потерпевших; в справочник № 10 следует внести всех участников уголовного судопроизводства соответственно их должностному положению. В данном случае можно будет выяснить, сколько за тот или иной период времени совершается преступлений в отношении лиц, участвующих в уголовном процессе. Изучая количественные и качественные показатели данной категории, можно будет прогнозировать последующее состояние преступности против участников уголовного судопроизводства.

16. По характеру виктимности, обусловленном механизмом вступления личности в уголовный процесс, выделяется два типа жертв — участников уголовного судопроизводства: 1) профессионально-виктимный тип — к нему относятся лица, которые становятся жертвами преступных посягательств в результате выбранной ими профессии (судьи, секретари судебного заседания, следователи, дознаватели, прокуроры, сотрудники органа дознания, эксперты и т.п.); 2) ситуативно-виктимный тип — включает в себя лиц, которые становятся жертвами преступлений в результате ситуативных факторов, опасность которых предопределена вовлечением их в сферу уголовного судопроизводства (потерпевшие, свидетели, подозреваемые, обвиняемые, понятые и т.п.).

Установлено, что чаще всего жертвами преступлений против участников уголовного судопроизводства становятся свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, защитник, понятой.

17. В рамках виктимологической профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства необходимо осуществлять пропаганду виктимологических знаний и проведение разъяснительной работы среди

населения; разрабатывать государственные программы, направленные на социальную реабилитацию жертв преступлений; создавать центры правовой, социальной и психологической помощи жертвам преступлений; распространять среди участников уголовного судопроизводства памятки о том, как не стать жертвой преступления; проводить профилактические беседы с конкретными участниками уголовного судопроизводства; осуществлять контроль за поведением и безопасностью наиболее уязвимых потенциальных жертв; применять соответствующие меры безопасности в каждом случае угрозы в отношении участников уголовного судопроизводства, обеспечивать усиленную охрану мест, где чаще всего совершаются преступления рассматриваемого вида.

18. Уголовно-правовое предупреждение преступлений является органической частью уголовно-правовой охраны. Причем, эффект общей превенции заключается в том, что неопределенный круг лиц от совершения преступлений удерживает не только угроза наказания за нарушение уголовно-правового запрета, но и воздействие на правосознание граждан практики применения уголовного закона. В целях повышения эффективности предупреждения преступлений рассматриваемого вида на уровне общей превенции следует использовать средства массовой информации для пропаганды поощрительных норм УК РФ. Кроме того, следователям и дознавателям рекомендуется распространять сведения о данных нормах через участников уголовного судопроизводства и при внесении представлений в организации или должностным лицам о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. Частная превенция уголовного закона реализуется не только посредством применения в отношении индивидуально определенных лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, уголовного наказания и иных мер уголовно-правового характера, но и избранием предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством мер пресечения в отношении обвиняемых в совершении преступлений.

19. К одним из средств специально-криминологического предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства относится со-

вершенствование правовых мер, вследствие чего предлагается внесение изменений и дополнений в уголовное, уголовно-процессуальное и иное законодательство, которые сформулированы в проекте федерального закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (приложение 10).

20. Предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства должно обеспечиваться и посредством организационных мер, направленных на совершенствование тактических приемов производства осмотра места происшествия, допроса, очной ставки, предъявления личности для опознания, то есть процессуальных действий, в ходе которых в отношении свидетелей, потерпевших, иных лиц чаще всего осуществляются преступные посягательства. Организационными мерами предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства являются и тактические приемы осуществления оперативно-розыскной деятельности, в целях совершенствования которых предлагается: проведение в отношении лиц, активно интересующихся ходом предварительного расследования, оперативно-розыскных мероприятий; привлечение следователей к составлению и корректировке планов оперативно-розыскных мероприятий, направленных на противодействие преступлениям против участников уголовного процесса; реагирование оперативных сотрудников на изменение показаний лицами, допрашиваемыми органами предварительного расследования, и установление оперативным путем причин этого; обеспечение оперативного сопровождения уголовных дел до момента вынесения судом приговора.

Представленные в диссертационном исследовании выводы и предложения определенным образом отражают решение криминологической проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Вместе с тем, многие ее положения, носящие дискуссионный характер, нельзя считать полностью исследованными, они нуждаются в дальнейших научных изысканиях. В частности, можно указать наиболее перспективные криминоло-

гические направления теоретических разработок, требующих научного осмысления, на ближайшие годы:

- исследование процессов формирования личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства;

- проблемы криминологической безопасности участников уголовного судопроизводства;

- развитие международного сотрудничества в сфере предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства;

- предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства с учетом региональных особенностей;

- вопросы предупреждения преступлений против отдельных групп участников уголовного судопроизводства;

- совершенствование координации деятельности субъектов предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства и некоторые иные.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 21 июля 2014 г.) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2014. – № 30. – Ст. 4202.

2. Всеобщая декларация прав человека: принята и провозглашена резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 г. // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 39–44.

3. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью, принятая 29 ноября 1985 г. на 96-м пленарном заседании резолюцией 40/34 Генеральной ассамблеи ООН // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 165–167.

4. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 539–570.

5. Европейская конвенция о взаимной правовой помощи по уголовным делам от 20 апреля 1959 г. // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 596–602.

6. Европейская Конвенция о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений от 24 ноября 1983 г. // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 606–609.

7. Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 28 ноября 1987 г. // Международные акты о правах человека: сб. докум. / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 620–624.

8. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. и доп. от 23 апреля 2018 г.)// СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; 2018. – № 18. – Ст. 2581.

9. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. и доп. от 23 апреля 2018 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 4921; 2018. – № 18. – Ст. 2566.

10. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (с изм. и доп. от 20 декабря 2017 г.) // СЗ РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198; 2017. – № 52. – Ст. 7933.

11. Федеральный закон Российской Федерации от 17 января 1992 г. № 2202-I (с изм. и доп. от 18 апреля 2017 г.) «О прокуратуре Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. – 1992. – № 8. – Ст. 366; СЗ РФ. – 2018. – № 17. – Ст. 2433.

12. Федеральный закон Российской Федерации от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (с изм. и доп. от 7 марта 2018 г.) «О Федеральной службе безопасности» // СЗ РФ. – 1995. – № 15. – Ст. 1269; 2018. – № 11. – Ст. 1591.

13. Федеральный закон Российской Федерации от 20 апреля 1995 г. № 45-ФЗ (с изм. и доп. от 1 июля 2017 г.) «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» // СЗ РФ. – 1995. – № 17. – Ст. 1455; 2017. – № 27. – Ст. 3945.

14. Федеральный закон Российской Федерации от 15 июля 1995 г. (с изм. и доп. от 28 декабря 2016 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. – 1995. – № 29. – Ст. 2759; 2017. – № 1. – Ст. 44.

15. Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (с изм. и доп. от 6 июля 2016 г.) «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349; 2016. – № 28. – Ст. 4558.

16. Федеральный закон Российской Федерации от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (с изм. и доп. от 7 февраля 2017 г.) «О государственной защите по-

терпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» // СЗ РФ. – 2004. – № 34. – Ст. 3534; 2017. – № 7. – Ст. 1026.

17. Федеральный закон Российской Федерации от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон „О прокуратуре Российской Федерации”» // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2830.

18. Федеральный закон Российской Федерации от 6 июня 2007 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2007. – № 24. – Ст. 2833.

19. Федеральный закон Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ (с изм. и доп. от 5 октября 2015 г.) «О безопасности» // СЗ РФ. – 2011. – № 1.– Ст. 2; 2015. – № 41. – Ст. 5639.

20. Федеральный закон Российской Федерации от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (с изм. и доп. от 7 марта 2018 г.) «О полиции» // Российская газета. – 2011. – 8 февр.; СЗ РФ. – 2018. – № 11. – Ст. 1591.

21. Федеральный закон Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 440-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части уточнения полномочий начальника органа дознания и дознавателя» // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ст. 60.

22. Федеральный закон Российской Федерации от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 26. – Ст. 3851.

23. Указ Президента Российской Федерации от 6 сентября 2008 г. № 1316 (с изм. и доп. от 5 сентября 2011 г.) «О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2008. – № 37. – Ст. 4182; 2011. – № 37. – Ст. 5200.

24. Указ Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2016. – № 1. – Ст. 212.

25. Постановление Правительства Российской Федерации от 10 апреля 2006 г. № 200 «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2006–2008 годы”» // СЗ РФ. – 2006. – № 16. – Ст. 1739.

26. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 октября 2009 г. № 792 (с изм. и доп. от 16 декабря 2013 г.) «Об утверждении Государственной программы «”Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2009–2013 годы”» // СЗ РФ. – 2009. – № 41. – Ст. 4778; 2013. – № 51. – Ст. 6873.

27. Постановление Правительства Российской Федерации от 13 июля 2013 г. № 586 (с изм. и доп. от 29 июня 2017 г.) «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение безопасности потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства на 2014–2018 годы”» // СЗ РФ. – 2013. – № 29. – Ст. 3965; 2017. – № 28. – Ст. 4155.

28. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2014 г. (с изм. и доп. от 20 марта 2018 г.) «Об утверждении Государственной программы „Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности”» // СЗ РФ. – 2014. – № 18. – Ст. 2188; 2018. – № 13. – Ст. 1821.

29. Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России (с изм. и доп. от 20 февраля 2014 г.) «О едином учете преступлений» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

30. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2004 г. № 161 (с изм. и доп. от 9 января 2018 г.) «Об утверждении инструкции по судебному делопроизводству в верховных судах республик, краевых и областных судах, судах городов федерального значения, судах автономной области и автономных округов» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

31. Приказ Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 15 декабря 2010 г. № 272 «Об утверждении типовых должностных

регламентов помощников председателя суда (судьи) Верховного Суда республики, краевого и областного судов, суда города федерального значения, судов автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

32. Закон г. Москвы от 19 марта 2008 г. № 14 (с изм. и доп. от 1 марта 2017 г.) «О единой профилактике правонарушений в г. Москве» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Закон г. Санкт-Петербурга от 4 июня 2007 г. № 230-42 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Уголовное Уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. (утратило силу). – СПб.: Издание Сенатской типографии, 1903. – 144 с..

35. Уголовный кодекс РСФСР от 26 мая 1922 г. (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1922. – № 15. – Ст. 153.

36. Уголовный кодекс РСФСР от 22 ноября 1926 г. (утратил силу) // Собрание узаконений РСФСР. – 1926. – № 80. – Ст. 600.

37. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591.

38. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 592.

39. Уголовный кодекс штата Техас / пер. с англ.: Д.Г. Осипов; науч. ред. и предисл.: И.Д. Козочкин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2006. – 576 с.

Научная литература

40. *Абызов, К.Р.* Предупреждение региональной преступности [Текст] / К.Р. Абызов. – Барнаул: Изд-во Барнаульского юридического ин-та МВД России, 2005. – 149 с.

41. *Аванесов, Г.А.* Криминология и социальная профилактика [Текст] / Г.А. Аванесов. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. – 526 с.

42. *Аванесов, Г.А.* Теория и методология криминологического прогнозирования [Текст] / Г.А. Аванесов. – М.: Юридическая литература, 1972. – 334 с.

43. *Алексеев, А.И.* Криминологическая профилактика: теория, опыт, проблемы [Текст] / А.И. Алексеев, С.И. Герасимов, А.Я. Сухарев. – М.: НОРМА, 2001. – 496 с.

44. *Алексеев, А.И.* Основы государственной политики борьбы с преступностью в России. Теоретическая модель [Текст] / А.И. Алексеев, М.П. Журавлев, А.Я. Сухарев. – М.: Норма, 1997. – 64 с.

45. *Алтухов, С.А.* Преступления сотрудников милиции (понятие, виды и особенности профилактики) [Текст] / С.А. Алтухов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 271 с.

46. *Андрющенко, М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл [Текст] / М.Н. Андрющенко. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – 90 с.

47. *Антонян, Ю.М.* Социальная среда и формирование личности преступника. (Неблагоприятные влияния на личность в микросреде) [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: Академия МВД СССР, 1975. – 160 с.

48. *Антонян, Ю.М.* Методы моделирования в изучении преступника и преступного поведения [Текст] / Ю.М. Антонян, Ю.Д. Блувштейн. – М.: РИО Академии МВД СССР, 1974. – 54 с.

49. *Антонян, Ю.М.* Криминальная патопсихология [Текст] / Ю.М. Антонян, В.В. Гульдан. – М.: Наука, 1991. – 248 с.

50. *Антонян, Ю.М.* Психология преступника и расследования преступлений [Текст] / Ю.М. Антонян, М.И. Еникеев, В.Е. Эминов. – М.: Юристъ, 1996. – С. 23.

51. *Антонян, Ю.М.* Личность преступника [Текст] / Ю.М. Антонян, В.Н. Кудрявцев, В.Э. Эминов. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. – 366 с.

52. *Бабаев, М.М.* Молодежная преступность [Текст] / М.М. Бабаев, М.С. Крутер. – М.: Юристъ, 2006. – 382 с.

53. *Барабаш, А.С.* Прекращение уголовных дел по нереабилитирующим основаниям в стадии предварительного расследования [Текст] / А.С. Барабаш, Л.М. Володина. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1986. – 153 с.

54. *Барановский, Н.А.* Социальные и личностные детерминанты отклоняющегося поведения [Текст] / Н.А. Барановский. – Минск: Изд-во ин-та социологии Академии наук Беларуси, 1993. – 142 с.

55. *Бафия, Е.* Проблемы криминологии: диалектика криминогенной ситуации [Текст] / Е. Бафия. – М.: Юридическая литература, 1983. – 150 с.

56. *Боботов, С.В*. Буржуазная юстиция. Состояние и перспективы развития [Текст] / С.В. Боботов. – М.: Наука, 1989. – 256 с.

57. *Бордиловский, Э.И.* Организация оперативно-розыскной профилактики [Текст] / Э.И. Бордиловский. – М.: Академия МВД СССР, 1986. – 46 с.

58. *Бородин, С.В.* Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы [Текст] / С.В. Бородин. – М.: Наука, 1990. – 272 с.

59. *Бородин, С.В.* Преступления против жизни [Текст] / С.В. Бородин. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 467 с.

60. *Бунге М.* Причинность [Текст] / М. Бунге / пер. с англ. И.С. Шерн-Борисовой и С.Ф. Шушурина. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 512 с.

61. *Бухгольц, Э.* Социалистическая криминология [Текст] / Э. Бухгольц, Дж. Лекшас, Р. Хартман. – М.: Прогресс, 1975. – 272 с.

62. *Бэрон, Р.* Агрессия [Текст] / Р. Бэрон, Д. Ричардсон. – СПб.: Питер, 1999. – 656 с.

63. *Варыгин, А.Н.* Преступность в органах внутренних дел [Текст] / А.Н. Варыгин. – Саратов: СЮИ МВД России, 2002. – 248 с.

64. *Васильев, А.Н.* Тактика допроса при расследовании преступлений [Текст] / А.Н. Васильев, Л.М. Карнеева. – М.: Юридическая литература, 1970. – 208 с.

65. *Владимирский-Буданов, М.Ф.* Обзор истории русского права [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Лань, 2013. – 568 с.

66. *Волженкин, Б.В.* Рассмотрение дел о хулиганстве [Текст] / Б.В. Волженкин, С.К. Питерцев, В.В. Шимановский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 104 с.

67. *Волков, Б.С.* Детерминистическая природа преступного поведения [Текст] / Б.С. Волков. – М.: Изд-во РУДН, 2004. – 128 с.

68. *Волков, Б.С.* Мотив и квалификация преступлений [Текст] / Б.С. Волков. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1968. – 166 с.

69. *Глистин, В.К.* Проблема уголовно-правовой охраны общественных отношений [Текст] / В.К. Глистин. – Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1979. – 127 с.

70. *Гогель, С.К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией [Текст] / С.К. Гогель; сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.В. Федорова. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 386 с.

71. *Гогель, С.К.* Роль общества в деле борьбы с преступностью [Текст] / С.К. Гогель. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная Польза», 1906. – 284 с.

72. *Горелик, А.С.* Преступления против правосудия [Текст] / А.С. Горелик, Л.В. Лобанова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. – 491 с.

73. *Гранат, Н.Л.* Правосознание и правовая культура. Общая теория государства и права [Текст] / Н.Л. Гранат; под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юристъ, 2001. – 520 с.

74. *Гриб, В.Г.* О состоянии и мерах борьбы с организованной преступностью в некоторых зарубежных странах: обзор [Текст] / В.Г. Гриб, Т.М. Зернова, Л.Б. Бурова. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – 80 с.

75. *Даньшин, И.Н.* Ответственность за хулиганство по советскому уголовному праву [Текст] / И.Н. Даньшин. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1971. – 192 с.

76. *Даньшин, И.Н.* Преступность: понятие и общая характеристика, причины и условия [Текст] / И.Н. Даньшин. – Киев: Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1998. – 88 с.

77. *Дзидзария, Б.Ю.* Уголовно-правовая защита прав подозреваемого и обвиняемого [Текст] / Б.Ю. Дзидзария. – М.: Юрлитинформ, 2010. – 192 с.

78. *Дриль, Д.А.* Преступность и преступники (уголовно-психологические этюды) [Текст] / Д.А. Дриль. – СПб.: Изд. Я. Канторовича, 1895. – 296 с.

79. *Дриль, Д.А.* Психофизические типы в их соотношении с преступностью и ее разновидностями (частная психология преступности) [Текст] / Д.А. Дриль. – М.: Типография А.И. Мамонтова и К°, 1890. – 190 с.

80. *Дриль, Д.А.* Учение о преступности и мерах борьбы с нею [Текст] / Д.А. Дриль. – СПб.: Шиповник, 1912. – 696 с.

81. *Дубинин, Н.П.* Генетика. Поведение. Ответственность. О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения [Текст] / Н.П. Дубинин, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. – М.: Политиздат, 1989. – 351 с.

82. *Дусаев, Р.Н.* Эволюция уголовного права стран Западной Европы и США [Текст] / Р.Н. Дусаев. – Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1999. – 344 с.

83. *Епихин, А.Ю.* Законодательство зарубежных стран, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.Ю. Епихин. – Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2003. – 48 с.

84. *Жалинский, А.Э.* Избранные труды: в 4 т. Т. 1: Криминология [Текст] / А.Э. Жалинский. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 698 с.

85. *Жалинский, А.Э.* Условия эффективности профилактики преступлений [Текст] / А.Э. Жалинский. – М.: Изд-во ВНИИ МВД СССР, 1978. – 152 с.

86. *Жилинский, С.Э.* Комплексное планирование социальной профилактики правонарушений [Текст] / С.Э. Жилинский, М.М. Рассолов. – М.: Изд-во Академии общественных наук при ЦК КПСС, 1981. – 113 с.

87. *Зайцев, О.А.* Государственная защита участников уголовного процесса [Текст] / О.А. Зайцев. – М.: Экзамен, 2002. – 512 с.

88. *Зайцев, О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса [Текст] / О.А. Зайцев; под ред. С.П. Щербы. – М.: ВНИИ МВД России, 1997. – 138 с.

89. *Звечаровский, И.Э.* Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика [Текст] / И.Э. Звечаровский. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. – 100 с.

90. *Зелинский, А.Ф.* Криминальная мотивация хищений и иной корыстной преступной деятельности [Текст] / А.Ф. Зелинский. – Киев: Изд-во УМК ВО, 1990. – 72 с.

91. *Игошев, К.Е.* Типология личности преступника и мотивация преступного поведения [Текст] / К.Е. Игошев. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 168 с.

92. *Игошев, К.Е.* Семья, дети, школа [Текст] / К.Е. Игошев, Г.М. Миньковский. – М.: Юридическая литература, 1989. – 448 с.

93. *Игошев, К.Е.* Социальные аспекты предупреждения правонарушений [Текст] / К.Е. Игошев, И.В. Шмаров. – М.: Юридическая литература, 1980. – 176 с.

94. *Калашникова, Н.Я.* Гарантии прав свидетеля, эксперта, переводчика и понятого в уголовном процессе [Текст] / Н.Я. Калашникова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. – 40 с.

95. *Карпец, И.И.* Современные проблемы уголовного права и криминологии [Текст] / И.И. Карпец. – М.: Юридическая литература, 1976. – 224 с.

96. *Ключинская, Л.А.* Несовершеннолетние и уголовный закон [Текст] / Л.А. Ключинская, Л.А. Бергере. – Рига: Изд-во АН Латвийской ССР, 1967. – 184 с.

97. *Колесников, А.А.* Основы теории системного подхода [Текст] / А.А. Колесников. – Киев: Наукова Думка, 1988. – 174 с.

98. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 1104 с.

99. Криминальная мотивация / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1986. – 304 с.

100. *Кудрявцев, В.Н.* Борьба мотивов в преступном поведении [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Норма, 2007. – 128 с.

101. *Кудрявцев, В.Н.* Право и поведение [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Юридическая литература, 1976. – 192 с.

102. *Кудрявцев, В.Н.* Правовое поведение. Норма и патология [Текст] / В.Н. Кудрявцев. – М.: Наука, 1982. – 282 с.

103. *Кудрявцев, В.Н.* Криминальная агрессия (экспертная типология и судебно-психиатрическая оценка) [Текст] / В.Н. Кудрявцев, Н.А. Ратинова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 2000. – 192 с.

104. *Кузнецова, Н.Ф.* Избранные труды. Преступление и преступность [Текст] / Н.Ф. Кузнецова. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. – 834 с.

105. *Кузнецова, Н.Ф.* Проблемы криминологической детерминации [Текст] / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1984. – 208 с.

106. *Кульберг, Я.М.* Преступления против правосудия [Текст] / Я.М. Кульберг. – М.: Госюриздат, 1962. – 62 с.

107. *Курганов, С.И.* Основания криминологической теории [Текст] / С.И. Курганов. – М.: ВНИИ МВД России, 1999. – 136 с.

108. *Лекарь, А.Г.* Профилактика преступлений [Текст] / А.Г. Лекарь. – М.: Юридическая литература, 1972. – 104 с.

109. *Лобанова, Л.В.* Преступления против правосудия: теоретические проблемы классификации и законодательной регламентации [Текст] / Л.В. Лобанова. – Волгоград: Изд-во ВолгГУ, 1999. – 268 с.

110. *Лозовицкая, Г.П.* Преступления против участников уголовного судопроизводства [Текст] / Г.П. Лозовицкая. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – 212 с.

111. *Лопашенко, Н.А.* Основы уголовно-правового воздействия: уголовное право, уголовный закон, уголовно-правовая политика [Текст] /

Н.А. Лопашенко. – СПб.: Изд-во Р.Асланова «Юридический центр Пресс», 2004. – 339 с.

112. *Лунеев, В.В.* Мотивация преступного поведения [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Наука, 1991. – 383 с.

113. *Лунеев, В.В.* Преступное поведение: Мотивация, прогнозирование, профилактика [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Изд-во Военного ун-та, 1980. – 137 с.

114. *Лунеев, В.В.* Эпоха глобализации и преступность [Текст] / В.В. Лунеев. – М.: Норма, 2007. – 272 с.

115. *Макеева, Н.В.* Меры безопасности: правовые основы применения в отношении участников уголовного судопроизводства [Текст] / Н.В. Макеева. – Калининград: Изд-во Калининградского ЮИ МВД России, 2008. – 188 с.

116. Международные акты о правах человека: сборник документов / сост. и вступ. ст. В.А. Карташкина и Е.А. Лукашевой. – М.: Норма, Инфра-М, 1998. – С. 165–167.

117. Механизм преступного поведения / под ред. В.Н. Кудрявцева. – М.: Наука, 1981. – 248 с.

118. *Наумов, А.В.* Применение уголовно-правовых норм [Текст] / А.В. Наумов. – Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1973. – 175 с.

119. *Невский, Н.Н.* Виктимология и ее основополагающие аспекты [Текст] / Н.Н. Невский, А.А. Кулакова. – Владимир: ВЮИ ФСИН России, 2007. – 180 с.

120. *Номоконов, В.А.* Преступное поведение: детерминизм и ответственность [Текст] / В.А. Нокомонов. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1989. – 160 с.

121. *Парыгин, Б.Д.* Основы социально-психологической теории [Текст] / Б.Д. Парыгин. – М.: Мысль, 1971. – 351 с.

122. *Побегайло, Э.Ф.* Умышленные убийства и борьба с ними. Уголовно-правовое и криминологическое исследование [Текст] / Э.Ф. Побегайло. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1965. – 206 с.

123. *Полубинский, В.И.* Правовые основы учения о жертве преступления [Текст] / В.И. Полубинский. – Горький: ВШ МВД СССР, 1979. – 112 с.

124. *Полубинский, В.И.* Теоретические и практические основы криминальной виктимологии [Текст] / В.И. Полубинский, А.Л. Ситковский. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – 291 с.

125. Проблема эффективности в современной науке / под ред. А.Д. Урсула. – Кишинев: Штиинца, 1985. – 255 с.

126. *Разгильдиев, Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация [Текст] / Б.Т. Разгильдиев. – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1993. – 232 с.

127. *Рарог, А.И.* Квалификация преступлений по субъективным признакам [Текст] / А.И. Рарог. – СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. – 304 с.

128. *Рарог, А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений [Текст] / А.И. Рарог. – М.: ООО «Профобразование», 2001. – 134 с.

129. *Рашковская, Ш.С.* Преступления против правосудия [Текст] / Ш.С. Рашковская. – М.: Изд-во ВЮЗИ, 1978. – 104 с.

130. *Репецкая, А.Л.* Виновное поведение потерпевших и принцип справедливости в уголовной политике [Текст] / А.Л. Репецкая. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1994. – 151 с.

131. *Ривман, Д.В*. Криминальная виктимология [Текст] / Д.В. Ривман. – СПб.: Питер, 2002. – 304 с.

132. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 1: Законодательство Древней Руси / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1984. – 432 с.

133. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 520 с.

134. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 3: Акты Земских соборов / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 512 с.

135. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 4: Законодательство периода становления абсолютизма / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1986. – 512 с.

136. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 6: Законодательство первой половины XIX века / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1988. – 432 с.

137. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. – Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / под ред. О.И. Чистякова. – М.: Юридическая литература, 1994. – 352 с.

138. *Рыжаков, А.П.* Субъекты (участники) уголовного процесса [Текст] / А.П. Рыжаков. – М.: Дело и Сервис, 2013. – 272 с.

139. *Садовский, В.Н.* Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ [Текст] / В.Н. Садовский. – М.: Наука, 1974. – 279 с.

140. *Саркисова, Э.А.* Предупредительная роль уголовного закона [Текст] / Э.А. Саркисова. – Минск: Наука и техника, 1979. – 146 с.

141. *Сахаров, А.Б.* О личности преступника и причинах преступности в СССР [Текст] / А.Б. Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1961. – 279 с.

142. *Сепс, Д.А.* Роль органов Министерства внутренних дел в профилактике правонарушений несовершеннолетних. Управление профилактикой правонарушений несовершеннолетних [Текст] / Д.А. Сепс, К.К. Матвеев. – Рига: Зинанте, 1989. – 198 с.

143. *Смирнов, В.Г.* Функции советского уголовного права. Предмет, задачи и способы уголовно-правового регулирования [Текст] / В.Г. Смирнов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1965. – 188 с.

144. *Смирнов, Е.А.* Преступления против социалистического правосудия [Текст] / Е.А. Смирнов. – М.: Редакционно-издательский отдел, 1959. – 70 с.

145. *Сокова, З.К.* Профессиональная этика [Текст] / З.К. Сокова. – М.: ЦИ и НМО КП МВД России, 2000. – 200 с.

146. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса: в 2 т. Т. 1: Основные положения науки советского уголовного процесса [Текст] / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1968. – 470 с.

147. *Тарасов, Н.В.* Криминологическая теория и практика предупреждения преступлений против правосудия [Текст] / Н.В. Тарасов. – М.: МосУ МВД России, 2005. – 204 с.

148. Теоретические основы предупреждения преступности / под ред. В.К. Звирбуль, В.В. Клочкова, Г.М. Миньковского. – М.: Юридическая литература, 1977. – 256 с.

149. Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: Инфра-М, 2006. – 848 с.

150. *Титаренко, В.Я.* Семья и формирование личности [Текст] / В.Я. Титаренко. – М.: Мысль, 1987. – 352 с.

151. *Томин, В.Т.* Уголовное судопроизводство: революция продолжается [Текст] / В.Т. Томин. – Горький: Горьковская ВШ МВД СССР, 1989. – 112 с.

152. *Устинов, В.С.* Методы предупредительного воздействия на преступность [Текст] / В.С. Устинов. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1989. – 96 с.

153. *Фадеев, П.В.* Теоретические основы правовой помощи участникам уголовного судопроизводства [Текст] / П.В. Фадеев. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 280 с.

154. *Филановский, И.Г.* Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению [Текст] / И.Г. Филановский. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1970. – 174 с.

155. *Филимонов, Б.А.* Основы уголовного процесса Германии [Текст] / Б.А. Филимонов. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1994. – 104 с.

156. *Филимонов, В.Д.* Криминологические основы уголовного права [Текст] / В.Д. Филимонов. – Томск: Изд-во ТГУ, 1981. – 213 с.

157. *Халфина, Р.О.* Общее учение о правоотношении [Текст] / Р.О. Халфина. – М.: Юридическая литература, 1974. – 351 с.

158. *Харазишвили, Б.В.* Вопросы мотива поведения преступника в советском праве [Текст] / Б.В. Харазишвили. – Тбилиси: Цодна, 1963. – 288 с.

159. *Харитонов, А.Н.* Государственный контроль над преступностью (теоретические и правовые проблемы) [Текст] / А.Н. Харитонов. – Омск: Изд-во Омского юридического ин-та МВД России, 1997. – 240 с.

160. *Чубинский, М.П.* Курс уголовной политики [Текст] / М.П. Чубинский. – Ярославль: Типография губернского правления, 1909. – 442 с.

161. *Чубинский, М.П.* Очерки уголовной политики: понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права [Текст] / М.П. Чубинский; сост. и вступ. статья В.С. Овчинского, А.Ф. Федорова. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 435 с.

162. *Чучаев, А.И.* Преступления против правосудия. Научно-практический комментарий [Текст] / А.И. Чучаев. – Ульяновск: Дом печати, 1997. – 80 с.

163. *Шнайдер, Г.Й.* Криминология [Текст] / Г.Й. Шнайдер. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.

164. *Щерба, С.П.* Охрана прав потерпевших и свидетелей по уголовным делам [Текст] / С.П. Щерба, О.А. Зайцев. – М.: Спарк, 1996. – 123 с.

165. *Яковлев, А.М.* Теория криминологии и социальная практика [Текст] / А.М. Яковлев. – М.: Наука, 1985. – 247 с.

166. *Якушин, В.А.* Субъективное вменение и его значение в уголовном праве [Текст] / В.А. Якушин. – Тольятти: ТолПи, 1998. – 296 с.

167. *Яшин, А.В.* Криминологические особенности преступлений против участников уголовного судопроизводства и основы их предупреждения [Текст] / А.В. Яшин. – М.: Академия естествознания, 2016. – 238 с.

Учебная литература

168. *Аванесов, Г.А.* Криминология: учебник [Текст] / Г.А. Аванесов. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1984. – 500 с.

169. *Аверьянова, Т.В.* Криминалистика: учебник для вузов [Текст] / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – М.: НОРМА, 2000. – 990 с.

170. *Аврутин, Ю.Е.* Криминологический анализ преступности в регионе. Методология, методика, техника: учебно-методическое пособие [Текст] / Ю.Е. Аврутин. – Л.: Изд-во ЛВК МВД СССР, 1991. – 226 с.

171. *Антонян, Ю.М.* Криминология: избранные лекции [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: Логос, 2004. – 448 с.

172. *Антонян, Ю.М.* Изучение личности преступника: учебное пособие [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1982. – 80 с.

173. *Антонян, Ю.М.* Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления: учебное пособие [Текст] / Ю.М. Антонян. – М.: Академия МВД СССР, 1973. – 71 с.

174. *Белозеров, Ю.Н.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: учебное пособие [Текст] / Ю.Н. Белозеров, П.Г. Марфицин. – М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 76 с.

175. *Венгеров, А.Б.* Теория государства и права: учебник для юридических вузов [Текст] / А.Б. Венгеров. – М.: Юриспруденция, 2000. – 528 с.

176. *Вицин, С.Е*. Системный подход и преступность: учебное пособие [Текст] / С.Е. Вицин. – М.: Изд-во Академии МВД СССР, 1980. – 89 с.

177. *Голина, В.В.* Криминологическая профилактика, предотвращение и пресечение преступлений: учебное пособие [Текст] / В.В. Голина. – Киев: Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1989. – 72 с.

178. *Голоднюк, М.Н.* Предупреждение преступности: учебное пособие [Текст] / М.Н. Голоднюк, В.И. Зубкова. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1990. – 103 с.

179. *Григорьев, В.Н.* Уголовный процесс: учебник [Текст] / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М.: Эксмо, 2005. – 832 с.

180. *Еникеев, М.И.* Юридическая психология: учебник для вузов [Текст] / М.И. Еникеев. – М.: НОРМА, 2001. – 517 с.

181. *Игошев К.Е.* Социальный контроль и профилактика преступлений: учебное пособие [Текст] / К.Е. Игошев. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1976. – 91 с.

182. История государства и права СССР / под ред. О.И. Чистякова и Ю.С. Кукушкина. – Ч. II. – М.: Юридическая литература, 1971. – 432 с.

183. *Ищенко, Е.П.* Криминалистика: учебник [Текст] / Е.П. Ищенко, А.Г. Филиппов. – М.: Высшее образование, 2007. – 743 с.

184. *Ключевский, В.О.* Русская история. Полный курс лекций: в 3 т. – Т. 1 [Текст] / В.О. Ключевский. – М.: АСТ, Мн.: Харвест, 2002. – 592 с.

185. *Корнеева, А.В.* Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие [Текст] / А.В. Корнеева. – М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2006. – 176 с.

186. Криминология / под ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: Юридическая литература, 1979. – 304 с.

187. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – 640 с.

188. Криминология: учебное пособие / под ред. Н.Ф. Кузнецовой. – М.: Зерцало, 1998. – 160 с.

189. Криминология: учебник / под ред. А.И. Долговой. – М.: Инфра-М-НОРМА, 1997. – 784 с.

190. Криминология: учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева и В.Е. Эминова. – М.: Юристъ, 2000. – 512 с.

191. Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. – М.: Юридическая литература, 1998. – 556 с.

192. Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА, 2001. – 848 с.

193. *Кузнецова, Н.Ф.* Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» [Текст] / Н.Ф. Кузнецова. – М.: Городец, 2007. – 336 с.

194. Курс российского уголовного права. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – 767 с.

195. Курс советского уголовного права: в 5 т. – Т. 4: Часть Особенная / отв. ред. Н.А. Беляев. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 558 с.

196. Курс советской криминологии: Предмет. Методология. Преступность и ее причины. Преступник / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. – М.: Юридическая литература, 1985. – 416 с.

197. Курс советской криминологии: Предупреждение преступности / под ред. В.Н. Кудрявцева, И.И. Карпеца, Б.В. Коробейникова. – М.: Юридическая литература, 1986. – 352 с.

198. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головко. – М.: Статут, 2016. – 1281 с.

199. *Лунеев, В.В.* Предупреждение преступности [Текст] / В.В. Лунеев, Г.М. Миньковский // Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. – М.: Волтерс Клувер, 2004. – С. 185–201.

200. *Намнясева, В.В.* Безопасность участников уголовного судопроизводства: проблемы обеспечения и реализации: учебное пособие [Текст] / В.В. Намнясева, Е.И. Замылин. – Волгоград: ВА МВД России, 2017. – 304 с.

201. *Ольков, С.Г.* Детерминация и профилактика уголовно-процессуальных правонарушений в сфере соблюдения законности: лекция [Текст] / С.Г. Ольков. – Тюмень, 1994. – 14 с.

202. *Сахаров, А.Б.* Учение о личности преступника и его значение в профилактической деятельности органов внутренних дел. Лекция [Текст] / А.Б. Сахаров. – М.: МВШМ МВД СССР, 1984. – 43 с.

203. *Семернева, Н.К.* Квалификация преступлений. Части Общая и Особенная: научно-практическое пособие [Текст] / Н.К. Семернева. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 2008. – 292 с.

204. *Сокова З.К.* Профессиональная этика: курс лекций [Текст] / З.К. Сокова. – М.: ЦИ и НМО КП МВД России, 2000. – 204 с.

205. *Старков, О.В.* Предупреждение преступлений: учебное пособие [Текст] / О.В. Старков. – М.: Юристъ, 2005. – 284 с.

206. *Стручков, Н.А.* Преступность как социальное явление. Лекции по криминологии [Текст] / Н.А. Стручков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 120 с.

207. Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – Саратов: Изд-во СВШ МВД РФ, 1995. – 560 с.

208. Уголовное право России. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Эксмо, 2009. – 496 с.

209. Уголовное право России. Общая часть: учебник / под ред. В.И. Гладких. – М.: Международный юридический институт, 2012. – 184 с.

210. Уголовное право России. Общая часть: учебник для вузов / под ред. Л.Л. Кругликова. – М.: Волтерс Клувер, 2005. – 618 с.

211. Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. В.П. Ревина. – М.: Юстицинформ, 2010. – 392 с.

212. Уголовное право России: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. А.Н Игнатова, Ю.А. Красикова. – М.: НОРМА, 1998. – 816 с.

213. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.

214. Уголовное право России: курс лекций: в 6 т. / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – Т. 1. – Кн. 1. – 320 с.

215. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2008. – 800 с.

216. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.В. Здравомыслова. – М.: Юристъ, 1999. – 552 с.

217. Уголовное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 800 с.

218. Уголовное право Российской Федерации: учебник. Общая часть / под ред. А.И. Рарога. – М.: Профобразование, 2001. – 600 с.

219. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. Т. VI: Объект преступления. Объективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 632 с.

220. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс: в 10 т. – Т. VII: Субъект преступления. Субъективная сторона преступления. Кн. II: Субъективная сторона преступления / под ред. Н.А. Лопашенко. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 400 с.

221. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / под ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамовой, Г.П. Новоселова. – М.: НОРМА-ИНФРА, 1998. – 960 с.

222. Уголовно-процессуальное право (Уголовный процесс): учебник / под ред. А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Е.Н. Клещиной. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014. – 727 с.

223. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / под ред. П.А. Лупинской. – М.: Юристъ, 1997. – 591 с.

224. Уголовный процесс: учебник / под ред. Н.С. Мановой и Ю.В. Францифорова. – М.: Юстиция, 2016. – 368 с.

225. Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Зерцало, 2005. – 736 с.

226. *Хохряков, Г.Ф.* Криминология: учебник [Текст] / Г.Ф. Хохряков; отв. ред. В.Н. Кудрявцев. – М.: Юристъ, 2000. – 544 с.

227. *Чуфаровский, Ю.В.* Криминология в вопросах и ответах: учебное пособие [Текст] / Ю.В. Чуфаровский. – М.: ТК Велби, Проспект, 2004. – 312 с.

228. *Шаргородский М.Д.* Михаил Николаевич Гернет [Текст] / М.Д. Шаргородский // Гернет М.Н. Избранные произведения / сост. М.М. Бабаев. – М.: Юридическая литература, 1974. – 639 с.

Статьи в научных журналах и сборниках

229. *Абельцев, С.Н.* Особенности преступного поведения и типы преступников [Текст] / С.Н. Абельцев // Закон и право. – 1999. – № 12. – С. 19–22.

230. *Абрамов, П.А.* Соглашение стран СНГ о сотрудничестве в защите участников уголовного судопроизводства [Текст] / П.А. Абрамов // Актуальные вопросы права и правоприменительной практики: материалы «круглого стола», проведенного в Нижнекамском филиале Московского гуманитарно-экономического института 6 апреля 2011 года. – Вып. 5. – Нижнекамск: Нижнекамский филиал МГЭИ, 2011. – С. 5–16.

231. *Агамов, Г.Д.* Правовые и социальные проблемы предупреждения рецидивной преступности [Текст] / Г.Д. Агамов // Уголовное право. – 2001. – № 3. – С. 85–89.

232. *Агапов, П.В.* Проблемы межведомственного взаимодействия подразделений государственной защиты и следователей при осуществлении мер безопасности в отношении участников уголовного судопроизводства [Текст] / П.В. Агапов, К.А. Краснова // Российский следователь. – 2014. – № 7. – С. 7–11.

233. *Аграновский, Д.* Судья — опасная профессия [Текст] / Д. Аграновский // Особая буква – Он-лайн-журнал. – 2010. – 12 апр.

234. *Андреева, О.И.* Проблемы применения мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию, в уголовном судопроизводстве (по УПК РФ) [Текст] / О.И. Андреева // Современные проблемы уголовного права и уголовного процесса: Материалы международной научно-практической конференции (Красноярск, 26–27 сентября 2002 г.): в 2 т. – Т. 2. – Красноярск: ИЦ КрасГУ, 2003. – С. 111–116.

235. *Андрющенко, М.Н.* Понятие эффективности и его философский смысл [Текст] / М.Н. Андрющенко // Философские и социологические исследования. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1971. – С. 45–46.

236. *Антонян, Ю.М.* О концепции причин преступности [Текст] / Ю.М. Антонян // Криминологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 20–25.

237. *Антонян, Ю.М.* Об истоках формирования личности преступника [Текст] / Ю.М. Антонян // Личность преступника и вопросы исправления и перевоспитания осужденных: сборник научных трудов. – М.: Академия МВД СССР, 1990. – С. 3–13.

238. *Арестова, Е.Н.* О некоторых проблемах понятийного аппарата УПК РФ [Текст] / Е.Н. Арестова // Российский следователь. – 2015. – № 19. – С. 12–16.

239. *Аширбекова, М.Т.* Председатель суда как новый участник уголовного судопроизводства [Текст] / М.Т. Аширбекова // Мировой судья. – 2015. –№ 11. – С. 9–13.

240. *Бабаев, М.М.* О комплексном подходе к предупреждению преступности [Текст] / М.М. Бабаев // Криминология и уголовная политика. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1985. – С. 138–140.

241. *Бабаев, М.М.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности (опыт структурного анализа) [Текст] / М.М. Бабаев, В.А. Плешаков // Криминологический журнал. – 2005. – № 7. – С. 5–9.

242. *Багмет, А.М.* Об устранении двоевластия в уголовном процессе [Текст] / А.М. Багмет // Российская юстиция. – 2013. – № 12. – С. 57–60.

243. *Базаров, Р.А.* Уголовно-правовая характеристика насилия [Текст] / Р.А. Базаров // Проблемы обеспечения личной безопасности граждан. – М.: Изд-во Академии МВД России, 1995. – С. 39–45.

244. *Бахта, А.С.* О соотношении понятия «участники уголовного судопроизводства» и «субъекты уголовно-процессуального права» [Текст] / А.С. Бахта // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 12. – С. 45–46.

245. *Бессонов, А.А.* Правовое регулирование положения участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.А. Бессонов // Уголовный процесс. – 2008. – № 8. – С. 58–64.

246. *Бехтерев, В.М.* Психологическое определение личности [Текст] / В.М. Бехтерев // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 15–17.

247. *Бодренков, В.А.* Оперативно-розыскное предупреждение преступлений [Текст] / В.А. Бодренков // Законность. – 2007. – № 9. – С. 50.

248. *Божьев, В.П.* Частный обвинитель [Текст] / В.П. Божьев // Законность. – 2008. – № 7. – С. 8–11.

249. *Бородкина, Т.* Проблемы и перспективы развития института государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства [Текст] / Т. Бородкина // Мировой судья. – 2010. – № 4. – С. 16–19.

250. *Бриллиантов, А.В.* Неуважение к суду. Некоторые вопросы квалификации [Текст] / А.В. Бриллиантов // Российский судья. – 2006. – № 9. С. 4–7.

251. *Бриллиантов, А.В.* Укрывательство преступлений: вопросы квалификации [Текст] / А.В. Бриллиантов // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 26–32.

252. *Брусницын, Л.В.* Допрос под псевдонимом [Текст] / Л.В. Брусницын // Законность. – 2003. – № 1. – С. 27–29.

253. *Брусницын, Л.В.* Федеральный закон «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в свете рекомендаций ООН [Текст] / Л.В. Брусницын // Государство и право. – 2011. – № 1. – С. 48–59.

254. *Бурлаков, В.Н.* Патопсихологические особенности личности и механизм преступного поведения [Текст] / В.Н. Бурлаков, Н.Д. Гомонов // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 157–162.

255. *Быков, В.М.* Участие народа в правосудии начинается с понятого [Текст] / В.М. Быков // Мировой судья. – 2014. – № 6. – С. 23–28.

256. *Бычков, И.А.* О мотивации корыстной преступности [Текст] / И.А. Бычков // Проблемы правоприменения в судопроизводстве: сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во Вол ГУ, 2005. – С. 86–94.

257. *Варыгин, А.Н.* Коррупция в органах внутренних дел [Текст] / А.Н. Варыгин, О.В. Шляпникова // Коррупция и борьба с ней: сборник статей. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. – С. 102–110.

258. *Варыгин, А.Н.* Правовая культура и формирование личности преступника, посягающего на интересы правосудия [Текст] / А.Н. Варыгин, А.В. Яшин // Правовая культура. – 2008. – № 2. – С. 115–122.

259. *Векленко, С.В.* О повышении эффективности уголовно-правового воздействия [Текст] / С.В. Векленко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III российского конгресса уголовного права, состоявшегося 29–30 мая 2008 г. – М.: Проспект, 2008. – С. 370–372.

260. *Векленко, С.В.* Воспрепятствование правосудию и предварительному расследованию [Текст] / С.В. Векленко, А.И. Скакун // Российская юстиция. – 2007. – № 5. – С. 15–17.

261. *Верина, Г.В.* Системные связи объекта уголовно-правовой охраны и объекта преступления: анализ и синтез научной мысли [Текст] / Г.В. Верина // Ленинградский юридический журнал. – 2014. – № 2. – С. 159–171.

262. *Волобуева, Е.А.* К вопросу о процессуальном статусе секретаря судебного заседания и помощника судьи как участников уголовного судопроизводстве [Текст] / Е.А. Волобуева // Вестник Самарского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 230–236.

263. *Волчецкая, Т.С.* Задачи криминалистики по обеспечению безопасности в уголовном судопроизводстве [Текст] / Т.С. Волчецкая // Актуальные проблемы совершенствования уголовно-правовых, криминалистических и криминологических мер борьбы с преступностью: материалы Всероссийской научно-практической конференции (5–6 декабря 2005 г.). – Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2006. – С. 19–22.

264. *Гаврилюк, Е.Д.* Детерминация преступного поведения: к теории вопроса [Текст] / Е.Д. Гаврилюк // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики: сборник научных трудов. – Киров: Филиал НОУ ВПО «СПбИВЭСЭП», 2007. – С. 179–182.

265. *Генералова, А.С.* Особенности процессуального статуса потерпевшего по уголовным делам частного обвинения [Текст] / А.С. Генералова // Законодательство и экономика. – 2014. – № 7. – С. 53–56.

266. *Герасимов, С.И.* Предупреждение преступности: опыт, проблемы (пути и средства их разрешения) [Текст] / С.И. Герасимов // Прокурорская и следственная практика. – 2001. – № 3–4. – С. 44–62.

267. *Гилинский, Я.И.* Предупреждение преступности: теория и практика [Текст] / Я.И. Гилинский // Преступность и криминология на рубеже веков: материалы XII Международного Балтийского криминологического семинара, 28–30 июня 1999 г. – СПб.: Изд-во СПб. филиала ин-та социологии РАН, 1999. – С. 53–54.

268. *Глонти, Г.Ш.* О механизме преступного поведения [Текст] / Г.Ш. Глонти // Криминологические проблемы преступного поведения: сборник научных трудов. – М.: Академия МВД СССР, 1991. – С. 11–18.

269. *Голоднюк, М.Н.* Вопросы развития законодательства о преступлениях против правосудия [Текст] / М.Н. Голоднюк // Вестник Московского ун-та. – Сер. 11: Право. – 1996. – № 6. – С. 19–25.

270. *Голоднюк, М.Н.* История развития законодательства об ответственности за преступления против правосудия [Текст] / М.Н. Голоднюк // Антология научной мысли: к 10-летию Российской академии правосудия: сборник научных статей. – М.: Статут, 2008. – С. 45–49.

271. *Голоднюк, М.Н.* История развития российского законодательства о преступлениях против правосудия [Текст] / М.Н. Голоднюк // Уголовное право. – 2000. – № 2. – С. 14–16.

272. *Гончаров, Н.В.* Влияние дискуссии о предмете уголовного права на эволюцию системы мер уголовно-правового характера на рубеже XIX–XX веков [Текст] / Н.В. Гончаров // Общество и право. – 2011. – № 2. – С. 134–139.

273. *Горшенков, А.Г.* Теоретические модели предупреждения преступности [Текст] / А.Г. Горшенков, Г.Г. Горшенков, Г.Н. Горшенков // Вестник КРАГСиУ. – Сыктывкар: Изд-во КРАГСиУ, 2004. – № 7. – С. 22–29.

274. *Дагель, П.С.* Уголовная политика: управление борьбой с преступностью [Текст] / П.С. Дагель // Проблемы социологии уголовного права: сборник

научных трудов. – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработки мер предупреждения преступности, 1982. – С. 30–38.

275. *Даньшин, И.Н.* О мотивах хулиганства [Текст] / И.Н. Даньшин // Правоведение. – 1965. – № 4. – С. 170–174.

276. *Дашков, Г.В.* Криминологическая составляющая в политической воле [Текст] / Г.В. Дашков // Lex Russica. – 2008. – № 4. – С. 885–896.

277. *Дашков, Г.В.* Криминологические вопросы совершенствования координационной деятельности правоохранительных органов Российской Федерации [Текст] / Г.В. Дашков // Государство и право. – 2016. – № 10. – С. 48–56.

278. *Дегтярев, Д.* В Свердловской области будут судить банду из лихих 90-х [Текст] / Д. Дегтярев // Свободная Пресса. – 2013. – 24 июня.

279. *Дегтярева, Н.И.* О некоторых направлениях совершенствования законодательства об ответственности за преступления против правосудия, связанные с сокрытием и фальсификацией доказательств [Текст] / Н.И. Дегтярева // Российский следователь. – 2009. – № 22. – С. 13–15.

280. *Дербичева, С.* Социализация полиции и партнерство с населением как стратегия борьбы с преступностью: европейские ноу-хау [Текст] / С. Дербичева, П. Астапенко // Закон и право. – 2002. – № 1. – С. 50–55.

281. *Дмитриева, А.А.* Правовое значение соглашения о защите участников уголовного судопроизводства отдельных стран СНГ [Текст] / А.А. Дмитриева // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 5. – С. 15–18.

282. *Дмитриева, А.А.* Правовое регулирование процесса обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства в нормах УПК Республики Таджикистан [Текст] / А.А. Дмитриева // Международное уголовное право и международная юстиция. – 2015. – № 6. – С. 20–22.

283. *Долгова, А.И.* Закономерности преступности, борьба с ней и научное обеспечение борьбы [Текст] / А.И. Долгова // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – С. 24–41.

284. *Долгова, А.И.* Изменение преступности в реформируемой России и борьба с преступностью [Текст] / А.И. Долгова // Уголовное право. – 1999. – № 3. – С. 57–67.

285. *Долгова, А.И.* Криминологическое изучение личности преступника [Текст] / А.И. Долгова // Советское государство и право. – 1973. – № 4. – С. 90–98.

286. *Долгова, А.И.* Криминологические проблемы выделения и изучения отдельных видов преступности [Текст] / А.И. Долгова // Криминология: учебник для вузов / под ред. А.И. Долговой. – М.: НОРМА, 2001. – С. 483–499.

287. *Долгова, А.И.* Криминологические проблемы изучения видов преступности и взаимосвязей между ними [Текст] / А.И. Долгова // Преступность, ее виды и проблемы борьбы. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2011. – С. 5–17.

288. *Долгова, А.И.* Обсуждаются проблемы повышения эффективности борьбы с корыстной преступностью [Текст] / А.И. Долгова // Вопросы борьбы с преступностью. – 1987. – № 45. – С. 147–151.

289. *Долгова, А.И.* Преступность, ее виды и организованная преступность [Текст] / А.И. Долгова // Проблемы борьбы с криминальным рынком, экономической и организованной преступностью. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – С. 3–8.

290. *Долгова, А.И.* Преступность и борьба с ней: законотворчество и теоретические устои [Текст] / А.И. Долгова // Уголовное право. – 2001. – № 4. – С. 88–93.

291. *Долгова, А.И.* Проблемы правового регулирования борьбы с организованной преступностью [Текст] / А.И. Долгова // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог: сборник статей. – М.: Олимп, 1997. – С. 164–167.

292. *Долгова, А.И.* Проблемы разработки стратегии борьбы с преступностью [Текст] / А.И. Долгова // Преступность: стратегия борьбы. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 1997. – С. 5–18.

293. *Долгова, А.И.* Реагирование на коррупцию: практика противодействия в России и направления оптимизации борьбы [Текст] / А.И. Долгова // Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. – С. 7–23.

294. *Долгова, А.И.* Система правового регулирования борьбы с терроризмом, террористическая преступность и оптимизация деятельности органов прокуратуры [Текст] / А.И. Долгова // Деятельность органов прокуратуры по борьбе с терроризмом и направления совершенствования законодательства. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008. – С. 5–22.

295. *Дональд, Э.* Судья, прокурор, политика и деньги [Текст] / Э. Дональд // Новое время. – 1990. – № 17. – С. 30-34.

296. *Дубоносова А.Э.* Исправительные учреждения как инструмент профилактики преступности несовершеннолетних: исторический аспект [Текст] / А.Э. Дубоносова // Вестник Новгородского государственного университета. – 2006. – № 38. – С. 51–52.

297. *Духовской, М.В.* Задачи науки уголовного права [Текст] / М.В. Духовской // Временник Демидовского юридического лицея. Книга четвертая. – Ярославль: Тип. Земской Управы, Губернского Правления и А.Крылова, 1873. – С. 220–254.

298. *Душина, О.И.* Хулиганский мотив: юридико-психологические и уголовно-правовые аспекты [Текст] / О.И. Душина // Новые проблемы науки и практики. – Курск: Изд-во РОСИ, 2003. – С. 47–53.

299. *Елисеев, С.А.* О корыстном мотиве преступлений [Текст] / С.А. Елисеев // Проблемы борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1979. – С. 78–84.

300. *Епихин, А.Ю.* Правовое регулирование мер безопасности участников процесса [Текст] / А.Ю. Епихин // Законность. – 2003. – № 5. – С. 45–48.

301. *Ервандян, А.А.* Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.А. Ервандян // Российский следователь. – 2014. – № 21. – С. 40–42.

302. *Жалинский, А.Э.* Комплексный подход — основное условие повышения эффективности и качества профилактики правонарушений [Текст] / А.Э. Жалинский // Охрана правопорядка — дело всего народа: материалы республиканской научно-практической конференции (10–11 мая 1978 г.). – Фрунзе: Кыргызстан, 1980. – С. 110–118.

303. *Жалинский, А.Э.* Предмет и система криминологической теории предупреждения преступлений [Текст] / А.Э. Жалинский // Советское государство и право. – 1976. – № 9. – С. 88–93.

304. *Жилинский, С.Э.* Система планирования охраны правопорядка [Текст] / С.Э. Жилинский // Комплексное планирование профилактики правонарушений. – М.: Изд-во Академии обществ. наук при ЦК КПСС, 1981. – С. 38–43.

305. *Жубрин, Р.В.* Предупреждение преступности на современном этапе развития российского общества: понятие, содержание, принципы [Текст] / Р.В. Жубрин // Всероссийский криминологический журнал. – 2016. – Т. 10. – № 4. – С. 627–637.

306. *Забрянский, Г.И.* Основы концепции государственной политики предупреждения преступности несовершеннолетних [Текст] / Г.И. Забрянский // Государственная политика предупреждения преступности несовершеннолетних и защита их прав и интересов: сборник научных трудов / под ред. О.В. Пристанской и Е.И. Цымбал. – М.: Изд-во НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1997. – С. 19–39.

307. Закон о контроле за организованной преступностью в США // Борьба с преступностью за рубежом (по материалам зарубежной печати): ежемесячный информационный бюллетень. – М.: ВИНИТИ, 1991. – Вып. № 10. – С. 22–40.

308. Законодательство Молдавии о защите свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных

документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. – М.: ГУПРиВС МВД России, 2000. – С. 295–310.

309. *Замылин, Е.И.* Оперативно-розыскное сопровождение процесса предварительного расследования как фактор предупреждения и нейтрализации постпреступного воздействия [Текст] / Е.И. Замылин // Вопросы теории и практики раскрытия и расследования преступлений: сборник научных трудов. – Волгоград: ВА МВД России, 2007. – С. 88–97.

310. *Замылин, Е.И.* Обеспечение безопасности в уголовном судопроизводстве (к вопросу о защите чести и достоинства личности) [Текст] / Е.И. Замылин, В.В. Намнясева // Вестник Воронежского института МВД России. – 2012. – № 3. – С. 60.

311. *Звирбуль, В.К.* Криминологическое прогнозирование и планирование борьбы с преступностью [Текст] / В.К. Звирбуль // Криминология / отв. ред. В.К. Звирбуль, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский. – М.: Юридическая литература, 1979. – С. 153–162.

312. *Звирбуль В.К.* Планирование социальной политики предупреждения преступности [Текст] / В.К. Звирбуль // Планирование мер борьбы с преступностью: сборник статей. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 56–60.

313. *Зеленина, О.А.* Виды правового статуса участника уголовного судопроизводства [Текст] / О.А. Зеленина // Российский юридический журнал. – 2011. – № 4. – С. 137–144.

314. *Зеленина, О.А.* Участники уголовного судопроизводства: вопросы терминологии [Текст] / О.А. Зеленина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2010. – Вып. 25. – С. 37–40.

315. *Зуев, С.В.* Защита свидетелей на стадии предварительного расследования [Текст] / С.В. Зуев // Уголовное право. – 2007. – № 6. – С. 84–86.

316. *Иванов, В.Д.* История развития уголовного законодательства об ответственности за преступления против правосудия в советский период [Текст] / В.Д. Иванов // Донской юридический институт: Ученые записки. – Т. 32. – Ростов н/Д: Изд-во ДЮИ, 2006. – С. 20–25.

317. *Иванов, И.С.* Международные стандарты Организации Объединенных Наций в области защиты участников уголовного судопроизводства [Текст] / И.С. Иванов // Административное право и процесс. – 2016. – № 1. – С. 72–79.

318. *Иванов, И.С.* Переселение защищаемого лица на другое постоянное место жительства в отечественном и зарубежном праве [Текст] / И.С. Иванов // Российский следователь. – 2013. – № 6. – С. 41–48.

319. *Идрисов, К.Р.* Особенности мотивации преступлений против правосудия, совершаемых должностными лицами [Текст] / К.Р. Идрисов // Российский следователь. – 2006. – № 12. – С. 23–25.

320. *Ищук, Я.Г.* Уровень виктимности участников уголовного судопроизводства [Текст] / Я.Г. Ищук // Виктимология. – 2014. – № 1. – С. 27–31.

321. *Казакова, В.А.* Новый закон об обеспечении социальной и правовой защиты свидетелей в ФРГ [Текст] / В.А. Казакова // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 74–80.

322. *Калугин, А.Г.* Понятой в уголовном процессе [Текст] / А.Г. Калугин // Следователь. – 1999. – № 7. – С. 2–3.

323. *Квашис, В., Вавилова, А.* Поможем жертвам преступления [Текст] / В. Квашис, А. Вавилова // Российская юстиция. – 1994. – № 4. – С. 48–50.

324. *Керимов, Д.А.* Категории действительности и возможности в праве [Текст] / Д.А. Керимов // Советское государство и право. – 1968. – № 8. – С. 13–21.

325. *Кингс, Х.* К проблеме генезиса преступного поведения [Текст] / Х. Кингс // О причинах преступного поведения: Ученые записки Тартуского гос. ун-та. – Тарту: Изд-во Тартуского гос. ун-та, 1983. – Вып. 629. – С. 3–22.

326. *Кичеев, Б.* Все ли понятно понятым? [Текст] / Б. Кичеев // Социалистическая законность. – 1990. – № 6. – С. 34–35.

327. *Козлов, В.Ф.* К вопросу о соотношении уголовно-правовой, криминологической и криминалистической характеристик преступления [Текст] / В.Ф. Козлов // Эксперт-криминалист. – 2012. – № 2. – С. 35–38.

328. *Комарова, Е.И.* Криминалистические аспекты системы информационной безопасности уголовного судопроизводства [Текст] / Е.И. Комарова // Вестник криминалистики. – 2006. – Вып. 4 (20). – С. 73–79.

329. *Коновалов, В.И.* Виктимность и ее профилактика [Текст] / В.И. Коновалов // Виктимологические проблемы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. – Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1982. – С. 25–31.

330. *Корнеева, О.А.* Проблемы тактики допроса свидетеля и потерпевшего по УПК РФ [Текст] / О.А. Корнеева // Российский следователь. – 2010. – № 1. – С. 7–9.

331. *Королева, М.В.* Коррупция в сфере правоохранительной деятельности [Текст] / М.В. Королева // Коррупция и борьба с ней. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2000. – С. 94–95.

332. *Косарев, В.Н.* К вопросу о причинном механизме формирования корыстного поведения [Текст] / В.Н. Косарев, И.А. Бычков // Проблемы правоприменения в судопроизводстве: сборник научных трудов. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2005. – С. 70–85.

333. *Крапчатова, И.Н.* Роль европейских стандартов защиты участников уголовного судопроизводства в развитии уголовной политики [Текст] / И.Н. Крапчатова // Вестник РГТУ. – 2010. – № 14 (57). – С. 206–212.

334. *Краснова, К.А.* Правовые и организационные основы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства органами внутренних дел [Текст] / К.А. Краснова // Российский следователь. – 2015. – № 22. – С. 38–41.

335. *Краснова, К.А.* Правовые основы защиты свидетелей в Европейском союзе [Текст] / К.А. Краснова // Адвокатская практика. – 2016. – № 1. – С. 39–44.

336. *Кудрявцев, В.Н.* Механизм преступного поведения [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Юридическая психология / под ред. Т.Н. Курбатовой. – СПб.: Питер, 2001. – С. 112–119.

337. *Кудрявцев, В.Н.* Причинность и детерминизм в криминологии [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Проблемы причинности в криминологии и уголовном праве: межвузовский тематический сборник. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 1983. – С. 4–10.

338. *Кудрявцев, В.Н.* Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики [Текст] / В.Н. Кудрявцев // Основные направления борьбы с преступностью: сборник научных трудов / под ред. И.М. Гальперина, В.И. Курляндского. – М.: Юридическая литература, 1975. – С. 29–46.

339. *Кузнецова, Н.Ф.* Детерминация в уголовном праве и криминологии [Текст] / Н.Ф. Кузнецова // Теоретико-криминологические проблемы права. – М.: Зерцало, 2007. – С. 319–336.

340. *Кулешов, Ю.И.* Правосудие как объект уголовно-правовой охраны: история и современность [Текст] / Ю.И. Кулешов // Правоведение. – 1999. – № 4. – С. 82–91.

341. *Кулешов, Ю.И.* Система норм об ответственности за преступления против правосудия: история развития, пути и способы совершенствования [Текст] / Ю.И. Кулешов // Системность в уголовном праве: материалы II Российского конгресса уголовного права, состоявшегося 31 мая – 1 июня 2007 г. – М.: ТК Велби; Изд-во «Проспект», 2007. – С. 232–234.

342. *Куликов, В.* Свидетели примеряют маски [Текст] / В. Куликов, С. Минабтудинов // Российская газета. – 2006. – 20 янв.

343. *Лавдаренко, Л.И.* К вопросу о формировании категории «безопасность личности» в сфере уголовного судопроизводства [Текст] / Л.И. Лавдаренко, Т.В. Амосова // Российский следователь. – 2015. – № 16. – С. 14–18.

344. *Лебедев, С.Я.* Криминологическая безопасность в системе национальной безопасности России [Текст] / С.Я. Лебедев // Российский криминологический взгляд. – 2006. – № 3. – С. 104–110.

345. *Леонтьев, А.Н.* Индивид и личность [Текст] / А.Н. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 40–41.

346. *Лобанова, Л.В.* Об уголовно-правовых средствах противодействия судебному подлогу [Текст] / Л.В. Лобанова, А.П. Рожнов // Российский следователь. – 2013. – № 23. С. 22–26.

347. *Лозовицкая, Г.П.* Проблемы виктимологической профилактики преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / Г.П. Лозовицкая, М.В. Фортуныч // Российский следователь. – 2007. – № 23. – С. 19–21.

348. *Лойфман, И.Я.* Причинность и детерминизм [Текст] / И.Я. Лойфман // Категория причинности в диалектической концепции связи / под ред. И.Я. Лойфмана. – Свердловск: Уральский государственный университет, 1974. – С. 3–7.

349. *Лунеев, В.В.* Десятый конгресс ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, его место в истории конгрессов [Текст] / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2000. – № 9. – С. 95–100.

350. *Лунеев, В.В.* Тенденции современной преступности и борьбы с ней в России [Текст] / В.В. Лунеев // Государство и право. – 2004. – № 1. – С. 5–18.

351. *Лысков, Б.Д.* Понятие о личности преступника [Текст] / Б.Д. Лысков, Т.Н. Курбатова // Юридическая психология / под ред. Т.Н. Курбатовой. – СПб.: Питер, 2001. – С. 74–91.

352. *Магомедов, Д.Б.* К вопросу об эффективности профилактики преступлений [Текст] / Д.Б. Магомедов // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2008. – № 2. – С. 192–193.

353. *Мазова, Е.И.* Ролевая функция оперативно-розыскной деятельности в обеспечении безопасности лиц, подлежащих государственной защите [Текст] / Е.И. Мазова // Российский следователь. – 2013. – № 6. – С. 25–29.

354. *Макеева, Н.В.* Понятие безопасности участников уголовного судопроизводства [Текст] / Н.В. Макеева // Вестник Московского университета МВД России. – 2011. – № 3. – С. 148–151.

355. *Максименков, А.А.* Психологические аспекты виктимности [Текст] / А.А. Максименков, А.В. Майоров // Виктимология. – 2015. – № 4. – С. 26–30.

356. *Малышева, О.А.* О необходимости совершенствования правовой регламентации процессуального статуса дознавателя [Текст] / О.А. Малышева // Российская юстиция. – 2014. – № 9. – С. 20–23.

357. *Манова, Н.С.* Обеспечение прав участников уголовного судопроизводства: достоинства и проблемы действующего законодательства [Текст] / Н.С. Манова // Права человека — высшее достижение современной цивилизации: материалы научно-практической конференции: ФГКОУ ВО «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации», Крымский юридический институт (филиал). – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2016. – С. 161–166.

358. *Мартышин, О.В.* О некоторых особенностях российской правовой и политической культуры [Текст] / О.В. Мартышин // Государство и право. – 2003. – № 10. – С. 24–30.

359. *Мартышкин, В.Н.* Коллизии уголовно-процессуальных норм, обеспечивающих безопасность допроса «скрытых» участников судопроизводства [Текст] / В.Н. Мартышкин, В.В. Мартышкин // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства противодействия преступности: сборник научных трудов. – Казань: Изд-во Казанского гос. ун-та, 2010. – С. 60–70.

360. *Марцев, А.И.* Социально-политическое значение Закона от 8 декабря 2003 года [Текст] / А.И. Марцев // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: Всероссийская научно-практическая конференция (25–26 марта 2004 г.): в 2 ч. – Ч. 1 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. – Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – С. 66–70.

361. *Мацкевич, И.М.* Криминологический портрет преступника (теоретические проблемы составления) [Текст] / И.М. Мацкевич // Lex Russica. – 2008. – № 6. – С. 1424–1444.

362. *Мацкевич, И.М.* Личность преступного типа (нематематическое регулирование) [Текст] / И.М. Мацкевич // Lex Russica. – 2013. – № 5. – С. 509–520.

363. *Мацкевич, И.М.* Общественное сознание и преступность [Текст] / И.М. Мацкевич // Экология и уголовное право: поиск гармонии: материалы

Международной научно-практической конференции, посвященной подготовке XXII Олимпийских зимних и XI Паралимпийских зимних игр 2014 г. в г. Сочи (Геленджик, 6–9 октября 2011 г.). – Краснодар: ЭДВИ, 2011. – С. 11–16.

364. *Меликишвили, Л.А.* Использование методики многостороннего исследования личности для изучения личности преступника и преступного поведения [Текст] / Л.А. Меликишвили // Криминологические проблемы преступного поведения: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 18–26.

365. *Меньших, А.А.* О возмещении ущерба жертвам преступлений во Франции [Текст] / А.А. Меньших // Журнал российского права. – 1999. – № 3–4. – С. 158–165.

366. *Мертен, У.* Меры по защите уязвимых лиц, программы защиты свидетелей и органы, их реализующие [Текст] / У. Мертен // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. – М.: ГУПРиВС МВД России, 2000. – С. 184–185.

367. *Миньковский, Г.М.* Предмет криминологической профилактики преступлений и некоторые проблемы ее эффективности [Текст] / Г.М. Миньковский // Вопросы борьбы с преступностью. – 1972. – Вып. 17. – С. 11–20.

368. *Миньковский, Г.М.* Социальное планирование в сфере борьбы с преступностью и проблем борьбы с рецидивом [Текст] / Г.М. Миньковский // Планирование мер борьбы с преступностью. – М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1982. – С. 119–125.

369. *Михальчук, Ю.П.* Законодательное регулирование процессуального положения секретаря судебного заседания как участника уголовного судопроизводства [Текст] / Ю.П. Михальчук, А.В. Соболь // Современные проблемы уголовной политики: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Краснодар: Изд-во ФГКОУ ВО «Краснодарский университет МВД РФ», 2015. – С. 144–150.

370. *Мусеибов, А.Г.* Предупреждение преступлений на виктимологической основе – важное направление борьбы с преступностью [Текст] / А.Г. Мусеибов // Безопасность личности и виктимологические проблемы предупреждения преступлений: материалы научно-практической конференции. – М.: ВНИИ МВД России, 2006. – С. 38–45.

371. *Мусеибов, У.А.* Правовое регулирование процессуальных полномочий начальника подразделения дознания: проблемы и пути совершенствования [Текст] / У.А. Мусеибов // Российский следователь. – 2013. – № 13. – С. 16–17.

372. *Мясищев, В.Н.* Понятие личности в аспектах нормы и патологии [Текст] / В.Н. Мясищев // Психология личности в трудах отечественных психологов / под ред. Л.В. Куликова. – СПб.: Питер, 2001. – С. 34–39.

373. *Намнясева, В.В.* Проблемные вопросы конструирования санкций норм, регламентирующих ответственность за преступления против правосудия [Текст] / В.В. Намнясева // Юридическая наука и практика: альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. – Самара: СЮИ ФСИН России, 2014. – С. 199–203.

374. *Намнясева, В.В.* Проблемные вопросы ответственности за преступления против жизни и здоровья участников уголовного судопроизводства [Текст] / В.В. Намнясева // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2012. – № 4. – С. 73–79.

375. *Нарожняя, О.В.* К вопросу о типологии жертв преступлений, совершаемых в отношении семьи и несовершеннолетних [Текст] / О.В. Нарожняя // Проблемы предварительного следствия и дознания: сборник научных трудов № 225. – М.: ВНИИ МВД России, 2008. – С. 119–125.

376. *Насонова, И.А.* Уголовно-процессуальная защита и роль руководителя следственного органа в механизме ее реализации [Текст] / И.А. Насонова, Н.А. Моругина // Закон и право. – 2009. – № 7. – С. 90–92.

377. *Наумов А.В.* Понятие, система и задачи уголовного права [Текст] / А.В. Наумов // Курс российского уголовного права / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. – М.: Спарк, 2001. – С. 3–15.

378. *Наумов, А.М.* Процессуальный статус участников доследственной проверки [Текст] / А.М. Наумов // Российский следователь. – 2016. – № 8. – С. 8–12.

379. *Никитин, А.В.* Оперативно-розыскное противодействие преступности: понятие и сущность [Текст] / А.В. Никитин // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2010. – Вып. 1. – С. 46–50.

380. *Нуркаева, Т.Н.* О совершенствовании уголовно-правовых способов охраны сведений о мерах безопасности в отношении лиц, подлежащих государственной защите [Текст] / Т.Н. Нуркаева // Вестник ВЭГУ. – 2017. – № 3. – С. 69–77.

381. *Нуркаева, Т.Н.* О разграничении составов преступлений, предусматривающих ответственность за разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении лиц, подлежащих государственной защите, и совершенствование их законодательной конструкции [Текст] / Т.Н. Нуркаева, Я.В. Линевич // Вестник ВЭГУ. – 2014. – № 4. – С. 46–54.

382. О количестве защищаемых лиц, принятых в Программу: Программа по защите свидетелей. Ежегодный отчет // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: Сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. – М.: ГУПРиВС МВД России, 2000. – С. 351–352.

383. Обзор практики применения программ по защите свидетелей Канадской Королевской Конной полицией // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. – М.: ГУПРиВС МВД России, 2000. – С. 345–350.

384. *Орлов, А.И.* Теоретические инструменты статистических методов [Текст] / А.И. Орлов // Научный журнал КубГАУ. – 2014. – № 101 (07). – С. 253–274.

385. *Орлов, В.В.* Предупреждение преступности: преступник и жертва [Текст] / В.В. Орлов // Адвокатская практика. – 2006. – № 6. – С. 17–18.

386. *Орлова, Т.В.* Производство по уголовным делам частного обвинения [Текст] / Т.В. Орлова // Мировой судья. – 2014. – № 10. – С. 36–40.

387. *Остапенко, Н.И.* Отдельные аспекты причинного комплекса преступности несовершеннолетних [Текст] / Н.И. Остапенко// Российский следователь. – 2009. – № 21. – С. 25–27.

388. *Павленин, В.С.* К проблеме психологической детерминации профессиональных деформаций у сотрудников органов внутренних дел [Текст] / В.С. Павленин // Криминология и юридическая психология в развитии толерантности / под ред. Г.И. Лобжанидзе. – Омск: Изд-во Омской академии МВД России, 2002. – С. 136–138.

389. *Павлов, Д.* Помощник прокурора попал в засаду [Текст] / Д. Павлов // Коммерсантъ. – 1994. – 13 июля.

390. *Пашковская, А.В.* Ревность как мотивация преступного поведения [Текст] / А.В. Пашковская, И.Б. Степанова // Вестник Московского ун-та. Сер. 11, Право. – 1997. – № 1. – С. 38–47.

391. *Плешаков, А.П.* Правовая культура и становление новой российской государственности [Текст] / А.П. Плешаков // Правовая культура. – 2007. – № 1. – С. 46–53.

392. *Плохова, В.И.* К вопросу о понятии и критериях эффективности уголовного наказания [Текст] / В.И. Плохова // Некоторые вопросы эффективности уголовного законодательства. – Свердловск: Изд-во Свердловского юридического ин-та, 1976. – С. 14–15.

393. *Побрызгаева, Е.В.* Типология лиц, совершающих разбойные нападения [Текст] / Е.В. Побрызгаева // Криминологические проблемы преступного поведения: сборник научных трудов. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. – С. 23–31.

394. *Поленина, С.В.* Право и культура: от правовой культуры к культурным правам [Текст] / С.В. Поленина, Е.В. Скурко // Российская юстиция. – 2007. – № 12. – С. 2–5.

395. *Пономаренко, О.Н.* Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения как средство преодоления криминального противодействия при расследовании преступлений [Текст] / О.Н. Пономаренко // Полицейское право. – 2007. – № 1. – С. 182–187.

396. *Попова, Л.* Законодательство об уголовной ответственности за принуждение к даче показаний: исторические и сравнительно-правовые аспекты [Текст] / Л. Попова, Н. Попов // Уголовное право. – 2003. – № 3. – С. 51–54.

397. Правовые основы защиты свидетелей в Австрии // Зарубежный опыт правового регулирования по вопросам защиты участников уголовного судопроизводства и практика его применения: сборник правовых актов, организационных документов и информационно-аналитических материалов / под ред. В.В. Черникова. – М.: ГУПРиВС МВД России, 2000. – С. 251–252.

398. *Пудовочкин, Ю.Е.* Закономерности формирования и развития российской уголовной политики в условиях глобализации [Текст] / Ю.Е. Пудовочкин // Журнал российского права. – 2017. – № 3. – С. 82–91.

399. *Ратинов, А.Р.* Личность преступника как криминально-психологическая проблема [Текст] / А.Р. Ратинов // Вопросы борьбы с преступностью. – М.: Юридическая литература, 1988. – Вып. 47. – С. 119–120.

400. *Ратинов, А.Р.* Личность преступника. Психологические аспекты [Текст] / А.Р. Ратинов // Новая Конституция и актуальные вопросы борьбы с преступностью. – Тбилиси: Мецниереба, 1979. – С. 162–179.

401. *Ратинов, А.Р.* О психологической природе хулиганского мотива [Текст] / А.Р. Ратинов, А.Ш. Речеулешвили // Вопросы борьбы с преступностью.– М.: Юридическая литература, 1987. – Вып. 45. – С. 36–45.

402. *Розин, В.М.* Психологический анализ преступной личности [Текст] / В.М. Розин // Уголовное право. – 1999. – № 2. – С. 95–96.

403. *Самощенко, И.С.* Изучение эффективности действующего законодательства [Текст] / И.С. Самощенко, В.И. Никитинский // Советское государство и право. – 1969. – № 8. – С. 3–11.

404. *Сахаров, А.Б.* Актуальные вопросы учения о личности преступника [Текст] / А.Б. Сахаров // Теоретические проблемы учения о личности преступника. – М.: Изд-во Всесоюзного ин-та по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – С. 19–24.

405. *Сахаров, А.Б.* Социальная система предупреждения преступлений [Текст] / А.Б. Сахаров // Советское государство и право. – 1972. – № 11. – С. 66–72.

406. *Скрипилев, Г.А.* Предпосылки применения мер безопасности личности в уголовном процессе [Текст] / Г.А. Скрипилев // Российский следователь. – 2012. – № 18. – С. 21–24.

407. *Смирнов, Г.Г.* Понятие эффективности предупреждения преступлений [Текст] / Г.Г. Смирнов // Вестник Московского ун-та МВД России. – 2006. – № 1. – С. 85–88.

408. *Спектор, А.Л.* Фальсификация доказательств как преступление против правосудия [Текст] / А.Л. Спектор // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Спецвыпуск. – Ростов н/Д: ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», 2005. – С. 53–58.

409. *Сыромятникова, А.А.* Единство причины и условий в возникновении явлений [Текст] / А.А. Сыромятникова // Категория причинности в диалектической концепции связи / под ред. И.Я. Лойфмана. – Свердловск: Уральский гос. ун-т, 1974. – С. 19–24.

410. *Тетюев, С.В.* Зачем уголовному процессу педагог? [Текст] / С.В. Тетюев // Российская юстиция. – 2010. – № 6. – С. 37–40.

411. *Тетюев, С.В.* Участие педагога и психолога в уголовном судопроизводстве [Текст] / С.В. Тетюев // Судья. – 2010. – № 10. – С. 29–32.

412. *Тисен, А.В.* Гарантии безопасности участников уголовного процесса [Текст] / А.В. Тисен // Уголовный процесс. – 2006. – № 12. – С. 53–56.

413. *Титов, В.М.* О применении оперативно-розыскных мер безопасности в отношении лиц, содействующих правосудию [Текст] / В.М. Титов // Полицейское право. – 2007. – № 2. – С. 150–152.

414. *Титов, В.М.* Оперативно-розыскная деятельность в системе мер обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию [Текст] / В.М. Титов // Современное право. – 2009. – № 1. – С. 83–87.

415. *Титов, С.М.* Оперативно-розыскные меры борьбы с организованными преступными группами, оказывающими противодействие раскрытию и расследованию преступлений в сфере грузовых и пассажирских перевозок на транспорте [Текст] / С.М. Титов, Е.С. Титова, В.К. Джикия // Вестник Московского университета МВД России. – 2009. – № 4. – С. 137–140.

416. *Трифонов, В.* «Белок» своих не жалел [Текст] / В. Трифонов // Коммерсантъ. – 2013. – 12 авг.

417. *Тупанчески, Н.* Закон о защите свидетелей в Республике Македонии [Текст] / Н. Тупанчески // Актуальные вопросы государства и права в Российской Федерации и Республике Македонии: сборник научных статей. – М.: Статут, 2006. – Вып. 1. – С. 498–505.

418. *Удалов, М.И.* Мотивация совершения насильственных преступлений [Текст] / М.И. Удалов // Сборник научных трудов. – М.: НИИ ФСИН России, 2005. – Вып. 1. – С. 105–107.

419. *Устинов, В.С.* Концепция закона о профилактике преступлений [Текст] / В.С. Устинов // Реагирование на преступность: концепции, закон, практика. – М.: Изд-во Российской криминологической ассоциации, 2002. – С. 83–85.

420. *Фесунов, В.А.* Милиция на пике реформ [Текст] / В.А. Фесунов // Криминологический журнал. – 2001. – № 1. – С. 51–52.

421. *Филимонов, О.В.* Система уголовно-правового предупреждения преступлений [Текст] / О.В. Филимонов // Актуальные правовые вопросы борьбы с преступностью. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1988. – С. 107–115.

422. *Францифоров, Ю.В.* Ретроспективный анализ участия понятых в уголовном судопроизводстве [Текст] / Ю.В. Францифоров // Вестник Волгоградского университета. – Серия 5: Юриспруденция. – 2015. – № 1. – С. 49–54.

423. *Чмырев, С.Н.* Зарубежная практика органов государственного управления в сфере обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства [Текст] / С.Н. Чмырев // Очерки новейшей камералистики. – 2010. – № 1. – С. 49–54.

424. *Чукаева, О.А.* К вопросу о расширении процессуальных полномочий начальника подразделения дознания в уголовном судопроизводстве [Текст] / О.А. Чукаева // Законодательство и экономика. – 2015. – № 4. – С. 59–62.

425. *Чуфаровский, Ю.В.* Психологический анализ личности преступника [Текст] / Ю.В. Чуфаровский // Следователь. – 1998. – № 1. – С. 39–42.

426. *Шабунин, В.А.* О развитии полномочий руководителя следственного органа [Текст] / В.А. Шабунин // Российский следователь. – 2013. – № 14. – С. 7–8.

427. *Шаргородский, М.Д.* Михаил Николаевич Гернет [Текст] / М.Д. Шаргородский // Гернет М.Н. Избранные произведения / сост. М.М. Бабаев. – М.: Юридическая литература, 1974. – С. 8–37.

428. *Шнайдер, Г.Й.* Преступность и средства массовой информации [Текст] / Г.Й. Шнайдер // Советское государство и право. – 1990. – № 7. – С. 118–122.

429. *Шойжилцыренов, Б.Б.* Оперативно-розыскная профилактика преступлений как элемент системы оперативно-розыскного противодействия преступности [Текст] / Б.Б. Шойжилцыренов // Преступность и общество: историко-правовой и социально-экономический аспекты: сборник научных статьей. – Хабаровск: Изд-во Дальневосточного юридического ин-та МВД России, 2008. – С. 128–133.

430. *Щербаков, В.А.* Некоторые аспекты системного подхода к изучению механизма индивидуального преступного поведения [Текст] / В.А. Щербаков // Российский следователь. – 2003. – № 3. – С. 25–28.

431. *Эминов, В.Е.* Криминологические проблемы юридической психологии [Текст] / В.Е. Эминов, М.И. Еникеев // Уголовное право. – 2001. – № 2. – С. 111–114.

432. *Якимович, Ю.К.* Участники уголовного процесса и субъекты уголовно-процессуальной деятельности [Текст] / Ю.К. Якимович // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2008. – № 1. – С. 110–118.

433. *Яппаров, Р.М.* Информационная система в оперативно-розыскной деятельности подразделений по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите [Текст] / Р.М. Яппаров, В.Ф. Габзалилов // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2010. – № 5. – С. 103–108.

434. *Яшин, А.В.* Виктимологическая характеристика преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13. – № 4-2. – С. 718–722.

435. *Яшин, А.В.* Вопросы повышения эффективности предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2013. – Т. 13. – № 2. – С. 233–237.

436. *Яшин, А.В.* Вопросы совершенствования уголовно-процессуального законодательства в сфере безопасности участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Научный альманах. – 2015. – № 12-3. – С. 97–100.

437. *Яшин, А.В.* К вопросу о генезисе преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2010. – № 2. – С. 124–126.

438. *Яшин, А.В.* К вопросу об эффективности уголовно-правовой политики в сфере предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Известия Саратовского университета. Новая Серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2015. – Т. 15. – № 1. – С. 105–109.

439. *Яшин, А.В.* Криминалистические и оперативно-розыскные меры защиты участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств [Текст] / А.В. Яшин // Теоретические и практические аспекты развития современной науки: материалы Всероссийской научно-практической заочной конфе-

ренции (Москва, 15 мая–15 октября 2013 г.). – М.: Изд-во Современного гуманитарного ун-та, 2014. – С. 208–217.

440. *Яшин, А.В.* Криминологическая характеристика и типология личности преступника, посягающего на права и законные интересы участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Право и практика. – 2017. – № 4. – С. 38–43.

441. *Яшин, А.В.* Критерии оценки эффективности деятельности, направленной на предупреждение преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Современная научная мысль. – 2017. – № 6. – С. 244–249.

442. *Яшин, А.В.* Некоторые вопросы противодействия преступлениям, совершаемым в отношении свидетелей и потерпевших [Текст] / А.В. Яшин // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. – 2016. – № 4. – Т. 1. – С. 198–204.

443. *Яшин, А.В.* Некоторые вопросы совершенствования уголовного законодательства об ответственности за преступления против правосудия [Текст] / А.В. Яшин // Право, наука, образование: традиции и перспективы: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Саратовской государственной юридической академии (в рамках VII Саратовских правовых чтений. Саратов, 29–30 сентября 2016 г.). – Саратов: Изд-во ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», 2016. – С. 264–265.

444. *Яшин, А.В.* Некоторые проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства и возможные пути их разрешения [Текст] / А.В. Яшин // Вестник Пензенского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 45–51.

445. *Яшин, А.В.* Нравственно-культурные недостатки общества как одна из проблем предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Право и образование. – 2012. – № 7. – С. 140–146.

446. *Яшин, А.В.* Особенности детерминации преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Закон и право. – 2015. – № 3. – С. 94 –97.

447. *Яшин, А.В.* Преступления против участников уголовного судопроизводства как собирательное криминологическое понятие [Текст] / А.В. Яшин // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2018. – № 2. – С. 315–318.

448. *Яшин, А.В.* Причины и условия совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Юридические науки». – 2017. – № 1. – С. 61–69.

449. *Яшин, А.В.* Проблемы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства уголовно-правовыми средствами [Текст] / А.В. Яшин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2015. – № 3. – С. 58–66.

450. *Яшин, А.В.* Противодействие преступлениям против участников уголовного судопроизводства криминалистическими и оперативно-розыскными средствами [Текст] / А.В. Яшин // Успехи современного естествознания. – 2015. – № 1. – Ч. 2. – С. 320–324.

451. *Яшин, А.В.* Роль уровня правовой культуры личности в профилактике постпреступного воздействия на участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Современное право. – 2011. – № 5. – С. 123–126.

452. *Яшин, А.В.* Теоретическая модель системы предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2014. – № 1. – С. 216–221.

453. *Яшин, А.В.* Типология жертв преступлений – участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Современное право. – 2011. – № 6. – С. 126– 128.

454. *Яшин, А.В.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств по уголовному делу как средство защиты участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Закон и право. – 2011. – № 6. – С. 64–66.

455. *Яшин, А.В.* Участники уголовного судопроизводства как потенциальные жертвы преступлений [Текст] / А.В. Яшин // Современное право. – 2017. – № 12. – С. 113–117.

456. *Яшин, А.В.* Формирование мотивов совершения преступлений против участников уголовного судопроизводства [Текст] / А.В. Яшин // Бизнес в законе. – 2010. – № 3. – С. 172–174.

Справочные издания

457. Большая советская энциклопедия: в 30 т. – 3-е изд. / гл. ред. А.М. Прохоров – М.: Советская энциклопедия, 1969–1978. – Т. 30. – М., 1978. – 623 с.

458. Большой словарь иностранных слов / сот. Т.Л. Федорова. – М.: Лад-Ком, 2008. – 704 с.

459. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: ИНФРА-М, 2008. – 858 с.

460. Большой юридический словарь / под ред. А.Я. Сухарева, В.Е. Крутских. – М.: ИНФРА-М, 2003. – 704 с.

461. *Губский, Е.Ф.* Философский энциклопедический словарь [Текст] / Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 576 с.

462. *Даль, В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – Т. 2. [Текст] / В.И. Даль. – М.: Русский язык, 1955. – 812 с.

463. *Евгеньева А.П.* Словарь синонимов русского языка: справочное пособие [Текст] / А.П. Евгеньева. – Л.: Наука, 1975. – 648 с.

464. Комплексный словарь русского языка / под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Русский язык, 2001. – 1229 с.

465. Новый энциклопедический словарь / гл. ред. А.П. Горкин. – М.: Большая российская энциклопедия, 2000. – 1456 с.

466. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1991. – 650 с.

467. *Ожегов, С.И.* Словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов. – М.: Просвещение, 1987. – 242 с.

468. *Ожегов, С.И.* Толковый словарь русского языка [Текст] / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азъ, 1993. – 960 с.

469. Словарь иностранных слов / под ред. В.В. Иванова. – М.: Просвещение, 1982. – 384 с.

470. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1998. – Т. 2. – 736 с.

471. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1983. – Т. 3. – 752 с.

472. Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. – М.: Русский язык, 1998. – Т. 4. – 796 с.

473. Словарь по этике / под ред. А.А. Гусейнова и И.С. Кона. – М.: Политиздат, 1989. – 448 с.

474. Словарь синонимов: справочное издание / под ред. А.П. Евгеньевой. – Л.: Наука, 1975. – 648 с.

475. Социологический энциклопедический словарь / под ред. Г.В. Осипова. – М.: ИНФРА-М, НОРМА, 1998. – 488 с.

476. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1939. – Т. 3. – 1423 с.

477. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1940. – Т. 4. – 1499 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

478. *Абельцев, С.Н.* Корысть и насилие тяжких преступлений против личности: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.Н. Абельцев. – М., 1997. – 178 с.

479. *Акрамходжаев, Б.Т.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего на предварительном следствии: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Б.Т. Акрамходжаев. – М., 1992. – 202 с.

480. *Аксенов, Ю.А.* Криминологический анализ и предупреждение преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Аксенов. – СПб., 2004. – 161 с.

481. *Байниязов, Р.С.* Проблемы правосознания в современном российском обществе: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Р.С. Байниязов. – Саратов, 1999. – 163 с.

482. *Блинов, А.Г.* Учение об уголовно-правовой охране прав и свобод пациента: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.Г. Блинов. – Саратов, 2014. – 561 с.

483. *Бобраков, И.А.* Охрана участников уголовного судопроизводства: криминологические и уголовно-правовые основы: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / И.А. Бобраков. – М., 2005. – 342 с.

484. *Боер, А.Л.* Месть в мотивационной структуре преступного поведения (Криминологический и уголовно-правовой аспекты): дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.Л. Боер. – СПб., 2002. – 228 с.

485. *Боков, А.В.* Криминологические основы управления деятельностью органов внутренних дел по борьбе с преступностью и обеспечению безопасности граждан: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.В. Боков. – М., 2004. – 334 с.

486. *Боровикова, В.В.* Проблемы освещения преступности в средствах массовой информации и профилактическая деятельность органов внутренних дел: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.В. Боровикова. – М., 2002. – 222 с.

487. *Брайцева, Е.А.* Преступления, совершаемые следователями и дознавателями в системе органов внутренних дел: криминологический аспект: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Брайцева. – М., 2002. – 178 с.

488. *Брусницын, Л.В.* Теоретико-правовые основы и мировой опыт обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Л.В. Брусницын. – М., 2002. – 520 с.

489. *Бурлаков, В.Н.* Криминогенная личность и индивидуальное предупреждение преступлений: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.Н. Бурлаков. – СПб., 1998. – 46 с.

490. *Вавилова, Л.В*. Организационно-правовые проблемы защиты жертв преступлений (по материалам зарубежной практики): дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Л.В. Вавилова. – М., 1995. – 215 с.

491. *Варчук, Т.В.* Теория виктимологического моделирования и ее развитие в российской криминологической науке и практике предупреждения преступности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Т.В. Варчук. – М., 2013. – 47 с.

492. *Варыгин, А.Н.* Преступность сотрудников органов внутренних дел и проблемы воздействия на нее: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.Н. Варыгин. – Саратов, 2003. – 389 с.

493. *Волошина, О.П.* Криминологическая характеристика и предупреждение насильственных преступлений против правосудия, совершаемых в отношении свидетелей и потерпевших: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.П. Волошина. – М., 2010. – 227 с.

494. *Глуздаков, А.В.* Криминологическое исследование хулиганства и преступлений, совершенных из хулиганских побуждений: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Глуздаков. – М., 2004. – 22 с.

495. *Гордиенко, В.В.* Безопасность России в условиях глобализации (Криминологические и социально-правовые проблемы): дис. … д-ра юрид. наук. – М., 2005. – 399 с.

496. *Горшенков, Г.Г.* Антикриминальная безопасность личности: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Г.Г. Горшенков. – Ставрополь, 2009. – 58 с.

497. *Гревцов, О.В.* Уголовная политика современной России и предупреждение преступлений: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / О.В. Гревцов. – СПб., 2000. – 182 с.

498. *Денисов, С.А.* Актуальные проблемы уголовной ответственности за преступления против правосудия: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.А. Денисов. – СПб., 2002. – 310 с.

499. *Дворянсков, И.В.* Концептуальные основы уголовно-правовой охраны интересов судебной власти: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / И.В. Дворянсков. – М., 2013. – 566 с.

500. *Джекебаев, У.С.* Криминологическое изучение личности преступника и преступного поведения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / У.С. Джекебаев. – М., 1974. – 32 с.

501. *Джуманбетова, А.А.* Использование специальных знаний при установлении связи «жертва-преступник»: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Джуманбетова. – М., 2004. – 189 с.

502. *Евстратенко, Е.В.* Защита свидетелей и потерпевших в уголовном процессе России: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Евстратенко. – Челябинск, 2004. – 190 с.

503. *Епихин А.Ю.* Концепция обеспечения безопасности личности в сфере уголовного судопроизводства: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.Ю. Епихин. – Сыктывкар, 2004. – 460 с.

504. *Жариков, Е.В.* Дифференциация уголовного процесса как средство обеспечения безопасности лиц, содействующих уголовному судопроизводству: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.В. Жариков. – Барнаул, 2004. – 24 с.

505. *Задорожный, В.И.* Концептуальные основы виктимологической профилактики преступлений: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.И. Задорожный. – М., 2006. – 606 с.

506. *Зайцев О.А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного судопроизводства в Российской Федерации: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / О.А. Зайцев. – М., 1999. – 446 с.

507. *Иншаков, С.М.* Системное воздействие на преступность в вооруженных силах: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.М. Иншаков. – М., 1997. – 40 с.

508. *Кармановский, М.С.* Уголовно-правовая защита свидетелей от преступных посягательств: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.С. Кармановский. – СПб., 2011. – 194 с.

509. *Кириков, А.В.* Проблемы правового обеспечения предупреждения преступности: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Кириков. – М., 2002. – 149 с.

510. *Козлов, В.И.* Оперативно-розыскные меры противодействия криминальным угрозам правоохранительной функции государства: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.И. Козлов. – М., 2009. – 51 с.

511. *Косарев, М.И.* Уголовная ответственность за преступления, совершаемые по хулиганским мотивам: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.И. Косарев. – М., 2008. – 17 с.

512. *Костанов, Ю.А.* Краткие сроки лишения свободы и их эффективность: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Ю.А. Костанов. – М., 1979. – 23 с.

513. *Кудряшов Э.Е.* Обеспечение безопасности подозреваемых и обвиняемых от криминальных угроз в следственных изоляторах: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Э.Е. Кудряшов. – Рязань, 2011. – 220 с.

514. *Крайнов, В.И.* Особенности государственной защиты потерпевшего и свидетеля в уголовном судопроизводстве: дис. …канд. юрид. наук [Текст] / В.И. Крайнов. – М., 2008. –198 с.

515. *Круглова, Т.В.* Ревность как мотив совершения преступлений и ее уголовно-правовое значение: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Т.В. Круглова. – М., 2003. – 169 с.

516. *Курбанов, М.М.* Уголовно-правовая охрана субъектов уголовного процесса: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.М. Курбанов. – Махачкала, 2001. – 259 с.

517. *Лобанова, Л.В.* Преступления против правосудия: проблемы классификации посягательств, регламентации и дифференциации ответственности: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Л.В. Лобанова. – Казань, 2000. – 305 с.

518. *Майборода, В.А.* Уголовная ответственность за фальсификацию доказательств: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.А. Майборода. – Ставрополь, 2004. – 163 с.

519. *Максимов, С.В.* Эффективность общего предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / С.В. Максимов. – М., 1992. – 396 с.

520. *Максимова, И.М.* Правосознание как источник правового поведения личности: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / И.М. Максимова. – Тамбов, 2005. – 181 с.

521. *Мальцева Н.В.* Правовое регулирование обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей из числа осужденных к лишению свободы: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.В. Мальцев. – Рязань, 2007. – 230 с.

522. *Мартыненко, Н.Э.* Уголовно-правовая охрана потерпевшего: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Н.Э. Мартыненко. – М., 2015. – 508 с.

523. *Марченко, С.Л.* Обеспечение безопасности участников уголовного процесса: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.Л. Марченко. – М., 1994. – 24 с.

524. *Матюнин, А.Ф.* Криминологический анализ и предупреждение хулиганства: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.Ф. Матюнин. – М., 2000. – 201 с.

525. *Махтаев, М.Ш.* Проблемы криминалистического предупреждения преступлений: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / М.Ш. Махтаев. – М., 2001. – 472 с.

526. *Миндагулов, А.Х.* Научные основы управления в сфере профилактики преступлений: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / А.Х. Миндагулов. – М., 1990. – 476 с.

527. *Миронова, Е.А.* Поведение преступника: криминалистический и процессуальный аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.А. Миронова. – М., 1997. – 32 с.

528. *Мухин, Г.Н.* Криминалистическая теория отклоняющегося преступного поведения: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Г.Н. Мухин. – Минск, 2002. – 37 с.

529. *Нарбутаев, Э.Х.* Проблемы эффективности правовых мер борьбы с преступностью (теория и практика): дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Э.Х. Нарбутаев. – Ташкент, 1991. – 468 с.

530. *Новикова, М.В.* Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства как гарантия осуществления правосудия в современных условиях: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.В. Новикова. – Екатеринбург, 2006. – 234 с.

531. *Номоконов, В.А.* Преступное поведение: (Механизм детерминации, причины, ответственность): дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / В.А. Номоконов. – Владивосток, 1991. – 352 с.

532. *Пантелеев, В.А.* Организация деятельности правоохранительных органов по предупреждению преступности в России и за рубежом: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.А. Пантелеев. – М., 2003. – 191 с.

533. *Пастушеня, А.Н.* Криминогенная сущность личности преступника (психологический аспект): дис. … д-ра психол. наук [Текст] / А.Н. Пастушеня. – М., 2000. – 551 с.

534. *Петрова, А.Н.* Противодействие расследованию, криминалистические и иные меры его преодоления: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.Н. Петрова. – Волгоград, 2000. – 25 с.

535. *Платошкин, Н.А.* Уголовно-правовое значение хулиганских мотивов: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Н.А. Платошкин. – М., 2007. – 192 с.

536. *Радовицкий, К.А.* Преступность в современной России: социологический анализ: дис. … канд. социол. наук [Текст] / К.А. Радовицкий. – М., 2004. – 131 с.

537. *Разгильдиев Б.Т.* Задачи уголовного права Российской Федерации и их реализация: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Б.Т. Разгильдиев. – М., 1994. – 37 с.

538. *Смирнов, Г.Г.* Проблемы развития и реализации криминологического учения о предупреждении преступности: дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Г.Г. Смирнов. – М., 2005. – 380 с.

539. *Султанов, Э.М.* Социальные детерминанты преступности в современной России: автореф. дис. … канд. филос. наук [Текст] / Э.М. Султанов. – Ставрополь, 2004. – 26 с.

540. *Толкаченко, А.А.* Мотив и цель воинских преступлений по советскому уголовному праву: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Толкаченко. – М., 1990. – 195 с.

541. *Томилова, О.В.* Социально-психологические условия профессионального становления молодых сотрудников органов внутренних дел: автореф. дис. … канд. психол. наук [Текст] / О.В. Томилова. – М., 2000. – 24 с.

542. *Тюменев, А.В.* Виды криминального насилия (уголовно-правовой и криминологический аспекты): дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Тюменев. – Рязань, 2002. – 216 с.

543. *Фадеева, М.П.* Теория и практика государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / М.П. Фадеева. – М., 2006. – 192 с.

544. *Франк Л.В.* Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии: автореф. дис. … д-ра юрид. наук [Текст] / Л.В. Франк // Российский криминологический взгляд. – 2006. – № 3. – С. 54–55.

545. *Хлопцева, Е.Ю.* Уголовно-правовая охрана правосудия: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / Е.Ю. Хлопцева. – Екатеринбург, 1995. – 179 с.

546. *Черненко, А.П.* Планирование профилактики правонарушений в органах внутренних дел: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.П. Черненко. – М., 2002. – 26 с.

547. *Шапакидзе, В.Я.* Обеспечение процессуальной безопасности частных лиц в досудебном уголовном производстве: автореф. дис. … канд. юрид. наук [Текст] / В.Я. Шапакидзе. – Волгоград, 2002. – 28 с.

548. *Ширитов, А.*Б. Государственная защита участников уголовного судопроизводства: проблемы уголовно-процессуального регулирования: дис. … канд. юрид. наук. – Краснодар, 2011. – 215 с.

549. *Юнусов, А.А.* Обережение участников уголовного процесса и их ближних: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.А. Юнусов. – Н. Новгород, 1998. – 168 с.

550. *Янин, С.А.* Правовые и организационно-тактические проблемы государственной защиты лиц, содействующих уголовному судопроизводству, на стадии предварительного расследования: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / С.А. Янин. – Волгоград, 2005. – 189 с.

551. *Яшин, А.В.* Постпреступное поведение: дис. … канд. юрид. наук [Текст] / А.В. Яшин. – Саратов, 2005. – 197 с.

Иностранные источники

552. *Austin, J.* Projecting the future of corrections // Crime and Delinquency. – 1992. – Vol. 38. – No 3. – P. 285–308.

553. *Distefano, J.J., Stubberud, I.J.* Feedback and Control Systems. – New York, 1967. – 371 p.

554. *Кісіль, З.Р.* Корупційні дії як передумова виникнення професійної деформації працівників міліції // Кримінальний кодекс України 2001 р.: проблеми застосування і перспективи удосконалення: Матеріали міжнародної науково-практичної конференції 13–15 квітня 2007 р.: у 2 ч. – Ч. 2. – Львів: Львівський державний університет внутрішніх справ, 2007. – С. 69–72.

555. *Klir, G.J.* An Approach to General Systems Theory. – New York, 1969. – 323 p.

556. *Куций, О.А.* Доміруючі соціально-психологічні чинники професійної деформації у працівників ОВС // Науковий вісник Львівського державного університету внутрішніх справ. – 2011. – № 1. – С. 81–93.

557. *Laitinen, A.* The Problem of Controlling Organizational Crime // Social Changes, Crime and Police (International Conference). – Budapest, 1993. – P. 130–137.

558. *Lilly, R.* Selling Justice: Electronic Monitoring and the Security Industry // Justice Quarterly. – 1992. – № 9. – P. 493–504.

559. *Pomorsky, S.* Reflections on the First Criminal Code of Post-Communist Russia // American Journal of Comparative Law, 1998. – № 46-2. – P. 375–393.

560. *Van Dijk, J.* Experiences of Crime across the World. – Boston, 1991. –237 p.

561. *Vormbaum, T.* Der strafrechtliche Schutz des Strafurteils. Untersuchungen zum Strafrechtsschutz des strafprozessualen Verlarenzieles. – Berlin, 1987.

562. *Waller, I.* Victims versus Regina Malefactor: Justice for the Next 100 Years // Criminal Law in Action. – Anthem, 1987. – P. 421–422.

563. *Wells, B.* The Law of Testimony in the Pentateuchal Codes. – Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 2004. – 226 p.

Материалы юридической практики

564. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (с изм. и доп. от 3 ноября 2016 г. № 41) «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 8. – С. 3–16; 2017. – № 1. – С. 3–8.

565. Кассационное определение по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2006 г. № 56-005-94 [Электронный ресурс]. Доступ и справ.-правовой системы «Гарант».

566. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 января 2003 г. № 51-кпо02-102 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

567. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 9 апреля 2007. № 13-О07-6 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

568. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 марта 2003 г. № 53-о02-129 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

569. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 28 марта 2006 г. № 81-О06-9 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

570. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 сентября 2008 г. № 5-о08-167 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой ситемы «КонсультантПлюс».

571. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24 декабря 2002 г. № КАС02-611 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

572. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 февраля 2006 г. № 60-о05-8сп [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

573. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 мая 2002 г. № 31-о02-19 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

574. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 июля 2006 г. № 11-о06-47 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

575. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 2 июля 2007 г. № 35-О07-28 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

576. Постановление Европейского суда по правам человека. Дело «Маслова и Налбандов (Maslova and Nalbandov) против Российской Федерации» (Жалоба № 839/02) от 24 января 2008 года [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

577. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 16 марта 2005 г. № 602п2004 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

578. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 17 января 2007 г. № 748-П06 (Извлечение) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

579. Уголовное дело № 1-58/2011 // Архив Заводского районного суда г. Саратова.

580. Уголовное дело № 1-220/2011 // Архив суда Ленинск-Кузнецкого района Кемеровской области.

581. Уголовное дело № 2-22/2011 // Архив Верховного суда Республики Марий Эл.

582. Уголовное дело № 2-50/2014 // Архив Новосибирского областного суда.

583. Уголовное дело № 2-72/2011 // Архив Московского областного суда.

Интернет-ресурсы

584. Житель Новокузнецкого района осужден за поджог хозяйственного блока с находившимися в нем животными // Официальный сайт ГУ МВД России по Кемеровской области. URL: https://42.мвд.рф/news/item/9220485 (дата обращения: 31.08.2017).

585. Жителя Минвод будут судить за нападение на следователя. URL: http:// www.yuga.ru/news/244440/ (дата обращения: 04.03.2012).

586. Заседание коллегии Генеральной прокуратуры Российской Федерации // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/54035 (дата обращения: 21.08.2017).

587. Интервью начальника УОГЗ МВД России Александра Лебедева. URL: http://мвд.рф/mvd/structure1/Upravlenija/Upravlenie_po_obespecheniju_ bezopasnosti/Publikacii_i_vistuplenija/item/854578/ (дата обращения: 16.06.2017).

588. Материалы брифинга 19 января 2006 г. в МВД России по вопросам государственной защиты потерпевших, свидетелей и других участников уголовного судопроизводства. URL: http://www.mvd.ru/index.php? newsid= 7083 (дата обращения: 01.02.2010).

589. Очередное нападение на полицейских в Дагестане: 1 погибший, 5 раненых. URL: http://top.rbc.ru/incidents/09/12/2011/629082.shtml (дата обращения: 04.03.2012).

590. Ранее судимый биробиджанец признан виновным в совершении насильственных половых преступлений и причинении тяжкого вреда здоровью.

Официальный сайт СУ СК РФ по Еврейской автономной области. URL: http://eao.sledcom.ru/news/item/1053409 (дата обращения: 30.08.2017).

591. Уголовный кодекс Австрии. URL: http://crimpravo.ru/page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

592. Уголовный кодекс Республики Корея. URL: http://crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

593. Уголовный кодекс Республики Польша. URL: http://crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

594. Уголовный кодекс Республики Сан-Марино. URL: http:// crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

595. Уголовный кодекс Республики Таджикистан. URL: http://online.zakon.kz/ Document/?doc_id=30397325#pos=4;-145 (дата обращения: 04.02.2018).

596. Уголовный кодекс Республики Узбекистан. URL: http:// crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

597. Уголовный кодекс Тайланда. URL: http://crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

598. Уголовный кодекс Франции. URL: http://crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

599. Уголовный кодекс Швеции. URL: http://crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

600. Уголовный кодекс Японии. URL: http://crimpravo.ru /page/zar-uk (дата обращения: 10.02.2018).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Анкета с результатами социологического опроса осужденных

Респонденты: 875 осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей, а также осужденные к наказаниям, не связанным с лишением свободы, состоящие на учете в УИИ тех же субъектов Российской Федерации.

Цель анкетирования — выяснить основные характеристики личности преступника, посягающего на права, свободы и законные интересы участников уголовного судопроизводства.

Нами проводится исследование, направленное на изучение преступлений против участников уголовного судопроизводства. Просим Вас высказать свое мнение по изложенным в анкете вопросам. Этим Вы окажете существенную помощь в решении имеющихся проблем, подготовке научных и практических рекомендаций.

Правила заполнения анкеты:

На каждый вопрос даются возможные варианты ответов. Внимательно прочтите вопросы и ответы и при заполнении анкеты отметьте варианты своих ответов. Если для ответа оставлено свободное поле, то изложите свое мнение.

Заранее благодарим Вас за помощь в исследовании.

---

1. Пол:

А) мужской (794; 90,7%)*

Б) женский (81; 9,3%).

2. Возраст на момент совершения преступления:

А) 14–15 лет (10; 1,1%)

Б) 16–17 лет (61; 7,0%)

В) 18–24 года (169; 19,3%)

---

* Здесь и далее цифрами указано число осужденных, ответивших на данный вопрос, и их удельный вес от общего числа опрошенных лиц, если в ответах нет иного варианта.

Г) 25–29 лет (171; 19,5%)

Д) 30–49 лет (422; 48,2%)

Е) 50 лет и старше (42; 4,8%).

3. Образование:

А) начальное и основное общее (141, 16,1%)

Б) среднее (полное) общее (404; 46,2%)

В) среднее профессиональное (226; 25,8%)

Г) высшее профессиональное (104; 11,9%).

4. Социальный статус на момент совершения преступления:

А) рабочий (159; 18,2%)

Б) служащий (142; 16,2%)

В) работник сельского хозяйства (27; 3,1%)

Г) индивидуальный предприниматель (21; 2,4%)

Д) учащийся (52; 5,9%)

Е) студент (49; 5,6%)

Ж) без постоянного источника доходов (371; 42,4%).

5. Совершил преступление:

А) в состоянии опьянения (106; 12,1%)

Б) был трезвым (769; 87,9%).

6. Совершали ли ранее преступления:

А) да (461; 52,7%)

Б) нет (414; 47,3%).

7. Совершили Вы преступление:

А) в одиночку (704; 89,6%)

Б) в составе группы лиц (91; 10,4%).

8. Совершали ли Вы когда-либо преступления против участников уголовного судопроизводства:

А) да (235; 26,9%)

Б) нет (640; 73,1%)

9. Если нет, по какой причине:

А) опасались привлечения к уголовной ответственности (129; 20,2%)[1]

Б) не желали нарушать закон (19; 3,0%)

В) опасались мести с их стороны либо со стороны родственников, сослуживцев (248; 38,8%)

Г) вследствие эффективной защиты указанных лиц (47; 7,3%)

Д) иное (197; 30,7%).

10. Если да, то в отношении кого совершали преступления:

А) судьи (9; 3,8%)[2]

Б) присяжного заседателя (3; 1,3%)

В) прокурора (6; 2,6%)

Г) следователя (13; 5,5%)

Д) руководителя следственного органа (3; 1,3%)

Е) начальника подразделения дознания (2; 0,8%)

Ж) дознавателя, должностного лица органа дознания (17; 7,2%)

З) потерпевшего или его представителей (28; 11,9%)

И) частного обвинителя (7; 3,0%)

К) гражданского истца, гражданского ответчика или их представителей (2; 0,8%)

Л) подозреваемого (29; 12,3%)

М) обвиняемого (14; 6,0%)

Н) законных представителей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых (7; 3,0%)

О) защитника (19; 8,1%)

П) свидетеля (50; 21,3%)

Р) эксперта (7; 3,0%)

С) специалиста (5; 2,1%)

---

[1] Рассчитан процент от числа лиц, не совершавших преступления против участников уголовного судопроизводства.

[2] Здесь и далее рассчитан процент от числа лиц, совершавших преступления против участников уголовного судопроизводства.

Т) переводчика (4; 1,7%)

У) понятого (10; 4,3%).

11. Если да, то каков характер преступлений:

А) посягательство на жизнь (11; 4,7%)

Б) побои, причинение вреда здоровью (54; 23,0%)

В) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (33; 14,0%)

Г) похищение человека, незаконное лишение свободы или незаконное помещение в психиатрический стационар (0; 0,0%)

Д) клевета (14; 6,0%)

Е) изнасилование либо иные половые преступления (1; 0,4%)

Ж) кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (19; 8,1%)

З) мошенничество, вымогательство (18; 7,7%)

И) умышленные уничтожение или повреждение имущества (12; 5,2%)

К) хулиганство (4; 1,7%)

Л) вымогательство взятки (3; 1,3%)

М) воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (11; 4,7%)

Н) принуждение к даче показаний со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание (6; 2,6%)

О) подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (9; 3,9%)

П) подкуп и принуждение к даче ложного заключения (для экспертов и специалистов) (7; 3,0%)

Р) подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия (для понятого) (9; 3,9%);

С) подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании (для частного обвинителя) (8; 3,4%)

Т) иные (16; 6,8%).

12. Где было совершено преступление:

А) на улице, в парке, в лесу, в сквере и других открытых местах (106; 45,2%)

Б) в жилище потерпевшего (19; 8,1%)

В) в Вашем жилище или Ваших родственников (8; 3,4%)

Г) в помещении суда или правоохранительного органа (55; 23,4%)

Д) иное (47; 20,0%).

13. Находились ли Вы в состоянии алкогольного опьянения:

А) да (31; 13,2%)

Б) нет (204; 86,8%).

14. Какие цели Вы преследовали и какими мотивами руководствовались:

А) воспрепятствовать осуществлению предварительного расследования и (или) правосудия (48; 20,4%)

Б) стремление улучшить служебные показатели (7; 3,0%)

В) карьеризм (3; 1,3%)

Г) пресечение правонарушений и преступлений (2; 0,8%)

Д) корыстные побуждения (38; 16,2%)

Е) сексуальные побуждения (1; 0,4%)

Ж) хулиганские побуждения (4; 1,7%)

З) стремление скрыть другое преступление, избежать уголовной ответственности за его совершение или смягчить ее (14; 6,0%)

И) оказать помощь соучастникам избежать уголовной ответственности (17; 7,2%)

К) желание отомстить кому-либо (71; 36,2%)

Л) желание завоевать авторитет среди друзей и знакомых (11; 4,7%)

М) иные (5; 2,1%), в данном ответе осужденные привели такие цели и мотивы, как личная неприязнь, мотив национальной ненависти

15. Планировали ли Вы заранее совершить такое преступление:

А) да (162; 68,9%)

Б) нет (73; 31,1%).

Приложение 2

Анкета с результатами социологического опроса

участников уголовного судопроизводства

Респонденты: 1376 различных участников уголовного судопроизводства, проживающих в Камчатском крае, Московской, Пензенской и Тамбовской областях, Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах

Цель анкетирования — выяснить основные характеристики преступлений, совершаемых в отношении участников уголовного судопроизводства.

Нами проводится исследование, направленное на разработку мер предупреждения преступлений против участников уголовного судопроизводства. Просим Вас высказать свое мнение по изложенным в анкете вопросам. Этим Вы окажете существенную помощь в решении имеющихся проблем, подготовке научных и практических рекомендаций.

Правила заполнения анкеты:

На каждый вопрос даются возможные варианты ответов. Внимательно прочтите вопросы и ответы и при заполнении анкеты отметьте варианты своих ответов. Если для ответа оставлено свободной поле, то изложите свое мнение.

Заранее благодарим Вас за помощь в исследовании.

---

1. Ваш процессуальный статус:

А) судья (88; 6,4%)*

Б) присяжный заседатель (48; 3,5%)

В) прокурор (60; 4,4%)

Г) следователь (144; 10,5%)

Д) руководитель следственного органа (60; 4,4%)

Е) начальник подразделения дознания (52; 3,8%)

Ж) дознаватель, должностное лицо органа дознания (156; 11,3%)

З) потерпевший (90; 6,5%)

---

*Здесь и далее цифрами указано число участников уголовного судопроизводства, ответивших на данный вопрос, и их удельный вес от общего числа опрошенных лиц, если в ответах нет иного варианта.

И) частный обвинитель (54; 3,9%)

К) гражданский истец (20; 1,5%)

Л) представитель потерпевшего, гражданского истца или частного обвинителя (36; 2,6%)

М) подозреваемый (102; 7,4%)

Н) обвиняемый (66; 4,8%)

О) законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (40; 2,9%)

П) защитник – адвокат либо близкий родственник обвиняемого или иное лицо в соответствии со ст. 49 УПК РФ (78; 5,7%)

Р) гражданский ответчик (14; 1,0%)

С) представитель гражданского ответчика (14; 1,0%)

Т) свидетель (102; 7,4%)

У) переводчик (24; 1,7%)

Ф) понятой (46; 3,3%)

Х) эксперт (44; 3,2%)

Ц) специалист (38; 2,8%).

2. Пол:

А) мужской (656; 47,7%)

Б) женский (720; 52,3%).

3. Возраст

А) 14–17 лет (82; 6,0%)

Б) 18–29 лет (262; 19,0%)

В) 30–39 лет (612; 44,5%)

Г) 40–49 лет (182; 13,2%)

Д) 50 лет и более (238; 17,3%).

4. Стаж в занимаемой должности (для лиц, указанных в подп. А–Ж п. 1):

А) до 1 года (208; 34,2%)[1]

Б) 1–5 лет (244; 40,1%)

В) 6–10 лет (98; 16,1%)

---

[1] Рассчитан процент от количества лиц, указанных в подп. А–Ж п. 1.

Г) 11–15 лет (38; 6,3%)

Д) 16 лет и старше (20; 3,3%).

5. Впервые участвуете в уголовном судопроизводстве (для лиц, указанных в подп. З–Ц п. 1):

А) да (261; 68,0%)[1]

Б) нет (123; (32,0%).

6. Совершались ли в отношении Вас преступления в связи с участием в уголовном процессе:

А) да (544; 39,5%)

Б) нет (832; 60,5%).

7. Если да, то какие именно и в каком количестве:

А) посягательство на жизнь (28[2]; 5,1%)[3]

Б) побои, причинение вреда здоровью (122; 22,4%)

В) угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (76; 14,0%)

Г) похищение, незаконное лишение свободы или незаконное помещение в психиатрический стационар (1%; 0,2%)

Д) клевета (37; 6,8%)

Е) преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности (5; 0,9%)

Ж) кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (40; 7,4%)

З) мошенничество, вымогательство (35; 6,4%)

И) умышленные уничтожение или повреждение имущества (46; 8,5%)

К) хулиганство (11; 2,0%)

Л) вымогательство взятки (10; 1,8%)

---

[1] Рассчитан процент от количества лиц, указанных в подп. З–Ц п. 1.

[2] Здесь и далее в п. 7 указано общее число преступных посягательств в зависимости от количества их совершения в отношении конкретного участника уголовного судопроизводства.

[3] Рассчитан процент от числа лиц, в отношении которых совершались преступления.

М) воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (23; 4,2%)

Н) неуважение к суду (6; 1,1%)

О) незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (0; 0,0%)

П) принуждение к даче показаний со стороны следователя или лица, производящего дознание, а равно другого лица с ведома или молчаливого согласия следователя или лица, производящего дознание (24; 4,4%)

Р) подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (21; 3,9%)

С) подкуп и принуждение к даче ложного заключения (в отношении экспертов и специалистов) (14; 2,6%)

Т) подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия (в отношении понятого) (20; 3,7%)

У) подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании (в отношении частного обвинителя) (11; 2,0%)

Ф) иные (14; 2,6%).

8. Какие цели преследовали лица, совершающие в отношении Вас данные преступления:

А) воспрепятствовать осуществлению предварительного расследования и (или) правосудия (135; 24,8%).

Б) иные (409; 75,2%).

9. Если да, то где было совершено преступление:

А) на улице, в парке, в лесу, в сквере и других открытых местах (180; 33,1%)[1]

Б) в жилище преступника (46; 8,5%)

В) в Вашем жилище или Ваших родственников (122; 22,4%)

---

[1] Рассчитан процент от числа лиц, в отношении которых совершались преступления.

Г) в помещении суда или правоохранительного органа (188; 34,6%)

Д) иное (8; 1,4%).

10. Заявляли ли Вы о совершении указанных преступлений в правоохранительные органы:

А) да (304; 55,9%)

Б) нет (240; 44,1%).

11. Если да, то какое решение было принято:

А) о возбуждении уголовного дела (231; 76,0%)[1]

Б) об отказе в возбуждении уголовного дела (73; 24,0%).

12. Если нет, то по какой причине:

А) неверие в реальную защиту от преступных посягательств (72; 30,0%)[2]

Б) страх перед дальнейшими действиями преступника (52; 21,7%)

В) нежелание факта огласки преступного посягательства (96; 40,0%)

Г) иное (20; 8,3%).

13. Применялись ли в отношении Вас меры безопасности:

А) да (190; 62,5%)[3]

Б) нет (114; 37,5%).

14. Если да, то какие:

А) личная охрана (14; 7,4%)[4]

Б) охрана жилища и имущества (94; 49,5%)

В) выдача оружия, специальных средств индивидуальной защиты и оповещения об опасности (55; 28,9%)

Г) временное помещение в безопасное место (21; 11,1%)

Д) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице (4; 2,1%)

Е) перевод на другую работу (службу), изменение места работы (службы) или учебы (0; 0,0%)

---

[1] Рассчитан процент от числа лиц, заявивших о совершении преступления.

[2] Рассчитан процент от числа лиц, на заявлявших о совершении преступления.

[3] Рассчитан процент от числа лиц, заявивших о совершении преступления.

[4] Рассчитан процент о числа лиц, в отношении которых применялись меры безопасности.

Ж) переселение на другое место жительства (0; 0,0%)

З) замена документов (2; 1,0%)

И) изменение внешности (0; 0,0%)

К) иные (0; 0,0%).

15. Если нет, то по какой причине:

А) не заявляли о необходимости применения в отношении Вас мер безопасности (84; 73,7%)[1]

Б) заявляли, но меры приняты не были (30; 26,3%)

В) иное (0; 0,0%).

16. Какие Вы можете предложить меры безопасности участников уголовного судопроизводства, кроме перечисленных (в том числе уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и иные, связанные с совершенствованием российского законодательства):

Большинство респондентов ответили, что необходимо навести порядок в государстве, тогда не нужно будет дополнительных мер безопасности.

17. Следует ли, на Ваш взгляд, ужесточить уголовную ответственность за совершение преступлений против участников уголовного судопроизводства

А) да (328; 23,8%)[2]

Б) нет (927; 67,4%)

В) иное (121; 8,8%).

Большинство респондентов ответили, что необходима неотвратимость наказания.

---

[1] Рассчитан процент от числа лиц, в отношении которых меры безопасности не применялись.

[2] Рассчитан процент от общего числа опрошенных лиц.

Приложение 3

Количество посягательств, совершенных в отношении опрошенных 88 судей и 48 присяжных заседателей (на основании результатов Приложения 2)

Характеристика посягательства	Процессуальный статус потерпевшего	
	судья	присяжный заседатель
Посягательство на жизнь	–	2
Побои, причинение вреда здоровью	–	–
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	–	–
Похищение человека	–	–
Клевета	–	–
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	–	–
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	2	3
Мошенничество, вымогательство	–	–
Умышленные уничтожение или повреждение имущества	2	1
Хулиганство	–	–
Вымогательство взятки	–	–
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	10	–
Неуважение к суду	6	–
Принуждение к даче показаний	–	–
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	–	–
Подкуп и принуждение к даче ложного заключения	–	–
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	–	–
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	–	–
Иные	–	–

Приложение 4

Количество посягательств, совершенных в отношении опрошенных 672 участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения (на основании результатов Приложения 2)

Характеристика посягательства	Процессуальный статус потерпевшего									
	прокурор	следователь	руководитель следственного органа	должностное лицо органа дознания	начальник подразделения дознания	дознаватель	потерпевший	частный обвинитель	гражданский истец	представители потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**	**8**	**9**	**10**	**11**
Посягательство на жизнь	2	4	–	–	–	3	3	–	–	–
Побои, причинение вреда здоровью	–	–	–	–	–	–	16	4	2	–
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	2	3	1	4	–	6	9	3	–	–
Похищение человека	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Клевета	2	7	2	1	4	3	6	1	–	–
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	4	7	1	4	–	5	4	1	–	–
Мошенничество, вымогательство	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Умышленное уничтожение или повреждение имущества	2	4	2	6	–	3	4	3	–	–
Хулиганство	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–
Вымогательство взятки	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	–	6	–	–	–	7	–	–	–	–
Неуважение к суду	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Принуждение к даче показаний	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Подкуп и принуждение к даче ложного заключения	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	–	–	–	–	–	–	–	11	–	–
Иные	–	–	–	–	–	–	5	–	–	–

Приложение 5

Количество посягательств, совершенных в отношении опрошенных 314 участников уголовного судопроизводства со стороны защиты (на основании результатов Приложения 2)

Характеристика посягательства	Процессуальный статус потерпевшего					
	подозреваемый	обвиняемый	законный представитель несовершеннолетнего подозреваемого и (или) обвиняемого	защитник	гражданский ответчик	представитель гражданского ответчика
1	**2**	**3**	**4**	**5**	**6**	**7**
Посягательство на жизнь	3	–	–	1	–	–
Побои, причинение вреда здоровью	21	13	–	6	–	–
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	4	6	7	14	–	–
Похищение человека	–	–	–	–	–	–
Клевета	–	–	–	4	–	–
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	–	–	–	–	–	–
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	–	–	–	2	–	–
Мошенничество, вымогательство	17	11	5	2	–	–
Умышленное уничтожение или повреждение имущества	2	3	5	9	–	–
Хулиганство	–	–	–	3	–	–
Вымогательство взятки	7	3	–	–	–	–
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	–	–	–	–	–	–
Неуважение к суду	–	–	–	–	–	–

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7
Принуждение к даче показаний	17	7	–	–	–	–
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	–	–	–	–	–	–
Подкуп и принуждение к даче ложного заключения	–	–	–	–	–	–
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	–	–	–	–	–	–
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	–	–	–	–	–	–
Иные	2	2	1	3	-	-

Приложение 6

Количество посягательств, совершенных в отношении опрошенных 254 иных участников уголовного судопроизводства (на основании результатов Приложения 2)

Характеристика посягательства	Процессуальный статус потерпевшего				
	свидетель	эксперт	специалист	переводчик	понятой
Посягательство на жизнь	10	–	–	–	–
Побои, причинение вреда здоровью	44	–	–	2	14
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью	12	–	–	–	5
Похищение человека	–	–	–	–	–
Клевета	3	–	–	2	2
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	2	–	–	–	–
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	3	–	–	1	3
Мошенничество, вымогательство	–	–	–	–	–
Умышленные уничтожение или повреждение имущества	–	–	–	–	–
Хулиганство	5	–	–	–	–
Вымогательство взятки	-	–	–	–	–
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	-	–	–	–	–
Неуважение к суду	-	–	–	–	–
Принуждение к даче показаний	-	–	–	–	–
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	14	–	–	3	–
Подкуп и принуждение к даче ложного заключения	–	14	–	–	–
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	–	–	–	–	20
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	–	–	–	–	–
Иные	5	–	–	–	–

Приложение 7

Количество конкретных посягательств, совершенных в отношении опрошенных участников уголовного судопроизводства (на основании результатов Приложения 2)

Характеристика посягательства	Количество посягательств	
	Абсолютное значение	Удельный вес, %
Посягательство на жизнь	28	5,1
Побои, причинение вреда здоровью	122	22,4
Угроза убийством или причинением вреда здоровью	75	13,8
Похищение человека	1	0,2
Клевета	37	6,8
Преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности	5	0,9
Кража, грабеж, разбой, неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения	40	7,4
Мошенничество, вымогательство	35	6,4
Умышленные уничтожение или повреждение имущества	47	8,6
Хулиганство	11	2,0
Вымогательство взятки	10	1,8
Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования	23	4,2
Неуважение к суду	6	1,1
Принуждение к даче показаний	24	4,4
Подкуп или принуждение к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу	21	3,9
Подкуп и принуждение к даче ложного заключения	14	2,6
Подкуп и принуждение к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результата следственного действия	20	3,7
Подкуп или принуждение с целью поддержания частного обвинения или отказу в его поддержании	11	2,0
Иные	14	2,6

Приложение 8

Анкета с результатами социологического опроса сотрудников правоохранительных органов

Респонденты: 172 сотрудника оперативных и следственных подразделений правоохранительных органов Республики Дагестан, Московской, Пензенской, Саратовской и Тамбовской областей.

Цель анкетирования — выяснить отношение сотрудников правоохранительных органов к пропаганде среди населения поощрительных норм уголовного законодательства.

УВАЖАЕМЫЙ КОЛЛЕГА!

Нами проводится исследование, направленное на разработку рекомендаций по предупреждению преступлений против участников уголовного судопроизводства. Просим Вас высказать свое мнение по изложенным в анкете вопросам. Этим Вы окажете существенную помощь в решении имеющихся проблем, подготовке научных и практических рекомендаций.

Заранее благодарим Вас за помощь в исследовании.

---

1. Ваш стаж в занимаемой должности:

А) до 1 года (3; 1,7 %)

Б) от 1 года до 5 лет (109; 63,4 %)

В) от 6 до 10 лет (38; 22,1 %)

Г) от 11 до 20 лет (22; 12,8 %)

Д) более 20 лет (0; 0,0 %).

2. Применяли ли Вы на практике имеющиеся в уголовном законодательстве «поощрительные» нормы, регламентирующие освобождение от уголовной ответственности и наказания лица, совершившего то или иное преступление?

А) да (95; 55,2 %)

Б) нет (77; 44,8 %).

3. Приходилось ли Вам пропагандировать существование таких норм среди граждан при рассмотрении материалов о совершенном преступлении и расследовании уголовных дел?

А) да (87; 50, 6 %)

Б) нет (85; 49,4 %).

4. Приходилось ли Вам пропагандировать существование таких норм через средства массовой информации?

А) да (4; 2,3 %)

Б) нет (168; 97,7 %).

5. Следует ли, на Ваш взгляд, объявлять о назначении вознаграждения гражданам за помощь не только в раскрытии преступлений, но и в их предупреждении?

А) да (172; 100,0 %)

Б) нет (0; 0,0 %).

6. Как Вы считаете, возможно ли освобождение от уголовной ответственности лиц из числа членов преступной группы, совершивших противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, не только активно способствовавших раскрытию преступлений, но и их предупреждению?

А) да (141; 82,0 %)

Б) нет (31; 18,0 %).

Приложение 9

Анкета социологического опроса
участников уголовного судопроизводства
(образец)

Уважаемый респондент!

Нами проводится исследование, направленное на определение эффективности обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства. Просим Вас высказать свое мнение по изложенным в анкете вопросам. Этим Вы окажете существенную помощь в решении имеющихся проблем, подготовке научных и практических рекомендаций.

Правила заполнения анкеты:

На каждый вопрос даются возможные варианты ответов. Внимательно прочтите вопросы и ответы, и при заполнении анкеты отметьте букву одного из вариантов ответа. Если после вопроса оставлено свободное поле, следует изложить свой вариант ответа в письменном виде.

Заранее благодарим Вас за помощь в исследовании!

---

1. Укажите Ваш процессуальный статус _____
_____

2. Пол:

а) мужской

б) женский

3. Возраст:

а) 14-17 лет

б) 18-29 лет

в) 30-39 лет

г) 40-49 лет

д) 50 лет и более

6. Осуществлялись ли в отношении Вас преступные посягательства либо угрозы в связи с участием в уголовном судопроизводстве:

а) да

б) нет

7. Если да, то какого характера _____

_____

8. Заявляли ли Вы в правоохранительные органы ходатайства о применении к Вам мер безопасности:

а) да

б) нет

9. Если нет, укажите причину _____

_____

10. Если да, то какие меры безопасности применялись:

а) личная охрана, охрана жилища и имущества

б) выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности

в) обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице

г) переселение на другое место жительства

д) замена документов

е) изменение внешности

ж) изменение места работы (службы) или учебы

з) временное помещение в безопасное место

и) иные_____

_____

11. Оцените, пожалуйста, состояние Вашей защищенности при участии в уголовном судопроизводстве:

а) очень высокое

б) высокое

в) среднее

г) низкое

д) очень низкое

е) защищенность практически отсутствует

12. Имеются ли у Вас дальнейшие основания опасаться участвовать в уголовном судопроизводстве:

а) да

б) нет

13. Если да, то с чем это связано _____

_____

14. Предложите, пожалуйста, меры, которые, на Ваш взгляд, смогли бы обеспечить более эффективную охрану и защиту участников уголовного судопроизводства от преступных посягательств _____

_____

_____

Приложение 10

Проект №

Внесен

РОССИЙСКАЯ ФЕДЕРАЦИЯ

ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН

О внесении изменений и дополнений в отдельные законодательные акты Российской Федерации

Статья 1

Внести в Уголовный кодекс Российской Федерации следующие изменения:

1) пункт «ж» части 1 статьи 63 после слов «или выполнением общественного долга» дополнить словами «либо в отношении участника уголовного судопроизводства в связи с его процессуальной деятельностью».

2) часть 2 статьи 294 после слов «в деятельность прокурора,» дополнить словами «руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

3) статью 295 после слова «прокурора,» дополнить словами «частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

4) часть 2 статьи 296 после слов «совершенное в отношении прокурора,» дополнить словами «частного обвинителя или его представителя, руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания»,;

5) часть 2 статьи 298.1 после слов «совершенное в отношении прокурора,» дополнить словами «руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания,»;

6) часть 1 статьи 302 после слов «свидетеля к даче показаний либо» дополнить словами «понятого к удостоверению факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия,»;

7) часть 2 статьи 303 изложить в следующей редакции: «Фальсификация, сокрытие, уничтожение или повреждение доказательств по уголовному делу лицом, производящим дознание, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания, следователем, руководителем следственного органа, судьей, прокурором, защитником, экспертом, специалистом или иным участником уголовного судопроизводства, имеющим право в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством представлять доказательства; отказ или уклонение соответствующего должностного лица от процессуального закрепления или приобщения доказательства к делу, – наказывается…»;

8) часть 1 статьи 309 после слов «а равно переводчика с целью осуществления им неправильного перевода» дополнить словами «или понятого в целях удостоверения не имевшего в действительности факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия»;

9) часть 2 статьи 309 после слов «переводчика к осуществлению неправильного перевода,» дополнить словами «понятого к удостоверению не имевшего в действительности факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия,».

Статья 2

Внести в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации следующие изменения и дополнения:

1) часть 1 статьи 6 дополнить пунктом 3 следующего содержания: «предупреждение преступлений»;

2) из части 3 статьи 11 исключить слова «потерпевшему, свидетелю или иным»;

3) пункт 4 части 2 статьи 38 дополнить абзацем следующего содержания: «Орган дознания обязан выполнить поручение в срок не свыше 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих длительного срока исполнения, он должен быть определен следователем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела»;

4) пункт 1.1 части 3 статьи 41 дополнить абзацем следующего содержания: «Орган дознания обязан выполнить поручение в срок не свыше 10 суток. В случае выполнения мероприятий, требующих длительного срока исполнения, он должен быть определен дознавателем с учетом обстоятельств конкретного уголовного дела»;

5) часть 9 статьи 166 после слов «при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля,» дополнить словом «понятого,»; после слов «в котором участвуют потерпевший, его представитель или свидетель» дополнить словами «либо понятой»;

6) часть 9 ст. 166 дополнить абзацем следующего содержания: «В случае если заявитель в процессе предварительного расследования будет признан потерпевшим, его представителем или окажется их близким родственником, родственником либо близким лицом, следователь, дознаватель вправе не предъявлять заявление и иные процессуальные документы, содержащие данные о личности заявителя, для ознакомления обвиняемому и его защитнику в порядке статей 217 и 225 настоящего Кодекса»;

7) часть 2 статьи 186 после слов «в отношении потерпевшего, свидетеля» дополнить словами «либо подозреваемого, обвиняемого»;

8) часть 8 статьи 193 после слов «исключающих визуальное наблюдение опознающего опознаваемым» дополнить словами «либо по фотографии или видеоизображению»;

9) часть 5 статьи 278 изложить в следующей редакции: «При необходимости обеспечения безопасности свидетеля, его близких родственников, родственников и близких лиц суд без оглашения подлинных данных о личности свидетеля вправе провести его допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, либо не вызывать его в судебное заседание и ограничиться показаниями, данными на предварительном расследовании, о чем суд выносит определение или постановление».

Статья 3

Внести в Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» следующие изменения и дополнения:

1) часть 4 статьи 18 после слов «активно способствовавшее раскрытию преступлений» дополнить словами «либо их предупреждению,»;

2) часть 5 статьи 18 после слов «в раскрытии преступлений или установлении лиц, их совершивших,», дополнить словами «а также в предупреждении преступлений,».

Статья 4

Внести в Федеральный закон «О полиции» следующие изменения и дополнения:

1) пункт 34 статьи 13 после слов «объявлять о назначении вознаграждения за помощь в раскрытии» дополнить словами «и предупреждении»;

2) пункт 35 статьи 13 после слов «и лиц, пропавших без вести» дополнить словами «либо для пропаганды среди населения уголовно-правовых норм и примечаний к ним, регламентирующих освобождение от уголовной ответственности и наказания за определенные преступления в целях предупреждения преступных деяний».